

Российская национальная библиотека
Дом Плеханова
Сектор философских проблем политики
Института философии РАН

XV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Советский Союз в геополитических условиях
1927-1941 гг.:
проблемы, цели и результаты
в области внутреннего и внешнеполитического курсов
строительства государства.
Материалы к международной конференции.

23 – 25 сентября 2022 г.

Санкт-Петербург
2022

*Российская национальная библиотека
Дом Плеханова
Сектор философских проблем политики
Института философии РАН*

XV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Советский Союз в геополитических условиях 1927-1941 гг.:
проблемы, цели и результаты в области внутреннего и внешнеполитического
курсов строительства государства.
Материалы к международной конференции.

23 – 25 сентября 2022 г.

***Санкт-Петербург
2022***

УДК 94

ББК 60.56 + 63.3(0)

В 27

Научный редактор и составитель – Т.И. Филимонова, канд. ист. наук.

Научные рецензенты – В. Н. Шевченко, докт. филос. наук, А. А. Чернобаев, докт. ист. наук, М. Б. Конашев, докт. филос. наук.

«XV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. Советский Союз в геополитических условиях 1927-1941 гг.: проблемы, цели и результаты в области внутреннего и внешнеполитического курсов строительства государства. Материалы к международной конференции. 23 – 25 сентября 2022 г. Под ред. Т.И.Филимоновой – СПб: РНБ, «Ниц Арт», 2022 - 297 стр.

В книге представлены материалы докладов специалистов в области социально-философских проблем развития общества, истории политической мысли, истории марксизма, прочитанных на международной конференции «Советский союз в геополитических условиях 1927-1941 гг.: проблемы, цели и результаты в области внутреннего и внешнеполитического курсов строительства государства», проведенной в рамках XV Плехановских чтений.

В работах анализируются общетеоретические проблемы социализма и марксизма, теоретических поисков социальных и политико-экономических практик ВКП(б) в процессе социалистического преобразования государства в конце двадцатых – начале сороковых годов XX в.; представлен анализ внешнеполитической деятельности руководства страны; оценивается актуальность реализованных стратегий и тактик в качестве необходимых условий для консолидации политических сил и гражданского общества и государств в целях сохранения государственности и выхода из современного международного кризиса.

ISBN 978-5-907615-04-5

© Российская национальная библиотека, 2022
© Авторы статей

*...ничто не делается без сознательного
намерения, без желаемой цели.*

Ф. Энгельс

XV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*«...экономическая структура общества
определяет собою его политический строй и
нравственный облик человека»*

Г.В. Плеханов

23–25 сентября 2022 г. в Доме Плеханова пройдут XV Плехановские чтения на тему «XV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. Советский союз в геополитических условиях 1927–1941 гг.: проблемы, цели и результаты в области внутреннего и внешнеполитического курсов строительства государства». Международная конференция, организаторами которой являются Российская национальная библиотека и Сектор философских проблем политики Института философии РАН, продолжает серию научных встреч, объединенных в единый цикл тезисом Г.В. Плеханова *«социализм как цель есть полное отрицание современного общества. Социализм как движение есть стремление, практическое приближение к этой цели»*¹.

Новая экономическая политика, ставшая генеральной линией социально-экономического и культурного развития страны в первые последовавшие после Гражданской войны годы, к 1926–1927 гг. доказала эффективность предпринятых мер: более чем в три раза вырос рост индекса промышленного производства, в два раза – сельскохозяйственного производства; существенно расширилось распространение товарно-денежных отношений во всех отраслях, на строительных площадках страны закладывалась базовая промышленность.

Главным итогом нэпа стало достижение Россией экономических показателей 1913 г., однако ее дальнейшее использование оказалось

---

¹ Научно-практические конференции, на которых на основе конкретно-исторического анализа и учетом действительного историко-культурного ландшафта времени предполагается рассмотреть три периода развития Советского общества (1921–1991) и формировавшейся с 1945 г. системы стран социалистического содружества:

1. «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»: Советская Россия в 1921–1927 гг.». 6–7 ноября 2020 г.

2. Советский союз в геополитических условиях 1927–1941 гг.: проблемы, цели и результаты в области внутреннего и внешнеполитического курсов строительства государства. 23-25 сентября 2022 г.

3. «Страны социалистического содружества в 1945–1991 гг.: «...Коммуна будет разбита» или «борьба...будет отсрочена»? 30 мая – 1 июня 2024 г.

невозможным как в силу исчерпанности методов, так и сочетания ряда объективных и субъективных обстоятельств, и не могло обеспечить необходимых темпов роста страны, способных обеспечить ее суверенное развитие.

Анализ ситуации, сложившейся в стране к концу двадцатых – началу сороковых годов, системы мер, предпринятых руководством для обеспечения безопасности и поступательного движения страны, представлен в материалах участников конференции, включенных в настоящий сборник.

В ряде докладов анализируются особенности развития Советского Союза в 1920-1930-е гг. Авторы отмечают, что результаты революции 1917 г. и гражданской войны 1918–1921 гг. серьезно ослабили положение России в мире, одновременно условия Версальского договора и Парижской конференции 1919–1920 гг., существенно осложнившие геополитическую ситуацию в мире, фактически оставили нашу страну вне рамок новой системы международных отношений. В этой связи В.Н. Шевченко считает, что центральной в формирующейся в 20-е годы геополитической доктрине Советского Союза явилась идея «осажденной крепости». Ее базовыми константами становятся национальная безопасность и защита суверенитета с сохранением права на собственный путь развития и опора в главном на собственные силы, исторические традиции, достижение высокого уровня автономности экономического развития и технологического суверенитета. Эти и близкие по содержанию положения и проблемы нашли отражение в совместной работе Ли Янь и В.Г. Бутова. Оправданность стремления СССР к установлению военно-политического контроля над ранее принадлежавшими ему территориями, являвшимися жизненно важными для существования и развития государства в создавшихся условиях, рассмотрена в статье В.М. Абрамчук и В.М. Крылова.

Анализу закономерностей, особенностей и противоречивых аспектов взаимоотношений СССР и отдельных стран Европы во второй половине 1920–1930-х гг. посвятили свои работы сразу несколько авторов. Так, в центре внимания Н.Н. Станкова находится история неофициальных переговоров 1926–1928 гг., проведенных полпредами СССР и Югославии, в ходе которых обсуждались вопросы признания СССР и установления официальных межгосударственных отношений; автор предпринимает попытку выявить причины, ставшие препятствиями на пути их успешного завершения.

Р.В. Костюк и Д.В. Родин, анализируя стремление Москвы заключения двусторонних соглашений о нейтралитете и ненападении с соседними государствами, указывают на значимость европейских стран для внешней политики Москвы, подчеркивают зависимость принятия решений такими странами, как Чехословакия,

балтийские государства, Финляндия, Югославия и Румыния, от характера отношений Советского Союза с нацистской Германией и ведущими западными демократиями. Тем не менее, даже ограниченный успех советской дипломатии и подписание договоров с Турцией, Германией и Литвой позволил нейтрализовать угрозу создания региональных объединений антисоветской направленности и укрепил позиции СССР на международной арене. Такие договоренности приобретали особую значимость в связи с развернувшимся в 1927 г. военно-дипломатическим кризисом англо-советских отношений, потенциально способным привести к полномасштабной войне СССР с Британией и Польшей.

В статье Л.И. Розановой основное внимание уделено проблемам развития внешнеэкономического сотрудничества в условиях нестабильной геополитики, провоцирующей нестабильность экономическую. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что в преддверии войн значимую роль играют экономические факторы. Советская Россия и Германия, сражавшиеся друг с другом на полях Первой мировой войны, сумели заключить удовлетворявшие обе стороны всеобъемлющие договоры и сотрудничали до прихода А.Гитлера к власти. Сопоставляя предвоенные периоды с сегодняшней ситуацией масштабной торговой войны против России, автор приходит к выводу о необходимости урегулирования политических разногласий дипломатическими средствами ради устойчивого развития торгово-экономического сотрудничества, поскольку войны, заканчивающиеся миром, снижают экономический потенциал великих держав лишь на восстановительный период. Мобилизация внутренних ресурсов в дальнейшем становится импульсом для их динамичного развития и выхода на мировой рынок.

Анализ военно-политического и социально-экономического развития СССР французскими официальными лицами, в том числе французской военной разведкой, приведен в работе И.Э. Магадеева. Одним из главных предстает вывод о том, экономические показатели развития стратегических отраслей производства расценивались этими лицами как стремление страны обрести самодостаточность на случай военных действий и свидетельствовали о том, насколько серьезно советское руководство оценивает возможность войны. Констатируя очевидное укрепление позиций Советского Союза, они отмечали наличие слабых, с их точки зрения, мест в обороноспособности СССР. Однако перспективы развития страны внушали официальным лицам Франции определенную тревогу Париж, что стимулировало определенное сближение в отношениях с Москвой.

В работах Р. Алонци и В.П. Любина рассмотрены вопросы установления фашистской власти в Германии и Италии, исследована роль, которую Франция, Англия, Италия и Германия сыграли в Мюнхенском

соглашении; особое внимание уделено вкладу Италии в расчленение Чехословакии. Авторы высказывают предположение о том, что существовала возможность заключения политического соглашения Италии с СССР, аналогичного советско-германскому пакту о ненападении и советско-японскому договору о нейтралитете. То, что переговоры о его подписании закончилась неудачей, сыграло свою роль в дальнейшем развитии событий во Второй мировой войне.

Р.С. Осин анализирует условия возникновения и классовую природу фашизма, его оценку Г. Димитровым, исследует исторический опыт борьбы с фашизмом Народных фронтов подвергшихся оккупации стран. Особое внимание уделено анализу решений VII Конгресса Коминтерна и выработанной им тактике Народных фронтов. Автор считает, что опыт организации Народных фронтов явился порождением исключительных условий наличия в мире социалистического государства. В современных условиях, по мнению автора, этот опыт не может быть использован коммунистами.

Историко-философский анализ подписанного 23 августа 1939 г. Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом приведен в работе С.З. Гафурова. Главной идеей, *raison d'être* исследования, является то, что Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, взятый в существовавшем контексте и состоявшихся в реальной истории событий, потенциально возможного их развития, был *крупнейшим успехом советской внешней политики*: он не только полностью ликвидировал угрозу вероятной (заведомо, по мнению многих советских военных руководителей, грозящей проигрышем) войны союза СССР, Монголии и Тувы против коалиции Польши, Германии и Японии; в Токио подписание Договора привело к политическому кризису, смене правительства и отказу от дальнейшей агрессии в Северном направлении, и это в условиях, когда контрнаступление РККА на Халхин-Голе началось только в 20-х числах августа 1939 г., практически одновременно с подписанием Договора о ненападении СССР и Германии. Автор пишет, что при оценке решения Сталина о заключении пакта с Германией нельзя упускать из виду глобальный международный контекст: мировая война летом-осенью 1939-го уже не была для СССР абстракцией: вооружённый конфликт на Халхин-Голе с Японией был в самом разгаре. Так что в Кремле должны были думать не о том, как избежать столкновения с Германией здесь и сейчас, но опасаться перспективы войны на два фронта. Заключение советско-германского договора сильно пошатнуло позиции той части японской элиты, что делала ставку на агрессию против СССР в союзе с Германией. Японцы сочли себя обманутыми и, в конечном счете, заключили с СССР пакт о нейтралитете, предпочтя выступить против Англии и США.

Проблемы состояния и укрепление вооруженных сил СССР, военно-технического и кадрового обеспечения РККА и РККФ в 1929–1941 гг. рассмотрены в докладе В.А. Поповича. Автор пишет, что в этот период Рабоче-крестьянская Красная Армия и Рабоче-крестьянский Красный Флот прошли сложный путь становления, развития и борьбы с внешними и внутренними врагами. Одновременно решались вопросы модернизации материального обеспечения армии; подбора, расстановки и обучения кадров рядового, младшего и командного состава в армии и флоте. Особое внимание уделено анализу причин и последствий, предпринятых в предвоенные годы репрессий, их влияние на итоги начального периода Великой Отечественной войны, в том числе поражений Красной Армии.

Самое значительное количество представленных материалов связано с анализом путей и методов внутривнутриполитического курса, связанного с реализацией социалистического преобразования страны, по сути, осуществления культурной революции, «великой революции» (Ли Янь., В.Г. Буров), какой она предстает в исторической ретроспективе.

Доклад названных авторов свидетельствует о серьезных коррективах в деятельности ВКП(б) в области экономики, политики, идеологии и культуры, военном деле и дипломатии, что кардинальным образом изменило характер преобразований и явилось политическим ответом партии на изменения внутренней и внешней ситуации и одновременно демонстрацией *опыта* социалистического переустройства.

Пример анализа текстов выступлений и статей И.В. Сталина, посвященных теоретическим и практическим проблемам социалистической индустриализации и коллективизации сельскохозяйственного производства в сложном контексте внутренней и международной обстановки, дан в работе З.И. Назарова.

В статье Г.А. Цветковой раскрыты особенности взглядов и убеждений И.В. Сталина относительно форм и методов вовлечения и соучастия советских людей в реализации актуальных проблем – способов, учитывавших специфику начального периода формирования новой государственности, характеризовавшегося сложными и динамичными социальными проблемами в различных сферах советского управления и аналогичных тем, что мы можем наблюдать на современном этапе развития России.

Авторы приходят к выводу, что, оценивая сегодня *историческую* роль И.В. Сталина, ее нельзя нивелировать, нельзя отрицать его вклад в процесс преобразования государства на основании допущенных им политических ошибок.

Статья О.А. Ефремова посвящена анализу советской истории 1920–1930 гг. как фрагмента отечественной модернизации. Являясь сторон-

ником концепции политарных государств, автор утверждает, что модернизация России осуществляется через процесс создания и деструкции «жестких структур», когда реставрация прежних политарных отношений выступает средством осуществления новаций, необходимых для обеспечения обороноспособности и стабильности. Утверждается, что «диктатура пролетариата» как в теории, так и на практике, выступила специфическим вариантом «диктатуры развития».

Особенности многоукладности смешанной экономики и развитие социалистических форм хозяйствования в 30-е гг. XX в. в Советском союзе рассматриваются Н.Н. Скороход в обзоре основных проблем, что изучались советскими экономистами первой трети XX в. Выделены вопросы обобществления производства, основного экономического закона, форм обмена деятельностью, определения эффективности производства и управленческих решений в многоукладной смешанной экономике начала XX в., которые оцениваются автором в качестве универсальных и актуальных для современной смешанной экономики.

В.В. Калашников анализирует задачи, особенности и итоги Первой пятилетки, демонстрируя объективную необходимость форсированного промышленного рывка с точки зрения внешней и внутренних условий развития Советского государства.

И.В. Пилипенко разбирает историю проведения денежной реформы 1922–1924 гг. в СССР и связь исследований советских экономистов с зарубежными разработками, эволюцию теории финансов СССР и функций Госбанка в связи с выполнением первых пятилетних планов. Особое внимание автором уделено дискуссиям о товарном рубле и специфике денежно-кредитной системы СССР в 1920–1930-х гг. как базы индустриализации и послевоенного развития страны.

В статье, основанной на опубликованных материалах и документах Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального государственного архива города Москвы, С.С. Войтиков разбирает так называемое «дело Лашевича» – свидетельство перехода зиновьевцев (Новой оппозиции) к нелегальным формам работы. Во многом данное дело предопределило бескомпромиссную позицию в тридцатые годы лидера партийно-государственного механизма СССР И.В. Сталина к товарищам по «коллективному руководству» РКП(б)–ВКП(б) двадцатых годов.

В.И. Фокин считает, что культурная дипломатия СССР в период между двумя мировыми войнами способствовала развертыванию общественного диалога представителей культуры многих стран мира и вовлечению в этот диалог советской творческой общественности, решала задачи, отвечавшие интересам СССР: укрепление международных позиций СССР, борьба за предотвращение новой войны в Европе и агрессии против СССР. Объективно это совпадало с интере-

сами международного сообщества. Культурная дипломатия была направлена на содействие развитию науки и культуры в СССР с целью осуществления индустриализации страны. Культурная дипломатия СССР способствовала тому, что удалось не допустить единого анти-советского фронта и подготовить условия для создания антифашистской коалиции в годы Второй мировой войны.

По мнению А.С. Лагурева, культурный поворот тридцатых годов стал ключевым феноменом для понимания противоречивой связи этой эпохи с наследием Октябрьской революции. Автор приводит пример того, как молодой М.А. Лифшиц задается вопросом о действительном содержании революционного процесса посредством материалистического прочтения одного из важных моментов Гегелевской логики: отрицания отрицания и устанавливает, что мера полноты отрицания – это мера того, насколько *полно* на данном историческом этапе удалось решить ту или иную проблему, вокруг которой и разворачивается общественная борьба эпохи. И тем полнее будет это решение, чем реже такая проблема будет возникать в истории вновь, как бы возвращаться, но уже на новом витке спирали социально-экономического развития.

Иной ракурс названной выше проблемы представлен в работе В.Г. Арсланова, в которой рассматривается диалектика революционного процесса в СССР того же периода и нашедшего отражение в теории искусства т. н. «течения» 1930-х гг. (Мих. Лифшиц, Г. Лукач, И. Сац и др.) и в произведениях близкого «течению» А. Платонова. Автор утверждает, что «несвоевременность» социалистической революции в России породила, с одной стороны, трагические последствия, которые необходимо было преодолевать в 20-30-е и последующие годы, но, с другой стороны, эта «несвоевременность» оказалась вполне своевременной и необходимой для победы над фашизмом и реформирования всей мировой экономики. Так человечество методом проб и ошибок ищет адекватного соотношения и синтеза конечного человеческого разума и бесконечности реального мира, синтеза, являющегося основой истины, добра и красоты – содержания классики и «высокого реализма».

Статья Д.К. Квинтерна посвящена творчеству и анализу работ художника, философа, архитектора, дизайнера и педагога Ф. Фогелера, созданных во время пребывания в Среднеазиатских и Карельской республиках СССР.

В.В. Кнорринг рассматривает творчество ряда еврейско-американских художников, в чьих работах важное место занимала политическая тематика. По мнению автора, книжная графика мастеров нередко носила агитационно-пропагандистский характер, представляя собой неявный, но все же весомый фактор идеологической поддержки Со-

ветского Союза, обеспечивая сочувствие и симпатии со стороны трудящихся Соединенных Штатов Америки.

Вопросы развития Советской науки представлены в материалах А.А. Чернобаева и М.Б. Конашева. Анализируя итоги научной и общественной деятельности Д.М. Петрушевского и М.Н. Покровского – знаковых фигур российской исторической науки XX столетия, – А.А. Чернобаев показал, что, несмотря на глубокие разногласия в понимании перемен, свершившихся в нашей стране в результате Октябрьской революции, оба ученых внесли весомый вклад в развитие науки и образования и культурного строительства, составлявших фундаментальные области, развернувшейся в стране культурной революции.

М.Б. Конашев дает анализ состояния евгеники, в разных странах представленной разными версиями и по-разному развивавшейся. Наиболее разительный контраст в этом развитии приходится на 1920–1930 гг.: в США и в Германии значительное внимание евгенике уделялось со стороны политических и государственных деятелей, даже были приняты специальные законы о принудительной стерилизации. В СССР евгеника не стала частью государственной политики и в 1930-е гг. была преобразована в медицинскую генетику.

Т.И. Филимонова предлагает объяснение, почему именно по окончании гражданской войны В.И. Ленин выступил не только со ставшим знаменитым признанием о «коренном пересмотре взглядов на социализм», но и заявил о необходимости изучать все написанное Плехановым по истории философии – истории становления Человека. «Коренные» изменения не касались пересмотра стратегических задач: и Ленин, и Плеханов позиционировали себя и друг друга в качестве марксистов. Со стороны В.И. Ленина признание свидетельствовало об эволюции представлений о *тактике* движения к стратегической цели, позволяющей «выяснить себе все задачи, все условия» движения к социализму и учитывающей особенности исторически сложившихся форм социальной жизни общества (культуры) и сложности выработки политики, способной изменить укоренившиеся веками нравы и привычки.

Процесс формирования сети высшего педагогического образования для национальных меньшинств Советской России, развернувшийся в первые послереволюционные десятилетия анализируется в статье И.А. Лапиной. Автор отмечает, что создание школ с обучением на родных языках и подготовка учителей для этих школ в 1920–1930-х гг. как части политики защиты прав этих народов, вероятно, явились наиболее успешным элементом реализации всей концепции этнонациональной политики государства в её гуманистическом аспекте.

В материале, представленном К.В. Романенчук, освещена роль Р.Г. Лемберг – одного из крупных организаторов и теоретиков совет-

ской школы, стоявших у истоков формирования советской системы образования. Более полувека, с 1919 по 1975 г., Р.Г. Лемберг занималась педагогическим образованием. В сфере ее научных интересов – развитие школ рабочей молодежи, летних школ и клубов для школьников, подготовка учителей. Этим проблемам посвящен ряд исследований ученого и практика.

Завершает сборник материалов статья Г.С. Широкаловой *«Идеалы поколения «дедов». Насколько они близки современным студентам?»*, в которой автор предлагает методику латентного анализа преемственности современным студенчеством идеалов предыдущих поколений через «машину времени». Выбор различных периодов XX–XXI вв. как желательных для собственной самореализации может свидетельствовать о доминировании определенных идеологических установок. Распределение ответов по этой шкале объясняет, почему значительная часть студентов даже на вербальном уровне не идентифицирует себя как патриотов.

Подводя итог анализу одного из аспектов изучения преемственности идеологических убеждений современных студентов, автор приходит к выводу о том, что качественное изменение условий бытия, сформировало потребность в новом укладе жизни, в котором самореализация в работе обеспечивает удовлетворение не только базовых, но и высших потребностей.

Если этот массовый запрос со стороны специалистов с высшим образованием не будет удовлетворен, Россия останется страной, сидящей на «сырьевом допинге», которого по расчетам, хватит на несколько десятков лет. Понимание неизбежности такого финала, если не произойдет смена приоритетов политики с сырьевого на высокотехнологичное производство, усилит ориентацию новых поколений на жизнь «сейчас и только сейчас», увеличит миграцию в технологически развитые страны, разрушит межпоколенные связи. Сегодня материнский капитал повышает рождаемость, но рождаются будущие россияне или мигранты?

Т.И. Филимонова

СССР КАК "ОСАЖДЁННАЯ КРЕПОСТЬ". Особенности развития страны в 20-30-е гг. XX века

Аннотация. Понятие – «осаждённая крепость» - ключевое для понимания особенностей цивилизационного развития России, по крайней мере, последних трёх столетий, начиная с николаевской эпохи. Идея «осаждённой крепости» явилась центральной в формирующейся в 20-е годы геополитической доктрине Советского Союза. Неизменная основная константа, характерная для «осаждённой крепости», если говорить о государстве в целом, это национальная безопасность, защита суверенитета, сохранение права на собственный путь развития. Она становится органической чертой на уровне социального инстинкта, требует поэтому надёжной военной защиты. Вместе с тем вступает в действие и другая базовая константа - опора в главном на собственные силы, на исторические традиции, на достижение высокого уровня автономности экономического развития и технологического суверенитета. Говоря о геополитических действиях СССР после 1927 года, то они были в целом оправданными. Состоялось возвращение государства на те государственные рубежи, которые были оптимальными с точки зрения её национальной безопасности. Выбор этого года связан с тем, что начинается ускоренное движение советского общества к «великому перелому» 1929 года в результате взаимодействия объективных и субъективных факторов исторического развития страны. В начале 1927 года возникает военно-дипломатический кризис в англо-советских отношениях с угрозой полномасштабной войны СССР с Британией, Польшей, целым рядом соседних государств - Литвой, Латвией, Эстонией, Румынией, Финляндией.

Советское руководство начинает в полной мере осознавать то, насколько геополитически уязвимой выглядит положение СССР на мировой арене. Внешняя политика как практическая политика – это прежде всего обеспечение национальной безопасности и независимости, преодоление отсталости и достижение в обозримом будущем промышленно-экономического суверенитета. Геополитика тех времён – это стремление каждой страны к установлению военно-политического контроля над жизненно важными, как правило, чужими территориями для своего успешного, как ему представляется, существования и развития. Впрочем, сегодня геополитика дополняется экономической составляющей. Достаточно посеять экономический хаос, вызвать экономический кризис в стране с тем, чтобы установить необходимую степень политического контроля над страной, другими словами, над её территорией и ресурсами. Распад СССР в 80-90-е годы - это свидетельство, в том числе, экономической необразованности её руководителей, приведших к уничтожению страны, к тому, что она в одночасье перестала быть великой державой, потеряла этот статус. Российская империя

была великой державой¹, и она вновь энергично вступила на путь возвращения этого статуса в 1927 году и подтвердила его победой в Великой Отечественной войне. Впрочем, «Великая держава» — условное, неюридическое обозначение государств (держав), которые, благодаря своему политическому и военному весу, играют определяющую роль в системе международных отношений вплоть до окончательного установления границ между отдельными государствами.

Исследователи обычно выделяют три «измерения», по которым проводится оценка соответствия державы статусу «великой». Это мощь державы (её ресурсный потенциал), «пространственное измерение» и формальное или неформальное со стороны международного сообщества признание за государством статуса «великой державы». И конечно же, великой державой может считаться такая страна, которая способна отстоять свою независимость и суверенитет в противоборстве с любой другой великой державой.

В 20-е годы прошлого столетия в литературе становится актуальным рассмотрение СССР как «осаждённой крепости». Это центральная идея в формирующейся тогда геополитической доктрине Советского Союза. С этого времени он будет стремиться к достижению статуса великой державы и вместе с тем нести на себе зримые черты «осаждённой крепости». Опишем сначала ситуацию, как она складывалась в 1927 году, и отметим те факторы, которые начинают активно работать на теоретическое и практическое формирование геополитической доктрины.

Временная стабилизация капиталистического мира в середине 20-х годов оказалась непрочной. Советский Союз вёл активную пропаганду идей революционного социализма и оказывал через различные организации и учреждения всяческое содействие революционным движениям. К 1927 году резко меняется отношение Британии к России в связи с ее поддержкой революционных событий в Китае. Разногласия между Гоминьданом и китайскими коммунистами привели к разрыву отношений между ними и высылкой советских военных советников из Китая. Джозеф Остин Чемберлен, министр иностранных дел Британии в 1924-1929 гг., активный сторонник разрыва дипотношений с СССР в 1927 году и крайний антисоветчик, потребовал от СССР прекратить антибританскую пропаганду и

---

¹ Шевченко В.Н. Исторический тупик пореформенной России: геополитическое, экономическое и внутривластное измерения // XI Плехановские чтения. Россия в геополитической ситуации 1914-1918 гг. Материалы к конференции 30 мая – 1 июня 2014 г. СПб. 2014. С. 39-43.

поддержку китайских коммунистов и выступил инициатором попыток организовать новую военную интервенцию против СССР.

В Обращении ЦК ВКП(б) от 1 июня 1927 года «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим и крестьянам» говорилось об угрозе империалистического вторжения. Государство начинает вести большую пропагандистскую кампанию. Некоторые авторы пишут о том, что угроза войны была преувеличена, поэтому объективное воздействие событий 1927 года на последующее развитие страны ими преуменьшается и на первое место выдвигаются факторы субъективного характера, связанные со стремлением Сталина к единоличной власти. Можно достаточно обоснованно утверждать, что не было никакого однозначного программирования событий и процессов тех лет. Тем более интересен конкретный ход советской истории, ведущий к великому перелому 1929 года.

Для объективной оценки возможности военного столкновения и вытекающих отсюда выводов мы должны принять во внимание вся совокупность действовавших в тот момент факторов.

1. Равновесие между двумя мирами, между страной Советов и миром капитализма подошло к концу, пишет Сталин в заметках на современные темы в июле 1927 года. «Основным вопросом современности является вопрос об угрозе новой империалистической войны.<...> Речь идёт о реальной и действительной угрозе новой войны вообще, войны против СССР – в особенности»².

2. Анализ соотношения совокупного потенциала вооружённых сил РККА и возможных противников показывал, что Красная Армия была заведомо слабее по всем видам вооружения – по танкам, самолётам, количеству боеприпасов, общей численности воинских подразделений.

3. Строительство «Линии Сталина» — система узловых оборонительных сооружений на границе СССР (до 1939 года), состоявшая из укрепрайонов (УР) от Карельского перешейка до берегов Чёрного моря, - было начато в 1928 году, после объявления военной угрозы в 1927 году. Несмотря на то, что укрепления «Линии Сталина» в 1941 году уже не отвечали требованиям обороны от тяжёлой артиллерии, они сыграли свою роль в срыве сроков наступления по плану «Барбароссы». В постсоветское время этот термин получил широкое распространение как в отечественной литературе о предвоенном периоде, так и о Великой Отечественной войне.

4. Следует отметить важное влияние на ход событий позиции Польши в отношении СССР. Переворот Пилсудского в мае 1926 года и объявление курса на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года, обозначали реальную возможность территориальных претензий к СССР, усиление влияния Великобритании на внешнюю политику Польшу. Предвоен-

---

² Сталин И.В. Заметки на современные темы // Соч. Т.9. М.: Госполитиздат. 1948. С.322.

ная Польша становится бастионом антисоветизма, главным звеном созданного Западом «санитарного кордона» вокруг СССР. В геополитической концепции СССР отношение к Польше занимает особое место, это важный фактор, который мы недооцениваем и сегодня. Одной из важнейших геополитических задач советского руководства в предвоенный период становится нейтрализация Польши.

Между прочим, в переписке с Черчиллем на ялтинской конференции Сталин отмечал, что «для России Польша – не только вопрос чести, но вопрос безопасности». Несколько позже он писал президенту Трумэну: «Вы, видимо, не согласны с тем, что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу Правительство и что Советское Правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему Правительства... Попросту говоря, Вы требуете, чтобы я отрешился от интересов безопасности Советского Союза, но я не могу пойти против своей страны»³. Сегодня Польша вновь находится в авангарде русофобских сил, доходя до в своих ожесточённых напаках на Россию до полного беспамястства.

Практическое построение здания советского социализма, как и его теоретическое понимание, исходит с того времени из безусловного принятия базового принципа – защиты государственной безопасности. Проблема государственной (национальной) безопасности выступает или должна выступать исходной точкой для создания эффективной теоретической модели общества и, прежде всего, его институтов власти и управления. Этот момент в отечественной социальной науке и философии отрефлексирован довольно слабо. Долгое время отечественная социальная наука пользуется, по существу, либеральной социологией с ее категориальным аппаратом, претендующим на универсальность. Исключительная роль национальной безопасности в функционировании и развитии общества никак не прописана в социологической теории, она отнесена к практической деятельности внешнеполитических ведомств. Но самом же деле вся теоретическая структура общества должна строиться исходя из стратегических целей обеспечения национальной безопасности, экономической независимости и технологического суверенитета, а, следовательно, в полной мере учитывать своеобразие российской истории.

5. Экономическая ситуация в стране была весьма сложной. Заготовительный кризис 1927 года был первым серьёзным выступлением в усло-

---

³Цит. по: Уткин А. СССР в осаде. М.: Эксмо: Алгоритм. 2010. С.32. Отдельного рассмотрения заслуживает геополитическая конструкция В.Л. Цымбурского, изложенная им в статье «Остров Россия» (Перспективы российской геополитики // Полис. 1993. №5; публицистические отклики на неё: Крепость Россия: прощание с либерализмом. Сб. статей. М.: Яуза, Эксмо. 2005. Работы М. Леонтьева, М. Юрьева, М. Хазина, А. Уткина.

виях НЭПа капиталистических элементов деревни против Советской власти. Дефицит государства в хлебном балансе несмотря на богатый урожай составил в 1927 году более 100 млн пудов хлеба. В городах с октября 1927 года резко ухудшается продовольственная ситуация. Кулаки отказывались продавать государству хлеб по фиксированной цене, хотя у них хранились хлебные излишки нередко по 50-60 тысяч пудов хлеба в каждом хозяйстве.

7. Имели место многочисленные акты терроризма на территории Советского Союза, в том числе убийство 7 июня 1927 года полпреда СССР в Польше П. Войкова. Ответом явился расстрел 20 представителей знати бывшей Российской империи и многочисленные аресты.

8. Военная угроза 1927 года нашла отражение и в литературе.

В.В. Маяковский опубликовал в октябре 1927 г. стихотворение «Англичанка мутит». Приведу часть этого стихотворения.

Сложны
и путаны
пути политики.
Стоя
на каждом пути,
любую каверзой
в любом видеике
англичанка мутит.
...
И если
спокойные китайцы
в трюмах
и между котлами
на наших матросов
кидаются
с арестами
и кандалами,
цепь,
на один мотив гуди:
китайца мозги
англичанка мутит.
Если держим
наготове помпы

на случай
фабричных
поджогов и пожаров
и если
целит револьверы и бомбы
в нас
половина земного шара —
это в секреты,
в дела и в бумаги
носище сует
английский агент,
контрразведчик
ему
титул,
его
деньгой
англичанка мутит.
...
На всех маневрах
в марширующих ротах
слышу
один и тот же мотив:
«Англичанка,
легче на поворотах!»⁴

В романе «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова на собрании членов общества «Меча и орала» в провинциальном городе Старгород заговорили о войне. «Война - дело решённое. ... Как же большевики будут

⁴ Маяковский В.В. Полн. собр. соч. Т.1-13. Том 8. Стихотворения, поэма, очерки 1927. М.: Худ. литература. 1958. С. 27.

воевать? Чем? Чем они будут воевать? Старыми винтовками? А воздушный флот? Мне один видный коммунист говорил, что у них – ну, как вы думаете, сколько аэропланов? Штук двести! Двести? Не двести, а тридцать два! А у Франции восемьдесят тысяч боевых самолётов.⁵

6. Но главная особенность этого момента состояла в том, достижение общенационального единства более высокого уровня проходило через нарастание противоречий между состояниями сознаний различных слоёв советского общества. Конечно, в обществе шёл процесс возникновения советского патриотизма. Вместе с тем, военная угроза высветила целый ряд серьёзных проблем и опасностей. Прежде всего, появляется и нарастает революционный радикализм. В жизнь входило молодое советское поколение, которое сформировалось в ходе гражданской войны и военного коммунизма и которому был присущ, хотя и в разной мере революционный романтизм. Оно было охвачено недовольством, массовым разочарованием результатами НЭПа, наличием высокого уровня безработицы и низкими зарплатами. Отсюда твёрдое желание поддержать мировую революцию, стремление дать должный отпор, если мировой капитализм и, в первую очередь, Великобритания, решится напасть на Советский Союз. Эти настроения умело использует объединённая (новая) оппозиция во главе с Троцким, которая с радикально левых позиций выступает за смену партийного руководства. После событий в ноябре 1927 года оппозиция фактически становится пятой колонной. Впрочем, обширные группы трудового населения проявляли умеренность во взглядах на сложившуюся военную кризисную ситуацию. Проблема достижения общенационального единства на этом переходном этапе исторического пути страны оказалась чрезвычайно сложной и далёкой от своего решения, но причины этого требуют отдельного рассмотрения.

7. Неустойчивое равновесие в отношениях между миром капитализма и СССР закончилось в октябре 1929 год, когда разразился мировой экономический кризис, который временно отодвинул угрозу военного вторжения в Советский Союз. Он оказался тем триггером, который сделал практически возможным и необходимым переход к форсированному строительству основ социализма на путях развёрнутой индустриализации, массовой коллективизации и культурной революции. К 1941 году были созданы многие условия для восстановления статуса СССР как великой социалистической державы.

---

⁵ Ильф. И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ. 2010. С.194.

Если все сказанное суммировать, то вполне можно говорить о СССР как об осаждённой крепости. Именно Сталин впервые заговорил об этом. Он не один раз предупреждал, что «неприступные крепости легче всего берутся изнутри благодаря преступной деятельности врагов, имеющих целью открыть ворота крепости иноземному врагу». «Мы живём не на острове. Мы живём в капиталистическом окружении. То обстоятельство, что мы строим социализм и революционируем тем самым рабочих капиталистических стран, – не может не вызывать ненависть и вражду со стороны всего капиталистического мира. Думать, что капиталистический мир может равнодушно смотреть на наши успехи на хозяйственном фронте, успехи, революционирующие рабочий класс всего мира, – это значит впадать в иллюзию. Поэтому, пока мы остаёмся в капиталистическом окружении, пока пролетариат не победил, по крайней мере, в ряде стран, мы не можем считать свою победу окончательной»⁶.

Историки, стремящиеся к научной объективности, например, А.И. Уткин пишет о таком мощном военном, экономическом и дипломатическом давлении на советскую страну в XX веке, «что с полным правом можно говорить «об осаде СССР-России Западом»⁷. Либерально настроенные авторы пишут о периоде советского социализма как об осаждённой крепости исключительно в негативных тонах. К примеру, именно таким предстаёт советское общество в книге Л.М. Млечина «Осаждённая крепость», посвящённой его истории. Автор пишет: «В нашей стране ненависть к Западу, Америке, вообще внешнему миру намеренно культивировалась властью. Все десятилетия советской власти государство тщательно изолировалось от внешнего мира. Никого не впускать и никого не выпускать. Штатпы советской пропаганды укоренились в сердцах и умах, хотя, если вдуматься, – эти страны нисколько не виноваты в несчастьях, постигших Россию в XX столетии»⁸. С этими рассуждениями решительно невозможно согласиться. Хорошо, если это личная позиция. Но скорее всего, это не просто неосведомлённость, это политический заказ, идущий от либеральных кругов общества.

---

⁶ Сталин И.В. О социал-демократическом уклоне в нашей партии. Доклад на XV Всесоюзной конференции ВКП (б). 1 ноября 1926 г. // Соч. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1953. С. 262-263.

⁷ Уткин А. СССР в осаде. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. С.4.

⁸ Млечин Л.М. Осажденная крепость. М.: Центрполиграф. 2013. С.10.

Понятие осаждённой крепости вырастает из решения вопроса об особом пути развития России⁹. Известную сложность вызывает анализ причин, порождающих этот особый путь и его характерные черты в цивилизационном облике российского общества. Разумеется, дело здесь не в том, что Россия пытается с переменным успехом развиваться в течение многих столетий по своему собственному пути. В определённом смысле у каждой страны свой собственный путь. Речь идёт о другом.

Понятие – «осаждённая крепость» - ключевое для понимания особенностей цивилизационного развития России, по крайней мере, последних трёх столетий, начиная с николаевской эпохи. Отношение к этому явлению - «осаждённая крепость» - в целом негативное на самых разных уровнях общественного сознания. Обычно считается, что оно есть неизбежное следствие существования в стране авторитарного, недемократического режима и связано в первую очередь с необходимостью принуждения населения к признанию авторитарной власти легитимной и единственно возможной. На самом деле эти суждения зачастую весьма поверхностны, все обстоит гораздо сложнее.

В сегодняшних новых условиях крайне важно гораздо глубже проникнуть в механизмы жизни осаждённой крепости и прийти к пониманию того, какие устойчивые константы формировались на особом пути развития Советского Союза – России.

Ментальность жителя «осаждённой крепости» имеет свои особенности и в каждом конкретном случае выглядит по-своему, имеет свой исторический облик. Но остаётся неизменной основная константа, если говорить о государстве в целом, это национальная безопасность, защита суверенитета, сохранение права на собственный путь развития. А для этого все нужно сделать для того, чтобы не было военного нападения. И это уже становится органической чертой на уровне социального инстинкта, но для этого страна должна быть надёжно защищена. Вместе с тем вступает в действие и другой базовый ориентир – опора в главном на собственные силы, на исторические традиции, достижение высокого уровня автономности экономического развития, технологического суверенитета.

Говоря о геополитических действиях СССР после 1927 года, то они были в целом оправданными. Состоялось возвращение государства на те государственные рубежи, которые были оптимальными для Российской империи в начале XX века с точки зрения её национальной безопасности. Они во многом

---

⁹ Шевченко В.Н. Особенности цивилизационного развития России в контексте противостояния с Западом. Феномен русофобии // Личность. Культура. Общество. 2022. Т. 24. №2 (114). С.70-88.

смягчили последствия поражений и неудач Красной Армии на первых этапах войны. Вообще говоря, границы между великими державами всегда были подвижными, и они часто зависели от соотношения сил между ними.

Известно, что взаимодействие Запада с Россией носит циклический характер. В общеисторическом плане Россия постоянно отставала в своём развитии от коллективного Запада. Это отставание обнаруживается уже со второй половины XVII в. Постоянные и в общем не вполне удачные попытки его преодоления приводили к периодической смене политического вектора развития. Стремление России догнать и стать похожей на Запад, сменяется государственной политикой максимального дистанцирования от Запада. Эта смена становится неизбежной, хотя и не всегда предсказуемой в своих последствиях, в качестве важнейшего средства борьбы против экономического и политического давления враждебных сил Запада. На каждом историческом этапе англосаксонский Запад в условиях непрекращающейся борьбы за своё доминирование в мире выдвигает все новые конкретные задачи при проведении агрессивной русофобской политики в отношении России. Море против суши, англосаксы против континентальных государств, и эта борьба англосаксов за мировое господство составляет главный смысл существующей западной геополитики. Отечественная геополитика есть ответ на все эти попытки так или иначе колонизировать Россию. Отсюда непрерывный процесс циклического развития – сближения или отдаления, насколько это возможно в конкретно-исторических условиях. Удаление от Запада и порождает ситуацию осаждённой крепости, которая предполагает высокий уровень единения общества перед лицом угрозы нападения.

Исходной отправной точкой в ходе анализа принципов функционирования «осаждённой крепости» выступает, как сказано выше, принцип национальной безопасности. Практическое построение здания советского социализма, как и его теоретическая основа, строились на основе базового принципа – защиты национальной безопасности. Особый путь России как альтернативный путь развития во времена СССР следует понимать, как еще одно доказательство отрицания на новом этапе истории неизбежности либерального пути для России. Дальнейший общественный прогресс был возможен во всемирно-историческом плане только при другой, социалистической организации общества, закономерно возникающей на периферии капиталистической мировой системы.

Станет ли современное российское государство новым вариантом «осаждённой крепости XXI в.»? Скорее всего, нет. Началась принципиально новая историческая эпоха. События после 24 февраля несомненно будут оказывать в течение длительного исторического периода огромное влияние на

жизнь многих последующих поколений. Эти события говорят о том, что перемены в отношениях России с Западом носят поистине революционный характер. Железный занавес, который усиленно воздвигал Запад, чтобы изолировать Советский Союз, теперь начинает использоваться Западом для того, чтобы самому отгородиться от России. На страну обрушилось огромное давление – разрыв отношений, блокада и санкции, политический шантаж и обман, нечестная конкуренция, насильственный отъем российских финансов и российской собственности, но это скорее порождение бессилия, хотя и весьма опасное для мира в целом и для нашей страны особенно.

Тем не менее состояние «осаждённой крепости» как характерная черта советского общества будет постепенно уходить в прошлое. И нам, россиянам, нужно произвести с этих позиций перезапуск всех общественных процессов в кратчайшие сроки. Но никакой поворот не станет возможным, если не будет объяснено то, что с нами произошло за последние тридцать лет.

Россия стала самым опасным врагом Запада не из-за решительных действий России по освобождению Украины от нацизма. Россия стала врагом, потому что она хранит традиционные ценности! В ней живут нормальные мужчины и женщины, которые создают нормальные семьи, в ней работают и учатся, строятся храмы и мечети и многое другое.

Сегодня, когда началась новая историческая эпоха, эпоха новой современности, страна приступила к оформлению окончательного политического выбора движения по своему собственному, особому пути развития на длительную историческую перспективу. В этом отношении исторический опыт становления советского социализма в 20-30-е годы XX века представляет особый интерес.

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СССР В 20-30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация. Культурная дипломатия СССР в период между двумя мировыми войнами способствовала развёртыванию общественного диалога представителей культуры многих стран мира, вовлечению в этот диалог советской творческой общественности. Она решала задачи, которые в первую очередь соответствовали интересам СССР: укрепление международных позиций СССР, борьба за предотвращение новой войны в Европе и агрессии против СССР. Объективно это совпадало с интересами международного сообщества. Культурная дипломатия была направлена на содействие развитию науки и культуры в СССР с целью осуществления индустриализации страны. Культурная дипломатия СССР способствовала тому, что удалось не допустить единого антисоветского фронта и подготовить условия для создания антифашистской коалиции в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: культурная дипломатия, пролетарская культура, международные организации, антифашизм, антимилитаризм.

Мы стали современниками обострения глубокого межцивилизационного кризиса, который эволюционировал с учётом возникновения новых социальных явлений, отражённых в широкой политической практике и получающих различные наименования, в частности, такие как гибридная, сетевая, информационная войны и т.п. Воплотившись в острые вооружённые формы этот кризис в отношениях между Западной и Ортодоксальной (Православной или Российской) цивилизациями приобрёл форму вооружённого конфликта Украины с Российской Федерацией, принадлежащих к одной цивилизации. Сам этот факт является выдающейся победой Запада, столкнувшего народы в братоубийственной войне начиная с 2014 г.

Причины такой метаморфозы коренятся в том неоспоримом факте, что в ходе «холодной» войны была одержана победа над некогда мощным и сплочённым Советским Союзом. Была разрушена советская идентичность¹. За тридцать лет, например, сознание украинцев коренным образом было перестроено так, что народ, который был победителем германского нацизма, сам стал жертвой идеологии украинского фашизма.

Целенаправленная деятельность государств Запада по разрушению России в течение длительного времени стремится обеспечить распад еди-

---

¹ Brzezinski Zbigniew. Toward a global Realignment // The American Interest. 2016. April. 17. URL : <http://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/>

ного многонационального государства (нестабильность власти, разделение территории) и других общественных и социальных институтов, менталитета. В этой войне «победа» означает достижение когнитивных целей (навязывание ложных взглядов, убеждений, мнимых ценностей, изменение сознания побеждённых и др.), которые замещают военные результаты².

В статье мы пытаемся выявить реальное содержание культурной дипломатии СССР в 20 – 30-е гг. и показать, как оно целенаправленно искажается в современной российской научной литературе, реализующей ложные концепции западной политологии.

В советские годы была проделана большая работа по исследованию «культурной дипломатии СССР», которая убедительно доказала, что эта форма внешнеполитических усилий сыграла важную роль в утверждении авторитета СССР на международной арене и продвижении его внешней политики. Современным российским исследователям предъявляют доказанное утверждение: «Невозможно игнорировать исторический факт длительного доминирования СССР в сфере "мягкой силы" во времена "холодной войны" (до конца 1970-х - начала 1980-х гг.) особенно в части идеологической пропаганды, а также формирования дружественных политических элит зарубежных государств³.

Американские авторы причину успеха культурной дипломатии СССР видят в технологиях «лжи и обмана» советской пропаганды,

---

² Караваев И.Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии // Военная мысль. 2022. № 3. С. 35 – 42 URL:

<https://pochitaem.su/voennaja-mysl-3-mart-2022/> (Дата обращения 18 мая 2022).

³ "Мягкая сила" внешней политики СССР // Институт стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов (май 2013).| URL: <http://isip.su/ru/articles/38> (Дата обращения 30.05.2022); Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии. 1920-е - первая половина 1940-х гг. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив. 2016; Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны 1945-1989 / О. С. Нагорная, О. Ю. Никонова, А. Д. Попов и др. Научн. ред. О. С. Нагорная. М.: РОССПЭН. 2018.

искусным манипулированием сознанием людей⁴. В основе их анализа лежит тот факт, что у иностранцев, посещавших СССР или просто следивших за тем, что там происходит, складывался положительный образ динамично развивающейся страны, достигшей гигантского прогресса в исторически короткие сроки. Конечно, люди видели, каких жертв и гигантских усилий требовал быстрый прогресс. Но кому серьёзное дело достаётся легко? К тому же и западный человек переживал ужасы мировых войн и их последствия, кошмары экономических кризисов и социальные потрясения, требовавших тоже немалых жертв. Но признать этого американские советологи не могли в условиях холодной войны, поэтому и посчитали усиление советского влияния результатом пропагандистского обмана.

Упрощённое объяснение причин успеха культурной дипломатии СССР в исследуемый период предлагают учёные Института стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов. Они считают её успех следствием реальных достижений советского общества, а последовавшее поражение в холодной войне тем, что первый удар по советскому имиджу был нанесён разоблачением культа личности, а довершён – антисоветской пропагандой, санкционированной в период «перестройки». Все это нанесло колоссальный ущерб "мягкому" влиянию Российской Федерации, демонстративно отказавшейся от бывшего имперского наследия⁵. Представляется, что крушение СССР имело в своей основе глубинные социально-экономические корни. Бесспорно, американская публичная дипломатия также имела в своём арсенале значительные козыри. Это и великая американская культура, распространявшаяся по миру с помощью развитых бизнес-структур и при активной политической поддержке правительства США, и высокий уровень благосостояния и потребительской культуры в США, а также со знанием дела разрекламированный образ «свободной, демократической страны». Надо признать, что

---

⁴ Barghoorn F.C. *The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. New-York. 1960; Margulies Sylvia R. *The Pilgrimage to Russia. The Soviet Union and the Treatment of Foreignness, 1924 - 1937*. The University of Wisconsin Press. Madison, Milwaukee and London. 1968; Gould-Davies N. *The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History*. 2003. Vol. 27 (2). P. 193-210; Дэвид-Фокс М. *Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости 1921-1941*. М.: Новое литературное обозрение. 2015.

⁵ "Мягкая сила" внешней политики СССР // Институт стратегических исследований и прогнозов Российского университета дружбы народов (май 2013). URL: <http://isip.su/ru/articles/38> (Дата обращения 30.05.2022).

американцам удалось убедить в этом многие народы мира, включая советский народ. Что на самом деле скрывалось за этим внешнеполитическим образом, наверное, до конца не понимают даже сами американцы. В качестве примера влияния западных целеустановок на сознание таких учёных приведём пример исследований, проведённых в рамках работы по гранту РГНФ 14-04-00557а - «Иностранные писатели и СССР: неизданные материалы 1920х-1960-х годов. Культура и идеология» и опубликованных в электронном журнале «Новые гуманитарные исследования» в разделе, где представлены статьи и материалы научной конференции, проведённой 8 июля 2014 г. в Институте Мировой Литературы им. А.М. Горького РАН⁶.

Авторы сборника убеждены, что в рамках реализации культурной дипломатии Советского Союза «... в СССР пристально следили за тем, что издаётся в других странах. Анализу подвергалось все, что выходило за рубежом, на что обращала внимание западная пресса — как реакционная, так и прогрессивная. Одной из основных целей этого мониторинга было отыскание высокохудожественного произведения зарубежного писателя, отвечавшего требованиям социалистической литературы в идейном и формальном планах. Это было непростой задачей, потому что все самое яркое, значимое по западным меркам катастрофически далеко отстояло от идеи социалистической революции, а те произведения зарубежных авторов, которые по своему содержанию можно было назвать пролетарскими, были слабы в художественном отношении и потому скоро забывались»⁷. Е.С. Островская - доцент факультета филологии НИУ-ВШЭ, анализируя неудачную попытку создания секции пролетарских писателей в Великобритании в 1930 - 1932 гг., со ссылкой на работу Ф. Баргхурна утверждает, что основная концепция деятельности МОРП и ВОКС укладывалась в «стремление раздуть мировой пожар при помощи литературы шло рука об руку с культутрегерскими интенциями, унаследованными от дореволюционной культуры»⁸. Представляется, однако, что указанная

---

⁶ Новые российские гуманитарные исследования. 2014 год. Том 9. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles> (Дата обращения: 30.05.2022).

⁷ Жданова Л.И. Издательская политика СССР в отношении романа Дж. Стейнбека «Гроздь гнева». URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/299/> (Дата обращения: 30.05.2022).

⁸ Островская Е.С. Первая попытка создания британской секции МОРПа в контексте истории МОРПа и журнала «Интернациональная литература». Новые российские гуманитарные исследования. 2014 год. Том 9. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/290/> (Дата обращения: 30.05.2022).

«концепция» является всего лишь мифом американской пропаганды, учитывая, что лозунг мировой революции был снят ещё в 1923 г., когда завершился мировой революционный кризис, и для руководителей ВКП(б) стало очевидно, что придётся жить в «капиталистическом окружении». Был взят курс на «длительную полосу мирного сосуществования государств с различным общественным строем». Надо было искать союзников за границей, бороться за влияние на общественное мнение на Западе, защищаться от агрессии империалистических держав, воспринимавших Россию, как угрозу своему господству. Поэтому культурная дипломатия СССР ставила своей целью укрепление международных позиций страны, прорыв дипломатической блокады и признание СССР, опираясь на немалое число друзей России, здравомыслящих деятелей культуры, понимающих, что без русской культуры не может быть полноценной мировой культуры. Одновременно нельзя не учитывать, что в русской революции многие на Западе видели эксперимент по созданию более справедливого общества и относились к нему с глубоким интересом. Многие деятелей культуры в своём творчестве стремились к революционному обновлению в культуре, противопоставляли его обанкротившемуся в годы Первой мировой войны либерально-буржуазному обществу, видели в этом родство с социальной революцией в России.

Советские руководители прекрасно понимали, что развивать собственную страну, преодолевать отсталость её от передовых стран Запада было невозможно без освоения достижений Западной цивилизации⁹. Такая концепция больше, как нам представляется, соответствует действительности, чем придуманная американскими советологами версия. Она находит достаточно многочисленные подтверждения в документах Советского государства и ВКП(б), и их деятелей¹⁰.

Первая мировая война, революция и Гражданская война в России нарушили международное культурное сотрудничество. Объявленная Советом Антанты в 1919 г. блокада Советской России, разруха, царившая в ней, - все это затрудняло восстановление утраченных контактов. Революция породила новый конфликт власти и значительной части интеллигенции, который накладывал отпечаток недоверия в отношениях между ними. В силу этих обстоятельств место и роль нашей страны в междуна-

---

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Изд. 5. М.: Политиздат. 1975 -1982. Т.36. С.550.

¹⁰ Фокин В.И. Международный культурный обмен и СССР в 20 - 30-е годы. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1999.

родном культурном обмене стали определяться не столько традиционными связями отечественной культуры, сколько политикой, проводимой государством в этой области, формировавшейся под воздействием объективных и субъективных факторов, долговременных тенденций и конъюнктурных обстоятельств. Эта политика Советского государства и получила название культурной дипломатии СССР. Она была первой государственной политикой в международном культурном сотрудничестве.

В 1917 - 1923 гг. партия большевиков рассматривала революцию в России как пролог мировой революции. Созидательная часть революционного процесса представлялась им как превращение социалистического идеала в реальность с помощью победившего пролетариата передовых стран. Освоение опыта индустриально развитых стран, обладавших устойчивыми научными школами и развитыми системами народного образования, считалось важнейшей задачей советской власти. Противоречие состояло в том, что марксистское учение исходит из представления о социализме как результате творчества народных масс, а не политических партий или интеллектуальных элит. Возможность социализма, его реальный облик, таким образом, зависят от духовного потенциала общества, который будет реализован в историческом процессе. Партия большевиков столкнулась со сложнейшей проблемой превращения неграмотной России в высокоразвитое общество, опираясь преимущественно на собственные силы. Страна стояла перед длительной полосой культурного развития, в результате которого необходимо было создать такой уровень цивилизованности общества, который позволил бы обеспечить его функционирование на основе социалистических принципов. Этот процесс должен был носить созидательный характер, охватывающий политическую, экономическую, социальную и духовную сферы жизни общества для обеспечения условий развития максимально возможного числа людей¹¹. Важнейшей задачей культурной революции Ленин считал освоение богатств мировой культуры¹². Этим определялось то значение, которое он придавал развитию международных культурных связей в политике Советского государства.

В то же время широкое распространение получило представление о культуре как проявлении классового творчества. Отсюда делались выводы о необходимости разрушения старой культуры и формировании новой, пролетарской. Такие идеи высказывали идеологи Пролеткульта и их

---

¹¹ Он же. Т. 45. С. 377.

¹² Он же. Т.38. С. 55.

сторонники за рубежом¹³. Л.Д. Троцкий считал, что «в эпоху диктатуры о созидании новой культуры... не приходится говорить... культурное строительство, которое наступит, может быть, тогда, когда отпадает необходимость в железных тисках диктатуры, не будет уже иметь классового характера»¹⁴. Таким образом, процесс созидания в культурной сфере отодвигался на длительную перспективу, а духовная жизнь общества по необходимости временно наполнялась эрзацем культуры, основанном на социально-политических принципах, - «пролетарской культурой». Близкую точку зрения занимал И.В. Сталин. В беседе с В. Маяковским и известным мексиканским художником Д. Сикейросом в 1928 г. он утверждал, что не поддерживает ни одно художественное направление, поскольку все они являются проявлением буржуазной культуры, что активное культурное строительство - дело будущего¹⁵. В докладе на XVIII съезде ВКП(б) он заявил, что культурная революция начинается только после ликвидации эксплуататорских классов¹⁶.

Начавшаяся индустриализация заставила иначе взглянуть на масштабы культурного строительства в стране. Была признана необходимость развития системы начального, среднего и высшего образования, материальной поддержки науки и повышения общего уровня культуры населения. Но и в этом случае культурное строительство рассматривалось как средство обеспечения промышленного развития страны, а не как условие общественного прогресса. Рационалистический, технократический подход нашёл своё полное выражение в подмене морально-нравственных основ жизни общества в положениях о рационализации управления обществом, организации экономики и быта, выдвинутых в выступлениях Н. Бухарина в конце 20-х годов¹⁷. В интерпретации И. Сталина такой подход служил оправданием нарушения человеческой морали соображениями классовой целесообразности¹⁸.

Задачи индустриализации продиктовали и необходимость расширения практики участия СССР в международном экономическом и научно-техническом сотрудничестве. В решениях руководителей СССР во второй половине 20-х гг. выдвигается задача использования зарубежного

---

¹³ Горбунов В.В. Критика В.И. Лениным теории Пролеткульта об отношении к культурному наследию // Вопросы истории КПСС. 1968. № 5. С.91-92.

¹⁴ Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат. 1991. С.147.

¹⁵ Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат. 1991. С.146.

¹⁶ XVIII съезд ВКП(б). Стенограф. отчёт. М.: Госполитиздат. 1939. С. 35.

¹⁷ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат.1988. С. 368-390.

¹⁸ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: Партиздат. 1935. С. 604.

научно-технического опыта в промышленном строительстве. В годы первой пятилетки (1928 -1932 гг.) в строительстве новых и реконструкции старых предприятий широко использовались импортное оборудование, техническая помощь и консультации зарубежных фирм, приглашение на работу иностранных специалистов, обучение отечественных кадров специалистов и организаторов производства за рубежом. При этом наиболее интенсивно был использован промышленный опыт и технологии из США, что позволило в короткие сроки обеспечить достаточно высокий научно-технический уровень советской промышленности. На этой основе собственный потенциал позволял уже использовать международные научно-технические связи СССР для выхода на мировой уровень. В начале 1930-х гг. были приняты постановления, которые предусматривали организацию систематических международных связей отраслевых институтов¹⁹. Международным критериям научных разработок было придано «большое политическое и громадное практическое значение»²⁰. Все это в комплексе способствовало резкому повышению уровня научно-исследовательских работ, принятию новых, передовых решений, позволявших обеспечивать промышленное производство в соответствии с лучшими мировыми достижениями, а иногда и превосходить их.

В своей внешней политике руководители СССР стремились использовать международные связи для упрочения авторитета СССР. Опираясь на стремление деятелей мировой культуры к восстановлению связей с представителями культуры России, Советское правительство добивалось изменения общественного мнения в странах Западной Европы и Северной Америки в пользу отмены блокады и установления дипломатических отношений с СССР. Успех этой политики в середине 20-х годов привел к признанию роли культурной дипломатии, как эффективного средства внешней политики.

Руководители страны стали больше внимания уделять позиции, которую по отношению к СССР занимали видные представители культуры Запада. Этот аспект превращался не только в фактор внешней политики государства, но и внутривластной борьбы. В условиях острого противостояния между лидерами большевиков «международное признание» авторитета политического деятеля становилось необходимым атрибутом политического имиджа. Особое значение этому придавал И.В. Сталин.

---

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3374. Оп. 15. Д. 1344. Л. 24, 41, 50, 133-134, 137-138. Далее: ГАРФ.

²⁰ XVII партконференция ВКП(б). Стенограф. М.: Партиздат. 1932. С. 155

Он добивался признания успеха советского эксперимента на международной арене, чтобы ослабить влияние на мировое общественное мнение критики Л.Д. Троцким сталинизма.

В середине 30-х гг. внешняя политика СССР, в том числе в области международных культурных связей, стала диктоваться борьбой с угрозой новой мировой войны. В 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций и выдвинул инициативу по созданию системы коллективной безопасности в Европе, в 1935 г. было принято решение VII конгресса Коминтерна о создании широкого антифашистского фронта. Возникшие в 20-е гг. международные организации писателей, деятелей театрального и музыкального искусства, которые ориентировались на Коминтерн, оказались не в состоянии решать эту задачу из-за своих сектантских позиций и были распущены²¹. Задачу создания широкого антифашистского фронта взяла на себя Международная ассоциация писателей в защиту культуры и мира, объединившая деятелей культуры на широкой антивоенной и антифашистской платформе²².

В это время советское внешнеполитическое ведомство стремилось получить поддержку у мировой общественности мирных инициатив СССР. Добиться этого надеялись при содействии обществ культурного сближения с СССР за рубежом. В аппарате полпредств СССР были назначены сотрудники, отвечавшие за организацию культурных связей со страной пребывания. По совместительству они осуществляли функции уполномоченных Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС).

ВОКС принадлежало ведущее место в организации акций международного культурного сотрудничества. Общество было создано 5 апреля 1925 г. Учредителями ВОКС явились Центральный Исполнительный Комитет СССР, Народный комиссариат иностранных дел (НКВД), Высший Совет Народного Хозяйства СССР, Народный комиссариат просвещения, профсоюзы, Российская Академия наук, Академия художеств и другие организации. Устав ВОКС, утверждённый правительством, определял следующие цели: «... содействовать установлению и развитию научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями

---

²¹ Фокин В.И. Указ. соч. С. 105 – 147.

²² Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, июнь 1935 г. М.: Гослитиздат. 1936. С. 3-490.

и отдельными научными и культурными работниками Союза СССР и за границы»²³. Общество устанавливало связи с советскими и иностранными учреждениями, общественными организациями, оказывало содействие обществам "Друзей СССР" и отдельным деятелям культуры в СССР и за рубежом.

ВОКС, являясь всесоюзной организацией, координировал культурные связи с заграничной союзных республик, крупных научных и культурных центров страны. Членство в ВОКС было коллективным и индивидуальным. Средства общества складывались из членских взносов и доходов различных предприятий ВОКС, а также субсидий заинтересованных учреждений и организаций.

В первые годы деятельности общество имело в своём составе секторы: науки и техники (включая секции по отдельным отраслям) и художественной культуры (секции - театральная, музыкальная, кинематографическая, литературная, архитектурная). В этих секциях объединялись представители научной и художественной интеллигенции, участвовавшие в международном культурном обмене. В ВОКС действовали бюро: приёма иностранцев, международного книгообмена, печати, выставок и устройства вечеров²⁴.

В первый состав правления ВОКС вошли А.В. Луначарский, Н.П. Горбунов, Л.К. Мартенс, С.Ф. Ольденбург²⁵. Председателем общества стала О.Д. Каменева, сестра Л.Д. Троцкого и жена Л.Б. Каменева. Политические аспекты деятельности общества находилась под контролем руководства страны. Так, в сентябре 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав отчёт ВОКС, распорядилось активизировать работу по установлению культурных связей с США²⁶. Комиссия Рабоче-крестьянской Инспекции СССР, проверявшая работу общества в 1928 г., высоко оценила его вклад в расширение международных связей страны. Тем не менее, в 1929 г. решением Политбюро О.Д. Каменева была заменена на посту председателя ВОКС Ф.Н. Петровым (работником госучреждений, занимавшихся научными исследованиями). В апреле 1931 г. Политбюро возложило на ВОКС задачу оказания помощи народному хозяйству страны с учетом изучения

²³ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 2. Д. 147. Л. 36.

²⁴ Кузьмин М.С. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917-1932 гг.) Л.: Изд. ЛГУ. 1971. С. 19-46.

²⁵ Куманев В.А. Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20-30-х гг. М.: Наука. 1987. С. 46.

²⁶ Кузьмин М.С. Указ. соч. С. 27.

зарубежного научно-технического опыта²⁷. В конце 1933 г. председателем ВОКС был назначен А.Я. Аросев (с 1922 по 1933 г. находившийся на дипломатической службе)²⁸. Его назначение было связано со стремлением советского руководства усилить международную поддержку советским мирным предложениям.

Председатель ВОКС на встречах с иностранцами не раз высказывал мысль о том, что «укрепление мирных отношений всегда содействует установлению более тесных культурных связей между народами, совершенно так же, как установление культурных связей является необходимым условием для мирной политики»²⁹. Эта политика требовала установления тесных связей с обществами культурного сближения с СССР в зарубежных странах и участия в деятельности международных организаций, обеспечивающих развитие культурного обмена. Советское правительство, отказываясь от участия в работе Лиги Наций вплоть до 1934 г., уже в начале 20-х гг. сделало исключение для Международной комиссии интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций, в работе которой принимали участие представители 40 государств. От СССР в ее работе участвовал А.В. Луначарский. С 1934 г. ВОКС сотрудничал с Парижским Институтом международного интеллектуального сотрудничества. Тогда же по предложению НКВД на ВОКС были возложены функции, аналогичные тем, которые выполняли национальные комиссии интеллектуального сотрудничества в других странах. Речь шла о координации связей советских научных и учебных заведений с соответствующими зарубежными организациями, об участии в работе международных комиссий экспертов по актуальным проблемам международной жизни и культурного развития.

Интенсивность работы организаций международного интеллектуального сотрудничества и обществ культурного сближения с СССР за рубежом постепенно возрастала. Большой интерес вызывали не только вопросы культурного, но и общественно-политического, социального характера. Число запросов, адресованных непосредственно ВОКС и через полпредства СССР, составляло, например, в 1935 -1936 гг. в среднем от 25 до 30 в день. В это время было налажено сотрудничество с общественными организациями и отдельными деятелями культуры в 80-ти странах

---

²⁷ Там же. С.27.

²⁸ Литвин А.Л., Ненароков А.П., Несмелов В.В. Александр Аросев. Казань. 1974.

²⁹ Там же. С. 60-61.

мира. Напомним, что дипломатические отношения с СССР тогда установили лишь 34 государства³⁰.

О новых задачах ВОКС свидетельствует его новая структура, построенная так же, как в НКВДе, по территориально-производственному принципу в 1934 г. В октябре 1935 г. для приёма иностранных деятелей науки и искусства, посещавших ВОКС, был создан Протокольный отдел. Все отделы общества были призваны поддерживать регулярные связи с обществами культурного сближения с СССР в зарубежных странах и уполномоченными ВОКС в них, изучать положение интеллигенции в капиталистических странах³¹.

Назначение председателем ВОКС А.Я. Аросева, имевшего опыт дипломатической работы, и новая структура аппарата общества свидетельствовали о том, что его деятельность переориентировалась на решение, прежде всего, задач внешней политики. ВОКС обращается к влиятельным кругам интеллектуалов, чтобы обеспечить поддержку мировым общественным мнением советских предложений по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Общество становится важным элементом внешнеполитического курса, направленного на предотвращение разжигания войны. Советская творческая общественность активно включилась в эту работу.

Более сложным оказалось отношение европейских деятелей культуры к сотрудничеству с СССР во второй половине 30-х гг. Для многих участников культурного сотрудничества пассивное отношение к совместной политической борьбе с СССР против угрозы войны определялась представлением о своей национальной культуре как части западной цивилизации. Они не считали возможным действовать вопреки внешнеполитическому курсу ведущих западноевропейских государств даже тогда, когда считали его неэффективным, опасаясь остаться вне рамок западного общества. Другим сдерживающим фактором в интеллектуальной среде было распространённое представление о необходимости удержаться от двух крайностей: фашизма и социализма. Эти представления подогревались активной антисоветской пропагандой. Антикommунизм не был основой отчуждённости значительной части интеллигенции европейских стран, гораздо более существенное влияние на неё оказывал троцкизм, поскольку «левые» позиции тогда были господствующими среди интеллектуалов на Западе. Фашизм отвергался ими по своей сути. Созидательные тенденции в СССР всегда встречали поддержку и понимание интеллигенции, но существенное непонимание со стороны сторонников

---

³⁰ Фокин В. И. Указ. соч. С. 143.

³¹ Там же. С. 125.

сотрудничества вызывала репрессивная практика сталинизма. Поэтому во второй половине 30-х гг. происходит массовое сокращение сторонников сотрудничества с СССР на антивоенной основе.

Непонимание этого обстоятельства порождало у организаторов культурного сотрудничества с советской стороны неоправданные иллюзии. Они предполагали, что преодолеть предубеждения западной интеллигенции можно хорошо организованной контрпропагандой. В письме в ЦК ВКП(б) председатель ВОКС А.Я. Аросев предлагал сделать общество центром пропаганды за рубежом. Но он не получил положительного ответа³². Очевидно, политическое руководство страны предпочитало сохранить за ВОКС его изначальные задачи, что соответствовало прагматическим интересам государства. Задачи предотвращения войны на данном этапе были важнее задач идеологической борьбы. Международные культурные связи не могут быть полностью лишены политического содержания, ибо культура включает в себя систему общественных идеалов. Однако в условиях роста международной напряжённости необходимо было заручиться поддержкой широких политических сил за рубежом, не раздражая их излишней «идеологической щепетильностью».

Тяжёлый удар по работе общества и его престижу за рубежом нанесли репрессии конца 1937 г. В 1938 г. погиб Л.Я. Аросев. Дальнейшая «чистка» аппарата ВОКС привела к замене его сотрудников, изъятию документов за несколько лет, утрате преемственности в работе. В 1939 г. деятельность ВОКС была дезорганизована³³.

Таким образом, деятельность ВОКС в довоенный период способствовала развитию международных культурных связей СССР. Возникнув как общественная организация, ВОКС осуществлял международный культурный обмен в соответствии с государственной политикой, направленной на развитие экономики, науки и образования в стране, обеспечение международной поддержки внешней политики СССР. Международные культурные связи СССР способствовали развитию общества в сложный период исторического развития страны и мира. Они способствовали формированию широкой антифашистской платформы, которая хотя и не смогла предотвратить войну, но создала широкую поддержку созданию антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны.

---

³² Литвин А.Л., Ненароков А.П., Несмелов В.В. Указ. соч. С. 65

³³ Фокин В.И. Указ. соч. С. 144-145.

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Аннотация. В Советском Союзе был взят курс на социалистическую индустриализацию, а также на социалистическое преобразование сельского хозяйства, т.е. на коллективизацию. Это было обусловлено внутренними и внешними причинами. Выдающийся вклад в модернизацию Советского Союза внёс И.В. Сталин.

Ключевые слова: Советский Союз, И.В. Сталин, корректировка политики.

В первой половине 1930-х годов руководство Советского Союза внесло серьёзные коррективы в свою внутреннюю и внешнюю политику, осуществило серьёзные преобразования во всех сферах экономики, политики, идеологии и культуры, военном деле и дипломатии. Эта была «великая революция», которая явилась политическим ответом ВКП(б) на изменения внутренней и внешней ситуации и одновременно опыт социалистической модернизации. Поэтому, оценивая сегодня историческую роль И.В.Сталина, нельзя из-за допущенных им политических ошибок отрицать его вклад в этот процесс.

1. Причины корректировки внутренней и внешней политики Советского Союза в первой половине 1930-х годов.

(1) Дискуссии в руководстве партии о пути строительства социализма в одной стране

В 1925 году восстановление народного хозяйства Советского Союза было в основном завершено, и на повестку дня встала задача масштабного хозяйственного строительства. Как первая и единственная в мире социалистическая страна СССР должен был решить вопросы о средствах, ресурсах и источниках рабочей силы для масштабного строительства? По этим вопросам внутри высшего руководства ВКП(б) возникли серьёзные споры и разногласия, которые были продолжением дискуссии о различных вариантах индустриализации, начатых за долго до этого. Завершение дискуссии о пути построения социализма в одной стране было связано с осуществлением индустриализации.

После победы Октябрьской революции в партии большевиков было много споров о том, как строить социализм в стране с относительно слабой промышленной базой и большим крестьянским хозяйством. В.И. Ленин считал, что следует, прежде всего, развить производительные силы, изменить положение мелкого крестьянского хозяйства и создать крупную машинную индустрию страны. Ему принадлежала знаменитая формула «Коммунизм—это советская власть плюс электрификация всей страны».

Постановление IX съезда Российской коммунистической партии (большевиков), принятое весной 1920 г., определило основные задачи партии: во-первых, улучшить условия транспорта для обеспечения доставки и организации самых необходимых запасов продовольствия, топлива и сырья на фронт; во-вторых, производство транспортных средств, производство машин для добычи топлива, сырья и производства продовольственных культур; в-третьих, наращивать развитие машиностроения для повседневных нужд; наконец, на шаг увеличить производство предметов первой необходимости¹. Это постановление заложило предварительную теоретическую и политическую основу социалистической индустриализации, в основном определило путь социалистического строительства с развитием тяжёлой промышленности как её основного направления.

Когда гражданская война в основном закончилась, «политика военного коммунизма» стала встречать всё более серьёзное сопротивление крестьян, что вновь резко обострило социальные противоречия. В этих условиях большевистская партия своевременно внесла коррективы в свой курс и сформулировала «новую экономическую политику» (НЭП). Осуществление этой политики полностью восстановило производительные силы Советской России, но активизировались также городские и сельские капиталистические факторы. Бурное развитие частного капитала и частной промышленности и торговли вновь привели к противостоянию социализма и капитализма, встал вопрос - «кто кого побеждает?». Кроме того, Россия являлась традиционно аграрной страной. При создании социалистической промышленной базы важным вопросом являлся вопрос о том, как направить крестьян на социалистический путь, как преобразовать сельское хозяйство и как его интегрировать в систему социалистического развития. В своё время В.И. Ленин предложил создать кооперативы, чтобы соединить индивидуальные интересы крестьян с интересами всего общества и постепенно перевести сельское хозяйство на социалистические рельсы. При этом В.И. Ленин подчёркивал, что при осуществлении сотрудничества с крестьянством необходимо придерживаться принципа добровольности и взаимной выгоды, не следует применять меры принуждения.

Следует признать, что в партии большевиков не было единого отношения к ленинским положениям о социалистической индустриализации и социалистическом преобразовании сельского хозяйства: перед смертью В.И. Ленина шла дискуссия в партии, а после его смерти эта дискуссия была сметена все более усиливающейся политической борьбой внутри ру-

---

¹ IX съезд РКП(б) . Пекин: Жэньминь чубаньшэ. 1964. С. 3-4 (кит.яз.).

ководства партии. В декабре 1925 года 14-й съезд Коммунистической партии (большевиков) в ходе ожесточённых дебатов принял политику социалистической индустриализации, взяв курс на превращение Советского Союза из аграрной страны в индустриальную. Этот съезд положил начало периоду планомерной и широкомасштабной социалистической индустриализации. Однако по поводу того, сможет ли СССР построить социализм, как вести крупномасштабное социалистическое строительство, какими темпами проводить социалистическую индустриализацию, как осуществить социалистическое преобразование сельского хозяйства, в руководстве Коммунистической партии разгорелись споры. Дискуссии шли одна за другой: И.В. Сталина с Л.Д. Троцким, И.В. Сталина с "новой оппозицией" в лице Г.Е. Зиновьева и Л.П. Каменева, а также И.В. Сталина с Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и др. Дебаты закончились победой И.В. Сталина. Оппозиция в партии была побеждена, Сталин взял под свой контроль руководство страной, что позволило корректировать её внутреннюю и внешнюю политику.

Социалистическое строительство, социалистическая индустриализация стали осуществляться так, как это предлагал И.В. Сталин. Он сделал упор на *быстрое проведение* социалистической индустриализации, *крупномасштабное преобразование в деревне, ускорение коллективизации*. На практике советский режим постепенно «отказался» от НЭПа.

(2) Экономический кризис в капиталистическом мире и рост международной напряжённости

После победы Октябрьской революции Советская Россия оказалась в окружении империалистических и капиталистических стран и фактической изоляции. Руководители партии и государства должны были уделять большое внимание международной обстановке и корректировать внутреннюю и внешнюю политику в соответствии с международной обстановкой, чтобы обеспечить национальную безопасность. 1924—1928 годы были периодом относительной стабильности в капиталистическом мире. Европейская экономика, сильно пострадавшая от Первой мировой войны, смогла восстановиться и получила развитие: в США наступила политическая стабильность, «бум Кулиджа». Однако противоречия между крупнейшими капиталистическими странами не ослабевали, борьба продолжилась, не изменился полностью курс капиталистических стран на окружение и изоляцию СССР. Поэтому И.В. Сталин считал, что миру угрожает опасность войны: с одной стороны, существует опасность войны в связи с непрерывным обострением противоречий между империалистическими странами вследствие неуравновешенности экономического и политического развития; с другой стороны, существует опасность развязывания империалистическими странами войны против Советского Союза. В этих

условиях его советское руководство придерживалось миролюбивой внешней политики, активно участвовало в международном разоружении, подписав в апреле 1929 г. «Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики», упорно боролось за сохранение мира во всём мире. В то же время активная поддержка СССР революционной борьбы народов, делало страну важным фактором предотвращения мировой войны, усиливало поддержку его внешней политики.

Начавшийся в 1929 г. экономический кризис быстро распространился из США в Канаду, Японию и Западную Европу, охватив почти весь капиталистический мир. Кризис привёл к сжатию мировых рынков и нарушению почти всей международной торговой и финансовой системы. Чтобы выйти из кризиса и избежать чрезмерного обострения внутренних социальных противоречий, крупные капиталистические страны нашли свой собственный выход: США ввели «Новый курс Рузвельта», Великобритания, Франция и другие страны усилили макроэкономический контроль и управление, а Германия, Япония и Италия встали на путь фашизма, в результате чего все отрасли народного хозяйства, особенно промышленное производство, были полностью интегрированы в орбиту военного времени. В 1931 году Япония начала агрессивную войну против Китая, Италия вторглась в Грецию и завоевала Ливию. Экономический кризис в капиталистическом мире перерос в серьёзный политический кризис. Это стало угрожать миру и безопасности во всём мире, а международная обстановка, в которой находился Советский Союз, становилась все более сложной.

Однако экономический кризис также принёс Советскому Союзу возможности для развития: в условиях кризиса разные страны пытались расширить экспорт и, чтобы защитить свою экономику, продавали товары на международном рынке, как следствие, между ними началась экономическая война. Ряд стран выступил с инициативой осуществления экономического и торгового обмена с СССР. Советское правительство воспользовалось ситуацией и стало закупать передовое западное производственное оборудование по низкой цене, приглашать западный технический персонал, благодаря чему была создана крупная социалистическая индустриальная база. Чтобы решить проблему нехватки иностранной валюты, Советское правительство активизировало экспорт продовольствия, энергии и сырья. В этом контексте в Советском Союзе были внесены серьезные коррективы в его внутреннюю и внешнюю политику.

2. Основное содержание корректировки внутренней и внешней политики Советского Союза в первой половине 1930-х годов.

(1) Осуществление первой и второй пятилеток привело к превращению Советского Союза из аграрной страны в индустриальную

В 1928 году было объявлено о реализации первого пятилетнего плана. С конца 1929 г. по начало 1930 г. на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) был утверждён курс на «ускоренное развитие» - проведение индустриализации, ускорение строительства крупной социалистической промышленности. Социалистическое строительство СССР вступило в эпоху «великого перелома». С началом в 1929 г. мирового экономического кризиса Советский Союз изменил первоначальную практику постепенного использования западных технологий и оборудования и перешёл к их расширенному внедрению. В то время СССР в основном импортировал техническое оборудование из США и Германии: в октябре 1929 г. советское правительство утвердило более 70 договоров об иностранной технической помощи и технических консультациях, из них 55 были из США, на долю всех приходилось 78%.² Из 104 договоров о технической помощи, заключённых в 1930 г., 84 были подписаны с американскими и немецкими компаниями. Три крупных металлургических завода в Советском Союзе - Магнитогорский, Кузнецкий и Запорожский, были построены с помощью США. Крупнейшая Днепровская ГЭС возведена в 1933 г. с применением американского технического оборудования и с участием американских технических специалистов. В первой половине 1930-х гг. СССР был последовательно построен ряд городов, ориентированных на выплавку металла, производство тракторов, автоматизацию и авиастроение: Сталинград (ныне Волгоград), Магнитогорск, Кузнецк, Ростов-на-Дону, Керчь и др. Строительство промышленных объектов с иностранной помощью велось и в Москве.

Советское правительство также активизировало привлечение иностранных технических специалистов. По статистике Экспертного бюро ЦК КПСС, с 1929 г. по первую половину 1930 г. было привлечено 2538 иностранных инженеров и техников, в том числе 1488 инженеров и 1050 техников и рабочих. В основном они приезжали из Великобритании, Германии, Италии, Чехословакии и США³. Во второй половине 1930 г. советское правительство ускорило процесс привлечения иностранных специа-

---

² Современная история Советского Союза. 1917-1945 / под ред. Чжан Идэ/. Чанчунь: Изд. Цзилинь чубаньшэ. 1988. С. 207 (кит.яз.).

³ РГАСПИ.Ф.17.Оп.120. Д.38.Л.29.

листов: только в сентябре 1930 г. в СССР работало 6896 иностранных специалистов и рабочих, а к концу октября их число достигло 7641 человека. В основном они были заняты на технических и общих работах в автомобильной, металлургической, угольной, химической, строительной, лесодобывающей и деревообрабатывающей, цветной металлургической, текстильной, кожевенной и других отраслях промышленности⁴. Благодаря деятельности правительства и внедрению западной техники и оборудования в первую пятилетку в СССР были достигнуты заметные успехи. Однако из-за того, что задачи, поставленные в первой пятилетке, были слишком высокими, некоторые из них остались невыполненными. Советское правительство скорректировало показатели при составлении второго пятилетнего плана. Его показатели были ниже и более сбалансированными, снизился индекс крупного промышленного строительства, однако показатели, связанные с социальными программами, остались неизменными, что в некоторой степени позволило улучшить условия жизни граждан.

(2) Продвижение коллективизации в деревне

Ускорению процесса индустриализации и в целом строительству социализма препятствовало отсталое сельское хозяйство. В 1927 году на XV съезде партии И.В. Сталин указал путь избавления от отсталости советского сельского хозяйства: «Выход состоит в том, чтобы превратить разрозненные мелкие крестьянские хозяйства в крупные коллективные хозяйства на основе общественной собственности. Другого выхода нет»⁵. В соответствии с этой директивой советское правительство начало проводить политику коллективизации. Первоначально она продвигалась постепенно и основывалась на принципе добровольности: крестьяне могли решать - вступить в колхозы и совхозы или выйти из них. В 1928 г. темпы коллективизации ускорились, а в 1929 г. началась всеобщая коллективизация. В процессе коллективизации крестьяне были вынуждены вступать в колхозы, что вызывало противодействие со стороны кулаков, середняков и даже части бедноты, что не могло не вызвать сопротивление. В конце 1929 г. советское правительство изменило свою политику в отношении кулаков: началась экспроприация собственности, их насильственное переселение. Это вызвало серьёзное недовольство, крестьяне стали забивать скот и прятать продукты. Контрмерой Компартии было ускорение темпов коллективизации, «коллективизация... хлебных районов может быть в основном завершена осенью 1931 г. или самое позднее весной 1932

---

⁴ 根据 РГАСПИ.Ф.17.Оп.120. Д.38. Л. 112-114, Л.144 的资料整理。

⁵ И.В. Сталин. Собр. соч. Т. 10. Пекин. 1956. С. 151-152 (кит.яз.).

г»⁶. Одновременно правительство приняло постановление о конфискации собственности богатых крестьян и передаче ее колхозам, против крестьян, сопротивлявшихся коллективизации, стали использоваться репрессии. При этом крестьянство делилось на три категории. Первая категория - это те, кто вел антисоветскую деятельность, вторая - вынужденно мигрировала в районы на севере или востоке страны, третья - была ограничена в правах и выселена на окраины деревень или города⁷.

Что касается числа репрессированных богатых крестьян, то, по архивным данным в 1930 г. было насильственно переселено 82114 дворов, из них в Северный край — 45 562, в Сибирский край — 11935. В 1931 г. насильственно переселено 27 868 дворов, в том числе на Урале 9167 дворов, в Казахстане 9467 дворов, в Восточно-Сибирском крае 3916 дворов. Это данные официального советского архива. Существует и «неофициальная» статистика: в 1930 г. было насильственно переселено 113013 богатых крестьянских дворов, в них проживало 551330 человек, а общее число богатых крестьянских дворов, насильственно переселённых в 1930-1931 гг., составило 315 800, в которых проживало 1483 000 человек⁸. Согласно анализу некоторых исследователей последних лет, эти цифры вызывают большее доверие. Ряд исследователей утверждают, что к концу 1930 г. средства производства и земли были конфискованы более чем у 700 тыс. зажиточных крестьян; к концу 1931 г. их было уже более 1,8 млн.⁹ В результате в стране только за 1930—конец 1932 г., около 60 000 богатых крестьянских дворов в хлебопотребляющих районах подверглось репрессиям¹⁰. Как результат, в сельской местности стал распространяться голод, который только к лету 1933 г. удалось локализовать. В 1934 г. правительство снизило квоты на закупку его зерна в сельской местности, значительно сократился и экспорт зерна, голод в деревне в основном прекратился.

---

⁶ XVI съезд ВКП(б). Пекин: Изд. Жэньминь чубаньшэ. 1957. С.113; «Сб. постановлений съездов и Центрального пленума КПСС». Пекин: Народное издательство. Т. 4. 1957. С. 113.

⁷ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы / под. ред. А. Береловича и В. Данилова / Т.3. 1930-1934. Кн. 2.1932-1934. М.: РОССПЭН. 2005. С. 8-9 (на кит.яз.).

⁸ РГАСПИ.Ф. 5. Оп.1. Д.52. Л.20-21.

⁹ Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 30-е годы. Социологические исследования. 1991. №10. С.20.

¹⁰ История расцвета и гибели Советского Союза. Пекин: Изд. Шанхай чубаньшэ. 2002. С. 349 (кит.яз.).

(3) Реформирование партийных и государственных органов

Процесс реформирования начался в 1927-1928 гг. и в основном был осуществлен к началу 1930-х гг. ряд исследователей называют этот процесс первым шагом И.В.Сталина по зачистке «старой гвардии». В результате в руководстве партии назначение и снятие кадров было серьёзной корректировкой, а статус и авторитет И.В.Сталина упрочились. В 1930 г. Центральный комитет партии запустил проект институциональной реформы, который предусматривал усиление роли партийных органов в проведении кадровой политики. Эта институциональная реформа проводилась по функциям и производственным секторам, широко использовался принцип привилегий. В 1930 г. за кадровую политику партии отвечали два Отдела: Организационный отдел, занимавшийся подбором кадров для партийных органов, и Распредотдел, отвечавший за подбор кадров для органов госуправления.

В начале 1934 года состоялся 17-й съезд ВКП(б), на котором были избраны четыре секретаря Центрального секретариата: А.А. Жданов, Л.М. Каганович, С.М. Киров, И.В. Сталин, имевших разные полномочия, но главным был И.В. Сталин. В это время были внесены некоторые коррективы в органы ЦК.

В 1934-1938 гг. кроме Организационного отдела и Распредотдела органами ЦК существовали Отдел культуры, пропаганды, Особый сектор Управления делами, Институт Маркса-Энгельса-Ленина и др. Были созданы Бюро ЦК ВКП(б) по Сибири и Дальнему Востоку.

Была усилена роль существовавших наркоматов и образованы новые: наркоматы земледелия, тяжёлой промышленности, транспорта, финансов, юстиции, торговли, здравоохранения, иностранных дел, внутренних дел, социального обеспечения, просвещения и др.¹¹.

(4) Усиление контроля за сферами идеологии и культуры

И.В. Сталин обращал особое внимание на подготовку и идеологическую работу партии. В 1930 году А.А. Жданов сменил Н.И. Бухарина и возглавил идеологическую работу партии. ЦК партии начал внедрять жесткую систему цензуры книг и периодических изданий для унификации сознания в идеологическом поле. 5 октября 1930 г. было принято постановление «О реорганизации Главного управления инспекции государственной тайны печати» (Главлит), согласно которому были значительно расширены его права. Этим постановлением строго регламентировалась

---

¹¹ История Коммунистической истории Советского Союза / под ред. А.Б. Безбородова и Н.В. Елисева.. М.: Политическая энциклопедия. 2014. С. 208-211.

публикация материалов негативного характера о положении в стране. Главлит также отвечал за рассмотрение периодических и популярных материалов для чтения, а также непериодических изданий, различных фотографий, рисунков, карт, материалов для чтения, изданных в соответствии с правилами и инструкциями, печатной продукции и книг в библиотеках и книжных магазинах, он также стал отвечать за их рецензирование. Все спектакли, оперы, фильмы, концерты рецензируются. Кроме того, есть люди, специализирующиеся на мониторинге массовой информации и устной агитационной пропаганде принципов и политики партии. К концу 1930 года этой работой регулярно занимались 112 тысяч человек¹². В 1931 году был создан Институт Красной профессуры, в состав которого вошли кафедры сельского хозяйства, мировой экономики и политики, естествознания, построения правовой системы, философии, литературы, истории и др., специализирующийся на подготовке университетских кадров.

3. Последствия корректировки внутренней и внешней политики Советского Союза в первой половине 1930-х годов

По характеру корректировки внутренней и внешней политики в СССР в первой половине 1930-х годов можно сделать вывод о том, что советское правительство воспользовалось стратегической возможностью, сложившейся в результате экономического кризиса в капиталистическом мире. Благодаря такому подходу, Советский Союз смог осуществить индустриализацию страны за срок немногим более десяти лет, заложив основы современной промышленности, которые не только обеспечили его победу в Великой Отечественной войне и послевоенного восстановления экономики, но и сделали СССР мировой державой наравне с США.

С точки зрения целей политики корректировки в Советском Союзе в первой половине 1930-х годов в ней можно условно выделить две главные черты: реализация линии партии и исправление отклонений в работе.

После 1930 г. правительство продолжало увеличивать норму хлебозаготовок, намного превышавшую производственные возможности деревни. В некоторых случаях происходило принудительное изъятие зерна и семян, что не могло не вызвать противодействия крестьян. В 1934 году Советское правительство понизило норму хлебозаготовок, сократило вывоз зерна, предотвратило массовый голод, обеспечило внутреннюю продовольственную безопасность, скорректировало показатели второй пятилетки. Тем не менее, успехи в индустриализации были очевидны.

---

¹² Там же. С. 215-216.

Вторая характерная черта — корректировка методов управления партийно-государственными органами, а также меры по улучшению социальной атмосферы и мобилизации трудового энтузиазма. Руководство партии признавало, что «члены партии недовольны крайне плохими условиями жизни, усилением добровольческого труда, бесконечными партийными собраниями, не участвуют в партийных собраниях и отказываются от задач, поставленных партией»¹³.

В партийной пропаганде все большее влияние приобретает коллективизм, в идеологии и культуре — энергичная пропаганда патриотизма, продвижение социалистических ценностей, формирование "новых людей"¹⁴.

Однако политические решения, связанные с разногласиями в руководстве партии, явно имели тенденцию к расширению, и фактически оказались прелюдией к большой чистке. Расширение размеров чистки в партии нанесло серьёзный ущерб социалистической законности и причинило вред стране и обществу.

Анализируя корректировки внутренней политики в Советском Союзе в первой половине 1930-х годов, необходимо знать и понимать ситуацию в стране и характер международных отношений того времени.

Судя по международной обстановке, существовала опасность новой мировой войны. Чтобы избежать её, Советскому Союзу необходимо было принять чрезвычайные меры. Следует добавить, что именно международная ситуация заставила СССР ускорить темпы строительства народного хозяйства. В процессе корректировки политики в первой половине 1930-х гг. возникало немало спорных моментов, среди которых нужно назвать несбалансированное развитие процесса социалистической индустриализации и развития сельского хозяйства, легкой промышленности, ряда других отраслей; вставал вопрос о всеобщей коллективизации. Некоторые события рассматриваемого периода неоднократно поднимались впоследствии: репрессии и раскулачивание, причины развернувшегося голода, судебные политические дела против внутрипартийной оппозиции. Так, голод СССР наложил свой отпечаток на восприятии политики коллективизации. После распада Советского Союза этот вопрос становится одной из обсуждаемых тем в области дипломатии, истории, культуры и идеологии.

---

¹³ История Коммунистической истории Советского Союза. С.211.

¹⁴ Американская журналистка Анна-Луиза Стронг, много лет жившая в Советском Союзе, использовала этот термин для обозначения строителей Советского Союза в 1930-х годах в своих собственных работах, позже этот термин стал ссылкой на строителей той эпохи // Anna Louise Strong. The Stalin Era. New York : Mainstream Publishers . 1956. P.47.

С момента распада Советского Союза почти каждое историческое событие того времени стало дискуссионным вопросом, в том числе между Россией и Украиной.

Из вышеприведённого анализа мы видим, что корректировка политики в первой половине 1930-х годов была непрерывным стратегическим выбором, основанным на анализе внутренней и внешней ситуации, особенно на изменениях в международной обстановке. Это была в основном стратегия Сталина. Его наблюдение, анализ и оценка были трезвы или рациональны, решения о корректировке политики в принципе были правильными, их практический эффект тоже очевиден.

4. Вклад И.В. Сталина в модернизацию советского государства

В первой половине 1930-х годов все внутривнутриполитические и внешнеполитические корректировки в Советском Союзе проводились под контролем или непосредственным руководством И.В. Сталина, и это было периодом переплетения «побед и неудач» в управленческой карьере И.В. Сталина. В своём секретном докладе XX съезду КПСС Н.С. Хрущёв обвинил И.В. Сталина в авторитаризме и создании своего культа личности, что открыло прелюдию к «критике И.В. Сталина». После 22-го съезда КПСС началось «Движение за десталинизацию». В то время среди учёных Запада сформировалось мнение, что «марксизм умер, а социализм потерпел крах», и что касается СССР, то марксистский социализм давно умер, и Иосиф Сталин убил его сто лет назад, в период 1929-1938 годов, убил СССР во время нисходящей революции и чистки¹⁵. Эти представления послужили основанием отрицания И.В. Сталина, истории Советского Союза и даже социалистической системы в период горбачёвских реформ. В течение длительного периода времени до и после распада СССР оценка деятельности И.В. Сталина была крайне низкой. У некоторых учёных создалось впечатление, что ошибки сталинского периода были вызваны им лично, что он не был «настоящим ленинцем», что его личный образ был не в ладах со страной¹⁶. Все эти обвинения и критика основаны на негативных последствиях «сталинской диктатуры», «великих чисток» и «предательства марксизма-ленинизма».

Однако если мы посмотрим на достижения Советского Союза в социалистическом строительстве в 1930 г., его победу в Великой Отечественной войне, восстановление народного хозяйства после неё, то вывод

¹⁵ Danies R. V. Trotsky, Stalin and Socialism. Westview.1991. P 121.

¹⁶ Файджес О. Шептуны: частная жизнь в СССР в сталинскую эпоху / пер. с англ. Мао Цзюньцзе/. Нанкин: Изд. Педагогический ун-т Гуанси. 2014. С. 576 – 586.

свидетельствует о том, что идеи И.В. Сталина, его деятельность, постоянная корректировка внутренней и внешней политики в контексте больших перемен имела большое значение для индустриализации и модернизации СССР. Если суммировать кратко, вклад И.В. Сталина в модернизацию Советского Союза состоит в следующем:

Во-первых, И.В. Сталин выдвинул теорию национальной индустриализации и сумел осуществить её на практике, хотя и использовались методы принуждения. Ещё при жизни И.В. Сталин опубликовал ряд книг по вопросам ленинизма, национальному вопросу, политической экономии. Специалистов, которые занимались бы изучением «сталинской теории» не так много. Начиная с доклада Н.С. Хрущёва XX съезду КПСС, оценка Сталина сводилась к критике негативных последствий его политики, а в период реформ Горбачёва развернулась волна критики. Запад интерпретирует идеи и деятельность И.В. Сталина в терминах «сталинизм» и «сталинская модель», что означает полное отрицание его вклада в теорию. В наше время у российских и китайских учёных существует ряд объективных исследований о И.В.Сталине, но в основном они сосредоточены на его практической деятельности.

Вышедшая в 2019 году книга профессора В.В. Трушкова «Сталин как теоретик»¹⁷ даёт представление о сталинской теории строительства большевистской партии, теории социалистической революции, наследования и развития ленинизма, теории наций и национальных отношений и классовой борьбы. Теория диктатуры пролетариата и т. д. всесторонне обобщены и проанализированы. Это «долгожданная» книга ученого, дающая всеобъемлющий и объективный итог и оценку теоретических работ И.В. Сталина¹⁸.

По существу, И.В.Сталин говорил о «построении социализма в одной стране», «использовании возможностей в мире капиталистического экономического кризиса», «ускорении индустриализации с целью догнать передовые страны Запада», «построении сильной социалистической промышленной базы», «развитии крупного социалистического хозяйства», «социалистическом сельском хозяйстве», и все его рассуждения имели важное руководящее значение для социальных преобразований в Советском Союзе в первой половине 1930-х годов, сохранили своё значения для

---

¹⁷ Трушков В.В. Сталин как теоретик, М.: Мир философии. 2019.

¹⁸ И.А.Гобозов. Таковую книгу ждали давно //

<https://www.politpros.com/journal/read/?ID=8503&ysclid=l6vusro7sc721949496>

строительства современной крупной промышленности. Под руководством И.В. Сталина СССР активизировал строительство крупной социалистической промышленности, заложил прочный фундамент для победы над фашизмом и превращения после Второй мировой войны Советского Союза в мировую державу, равную США и Великобритании. Именно поэтому систематическое изложение сталинской социалистической экономической и политической мысли имеет особое значение для социалистического строительства.

Во-вторых, практическая деятельность И.В. Сталина способствовала модернизации всех сфер советского общества. В экономическом отношении были осуществлены социалистическая индустриализация и коллективизация сельского хозяйства; с помощью нескольких пятилетних планов была создана сильная советская индустриальная система. Крупное социалистическое сельское хозяйство, представленное колхозами, более чем на полвека стало моделью развития сельского хозяйства самого Советского Союза и других социалистических стран. Конечно, поскольку коллективизация была первой попыткой создать социалистическую коллективную сельскохозяйственную экономику, ее сопровождали крупные издержки. Следует признать, что она сказалась на трудовом энтузиазме крестьян, не удалось полностью преобразовать советскую деревню и построить мощное социалистическое земледелие.

В политическом плане И.В. Сталин создал государственные органы и укрепил партийное руководство. В 1936 году была обнародована вторая Конституция СССР. Она четко определяла характер государственной власти, систему и механизм управления, хотя эта Конституция трактует марксизм «догматично», она имеет большое значение для защиты национального суверенитета и национального единства, разъяснения природы социалистического государства, определения социалистического экономического и политического строя. Именно на этой основе Советский Союз создал мощную армию. Модель управления Советской Армией сохранялась вплоть до распада социалистического государства, созданная военная техника оказывала определённое влияние на современную Россию. Если говорить о внешней политике Советского Союза, то И.В. Сталин выступил за мирное сосуществование со странами Запада, поддержал создание системы коллективной безопасности.

В 1945 году СССР вступил в Лигу Наций и стал её постоянным членом, что значительно повысило международный статус страны. По окончании Второй мировой войны Советский Союз стал одним из создателей ООН и одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности. Это дипломатическое наследие активно действует и сегодня. Советский Союз

ликвидировал неграмотность, осуществил урбанизацию, создал ряд новых социалистических городов, заложив основу для последующих десятилетий строительства. Советский Союз стал страной, заложившей социалистические ценности и по которой тосковала западная молодёжь.

В-третьих, Советский Союз дал пример «вождя крупной социалистической страны». Один китайский учёный пришёл к следующему выводу: «Долгосрочный закон мировой экономики показал, что общий кризисный период мировой экономики часто является возможностью для подъёма новых экономических держав»,...«Германия в середине XX века является очевидным примером этого».¹⁹ Т.е., круги мировой экономики создают возможность развития. Это своим примером доказал Советский Союз.

В то время советское правительство не только воспользовалось возможностью «общего использования достижений мирового хозяйства», но и плодами научно-технической революции. Оценка И.В. Сталиным значения техники и кадров для развития страны способствовало прогрессу науки. Подъём техники в значительной степени способствовал повышению квалификации рабочих и повышению технического уровня предприятий. Обратным примером являлось то, что в начале 1970-х годов капиталистический мир столкнулся со «стагфляцией».

В 1967 году ряд советских специалистов и учёных предложили использовать новые технологии, внедрять электронно-вычислительные машины, проводить реформы в области народного хозяйства. Однако советское руководство не воспользовалось этими рекомендациями и упустило важную возможность развития²⁰.

В целом, Советский Союз в 1930-е годы под руководством И.В. Сталина умело воспользовался ситуацией и шансами, порождёнными экономическим кризисом в капиталистическом мире: своевременно скорректировал национальную стратегию развития, добился скачкообразного перехода страны в разряд индустриальных. Страна прошла этот путь чуть более чем за десять лет.

И.В. Сталин был выдающимся стратегом, без него трудно представить себе достижения социалистического преобразования СССР, итоги Великой Отечественной войны и Второй мировой войны. Роберт Дэниелс сказал: «Историческая роль Сталина велика, даже больше, чем его поклонники воздают ему честь. Как человек, приверженный краткосрочной

---

¹⁹ Жэньвэй Хуан. О периоде стратегических возможностей. Мировые экономические исследования. 2003. №6.

²⁰ Островский А.В. Кто поставил Горбачева. Москва: Алгоритм. ЭКСМО. 2010.

стратегии и решению проблем, он во всех отношениях идеологически легитимен, он создал режим, максимально реагирующий на глубинные силы советского общества»²¹. Конечно, социалистическое строительство в сталинский период можно назвать "деспотичным" действием, и "деспотичные" ошибки были неизбежны. Но ничто из этого не может отрицать исторический статус И.В. Сталина как лидера, оказавшего огромное историческое влияние на развитие теории и практику марксизма.

---

²¹ Danies R.V. Trotsky, Stalin, and Socialism. Westview.1991. P.126.

УЧЁНЫЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН:**Д.М. Петрушевский и М.Н. Покровский****в 1917–1930-е гг.**

Аннотация. Д.М. Петрушевский и М.Н. Покровский – знаковые фигуры в российской исторической науки XX столетия. Первый - в области всеобщей истории, второй – в изучении прошлого России. В докладе показано, что, несмотря на глубокие разногласия в понимании перемен, свершившихся в нашей стране в результате Октябрьской революции, оба внесли в 1920-е гг. большой вклад в решение одной из важнейших задач Советского государства – развитие науки и образования, культурного строительства.

В 1917–1930-е гг., в новых в геополитических условиях, сложившихся в нашей стране и в мире после окончания Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны, одной из важнейших задач Советского государства, правящей партии РКП(б) / ВКП(б) становится развитие науки и образования, культурного строительства. Активное участие в её решении приняли выдающиеся российские учёные Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863–1942) и Михаил Николаевич Покровский (1868–1932), жизни и деятельности которых в указанный период посвящён доклад.

Несмотря на глубокие разногласия в их понимании свершившихся в стране перемен, Петрушевский, учёный-медиевист, далёкий от политики, и Покровский, специалист по отечественной истории, профессиональный революционер, большевик, в 1920-е гг. внесли большой вклад в организацию советской науки и образования. Первый из них с 1921 по 1929 г. был директором Научно-исследовательского института при факультете общественных наук МГУ (с 1925 г. – Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, далее – РАНИОН), второй – с 1918 г. до конца жизни являлся заместителем наркома просвещения РСФСР, где в круг его служебных обязанностей входили руководство средней и высшей школой, а также научными учреждениями.

Следует отметить, что Петрушевский и Покровский были знакомы задолго до революции, с 1890-х гг., сотрудничали в ряде общественных организаций. В связи с этим считаю необходимым привести краткие биографические сведения о Дмитрие Моисеевиче и Михаиле Николаевиче на рубеже XIX–XX вв., что имеет важное значение для понимания их взаимоотношений после Октябрьской революции.

Родился Д.М. Петрушевский 1(13) сентября 1863 г. в селе Кобриново Звенигородского уезда Киевской губернии (ныне Черкасская область Украины) в семье приходского священника. Окончил в Киеве историко-

филологический университет св. Владимира, где по рекомендации своего учителя И.В. Лучицкого был оставлен «для приготовления к профессорскому званию» при кафедре всеобщей истории. В 1888 г. командирован в Московский университет, слушал лекции и посещал семинары П.Г. Виноградова и В.О. Ключевского. В 1897 г. Петрушевский защитил в Киевском университете магистерскую диссертацию «Восстание Уота Тайлера», а в 1901 г. в Московском университете докторскую диссертацию «Восстание Уота Тайлера. Очерки из истории разложения феодального строя в Англии». За эту книгу, написанную на основе широкого круга архивных источников и литературы, в которой исследовались ход и причины восстания английского крестьянства 1381 г. под руководством Тайлера, автору была присуждена Большая премия Московского митрополита Макария.

Изучение средневековой Англии стало главной темой специальных занятий учёного. Вместе с тем, он глубоко интересовался проблемами методологии исторической науки, историографии, истории античности, поздней Римской империи. Успешно складывалась преподавательская деятельность Петрушевского. В разные годы он был профессором Московского, Киевского, Варшавского университетов, других вузов. Уделял большое внимание просветительской работе, переводам трудов зарубежных учёных, популяризации исторических знаний¹.

Существенный вклад внёс Петрушевский в развитие методологии исторической науки. Большое влияние на формирование его взглядов в области познания прошлого оказал П.Г. Виноградов, принадлежавшие к социально-экономическому направлению в медиевистике. Многие воспринял он у неокантианцев В. Виндельбанда, Г. Риккерта, позже – у М. Вебера, Г. Белова, А. Допша. В начале своей научной деятельности испытал некоторое влияние идей исторического материализма, изучал труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако Дмитрий Моисеевич не следовал безоговорочно идеям своих предшественников и современников. Так, он осуждал внесение в историческую науку модных тогда методов из естествознания и психологического анализа; в позитивизме был против «школы культурных историков»; в марксизме – поставил под сомнение учение о формациях и обязательной закономерности их смены. Л.А. Микешина и Т.Г. Щедрина, авторы третьего раздела коллективной монографии «Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М.

---

¹ См.: Мильская Л.Т. Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863–1942) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.: Иерусалим, 2000. С. 133–142.

Петрушевский, В.М. Хвостов», обратили внимание, что уже в первых своих работах Петрушевский рассматривал историческую науку как целостный феномен, «где осмысливаются особенности культурного и материального направлений», сделал вывод, «что методология исторической науки того времени нуждается в существенном пересмотре»².

Методологическая концепция учёного нашла отражение в его главной книге «Восстание Уота Тайлера» и в специальных статьях «Очерки из истории английского государства и общества в средние века», «Очерки из истории средневекового общества и государства», в его работах «Великая Хартия Вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII в.», «К вопросу о логическом стиле исторической науки». По сути дела, говорится в статье Л.А. Микешиной в указанной монографии, «он сформулировал важнейшие методологические принципы для историков»³.

Многие идеи Петрушевского, построенные на далеком от современности материале средневековой Англии, оказались созвучными демократическому общественному движению на рубеже XIX–XX вв., давали ответы на многие актуальные вопросы, выдвигавшиеся российской действительностью. Его друг Р.Ю. Виппер вспоминал: «Петрушевский прослыл самым радикальным из историков, наиболее близким к демократическим и революционным ожиданиям нашей современности, можно бы сказать – апологетом крестьянских восстаний»⁴. Последнее утверждение Виппера явное преувеличение. Однако не подлежит сомнению, что в то время Дмитрий Моисеевич разделял либеральные демократические настроения, господствовавшие среди профессуры и студенчества. Об этом свидетельствует его работа в Комиссии по организации домашнего чтения, в Обществе для пособий нуждающимся студентам Московского университета, в Психологическом обществе. В 1911 г. Петрушевский в

---

² Микешина Л.А., Щедрина Т.Г. Логический стиль исторической науки: Дмитрий Петрушевский и Густав Шпет // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов. М., 2019. С. 311–312.

³ Микешина Л.А. Дмитрий Моисеевич Петрушевский: методологические поиски и убеждение учёного // Указ. соч. С. 295. Автор имеет в виду работу Д.М. Петрушевского «К вопросу о логическом стиле исторической науки» (СПб., 1915).

⁴ Виппер Р.Ю. Пятьдесят лет дружбы с Д.М. Петрушевским // Средние века. Сб. Вып. 2. М.; Л., 1946. С. 31.

составе группы преподавателей Московского университета ушел в отставку в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л.А. Кассо. Вместе с тем, в отличие от многих своих коллег, он не участвовал ни в каких партиях, что было его принципиальной позицией как до, так и после революции. Это подтверждают десятки писем Петрушевского к его ученице М.И. Фурсовой за 1913–1942 гг., опубликованные в журнале «Исторический архив»⁵.

Биография М.Н. Покровского широко известна⁶. Введение в настоящее время в научный оборот новых источников (часть из них до сих пор недоступна) позволяет пересмотреть ряд устоявшихся представлений и стереотипов в освещении его жизни и деятельности.

---

⁵ «Мне выпало в жизни большое счастье: знать близко Дмитрия Моисеевича Петрушевского». Воспоминания М.И. Фурсовой. 1971 г. (далее – Воспоминания М.И. Фурсовой) / Публ. А.А. Чернобаев, Н.М. Осипова // Исторический архив. 2022. № 3. С. 3–51. См. также: Мастера российской историографии: Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863–1942) / Публ. Н.М. Осипова, А.А. Чернобаев // Там же. 2022. № 2. С. 129–151.

⁶ См.: Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970; Говорков А.А. М.Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск, 1976; Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992. Исследованию школы М.Н. Покровского и советской исторической науки конца 1920–1930-х гг. посвящена докторская диссертация А.Н. Артизова, защищенная в 1998 г., и его статьи, написанные с привлечением ранее недоступных исследователям архивных документов. См.: Артизов А.Н. Критика М.Н. Покровского и его школы (К истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1; Его же. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7; Его же. М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. №№ 1 и 2. В зарубежной историографии творчеству М.Н. Покровского посвящены труды Р. Шпорлюка, Б. Эйзенштата, Дж. Барбера (См.: Чернобаев А.А. Указ соч. С. 4–5). Многие годы изучал тему М.Н. Покровский и советская марксистская историография Дж. Энтин (См.: Enteen Georg M. The Soviet Scholar-Bureaucrat. M.N. Pokrovskii and Historians Society of Marxist Historians. London, 1978; Его же. Спор о Покровском продолжается // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 156).

Родился Покровский 17 (30) августа 1868 г. в Москве в семье чиновника. В 1887 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Его любимыми учителями были Виноградов и Ключевский. Решающую роль на формирование Покровского–исследователя оказал Павел Гаврилович. В 1926 г. в статье, посвящённой памяти скончавшегося в эмиграции крупнейшего русского медиевиста, Покровский вспоминал, что на лекциях и семинарах Виноградов ничего не говорил нам о Марксе и Энгельсе, но спасибо ему «уже за то, что именно от него мы впервые узнали о возможности материалистического объяснения истории. Виноградов не доходил даже до “экономического материализма”, он был историком-позитивистом, однако занимался социальной историей, различал классы, указывал на влияние народных масс в истории. И мы, молодёжь, чувствовали себя на пороге настоящей науки»⁷.

В октябре 1891 г. Покровский окончил университет и был оставлен при кафедре русской истории «для приготовления к профессорскому званию». В течение тех лет он продолжал изучать источники и литературу по проблемам истории России и Западной Европы, сдал магистерские экзамены, но по невыясненным причинам (есть сведения, что у него произошёл конфликт с Ключевским) магистерскую диссертацию не защитил.

К этому времени относится начало литературной деятельности Покровского: публикация им рецензий на новые книги по отечественной и зарубежной истории в журнале «Русская мысль»; перевод с немецкого и французского языков двух монографий по истории Англии; написание в 1896–1899 гг. восьми больших статей в «Книгу для чтения по истории средних веков» в четырёх выпусках. Автором двух статей в этом издании – «Восстание Уота Тайлера» и «Джон Уиклифф» – был Петрушевский. Книга составлена, говорится на её титульном листе, «кружком преподавателей под редакцией профессора П.Г. Виноградова». Это подтверждает факт знакомства Петрушевского и Покровского в те годы. Об этом же свидетельствует их совместная работа в Комиссии по организации домашнего чтения в историческом отделении Педагогического общества при Московском университете и в других общественных организациях, а также общий интерес к истории Англии⁸.

---

⁷ Покровский М.Н. П.Г. Виноградов (1854–1925) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. 29 апреля.

⁸ См.: Народная реформация в Англии XVII века / Пер. с нем. Под ред. М.Н. Покровского и Н.Н. Шамониной. М., 1901; Развитие государственного и общественного строя Англии / Пер. с фр. Изд. под ред. М.Н. Покровского. М., 1903.

По воспоминаниям Покровского, в середине 1890-х гг., после семи лет обучения в университете, он был «робким магистрантом», его голова «разбухла от занятий, никак не связанных с действительностью», оторван «от насущных проблем современности». В условиях быстрого роста революционного движения в стране взгляды Михаила Николаевича радикально меняются. Первой нелегальной организацией, в которую он вступил, был буржуазно-либеральный «Союз освобождения». Однако вскоре он разочаровался в либералах и весной 1905 г. стал большевиком, членом литературно-лекторской группы при МК РСДРП, принимал активное участие в Первой русской революции. В апреле–мае 1907 г. на V (Лондонском) съезде партии был избран в редколлегия газеты «Пролетарий» и в состав Большевицкого центра. Вернувшись в Россию, чтобы избежать ареста переходит на нелегальное положение, скрывается в Подмоскowie и Финляндии, в августе 1909 г. эмигрирует, проживает главным образом во Франции в Париже.

Одновременно с политическими менялись и научные взгляды Покровского. Он становится сторонником материалистического направления в изучении истории, что нашло отражение в его статье 1904 г. «"Идеализм" и "законы истории"»⁹, в которой даётся критический анализ книги Г. Риккерта «Границы естественнонаучного образования понятий», в брошюре 1906 г. «Экономический материализм», других его трудах тех лет.

В ноябре 1908 г. учёный получил письмо из московского издательства «Мир» с предложением принять участие в работе над книгой по русской истории. Идея его заинтересовала, завязалась оживлённая переписка. Сошлись на том, что книга должна быть во многом иной, чем распространённые в то время курсы русской истории, с привлечением трудов историков-материалистов. Быстро согласовали условия: «схему» курса, сроки, гонорар, вопрос о соавторах – к подготовке отдельных разделов были привлечены В.К. Агафонов, Н.М. Никольский и В.Н. Сторожев; общее руководство и написание большей части книги возлагалось на Покровского. Оказавшись в Финляндии, а затем во Франции он стал уделять основное внимание написанию главного научного труда всей своей жизни.

---

⁹ См.: Правда: Ежемесячный журнал искусства, литературы, общественной жизни. 1904. Февраль. С. 124–141; Март. С. 112–126. См. также: Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. Кн. 4. М., 1967. С. 227–265.

Пяти томная «Русская история с древнейших времён»¹⁰ Покровского навсегда вошла в историю отечественной исторической мысли, является вершиной его творчества. Проанализировав её сильные и слабые стороны, М.В. Нечкина в 1922 г. сделала вывод, с которым следует согласиться и сегодня: этот труд «представляет собой крупный вклад в науку... Грядущий исследователь русской истории... обязательно пройдёт через изучение работы М.Н. Покровского. Можно с ней не соглашаться, но нельзя её обойти»¹¹.

В начале марта 1917 г. историк, как всегда, работал в парижской Национальной библиотеке. Один из политэмигрантов положил ему на стол номер «Information» с ошеломляющей новостью: «В России революция! Николай II отрёкся от престола!». Михаил Николаевич рвался на родину, но возложенная на него организационная работа по возвращению в Россию около 600 парижских эмигрантов вынудила отложить свой отъезд из Франции до середины августа. Сразу после прибытия в Москву он включился в активную партийную работу.

Семнадцатый год оказался переломным в судьбе как Петрушевского, так и Покровского. Первый из них после Октябрьской революции не эмигрировал, продолжал научную и преподавательскую работу в советских вузах. 18 ноября 1918 г. он сообщал М.И. Фурсовой: «Живу я прежней жизнью, только темп её стал слабее не по моей вине. Думаю, что темп этот усилится, и мы ещё заживём настоящей, культурной жизнью»¹².

Во многих письмах Петрушевского к Фурцевой периода Гражданской войны говорится, что «жизнь в Москве течёт по линиям первобытного существования: все и каждый заняты индивидуальным поиском пищи»; благодарит Марию Ивановну за присланные ею посылки с продуктами. В невероятно тяжёлых условиях тех лет он выражал твердую

---

¹⁰ Начиная со второго (1918 г.) и последующих изданий «Русская история» М.Н. Покровского стала выходить в четырёх томах, без разделов, написанных его соавторами. Подробнее см.: Покровский М.Н. Избранные произведения в четырёх книгах. Кн. 1. М., 1966. С. 649 (Прим. к т. 1 составлены Л.В. Черепниным при участии Л.К. Бажановой и Л.В. Куприяновой). Считаю необходимым издать этот труд с современными комментариями в его первоизданном виде, включая главы по истории религии и церкви, документальные приложения и иллюстрации.

¹¹ Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма (Историографический очерк). Казань, 1922. С. 111.

¹² Воспоминания Фурсовой М.И. С. 15.

уверенность, «что мы ещё культурно воспрянем и переродимся в настоящую культурную нацию. Ведь у нас колоссальные естественные богатства и богатства духа... Народ наш вовсе не лишён способностей к общению к культурным ценностям и к их созданию. Сейчас мы явно переживаем болезненный процесс. Потом, как после тифа, настанет эпоха небывалого расцвета духовных и материальных сил»¹³.

17 апреля 1919 г. Дмитрий Моисеевич написал Фурсовой, что настроение его «по адресу совершающегося» в исторической науке философско-историческое: «Я не разделяю ни беспричинного, и во всяком случае, недостаточно обоснованного подъёма, ни столь же неосновательного упадка духа, которым страдает наше общество»¹⁴. За этим письмом следует обширный комментарий Марии Ивановны, в котором речь идет о созданных в Советской России вскоре после революции научных и учебных заведениях, участии в их создании Покровского и Петрушевского. Считаю целесообразным привести этот комментарий (далее это позволит данный сюжет опустить): «В мае 1918 г. заместителем наркома просвещения А.В. Луначарского был назначен М.Н. Покровский. Под его руководством в 1918–21 гг. началась перестройка высшего образования, в частности, исторического.

В 1918–1921 гг. при университетах были организованы факультеты общественных наук (ФОНУ), созданы рабфаки. В 1918 г. была создана Социалистическая академия общественных наук, переименованная впоследствии в Коммунистическую академию наук СССР. Под председательством М.Н. Покровского в её стенах организовано было Общество историков-марксистов в 1925 г., стал издаваться исторический журнал «Историк-марксист» в 1926 г. В 1919 г. была учреждена Академия истории материальной культуры; в 1921 г. создан Институт красной профессуры (ИКП). В 1921 г. был создан первый Научно-исследовательский исторический институт при факультете общественных наук МГУ. Его директором был назначен Д.М. Петрушевский. Он же заведовал также в это время историческим отделением факультета общественных наук при МГУ, где вёл свои замечательные семинары, о которых так признательно и очень обстоятельно потом написали его бывшие ученики, ставшие впоследствии большими учёными»¹⁵.

Как уже отмечалось, директором НИИ при ФОН МГУ (с 1925 г. – Институт истории РАН ИОН) Петрушевский был до его закрытия в 1929

---

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 18.

г.¹⁶ Не подлежит сомнению, что это назначение состоялось при поддержке Покровского, курировавшего вузы и научные учреждения.

Возглавляя в 1920-е гг. работу в области исторических наук в МГУ и РАНИОН, Петрушевский проявил себя незаурядным организатором. Под его руководством проходили заседания Совета института, на которых решались основные вопросы его деятельности, руководил секцией по истории средних веков, где заслушивались и обсуждались научные доклады, делались сообщения о новых источниках, проблемах методологии. В семинарах Дмитрия Моисеевича принимали участие будущие специалисты не только по всеобщей, но и по отечественной истории. И все же главная заслуга Петрушевского (а также его коллег–историков, среди которых было немало так называемых «буржуазных специалистов») состояла в сохранении в новых условиях традиций дореволюционной школы в исторической науке.

В 1925 г. состоялось чествование Петрушевского в связи с празднованием 35-летия его научной и педагогической деятельности. Незадолго до этого, 12 декабря 1924 г., он был избран членом-корреспондентом АН СССР. В Архиве РАН хранится черновик приветственного письма Покровского юбиляру. В нем подчёркивалось, что первые научные выступления Петрушевского «составляют интегральную часть той “школы”, которую мы все, историки тогдашнего поколения, вынесли из университета». С тех пор многое изменилось, но «мы не смогли бы воспринимать уроки живой истории без той подготовки к изучению исторических явлений, какую дали нам Вы и Ваши сверстники... Думаю, что нет ни одного историка-марксиста, который не использовал бы так или иначе Ваших работ. Примите благодарность от всех нас, дорогой Дмитрий Моисеевич»¹⁷.

Отмечу, что столь же категорично высказывание Покровского 1926 г. в журнале «Большевик»: «Кто бросил бы под стол Соловьёва и Ключевского на том основании, что они не марксисты, тот обнаружил бы только, что он чрезвычайный дурак»¹⁸. Даже весной 1928 г., выступая с докладом «Общественные науки в СССР за 10 лет» на конференции марксистско-ленинских учреждений, Покровский говорил, что после Октябрьской революции у нас в стране развивалось как марксистское, так и буржуазное обществоведение. И это правильно. Будет плохо, если установится монопольное положение марксистской литературы, а заниматься

---

¹⁶ См.: Калистратова (Халина) Т.И. Институт истории ФОН МГУ–РАНИОН. Нижний Новгород, 1992.

¹⁷ Архив РАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 51. Л. 2.

¹⁸ Большевик. 1926. № 12. С. 8.

обществоведением станут одни коммунисты. Буржуазное течение, буржуазные тенденции «нам нужны, они нам в известной мере полезны», так как общественные науки крепнут в идейной борьбе¹⁹.

Однако эти взгляды разделяли далеко не все историки-марксисты. В ИКП критиковать Михаила Николаевича стало чуть ли хорошим тоном. Так, С.И. Пионтковский после совещания в Агитпропе ЦК ВКП(б) в начале марта 1928 г. записал в своём дневнике: «На докладах [...] присутствовало человек 30, главным образом молодёжь [...] Об истории доклад делал Покровский, заявивший совершенно ошибочно и неверно, что в области русской истории буржуазия повержена в прах [...] В области всеобщей истории Покровский привёл два факта: выход двух больших работ Тарле и Петрушевского, книг, пропитанных антимарксизмом, книг враждебных, в особенности книга Тарле [...] Покровский не смог закрыть вопроса о подготовке кадров и приукрасить то, что делается в РАНИОНе. На РАНИОН нападали все – и философы, и экономисты, и историки. Но если все признавали, что в области буржуазного мышления начинается определённый процесс оживления, то старики, нападая на Петрушевского, все же брали его под свою защиту. И Покровский, и Рязанов клялись всеми богами, что Петрушевский – не контрреволюционер, не мракобес, не реакционер и трогать его нельзя и не следует, а молодёжь готова была оторвать голову кому угодно и в том числе Петрушевскому»²⁰.

В сложившейся ситуации позиция Покровского меняется. 22 марта состоялась Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений. Выступая на ней Покровский высказался за усиление критики методологических основ «буржуазных историков», призвал к скорейшему развенчанию классовых противников, в том числе Петрушевского с его книгой «Очерки из экономической истории средневековой Европы» и Тарле с его книгой «Европа в эпоху империализма».

Что же произошло между первой и последней декадами марта? По мнению А.Н. Артизова, имя этому событию – так называемое «Шахтинское дело». В связи с «разоблачением» этой «экономической контрреволюции» в южных районах угольной промышленности «Сталин и его окружение объявили поход против буржуазных специалистов, и Покровский вместе с возглавляемым им Обществом историков-марксистов прикнет к нему»²¹. В декабре 1928 г. в статье «"Новые" течения в русской

¹⁹ Вестник Коммунистической академии. 1928. № 2. С. 15, 25–26.

²⁰ Цит. по: Артизов А.Н. М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 1. С. 79.

²¹ Там же. С. 80.

исторической науке»²² он резко выступил против методологических основ книги Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы», подчёркивал, что в его концепции «отчётливо проводится линия, которую нельзя назвать иначе, как антинаучной»; есть в ней «и ещё кое-что: это её откровенный антимарксизм».

В наиболее концентрированном виде «новые подходы» Покровского отражены в его статье 1931 г. «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период». В ней отмечалось, что ранее мы широко привлекали к научно-исследовательской и преподавательской работе некоммунистов. В конце восстановительного периода историки, доставшиеся нам от буржуазной России, выступили с декларациями, которые убеждают: они не могут быть более нашими товарищами «в деле построения коммунизма». Общество историков-марксистов сумело разоблачить буржуазных историков, добилось упразднения исторического института РАНИОНа и открытия такового в составе Коммунистической академии»²³.

Пагубное влияние на последующее развитие советской исторической науки оказало письмо И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», впервые опубликованное в 1931 г.²⁴ По сути, он жёстко потребовал создать концепцию истории, полностью соответствующую его идеологическим установкам. Из науки изгонялись дискуссии. Историков, опирающихся на широкую источниковую базу, Сталин охарактеризовал как «безнадёжных бюрократов» и «архивных крыс», ввёл термин «гнилой либерализм», что позволяло шельмовать всех учёных-обществоведов, хоть в чем-то отступающих от сталинского толкования вопросов теории и истории. В исторической науке насаждались догматизм и начётничество.

Исследователи, занимавшиеся изучением советской историографии 1920–1930-х гг., по-разному оценивали причастность Покровского к гонениям на «старых профессоров», его роль в закрытии РАНИОН. При этом большинство авторов были солидарны в одном – именно он историографически обосновал разгром «буржуазных учёных». Однако, на мой взгляд, этот вопрос требует дальнейшего изучения. Далеко не все архивные материалы, связанные с событиями тех драматических лет в истории советской исторической науки, до сих пор введены в научный оборот. Представляется несостоятельным все сводить к личным качествам Покровского, характеризовать его «безнравственной личностью с острым политическим чутьём», человеком, эволюция взглядов и действий которого полностью совпадала с установками Сталина.

²² Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 3–17.

²³ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 388–389, 392, 395.

²⁴ Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 84–102.

С 1929 г. Покровский был тяжело болен раком, многие месяцы провёл в больницах или берлинских клиниках, где ему сделали несколько операций. Систематические нападки угнетали Михаила Николаевича, отражались на его здоровье. Развитие событий в стране и их отражение в идеологии все чаще ставили Покровского в тупик. В письме к Г.К. Орджоникидзе от 31 августа 1930 г. он признавался: «Я себя считаю лично уже ушедшим»²⁵. 10 апреля 1932 г. Покровский скончался. Урна с его прахом замурована в Кремлёвской стене. Вскоре в СССР развёртывается беспрецедентная кампания с развенчанием антимарксистской, антибольшевистской «школы Покровского». Многие его ученики были репрессированы, другие приняли активное участие в его дискредитации.

Новую ситуацию, сложившуюся в исторической науке, критику, обрушившуюся на него, тяжело переживал и Петрушевский. Он считал, что все это является свидетельством усиления в стране «духовного запустения и одичания»²⁶. В непростое для Дмитрия Моисеевича время многие маститые и молодые учёные выразили ему поддержку. Так, на диспуте в Обществе историков-марксистов, состоявшемся весной 1928 г., против необоснованных обвинений в адрес Петрушевского выступил его ученик А.И. Неусыхин: «Д.М. Петрушевский написал специальную работу по средневековой истории, не думая этим бороться ни с марксизмом, ни решительно с чем бы то ни было, кроме тех взглядов на средневековую историю, которые ему представлялись неправильными... Чему же учит нас книга Д.М. Петрушевского? Она зовёт нас [...] к критическому исследованию фактов, к скептическому отношению ко всяким шаблонам, и в этом её ценность»²⁷.

В современной литературе нередко утверждается, будто в результате критики со стороны историков-марксистов Петрушевский «подвергался репрессиям», оказался «в изоляции», «изгоем от науки». Это не соответствует действительности. В конце 1920–начале 1930-х гг. в стране прошла волна арестов среди учёных, в том числе историков («Академическое дело», «Дело Промпартии» и др.) – против Дмитрия Моисеевича никаких обвинений не выдвигалось. В производственном плане Института истории РАН ИОН на 1928/29 учебный год в секции по истории средних веков

²⁵ РГАСПИ. Ф. 147. Оп 1. Д. 36. Л. 62.

²⁶ Письмо Д.М. Петрушевского Г.Г. Шпету от 14 мая 1928 г. // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М. 2005. С. 315, 317.

²⁷ Диспут о книге Д.М. Петрушевского (О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке). Стенограмма заседания социологической секции Общества историков-марксистов от 30 марта и 6 апреля 1928 г. // Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 104.

были четыре темы. В каждой из них указана фамилия Петрушевского²⁸. 12 января 1929 г. его избрали действительным членом АН СССР (кстати, в один и тот же день, что и Покровского), он принимал участие в сессиях Академии наук, в работе Отделения общественных наук, председательствовал в средневековой секции Исторической комиссии АН, преподавал в МГУ, вёл обширную переписку с коллегами. В 1930-е гг. увидели свет несколько его книг, статей, переводов, доработанных переизданий основных трудов. С 1937 г. он был старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, где посещал заседания сектора истории. «В нем, – писал Дмитрий Моисеевич Фурсовой 12 января 1938 г., – сидят мои ученики и приятели, и атмосфера в нем вполне академическая»²⁹.

Большим ударом для Петрушевского стала смерть 24 марта 1934 г. жены Елизаветы Сергеевны. С этого года, вспоминала Фурсова, Дмитрий Моисеевич «очень заметно стал нездорово себя чувствовать. В своих письмах он все время жалуется на упадок работоспособности, что этот упадок его страшно огорчает, потому что в его научной работе был для него главный смысл жизни»³⁰.

В начале Великой Отечественной войны Петрушевский был эвакуирован в Казань. Там же находился Президиум АН СССР. Академия наук, сообщал он Фурсовой в письме от 13 марта 1942 г., «заботится о своих членах и снабжает по коммерческим ценам некоторыми продуктами в виде пайков два раза в месяц; в столовой для академиков мы берём обеды по умеренным ценам». Однако «здоровье моё нельзя назвать хорошим. Я целыми днями мёрзну в тёплой комнате; нервы мои в плохом состоянии, поэтому и занятия мои двигаются очень медленно»³¹. 12 декабря 1942 г. Дмитрий Моисеевич скончался. Похоронен в Казани на Арском кладбище.

Подведу итог краткому рассказу о двух выдающихся русских учёных. В их жизни много как общего, так и существенных различий. Оба получили прекрасное профессиональное образование. Несмотря на то, что один из них был историком-медиевистом, а другой специалистом по отечественной истории, отличительной чертой их трудов было рассмотрение исторических явлений в рамках всемирного общественного процесса. Глубокий интерес проявляли они к проблемам теории и методологии исторического познания.

---

²⁸ Калистратова Т.И. Указ соч. С. 215.

²⁹ Воспоминания М.И. Фурсовой. С. 5.

³⁰ Там же. С. 33.

³¹ Там же. С. 40.

Самые известные труды Петрушевского и Покровского, навсегда вошедшие в анналы отечественной историографии, созданы до революции. Расцвет их организаторской деятельности по руководству исторической наукой и высшим образованием приходится на 1920-е гг. В этот переломный для страны период Дмитрий Моисеевич и Михаил Николаевич до 1928 г. сотрудничали, затем вступили в острый конфликт. И это было неизбежно в тех условиях. Если Петрушевский, как и в первые годы после Октябрьской революции, по-прежнему придерживался своей принципиальной позиции о свободе научного творчества, то Покровский, видный государственный и партийный деятель, с учётом во многом новой политической и идеологической ситуации в СССР, все в большей степени вынужден был руководствоваться установками Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина. Однако это не могло предотвратить последовавшего вскоре осуждения всей его деятельности, прежде всего как историка. Интересные соображения о причинах «падения» Покровского выдвинул П.Н. Милюков, хорошо знавший студента Михаила Николаевича по Московскому университету. В 1937 г. Милюков писал, что теоретические споры и высшие достижения историографии были недоступны для Сталина. «Но политическое значение преподавания русской истории он понимал прекрасно. Многие положения “схемы” Покровского пришли в прямое противоречие со сталинскими установками. Ученый обличал историков-“государственников”, в то время как Советское государство все более массивовано вмешивалось в экономический строй страны. Покровский настаивал на сходстве русского и западноевропейского развития, а Сталин стремился утвердить догмат о национальном происхождении русской революции, реставрировал точку зрения о “своеобразии” русского прошлого. Наконец, Покровский отрицал роль личности – даже Петра I – в истории, когда сравнение с Петром стало ходячим приемом лести “великому, гениальному вождю народов”. Словом, историк задевал самые деликатные темы и танцевал на чувствительных мозолях. Недовольство накоплялось; должен был последовать взрыв». К счастью для Покровского, добавлял Милюков, травля учёного началась после его смерти, последовавшей до сталинских ссылок и расстрелов³².

Завершу доклад следующим. Судьба Покровского более трагична, чем Петрушевского, по крайней, в следующем. Если любимые ученики Дмитрия Моисеевича (Е.А. Косминский и А.И. Усыскин) в 1920–1930-е гг. и впоследствии были ему верны и благодарны, оставили интересные воспоминания о своём учителе, то любимые ученики Михаила Николае-

---

³² Милюков П.Н. Величие и падение М.Н. Покровского (Этюд из истории науки в СССР) // Современные записки. Париж. 1937. Т. 65. С. 370.

вича (М.В. Нечкина и А.М. Панкратова) уже вскоре приняли самое активное участие в печально знаменитых сборниках 1939–1940 гг. «Против исторической концепции М.Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского».

Моё пожелание современным историкам, среди которых немало талантливых исследователей, подготовить монографии о Д.М. Петрушевском и М.Н. Покровском, свободные от сложившихся исторических схем и стереотипов.

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ:**Мих. Лифшиц и культурный поворот тридцатых годов**

Аннотация. Культурный поворот тридцатых годов – ключевой феномен для понимания противоречивой связи этой эпохи с наследием Октябрьской революции. На излёте двадцатых молодой Михаил Лифшиц задаётся вопросом о действительном содержании революционного процесса посредством материалистического прочтения одного из важных моментов Гегелевской логики: отрицания отрицания. Исходя из аутентичных взглядов Маркса и Ленина, Лифшиц различает абстрактное и конкретное отрицание. Он устанавливает, что отрицание оказывается тем более конкретным, чем больше оно переходит в отрицание отрицания, которое включает в себе и собственно отрицание (как отрицание худшего в явлении), и утверждение (как утверждение лучшего в нём). Таким образом, мера конкретности, полноты отрицания – это мера того, насколько полно на данном историческом этапе удалось решить ту или иную проблему, вокруг которой и разворачивается общественная борьба эпохи. И тем полнее будет это решение, чем реже такая проблема будет возникать в истории вновь, как бы возвращаться, но уже на новом витке спирали социально-экономического развития.

Когда-то Платон заметил, что у всего в нашем мире должно быть лицо – истинный образ, отличающийся от множества мимолётных впечатлений. Если это так, то даже само время должно обладать какой-то наружностью – и греки ясно видели это. Своё лицо бывает у мгновений, но бывает и у целых десятилетий, и даже столетий. Как разглядеть его и как отличить действительный образ от того, что им только представляется? Сам этот вопрос как будто указывает на то, что время бывает многолико, что образы времени, часто противоположные, противоречащие друг другу далеко не всегда оказываются ясно и отчётливо различимы. Однако иной раз бывает, что у времени, действительно, как бы два лица, и только оно само может показать, какое из них истинное.

Что было лицом тридцатых годов XX века в Советской России? Существуют разные ответы на этот вопрос, но для того, чтобы найти верный, необходимо понять смысл того масштабного культурного поворота, который произошёл в Советском Союзе на переходе от двадцатых к тридцатым. В чем же он заключался? Расхожее представление об этой эпохе, по сути, сводится к простой констатации: лавовые потоки революционного порыва как будто иссякают и застывают в новых, бюрократических формах мощной государственной машины. И вот, на смену расцвету всевозможных авангардных течений постепенно приходит новый большой стиль – социалистический реализм. Вот почему двадцатые видятся своего

рода наследником революции, в то время как тридцатые чем-то вроде отступления от неё. Но так ли это на самом деле?

Всякая подлинная революция несёт с собой освобождение – разрушая отжившее старое, она открывает дорогу новому. Но что значит – разрушить старое? И в чем именно заключается ценность того нового, что приходит ему на смену? Что несёт подлинное освобождение? Эти и многие другие вопросы на самом излёте двадцатых годов задавал себе тогда ещё молодой преподаватель диалектического материализма Мих. Лифшиц. Открыв его работу 1927 года «Диалектика в истории искусства» мы можем обнаружить, к примеру, следующее замечание: «стоять на точке зрения простого отрицания ещё не значит быть диалектиком. Решающую роль играет отрицание отрицания - положительный результат противоречия и внутренней борьбы»¹. Но что такое «отрицание отрицания»?

Разрушение старого есть его отрицание, в частности, если речь идёт о старой культуре – живым отрицанием её и была новая, ультралевая волна авангарда, взобравшаяся на вершину общественной пирамиды как раз в двадцатые годы. И действительно, старая, классическая культура, полагали большие и малые теоретики тех времён, является порождением отживших общественных условий, это культура господ, поднявшаяся на крови, культура властного меньшинства, купленная ценой низведения угнетаемого большинства до полуживотного состояния. Разрушение, отрицание этой культуры, таким образом, представляет собой акт освобождения, акт классовой борьбы.

Подобная точка зрения, конечно, была характерна не только для эпохи Октябрьской революции, достаточно вспомнить последствия множества уравнилельных движений от периода античности и средних веков вплоть до отдельных эксцессов Великой Французской революции и далее. В одной из своих лекций 1940 года, прочитанных в ИФЛИ, Мих. Лифшиц отмечал: «Недостатком подобных народных стихийных движений и заложенных в них нигилистических, разрушительных тенденций была именно недостаточная конкретность того отрицания, которое направлено было против старого. Недостаточная конкретность эта сказывалась в том, что вместо того, чтобы положить в основу самое существенное, самую основу угнетения человека человеком, гнев обрушивался часто на

---

¹ Лифшиц Мих. Диалектика в истории искусства // Мих. Лифшиц. Собр. соч. Т.1. М. 1984. С. 223

симптомы, он становился настолько абстрактным, что превращался в ряд отвлечённых нигилистических отрицаний, попытку отвернуться от мира, непризнание всего того, что миру свойственно греховного»².

Но что значит, недостаточная конкретность отрицания, его абстрактность характерная как для стихийных народных движений прошлого, так и для самых современных и утончённых теорий культуры? Итак, допустим, авангард есть отрицание старой культуры, отрицание, продиктованное ненавистью к угнетению, к мертвенности отживших форм позднего классового общества, выдаваемых за объективные, вечные истины. Однако, возможно такое отрицание, которое, по сути, не выводит за пределы отрицаемого. Отрицаемое как бы остаётся во всей полноте своей власти или даже укрепляется в ней, но отныне уже негативно – на место фасада приходит изнанка, о чем блестяще написано Марксом в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта». Впрочем, эта опасность была известна ещё Аврелию Августину, который в 7 книге своей знаменитой «Исповеди» задаётся вопросом о бесконечности бога и понимает, что бог «бесконечен по-другому» – но как выразить это «по-другому»? Простое отрицание конечности не давало ответа: конечная единица мало чем отличается от бесконечного числового ряда. И если мыслить бога по этому образу, то на место конечности единичных вещей будет поставлена как бы конечность *nec plus ultra*. Так, желая перейти к бесконечности мы только укрепляем конечность, доводим её до предела. Именно поэтому Аврелий Августин заключает, что помыслить бога можно только как нечто принципиально, качественно иное.

В другой лекции, того же 1940 года, говоря об авангарде, как о «нигилизирующем абстрактно-отрицательном движении в области культуры, развивающемся под знаком разворачивания формулировки в обратном направлении и отрицания всех тех положительных форм, которые однажды были признаны когда-то "вечными"»³, Мих. Лифшиц отмечает, что хотя подобное движение и представляется «движением абстрактно-новаторским, движением, создающим что-то совершенно новое, чего никогда раньше не было) всё же всегда заключает в себе восстановление»⁴. Абстрактное отрицание оборачивается невольным утверждением отрицаемого, однако, не просто утверждением, но утверждением его худших сторон. «Даже в этом отвлечённом радикализме [оно] заключает в себе

---

² Лифшиц Мих. Лекции по истории искусства в ИФЛИ. 1940. М. 2015. С. 160

³ Там же. С. 165-166.

⁴ Там же. С. 166.

какое-то восстановление прошлого, причём именно такого прошлого, которое лежит глубже всего в исторических напластованиях, которое грубее всего и которое включает в себе более всего подавляющих, реакционных и рабских духовных флюидов»⁵.

Таким образом, конкретным, что на языке Гегеля и Маркса значит – полным, завершённым, будет то отрицание, которое не приведёт к обратному результату, к восстановлению того, что подвергается отрицанию. Конкретный взгляд на старую (и не только) культуру, взгляд на неё с точки зрения всемирной истории, это взгляд, подразумевающий различение содержания, дифференциацию лучшего и худшего, часто переплетённых в сложнейшие узлы. А потому конкретное её отрицание это не отрицание вообще, а отрицание, прежде всего, худшего в ней. И если всякое отрицание так или иначе включает в себе и некоторое утверждение, то конкретное отрицание должно заключать в себе не утверждение вообще, но утверждение лучшего.

Такова была одна из ключевых идей Ленина, к которой в своих лекциях в ИФЛИ обращается и Мих. Лифшиц: «истинно прекрасное как образцовое нужно брать и там, где оно как будто бы старое, несмотря на то, что оно старое, и вовсе не всё то, что новое, является действительным уже потому, что оно новое. Брать нужно правильное и хорошее, то есть действительно новое в смысле того чувства нового, о котором нам большевизм говорит»⁶. Характерно, что это положение играло важную теоретическую роль в системе Лифшица ещё во второй половине двадцатых: «На одном собрании – вспоминал он много лет спустя, – мне случилось в актовом зале ВХУТЕМАСа, где я был преподавателем философии, перед большим количеством собравшихся (в 1929 г. — ред.) прочитать то место из беседы Ленина с Кларой Цеткин, где говорится о том, зачем отбрасывать старое, если оно хорошо и прекрасно, или преклоняться перед новым только потому, что оно новое. Это какое-то подражание западной моде. Это неверно. Нужно искать хорошего, а не нового — вот общий смысл идей Ленина. Прочитав это, я спросил: верно это или нет? Ультралевые шумно закричали, что это неверно. Я сказал, что это слова Ленина. Эффект ораторский был большой, я как сейчас помню звон стёкол в физкультурном зале»⁷.

Но что значит, утверждать лучшее в старом? Такое утверждение, конечно, не должно стремиться к простому повторению, оно не должно являться попыткой воспроизведения, как это представляется реакционной

---

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 129.

⁷ Там же. С. 303-304.

мысли наших дней, ведь подобное воспроизведение невозможно. Условия былого расцвета старой культуры безвозвратно отошли в прошлое, а потому любое воспроизведение даже лучших сторон старого, в конечном итоге приведёт к реставрации и соответствующих ему отрицательных явлений (нечто схоже описано Марксом в «Нищете философии» в связи с желанием Прудона увековечить положительные стороны буржуазного общества, отказавшись от отрицательных).

Рассуждая о вечном обаянии греческой классики, Маркс отмечает, что её безусловные достоинства нераздельно связаны с детской неразвитостью тех общественных условий, порождением которых она явилась, однако, «мужчина не может снова превратиться в ребёнка, не впадая в ребячество»⁸. Вернуться в детство человеческого рода нельзя, не ввергая общество в новое, но уже бесплодное варварство. Так чем же должно быть утверждение лучшего в старом? Маркс продолжает: «Но разве его не радует наивность ребёнка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизводить свою истинную сущность?»⁹. Тем самым, речь идёт о воспроизведении лучшего из того, что было в старой культуре, но уже на новой основе, на более высокой ступени общественного развития – такое великое восстановление (*Restauratio magna* – по выражению Мих. Лифшица) должно будет стать как бы соединением концов разорванной нити завоеваний культуры, позволяющее им возродиться в изменившихся общественных условиях. Это поиск конкретных посредствующих звеньев, опираясь на которые, станет возможным раскрытие живого зерна классики, её вторая, преобразённая, истинная жизнь. Неслучайно Маркс и Энгельс характеризовали будущее бесклассовое общество как окончание предыстории, а значит, и начало настоящей, подлинной истории человечества, которое вполне по-гегелевски обретается только в конце.

Таким образом, отрицание отрицания заключает в себе и собственно отрицание, но как отрицание худшего в явлении, и утверждение, но как утверждение лучшего. Но нет ничего лучше истины, а истина, по Гегелю, Марксу и Ленину, есть полнота, конкретность. Отрицание отрицания – есть реальное движение к полноте, в том числе к полноте решения тех задач, которые ставит себе история. Цитируя Г.В. Плеханова в уже упоминавшейся работе 1927 года, Лифшиц пишет «"Характер отрицания определяется характером того, что подвергается отрицанию" (Соч., т. 14, с.

---

⁸ Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов) // К. Маркс и Ф. Энгельс Собр. соч. М. 1958. Т. 12. С. 737

⁹ Там же.

211). Не означает ли это, что в конечном счёте всякое отрицание положительно? Нет, разница есть. В бесконечности, разумеется, не существует утрат, всякое отрицание компенсируется, переходит в отрицание отрицания. Глядя на золотушных детей бедняков, говорит Маркс, мы можем, конечно, следуя Фейербаху, утешаться гармонией человеческого рода. Но эта гармония "потусторонняя"¹⁰. Таким образом, мера конкретности, полноты отрицания – это мера того, насколько полно на данном историческом этапе удалось решить ту или иную проблему, вокруг которой и разворачивается общественная борьба эпохи. И тем полнее будет это решение, чем реже такая проблема будет возникать в истории вновь, как бы возвращаться, но уже на новом витке спирали социально-экономического развития. «Одни и те же нерешённые задачи – писал Мих. Лифшиц в одном из своих лучших памфлетов, «На деревню дедушке», – повторяются снова, пока наконец, в другой форме, после множества черновых набросков и переделок, они не будут решены»¹¹. Это решение и будет отрицанием отрицания в той мере, в какой оно выступает не просто очередным этапом исторического пути, ценность и необходимость, а значит и разумность которого становится зримой только в масштабах всемирной истории (с этой точки зрения все становится в равной степени оправданным, и классика, и авангард), но подлинной конкретностью, чем-то, разумность чего дана здесь и сейчас. «Отрицание тоже положительно, – продолжает Мих. Лифшиц в 1927 году, – тем более положительно, чем более оно носит индивидуальный характер, находит себе отрицание отрицания в данных границах, а не в бесконечном отдалении. Понятие специфического и не-специфического отрицания. Характер отрицания всегда определяется тем, что оно отрицает; но бывает, что отрицание этого отрицания реализуется в индивидуальной ситуации, непосредственно, и бывает так, что оно реализуется лишь в чем-то другом, как преходящий момент более широкого целого. Все негативное, всякое отрицание ценно именно тем, что оно переходит в отрицание отрицания; и тем более ценно, чем полнее это совершается»¹².

В области реальной политики борьба за постоянное сокращение расстояния между фактом и его разумностью, за как можно более полный переход к отрицанию отрицания и находилась в центре того масштабного

---

¹⁰ Лифшиц Мих. Диалектика в истории искусства. С. 226

¹¹ Лифшиц Мих. На деревню дедушке // Мих. Лифшиц Либерализм и демократия. М., 2007. С. 279.

¹² Там же. С. 226-227.

культурного поворота, который происходил в Советском Союзе на переходе от двадцатых к тридцатым годам. «Это была – вспоминал Мих. Лифшиц почти сорок лет спустя, – именно проблема ограничения абстрактно нового и перехода к такому новому, которое охватывает всю полноту жизни. Революционные декларации должны воплощаться в плоть и кровь, в привычку, быт миллионов людей, получить систематическую разработку и охватить всю полноту обыденного существования людей, не оставаясь абстрактным обещанием или, как говорил знаменитый противник Французской революции Э. Бёрк, одной лишь «обнажённой абстракцией»¹³. Вот почему особую роль в этом новом культурном повороте, в конкретизации революции сыграла область искусства, ведь «где есть конкретная полнота жизни, там есть и эстетическое начало»¹⁴.

Сегодня, обращаясь к наследию тридцатых годов, мы часто слышим, что лицом этого десятилетия, разворачивавшегося тогда масштабного культурного поворота был сталинизм – репрессии, бюрократизация, консервирование культуры, что двадцатые годы были подлинным наследником революции. Но если не довольствоваться поверхностными явлениями времени и заглянуть немного глубже, пожалуй, можно сказать, что это расхожее представление гораздо больше говорит нам о дне сегодняшнем, чем о той эпохе. Законы всемирной истории суровы: отрицая лучшее в прошлом, мы способствуем утверждению худшего в настоящем. не желая видеть лучшее в тридцатых, отрицая его, мы невольно способствуем пробуждению действительно жутких явлений тех лет, но уже в иной форме. Конечно, эта видимость, как отмечал ещё Гегель, тоже входит состав действительности, она – следствие утраченных в результате краха Советского Союза и многолетнего бессилия левого движения иллюзий. Но, как говорил Мих. Лифшиц, «нужно утратить утраченные иллюзии».

---

¹³ Беседы Мих. Лифшица с Л. Сиклаи // Мих. Лифшиц. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. Беседы. Статьи. Выступления. М. 2012. С. 86

¹⁴ Там же. С. 43.

ОБРАЗОВАНИЕ МОЛДАВСКОЙ ССР КАК ВАЖНЫЙ ШАГ СТРОИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ 1927-1941 ГОДОВ

Аннотация. Анализ событий, связанных с образованием Молдавской ССР, представляет особый интерес в контексте геополитической ситуации 1927-1941 гг. Выделены два этапа образования Молдавской ССР: первый связан с событиями, последовавшими по заключении Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, и предшествующий ему период вхождения МАССР в состав Украинской ССР. Показано, что история формирования МССР в качестве одной из союзных республик многонационального государства, явилась важным шагом в деле строительства государства нового исторического типа. Авторы обращают внимание на ряд существенных отступлений от юридических норм советского законодательства, которые имели место при образовании МССР. Особенности географического положения объекта исследования, как следует из анализа, в ходе исторического процесса превратили его в территорию геополитического пограничья.

Ключевые слова: геополитическое пограничье, русско-украинский состав политической элиты, переоценка советско-германских предвоенных документов.

Молдавская ССР была образована 2 августа 1940 г. путём объединения *примерно половины территории* (6 из 14 районов) Молдавской АССР, созданной 12 октября 1924 года в составе Украинской ССР, и *большой части* (6 из 9 уездов) бывшей Бессарабской губернии, которая была полностью возвращена Королевской Румынией Советскому Союзу в конце июня 1940 года на основании ультимативных нот Правительства СССР. Заметим, что 8 районов бывшей МАССР и 3 уезда Бессарабии *отошли* к УССР.

Здесь следует принять во внимание ряд обстоятельств:

1. Закон об образовании Молдавской ССР был принят на 7-й сессии Верховного Совета СССР¹, согласно которому Верховным Советам Украинской и Молдавской республик было предложено представить на рассмотрение Верховного Совета СССР проект установления *точной границы* между УССР и МССР. Своим Указом от 4 ноября 1940 г.² Президиум Верховного Совета СССР утвердил представление об *установлении границы* между УССР и МССР, по которому к Молдавской ССР отошёл

---

¹ Седьмая сессия Верховного Совета СССР. Стенограф. отчёт. М. 1940. С. 60 - 61.

² Ведомости Верховного Совета СССР. М. 1940. №45.

61 населённый пункт с населением 55 тыс. чел., к Украинской ССР – 96 образований с населением 203 тыс. чел. Изменения мотивировались тем, что в местностях, переданных МССР, преобладало молдавское и гагаузское население, а в переданных УССР – украинское, болгарское и русское, что лишь отчасти соответствовало реальности.

2. 29 сентября 1940 г. был подписан Германо-Советский Договор о дружбе и границе, на основании конфиденциального протокола к которому с Юга бывшей Бессарабии было переселено немецкое население численностью около 100 тыс. чел. На освобождённых территориях были организованы совхозы, куда приглашалось население с Украины.

3. В 1940-1941 гг., в ходе коллективизации сельского хозяйства и при активном участии местных органов власти, в МССР было репрессировано и депортировано из республики около 38 тысяч человек.

То есть, Молдавская ССР была образована из 2-х частей, которые *не составляли исторически единую административно-территориальную единицу*. Причём, только бывшая Бессарабская губерния, лишившаяся выхода к морю и Дунаю, утратила (в пользу УССР) территорию площадью 14,7 тыс. кв. км³ (или 33%), на которой проживало около 0,5 млн. чел.

В итоге МССР со столицей в городе Кишинёв 4 ноября 1940 г. законодательно получила территорию площадью 33,7 тыс. кв. км с населением в 2,41 млн. чел., где доля бывшей автономии, уже существенно урезанной, составила лишь 3,9 тыс. кв. км (11,6 %) с населением 0,31 млн. чел⁴ (12,9 %).

С точки зрения необходимости расширения и надёжного укрепления своих границ в преддверии грядущей войны такой подход руководящих органов СССР к образованию МССР кажется оправданным, если принять во внимание особую роль и место Украины в рамках союзного государства и события, связанные с самоликвидацией Молдавской Демократической Республики и её вхождением в марте (апреле) 1918 г. в состав Румынии. Однако, с точки зрения действовавшего в 1940 г. законодательства СССР и с учётом принципов национальной политики, такое производное формирование границ одного из новых субъектов Союза ССР не могло тогда и не может сегодня считаться законным и справедливым.

Создание Молдавской АССР – первый шаг Советского государства для последующего образования Молдавской ССР

Идея создания Молдавской республики на землях Приднестровья появилась в начале 20-х годов XX-го века в результате объединения Бессарабии с Румынией в марте (апреле) 1918 г., законность которого всегда вызывала обоснованные сомнения. Идея эта принадлежала группе политэмигрантов, проживавших в России и не имевших необходимого авторитета у партийного и государственного руководства. Она стала претворяться в жизнь

³ Ведомости Верховного Совета СССР. М. 1940. №45.

⁴ Там же. С. 54 - 55.

после включения в этот процесс видных в то время военачальников – М.В. Фрунзе и Г.И. Котовского, выходца из Бессарабии.

4 февраля 1924 г. инициативная группа из 10-ти человек во главе с Г.И. Котовским направила в партийные органы Докладную записку о необходимости создания Молдавской ССР с изложением причин, главные из которых – решение судьбы Бессарабии, её возврат в состав СССР, а также последующее распространение революции на Балканы. В документе подчёркивалось: “Молдавская республика может сыграть ту же роль политическо-пропагандистского фактора, что и Белорусская республика по отношению к Польше, и Карельская – по отношению к Финляндии. Она служила бы объектом привлечения внимания и симпатий бессарабского населения и дала бы ещё больший повод претендовать на воссоединение с ней Заднестровья (Бессарабии)”⁵.

Уже 6 февраля на записке появилась резолюция члена ЦК РКП(б) М.В. Фрунзе: “6/II – 24 г. Вопрос в ЦК КП(б)У ещё не рассматривался. Я лично – за, с тем, чтобы Молдавская республика была включена в состав УССР”⁶. Далее последовало обсуждение, выявившее и сторонников, и противников создания образования. Позиция противников базировалась на 2-х аргументах: недостаточной численности молдаван, компактно проживающих на левом берегу Днестра, и возможных негативных последствиях такого шага для реализации претензий Советского государства к Румынии в части возвращения Бессарабии. Так, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в записке В.М. Молотову от 3 марта 1924 г. писал: “Создание МССР преждевременно в данный момент, так как вызовет экспансионистские устремления румынского шовинизма. Обнаружение такого количества молдаван, т.е. румын, на украинской территории усилит позицию румын при спорах по вопросу о Бессарабии”⁷.

29 июля 1924 г. было проведено 3-е, решающее заседание Политбюро ЦК РКП(б), где, при отсутствии основных оппонентов – К.Е. Ворошилова, М.И. Калинина, А.П. Смирнова и благодаря позиции М.В. Фрунзе и И.В. Сталина, было решено:

“а) Считать необходимым, прежде всего по политическим соображениям, выделение молдавского населения в специальную автономную республику в составе УССР;

б) Предложить ЦК КП(б)У сделать сообщение в Политбюро ЦК РКП через месяц о ходе работы по организации Молдавской Автономной Республики;

---

⁵ История Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь: РИО Приднестровского гос. ун-та. 2001 г. Т. 2. Ч. 1. С. 84.

⁶ Там же. С. 84.

⁷ Там же. С. 89.

в) Поручить тов. Фрунзе наблюдение за быстрейшим проведением этого вопроса”⁸.

В течение следующих 2,5 месяцев ситуация по данному вопросу оставалась напряжённой. Так, 24 сентября 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) вновь поднимает вопрос “О Молдавской ССР”, в рамках которого было принято предложение ЦК КП(б)У о создании Автономной Молдавской ССР. По инициативе наркома В.Г. Чичерина в постановление был включён важный пункт: “В акте создания Автономной Молдавской ССР должно быть обозначено, что западной её границей является государственная граница СССР”⁹. Из этого следовало, что граница МАССР проходила *по Пруту и Дунаю*, включая в пределы республики земли, захваченные королевской Румынией, которые подлежали возврату СССР.

Правовое оформление вопроса было завершено на 3-й сессии Всеукраинского ЦИК восьмого созыва в ночь на 12 октября 1924 г. в г. Харькове, с участием высшего руководства УССР, принятием постановления об образовании МАССР и об установлении её границы, уточнённой в 1926 г. В итоге площадь автономии составила 8,1 тыс.кв.км. Столицей стал город Балта, а с 1929 г. – Тирасполь. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., там проживало 572,5 тыс.чел., из которых украинцы составляли 48,5%, *молдаване* – 30,1%, русские и евреи – по 8,5%, остальные – 4, 4%¹⁰.

МАССР просуществовала *менее 16 лет*, пройдя основные этапы индустриализации, коллективизации и культурной революции со всеми их положительными и отрицательными сторонами, и была ликвидирована вскоре после возвращения СССР Бессарабии, став частью новой союзной республики – Молдавской ССР, которую следовало быстро довести до советских стандартов за счёт экономического потенциала Приднестровья.

Создание, становление и деятельность Молдавской автономии были лишь эпизодами в процессе государственного строительства СССР, его социально-экономического развития.

Но на её примере хорошо прослеживаются основные достоинства и недостатки Советского строя, понимание которых может и сегодня представлять практическую пользу для модернизации государств и обществ. Покажем это на примерах.

---

⁸ Там же. С. 91.

⁹ Там же. С. 93.

¹⁰ Там же. С. 95

1. МАССР появилась на карте СССР и состоялась в очень трудное для страны время благодаря личным качествам героев гражданской войны Г.И. Котовского и М.В. Фрунзе, поддержавших и продвигавших соответствующую инициативу снизу в коридорах власти, а также благодаря *правильно организованной работе партийных и государственных органов*, ориентированных на решение вопросов (от подачи Докладной записки в партийные органы до правового завершения вопроса прошло всего 8 месяцев).

2. Автономия состоялась социально-экономически в сжатые сроки благодаря *плановому ведению хозяйства, ориентации на развитие человека*, в том числе, *на рост его благосостояния*. В ней существовали достаточно развитые промышленность и сельское хозяйство, транспортная система, наука и культура, народное образование, включая высшие и средние специальные учебные заведения. *Всё население региона было грамотным, пользовалось преимуществами бесплатного образования и медицинского обслуживания*. При всей искусственности названия “Молдавская автономия” (такова была политическая целесообразность момента) молдаване региона получили реальные возможности своего культурного развития на родном языке, молдавский, украинский, русский изначально были признаны *официальными языками*.

3. К суровому 1937 г. жители автономии вышли на такой уровень своего развития, что творческое отношение к труду, проявление инициативы, участие в общественной работе, свободомыслие стали нормой поведения для многих из них.

4. Гражданам МАССР не удалось избежать трагических издержек коллективизации, а также массовых репрессий 1937-1938 годов, в которых пострадали не просто невинные люди, а и многие из тех, кто стоял у истоков автономии или был назначен на ответственные должности позже.

5. Ликвидация первой Молдавской республики в СССР была осуществлена в 1940 г. на основании решений партийных органов (явное злоупотребление положениями статьи 126 Конституции СССР 1936 года)¹¹, без какого-либо участия Верховных Советов автономии и Украины, то есть с грубыми нарушениями Конституций самой автономии, Украинской ССР и СССР (в частности были нарушены статьи 15, 18 Конституции СССР 1936 года)¹².

6. Также не может считаться законным и справедливым деление бывшей автономии на 2 части, одна из которых вошла в МССР (примерно

---

¹¹ Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат. 1987. С. 310.

¹² Там же. С. 290.

46% от исходной территории и около 52% от исходной численности населения)¹³, так как предложение и просьба партийного и хозяйственного руководства МАССР об образовании на территории освобождённой Бессарабии и Молдавской АССР союзной Молдавской республики руководством страны приняты не были.

Образование Молдавской ССР в контексте геополитических условий 1927-1941 годов

Неизбежность войны с гитлеровской Германией на рубеже 30-х - 40-х г.г. XX-го века требовала от Советского руководства принятия мер по укреплению своих границ, в том числе юго-западных.

Здесь уместно провести ряд исторических параллелей, так как и нынешнее Приднестровье, будучи когда-то частью Молдавской автономии, и Республика Молдова в её нынешних границах, представляющая большую часть Бессарабии, в силу своего географического положения, основным элементом которого является река Днестр, исторически были частями геополитического пограничья. Здесь соседствовали три культурных мира: славянский, тюркский, романский и проходил путь на Балканы.

На протяжении трёх последних веков здесь шли жаркие схватки с участием России, а потом СССР. Достаточно вспомнить поход с участием Петра I-го, другие русско-турецкие войны, русско-польскую войну, Яско-Кишинёвскую операцию. В ходе таких баталий укреплялись границы Российской империи, в том числе за счёт составных частей будущей МССР, для которых 1812 и 1940 г.г. стали решающими.

Сегодня не утихают дискуссии о событиях и 1812 г. и июня-ноября 1940 г. Опуская итоги Бухарестского мира 1812 г., следует выделить проблему, которая давно является не только предметом научных дискуссий, но и изощрённых спекуляций, причём, не только в Молдове, но и далеко за её пределами, что представляет реальную опасность для поддержания мира и стабильности в республике, в Европе и мире в целом.

По-прежнему в ходу тезис о том, что два тирана, И. Сталин и А. Гитлер, хотели разделить мир, поделив между собой сферы влияния и территории. В доказательство приводятся два Договора и секретные протоколы к ним от 23 августа и 28 сентября 1939 г., подписанные от имени СССР и Германии, о ненападении и границах. Опираясь на этот тезис, многие молдавские и румынские “специалисты” пытаются доказать, что в 1940 г. было не освобождение Бессарабии, а её оккупация Советским Союзом с согласия Германии.

---

¹³ Там же. С. 193.

С нашей точки зрения, здесь следует выделить несколько взаимосвязанных аспектов:

1. Советское руководство в период 1918-1940 г.г. последовательно не признавало законность объединения Бессарабии с Румынией, провозглашённое 27 марта (9 апреля) 1918г., считая её территорию оккупированной.

2. То есть, подчёркивая свой интерес к Бессарабии в протоколе к Договору о ненападении, СССР лишь подтвердил свою позицию в данном вопросе, имея для этого достаточные юридические основания.

3. Важно заметить, что в условиях, когда лидеры европейских стран, в первую очередь Франции и Великобритании, фактически потворствовали реализации захватнических планов стран оси (Германии, Италии, Японии), а все предложения СССР о создании антигитлеровской коалиции ими саботировались, бесосновательно ставить в вину Советскому правительству ведение переговоров и подписание документов с гитлеровской Германией, на что постоянно делают акцент указанные выше “специалисты”, говоря об этом как о позорной сделке. В ситуации надвигающейся опасности, оставаясь, по сути, наедине с очень сильным потенциальным агрессором, Советское руководство приняло для защиты государства те меры, которые были на тот момент необходимы и возможны.

4. Как результат, СССР не только отодвинул свои юго-западные границы, но и получил время (1 год) на их укрепление, что обеспечило сдерживание румынско-немецких войск в июне-июле 1941 г., то есть, способствовало срыву плана молниеносной войны.

5. Авторы полагают, что с учётом последних событий в Европе и мире и принимая во внимание текущие события на Украине, назрела необходимость возвращения, в том числе в научно-исследовательских кругах, к современному анализу основных межгосударственных документов, принятых в период 1935-1940 гг. С целью корректировки массового сознания граждан необходимо проводить работу по введению в научно-публицистический оборот документальных сборников, включающих советско-германские документы этого периода и снабженных научно-справочным аппаратом, исследований, базирующихся на конкретно-исторических материалах. Речь идёт не о переписывании истории, а о восстановлении исторической правды, которая, будучи основана на документах и фактах, например, в рамках данного материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Создание Молдавской АССР в составе Украинской ССР было актом, прежде всего, *политической целесообразности*, что ни в коей мере не отрицает его *обоснованности*.

2. *Бескровный возврат* в июне 1940 г. бывшей Бессарабской губернии, был осуществлён, исходя из *государственных интересов СССР при соблюдении норм международного права*.

3. СССР получил на своё содержание *колониальную окраину слабо-развитого полуфеодального Румынского королевства*, которую следовало поднять до советских стандартов в рамках образованной МССР, используя для этого и потенциал Приднестровья.

4. *Состав политической элиты* Советского государства может быть определён как *русско-украинский*, что и привело к совершенно произвольной, необоснованной передаче значительной части территории МССР (и не только) при её образовании *в пользу УССР*.

4. *Советское руководство*, решив важную задачу по отдалению и укреплению своих юго-западных границ, абсолютно *незаконным разделом* МССР заложило *мину замедленного действия*, *поспособствовавшую центробежным процессам в СССР*.

ПОЛИТИКА «НЕЙТРАЛИЗАЦИИ» ПЕРИМЕТРА СОВЕТСКИХ ГРАНИЦ КАК АНТИТЕЗА «ПОЛИТИКЕ ЛОКАРНО» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.¹

Аннотация. Заключение в 1925 г. Локарнских соглашений и обсуждение странами Восточной Европы возможности подписания аналогичных многосторонних договоров, получивших в историографии обозначение «новые Локарно», рассматривались Москвой как попытка создания в Европе крупного антисоветского блока. С целью противодействия «политике Локарно» советская дипломатия выдвинула во второй половине 1920-х гг. идею заключения двусторонних соглашений о нейтралитете и ненападении с соседними государствами. Хотя не все правительства соседних стран продемонстрировали готовность к достижению договорённостей с СССР на двусторонней основе, даже ограниченный успех советской дипломатии (договоры с Турцией, Германией, Литвой) позволил нейтрализовать угрозу создания региональных объединений антисоветской направленности и укрепил позиции СССР на международной арене.

Ключевые слова: СССР, Локарно, политика нейтрализации, пакт о ненападении, Восточная Европа, международные отношения

Советская внешняя политика 1920-х гг. осуществлялась в условиях перманентного взаимного недоверия, существовавшего между Страной Советов и остальными капиталистическими державами – в первую очередь её соседями, странами-лимитрофами, образовавшимися или расширившими свои границы в результате распада Российской империи. Однако переход к новой экономической политике и потребность в обеспечении собственной безопасности после периода гражданской войны и интервенции обусловили стремление советской дипломатии к расширению экономических и политических связей с соседними государствами. В то же время последние, как верно отмечает историк А.И. Рупасов, стремились «использовать проблемы обеспечения безопасности... в качестве вовлечения Советской России в систему международных обязательств, рассматривая реализацию этой цели как дополнительную гарантию сохранения своей независимости»². В рамках предлагаемой статьи будет представлена попытка кратко проанализировать переговорный процесс между СССР и его соседями во второй половине 1920-х гг. с целью выявления

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии №20-59-18007.

² Рупасов А.И. Гарантии. Безопасность. Нейтралитет: СССР и государства-лимитрофы в 1920-х - начале 1930-х гг. СПб.: Европейский Дом. 2008. С. 280.

основных черт политики «нейтрализации» периметра советских границ в её тесной связи с осуществлявшейся в Европе в указанный период «политикой Локарно».

Первые попытки достижения договорённостей о гарантиях о ненападении в рамках Гёнуэзской и Московской конференций 1922 г. оказались неудачными, т.к. Москва в ходе переговоров обуславливала предоставление гарантий ненападения исправлением границ или сокращением странами-лимитрофами вооружённых сил, на что последние пойти не могли. Однако в 1925 г. ситуация изменилась как для СССР, так и для ее соседей. Заключение Локарнских соглашений изменило расстановку сил в Европе. Ее итогом стало заключение Рейнского гарантийного пакта между Францией и Бельгией, с одной стороны, и Германией, с другой, при внешней гарантии Великобритании и Италии. В то же время со своими восточными соседями – Польшей и Чехословакией – Веймарская республика заключила лишь арбитражные соглашения. Кроме того, было принято решение о вступлении Германии в Лигу наций.

Участвовавший в Локарнской конференции министр иностранных дел Бельгии Э. Вандервельде, указывая на отсутствие международных гарантий германо-польской и германо-чехословацкой границ, утверждал, что никто «не сможет закрыть глаза на разницу, существующую между Рейнским пактом» и тем, что поляки называли «границами второго сорта»³. В этих условиях польская дипломатия сосредоточила свои усилия на обеспечении безопасности и территориальной целостности Второй Речи Посполитой и её гегемонии в регионе путём перенесения «модели Локарно» в Восточную Европу, что было невозможно без достижения широких договорённостей с Советским Союзом. Уже осенью 1925 г. во время визита в Варшаву наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина последнему были сделаны предложения о подписании пакта безопасности между Польшей, Советским Союзом и балтийскими странами, однако глава НКВД ответил отказом.

В Москве итоги Локарнской конференции рассматривали сугубо с негативной точки зрения. Несмотря на сообщения разведуправления Штаба РККА о том, что без существенного пересмотра Версальского договора «Германия даже при вхождении в Лигу наций и подписании гарантийного договора вряд ли займёт враждебную позицию по отношению

---

³ Wandycz P.S. *The Twilight of French Eastern Alliances 1926–1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland.* Princeton: Princeton University Press. 1988. P. 25.

к СССР»⁴, советское руководство опасалось, что подписание Локарнских соглашений означало формирование в Европе антисоветского блока. В документах XIV съезда ВКП(б) отмечалось, что Локарнские соглашения направлены против СССР и «означают по сути дела не что иное, как расстановку сил для новой войны»⁵. Советское руководство было полно решимости противостоять «вызову, брошенному советскому миру заключением крупного соглашения о безопасности в Западной Европе»⁶.

Страх советского руководства подогревался заявлениями, свидетельствовавшими о намерении дипломатов западно- и восточноевропейских стран распространить «модель Локарно» на остальные части Европы. Так, в беседе с литовским послом Е. Гальванаускасом 10 ноября 1925 г. британский министр иностранных дел О. Чемберлен говорил о своём желании, чтобы «другие государства последовали примеру великих государств и в том же духе заключили со своими соседями региональные пакты»⁷. Спустя неделю в газете «Хельсингин саномат» появилось интервью финского представителя в Лиге наций Р. Эриха, в котором озвучивалась идея «Северного Локарно». При этом, как писал в своём дневнике поддерживавший Р. Эриха президент Финляндии Л.К. Реландер, «деятельность по созданию “Северного Локарно” следует начать без России, поскольку это единственный способ включить Россию в “Северное Локарно”»⁸, что означало определённый антисоветский посыл данного проекта. В аналогичном ключе в Москве (равно как и в Берлине) оценивали польскую идею «Восточного Локарно», смысл которого заключался, по сообщениям германских дипломатов, в том, чтобы путём подписания взаимосвязанных двусторонних гарантийных пактов «теснее привязать прибалтийские государства к Польше»⁹.

---

⁴ Глазами разведки. СССР и Европа. 1919-1938 годы: сборник документов из российских архивов. М.: Историческая литература (ИстЛит). 2015. С. 201.

⁵ Хормач И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919-1934 гг. М.: Кучково поле. 2011. С. 225.

⁶ Graham M.W. The Soviet Security Treaties // The American Journal of International Law. 1929. Vol. 23. № 2. P. 339.

⁷ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. VIII. М.: Госполитиздат. 1963. С. 810.

⁸ Relander L.K. Presidentin päiväkirja. Lauri Kristian Relanderin muistiinpanot vuosilta. T. I: 1925–1927. Helsinki: Weilin & Goos, 1967. S. 140.

⁹ Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. Ser. B. Bd. II,1. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. S. 178.

В ответ на попытки создания «Северного» и «Восточного Локарно» советская дипломатия выдвинула идею заключения двусторонних и не связанных друг с другом пактов о ненападении между СССР и всеми соседними государствами. В январе 1926 г. Г.В. Чичерин писал советскому полпреду в Швеции В.С. Довгалеvскому: «В противовес Локарно и Лиге наций, где сколачиваются группы и комбинации, друг другу враждебные, мы выдвигаем схему ликвидации системы политических союзов и групп, ведущей неизбежно к войнам»¹⁰. Образцом подобного соглашения мог служить советско-турецкий договор «О дружбе и нейтралитете», подписанный 17 декабря 1925 г. Как отмечали впоследствии специалисты Королевского института международных отношений, крупного британского аналитического центра, заключение данного договора обеспечило Москве «не только крайне необходимый дипломатический успех, на который он мог указать в качестве ответного удара по триумфу “капиталистических” держав в Локарно, но и новую основу, на которой должна была основываться преeмственность советской внешней политики»¹¹.

Крупным достижением советской дипломатии стало заключение Берлинского договора о ненападении и нейтралитете с Германией 24 апреля 1926 г. В первую очередь данный договор позволял СССР «нивелировать» потенциальную угрозу со стороны Локарнских соглашений: обе стороны заявляли о приверженности «духу Рапалло», а германский министр иностранных дел Г. Штрeземан в радиообращении по случаю подписания договора заявил: «Германия никогда не собиралась примыкать к западному боевому сообществу, направленному против Востока. В силу своего географического положения Германия является естественным серьёзным посредником и мостом между Востоком и Западом»¹². Кроме того, как отмечал историк Дж. Корбел, при подготовке данного договора обе стороны разыгрывали «польскую карту», а его заключение приветствовали в Германии в том числе потому, что он подтверждал изоляцию Польши¹³. Ещё на стадии подготовки договора германский посол в Москве У. Брокдорф-Ранцау в беседах с Г.В. Чичериным подчёркивал, что «значение дружбы с СССР для Германии отчасти заключалось в том,

¹⁰ ДВП СССР. Т. IX. М.: Политиздат, 1964. С. 10.

¹¹ The U.S.S.R. System of Neutrality and Non-Aggression // Bulletin of International News. New Series. 1928. Vol. 4. № 25. P. 5.

¹² Павлов Н.В. Россия и Германия: несостоявшийся альянс (история с продолжением). М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С. 255.

¹³ Korbelt J. Poland between East and West. Soviet and German Diplomacy toward Poland, 1919–1933. Princeton: Princeton University Press, 1963. P. 197.

что Польша опасалась за свой тыл и сдерживала своё неприязненное отношение к Германии»¹⁴, что встречало полное понимание со стороны главы НКВД Советского Союза.

Опираясь на достигнутые с Берлином договорённости, советская дипломатия надеялась заключить аналогичные соглашения с Польшей, прибалтийскими республиками и Финляндией. При этом ключевым пунктом было именно отсутствие связи между данными соглашениями, в то время как польская сторона настаивала на заключении коллективного соглашения между Советским Союзом, Второй Речью Посполитой и государствами Балтии. Согласиться с планами Варшавы, по словам Г.В. Чичерина, означало бы «признать или содействовать созданию подобной федерации, образующей барьер от Ледовитого океана до Польши или, возможно, до Черного моря»¹⁵.

Однако переговоры с западными соседями СССР, начатые в феврале 1926 г., продвигались крайне медленно из-за того, что правительства Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии постоянно обсуждали друг с другом советские предложения в надежде выработать единый текст пакта, в то время как советская сторона надеялась выговорить особые условия в договоре с каждой из указанных стран. Кроме того, дипломаты балтийских стран рассчитывали увязать пакты с текстом Устава Лиги наций, против чего выступала советская сторона: полпред в Париже Х.Г. Раковский писал в начале 1926 г., что «Лига наций есть продолжение той же политики войны, но проводимой иными средствами»¹⁶. Полпред СССР в Хельсинки И.Л. Лоренц в связи с крайне медленным темпом переговоров давал им следующую оценку: «Вряд ли можно в настоящий момент сомневаться также, что наши переговоры с Латвией и Эстонией имеют весьма незначительные шансы на положительный результат»¹⁷.

Совершенно иной характер в то же время приобрели переговоры с Литвой. Умело играя на польско-литовских противоречиях из-за Виленского края, советская дипломатия сумела склонить литовское правительство к заключению договора о ненападении и нейтралитете от 28 сентября 1926 г. Советская и литовская общественность встретила заключение договора одобрением, что выразилось, например, в следующей статье литовского официоза «Летува», процитированной в советской «Правде»:

---

¹⁴ Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920-1941: сб. док.: в 3 т. Т. 1: 1920-1926. М.: Наука, 2011. С. 834.

¹⁵ ДВП СССР. Т. VIII. С. 725.

¹⁶ Хормач И.А. Указ. соч. С. 232.

¹⁷ Рупасов А.И. Указ. соч. С. 126.

«Договор о нейтралитете и ненападении – новый важный шаг по пути сближения Литвы с СССР... Литовская республика, подписав договор, встаёт на исторический путь литовско-советской дружбы»¹⁸. Подобные восторженные отзывы были связаны прежде всего с тем, что в заключённом договоре Литва видела ещё один шаг к возвращению Вильнюса.

Советско-литовский договор был негативно воспринят в Варшаве, где считали, что договор направлен «в равной степени как против западных держав, так и против Польши», а также в Риге, Таллине и Хельсинки, усматривавших в нем «шаг, положивший конец попыткам создать единый политический фронт для достижения взаимопонимания с Советами или Литвой»¹⁹. Прямым следствием заключения данного договора стало прекращение переговоров между СССР и Финляндией и значительный перерыв в переговорах с Варшавой. Впрочем, в Москве не торопили переговорный процесс с поляками в силу того, что советская линия оставалась прежней: «препятствовать заключению польско-балтийского союза», как писал начальник 4-го (разведывательного) управления штаба РККА Я.К. Берзин²⁰.

В то же время правительства Латвии и Эстонии восприняли успех советско-литовских переговоров как чёткий сигнал: переговоры с СССР могут принести свои плоды лишь при условии, что они будут вестись на сепаратной основе. В связи с этим Рига и Таллин заявили о необходимости ускорить переговорный процесс с Москвой. Важную роль сыграл и приход к власти в Латвии в декабре 1926 г. правительства социал-демократической коалиции, в котором пост министра иностранных дел Латвии занял Ф. Циеленс. В своих заявлениях он подчёркивал необходимость «добраго согласия» с Эстонией и Финляндией при проведении политики в отношении СССР и демонстрировал, что Латвия готова проводить независимую от Варшавы политику, в том числе направленную на сближение с Советским Союзом²¹.

При активном участии Ф. Циеленса в марте 1927 г. был парафирован текст пакта о ненападении между СССР и Латвией, а 2 июня между двумя

---

¹⁸ Литовский официоз о договоре с СССР // Правда. 1926. 2 октября. С. 2.

¹⁹ Soviet-Lithuanian Treaty. Polish Feeling // The Times. 1926. October 6th. P. 11.

²⁰ Дьяков Ю.Л. Неизвестные документы об отношениях СССР (России) и Польши в XX веке // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М.: Наука, 2001. С. 63.

²¹ Lettlands Linkskabinett // Vossische Zeitung. 1927. 7 Januar. S. 2.

странами был заключён торговый договор, который в Москве рассматривали как своего рода «гарантийный договор», обеспечивающий определённую лояльность ведущих политических кругов Латвии в отношении СССР²². Вслед за этим, 8 августа 1927 г. был заключён советско-эстонский договор о мирном разрешении пограничных конфликтов, который, по мнению британского посланника Т. Вогана, явно демонстрировал, что «целью всей затеи с пактами было ликвидировать возможность создания Балтийского союза», и СССР, «вбив клин между Латвией и Эстонией», добился этой цели²³. В этих условиях Москва даже была готова поддерживать выдвинутый Ф. Циеленсом проект «Восточного Локарно», или Балтийского союза, который, как заявляла газета «Правда» совершенно отличался от того, «который мерещится английской дипломатии... Балтийский союз без Польши и, как уверяют в рижских политических кругах, без антисоветского острья»²⁴.

Однако обозначенные соглашения стали на тот момент пределом возможных договорённостей между Москвой, с одной стороны, Ригой и Таллином, с другой. Осенью 1927 г. Ф. Циеленсу, которого оппоненты все чаще обвиняли в зависимости от Москвы, с большим трудом удалось добиться ратификации советско-латвийского торгового договора парламентом Латвии (52 голоса «за», 45 – «против»). Ратификация согласованных пунктов политического договора с СССР встретила бы еще большее сопротивление, так что о ней речи уже не шло. Пограничное соглашение с Эстонией также не стало предпосылкой к углублению переговорного процесса по поводу гарантийного пакта. В конце 1927 г. член коллегии НКВД Б.С. Стомоняков писал полпреду СССР в Варшаве, что наиболее вероятной перспективой является «постепенное замирание гарантийных переговоров и замена их переговорами о торговом договоре»²⁵. Вновь к переговорам о заключении пактов о ненападении Москва вернулась лишь в начале 1930-х гг. в связи с обострением международной обстановки.

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. одним из основных направлений советской внешней политики была «нейтрализация» пери-

---

²² Кен О.Н., Рупасов А.И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928-1934. М.: Алгоритм, 2014. С. 266.

²³ Sir T. Vaughan to Sir Austen Chamberlain. June 13, 1927 // The National Archives. FO 371/12546, N 2841/227/59.

²⁴ Ковенское свидание // Правда. 1927. 19 августа. С. 1.

²⁵ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в четырех томах. Т. 2: 1926–1932. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. С. 236.

метра советских границ, которая противопоставлялась попыткам создания, как считали в Москве, «антисоветских блоков» в Западной и Восточной Европе. Сущностной чертой, отличавшей советскую политику от «политики Локарно», являлось продвижение невзаимосвязанных договоров о нейтралитете и ненападении на двусторонней, а не многосторонней основе между Советским Союзом и его западными соседями. Несмотря на то, что успех советской дипломатии был лишь частичным: договоры были заключены лишь с Турцией, Германией и Литвой (за пределами Европы в 1926-1927 гг. были заключены аналогичные договоры с Афганистаном и Ираном), – сам факт их заключения позволил Москве в значительной степени нивелировать достижения западных стран в Локарно и поднять престиж Москвы на международной арене.

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИКИ В ПРЕДШЕСТВУЮЩИЙ II МИРОВОЙ ВОЙНЕ ПЕРИОД: ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К ВОЕННОМУ ПРОТИВОСТОЯНИЮ

Аннотация. В докладе основное внимание уделяется проблемам развития внешнеэкономического сотрудничества в условиях нестабильной геополитики, провоцирующей и экономическую нестабильность. Экономические факторы играют значимую роль в преддверии войн. После Первой мировой войны ослабление Германии и России выдвигает на передний план в геополитике Англию и США. Вместе с тем, сотрудничество России и Германии продолжается до прихода к власти А. Гитлера. Сопоставляя предвоенные периоды с сегодняшней ситуацией масштабной торговой войны против России, автор приходит к выводу о необходимости урегулирования политических разногласий в целях устойчивого развития торгово-экономического сотрудничества дипломатическими средствами, поскольку войны, заканчивающиеся миром, снижают экономический потенциал великих держав лишь на восстановительный период. Мобилизация внутренних ресурсов в дальнейшем становится импульсом для их динамичного развития и выхода на мировой рынок.

Товарный обмен между странами имел место во все периоды существования человечества и способствовал экономическому развитию сотрудничающих государств. Соперничество стран за место в мировой торговле при благоприятной геополитической обстановке стимулировало новаторство, развивало изобретательские таланты, воздействовало на инновационные процессы. Вместе с тем, в добросовестную конкуренцию вмешивается геополитика противоборства, далеко не лояльная свободной торговле. Послевоенное поколение не особо замечало и не задумывалось о том, что в борьбе стран за лидерство на мировых рынках торговые войны препятствуют стабильной, взаимовыгодной внешнеэкономической деятельности. Предвоенная ситуация как раз и объясняет значение экономического сотрудничества для геополитического равновесия. Многие исторические исследования подтверждают, что одной из причин начала Второй мировой войны послужила неустойчивая экономическая ситуация, прежде всего, в раздробленной после Первой мировой войны Европы.

Экскурс в предвоенные исторические процессы показывает, что на смену относительно благоприятной геополитической обстановке, способствующей мировой торговле и иностранным инвестициям, приходила агрессивная политика, направленная на снижение экономического потенциала тех стран, которые становились конкурентами стран-лидеров. Эти процессы отличались набором методов, нацеленных на срыв положительной экономической динамики страны-конкурента, но в целом суть противоборства в раз-

ные исторические периоды не меняется, т.е. имеют определённую закономерность, аналогичные тенденции во внешнеэкономических отношениях. Неизбежность военных конфликтов предопределяли как послевоенные территориальные споры и стремление вернуть утраченные территории, так предполагаемые перспективы восстановления экономического влияния на мировых рынках. Для периода между двумя мировыми войнами именно данные устремления определяли международные отношения и геополитику крупных держав, прежде всего в силу утраты ими мирового могущества после Первой мировой войны и возникшими проблемами, заложенными Версальским мирным договором 1919 года.

Вместо установленного Версальским порядком ожидаемого европейского равновесия XIX в., основой которого могло служить условие, чтобы на европейском континенте не было ни одной доминирующей по своим геополитическим и иным возможностям страны, была создана ситуация экономического соперничества мелких государств, не готовых к совместному решению финансовых и экономических проблем. Как показывают исторические исследования, «фундаментальной слабостью Версаля была заложенная им схема экономического взаимодействия европейских стран». Экономические связи в Центральной и Восточной Европе были разрушены новым государственным размежеванием, когда вместо ёмкого, обширного, проницаемого и достаточно открытого рынка Европы для таких стран как Франция, Австро-Венгрия, Германии и Россия, Европа представляла собой территорию, разделённую «на несколько десятков маленьких, отгородившихся друг от друга таможенными стенами рынков и рыночков». Более того, между новыми малыми государствами началось острое соперничество в экономической сфере при крайне неприязненных политических отношениях. Малые государства полностью сосредоточились на собственных хозяйственных трудностях, не пытаясь компенсировать их совместными усилиями. Самоопределение государств породило в Европе экономический раскол, который европейские страны не могли преодолеть. Создававшаяся и на тот момент не преодолимая экономической неустойчивость, прежде всего, была обусловлена политическими разногласиями. Как отметил английский экономист Дж. Кейнс сразу после Парижской конференции (1919-1920гг.), в версальских основоположениях было слишком много политики¹.

Безусловно, наибольший экономический ущерб после Первой мировой войны понесли Германия и Россия, ослабленная экономически кроме

---

¹ В. Г. Цыплин. Поиск новых векторов внешней политики России в Европе в начале 1920-х гг. // <https://cyberleninka.ru/article/n/poisk-novyh-vektorov-vneshney-politiki-rossii-v-evrope-v-nachale-1920-h-godov>

того ещё и революцией, и гражданской войной. Исследования русского экономиста Н.Д. Кондратьева свидетельствуют об этом. Германия до войны занимала первое место во внешней торговле России, экспорт которой в эту страну составлял в предвоенный период 1909-1913 гг. 29% от его общего объёма, а Англия и Голландия находились соответственно на втором и третьем местах. Тогда как в 1926 г. на долю Англии уже приходилось 28% всего экспорта и 31% экспорта российских сельскохозяйственных товаров, а на Германию 17,8 и 19,4 процента. Таким образом, две ведущие европейские державы для России были весьма важными во внешнеэкономических связях. Экспортная составляющая в экономике любой страны имеет большое значение. В межвоенный период Россия особо нуждалась в экспорте своих товаров, поскольку экспортная выручка обеспечивала валютные резервы, без которых сложно было осуществить планы по индустриализации страны. Если в предвоенный период российский экспорт составлял 1,5 млрд. довоенных рублей, то в 1920 г. всего лишь 1,2 млн. рублей. Как объясняет учёный, причины ухода России и СССР с мирового рынка заключаются в изоляции и расстройстве народного хозяйства под влиянием войны, а после революции и гражданской войны, а также в дальнейшем упадке производительных сил. В 2021 г. начинается частичное снятие блокады и наша сельскохозяйственная продукция вновь появляется на мировом рынке. Сельское хозяйство оставалось основным поставщиком экспортных товаров. Ведь в начале XX века Российская Империя занимала первые места в мировой торговле не только по экспорту зерновых, но и сливочного масла. Но до 1926 г. удельный вес зерновых существенно снизился. В распределении по странам лидерами российского экспорта также оставались Англия и Германия².

Также следует отметить, что и в дальнейшем в 1925-1933 гг. российско-германская торговля находилась на подъёме. В СССР это время был провозглашён курс на индустриализацию, который ознаменовался волной модернизации народного хозяйства. Советское правительство ещё с 1921 г. осознавало тот факт, что Европа готовится ко Второй мировой войне, поэтому предпринимало шаги по повышению уровня промышленного производства как в гражданской, так и в военной промышленности, и стремилось к достижению показателей западных стран. Импорт машин СССР из Германии составлял 43% от общего объёма импорта. За 1929-1932 гг. внешнеторговый оборот между странами увеличился на

---

² Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2-х книгах. М.: Наука. Сер. «Памятники экономической мысли». 1993. Кн. 2. С. 177-189.

176%. Для сравнения: объем экспорта в Голландию, Францию и Великобританию уменьшился на 53,2%, 48,6 и 67,5% соответственно. К примеру, экспорт машин из Германии в СССР. Экспорт из СССР главнейших товаров в распределении по странам назначения. Изменения в советско-германских торговых связях стали происходить в 1933-1941 гг. в связи с приходом к власти Гитлера. Начался резкий спад товарооборота. Российско-германские торговые отношения не получили развития вплоть до конца Второй мировой войны, однако торговля между странами продолжалась, несмотря на политическую напряжённость. Фактически структура товарооборота между Россией и Германией не меняется, а торговые отношения между странами на протяжении веков ориентированы на специализацию экономик. В Германии высокое развитие получила отрасль машиностроения, тогда как большую долю в торговле России с Германией занимает сырьевая отрасль³. Поэтому эти виды продукции стали традиционными в экспортном потенциале стран. Поскольку Россия обладает достаточно уникальными природными ресурсами, введение в хозяйственный оборот которых не требует высоких издержек, а в Германии на протяжении длительного периода благодаря улучшению технологий и высокой квалификации специалистов в отрасли машиностроения (эти факторы способствуют снижению издержек производства и обеспечивают конкурентоспособность продукции) развивалось данное направление специализации, то не имея собственных ресурсов нефти и газа до сих пор Германия, хотя и вынуждена специализироваться на капиталоемких отраслях, заинтересована в сохранении данного товарообмена. Таким образом, сохраняя страновые преимущества при благоприятных геополитических условиях внешнеэкономические отношения могли бы длительное время оставаться взаимовыгодными. Однако вмешательство политики не способствует стабильному развитию внешнеторговых отношений.

Исследования торгово-экономических отношений со странами Запада, показывают, что в межвоенный период наблюдалась относительная стабильность страновых пропорций во внешней торговле СССР, хотя это происходило на фоне падения относительных масштабов внешнеторгового сектора – с 10,4% национального дохода в 1913г. до 3,1% в 1929 г. Причём одними из ведущих внешнеэкономических партнёров оставались

---

³ История и динамика развития российско-германских отношений//URL: https://vuzlit.com/1761589/istoriya_dinamika_razvitiya_rossiysko_germanski_h_torgovyh_otnosheniy (дата обращения 7.08.2022 г.)

европейские государства и США⁴. Более детальные данные о масштабах и структуре внешней торговли СССР в предвоенный период представлены в статистическом сборнике «Внешняя торговля 1918-1940 гг.». В рамках данной статьи ограничимся лишь основными моментами. Как подтверждается статистикой, СССР в период с 1925 по 1929 г. восстанавливал постепенно свои позиции в мировой торговле прежде всего за счёт сельскохозяйственного экспорта. В число ведущих стран-партнёров входили 14 государств (последовательность по убыванию доли стран в экспорте сельскохозяйственных товаров): Англия, Германия, Латвия, Франция, Италия, Персия, Эстония, Соединённые Штаты, Голландия, Бельгия, Турция, Дания, Финляндия и Польша. На долю Англии, Германии, Латвии приходилась большая часть – в совокупности около 63%, половину из которой занимала Англия. Основными товарами были масла растительные, продовольственные жиры животные, масло коровье, рыба и рыбопродукты, консервы рыбные, сырьё для производства продовольственных товаров (в основном зерновые культуры: пшеница, рожь, ячмень, кукуруза), медицинское и лекарственно-техническое сырьё, концентрированные корма, жмых, шрот, лен, шерсть, кожевенное сырьё, пушнина и другое. Хотя в указанный период происходил рост промышленных товаров, однако в 1926 г. доля сельскохозяйственных товаров составляла 71,7%⁵.

Реалии предвоенных лет показывают нестабильность внешнеэкономических отношений в связи со сложностью геополитической обстановки как в Европе, так и в других странах мира. Вмешательство политики в экономические отношения тормозило и в определенные периоды останавливало внешнеэкономическое сотрудничество. Это требовало сосредоточения собственных сил и ресурсов для выполнения социально-экономических планов. Первый пятилетний план заложил основы индустриализации в СССР. Основной целью индустриализации являлось наращивание промышленного потенциала. Безусловно, внешнеэкономическое сотрудничество могло бы ускорить модернизацию промышленности. Вместе с тем, как перед Первой мировой войной, так и в период между войнами, как только российская экономика набирала положительную динамику, геополитическая расстановка сил была не в пользу нашей

---

⁴ Афонцев С.А. От Российской империи к СССР: структура торговли со странами Запада// URL: <https://statehistory.ru/5748/От-Российской-империи-к-СССР-структура-torgovli-so-stranami-Zapada/> (дата обращения 17.08.2022 г.)

⁵ Внешняя торговля 1918-40 гг. // URL: <https://istmat.org/node/22117> (дата обращения 10.08.2022 г.)

страны. Несмотря на взаимовыгодный товарообмен, страны Запада разрывали торгово-экономические отношения даже ценой социальных издержек в своих государствах.

Внутренняя экономическая политика СССР преследовала цель индустриального развития и по многим направлениям она была достигнута. Даже тот факт, что в начале Второй мировой войны СССР осуществил переброску промышленных мощностей из европейской части за Урал и сохранения промышленного потенциала, говорит о способности выдерживать даже военное противостояние. Мировая история не знала подобных примеров передислокации промышленности.

Сопоставляя предвоенные периоды, можно предположить, что цели соперничающих между собой стран мало меняются. Ослабление экономики России и сейчас в приоритете Запада. Однако, по данным Министерства экономического развития РФ, только в пандемийный 2020 год внешнеторговый оборот России и Германии сократился по сравнению с 2019 г. на 21,0 % (- 11,2 млрд долл.) и составил 42,0 млрд долл., при этом российский экспорт сократился на 33,6 % (- 9,5 млрд долл.) до 18,6 млрд долл., а импорт из Германии уменьшился на 6,9 % (- 1,7 млрд долл.) до 23,4 млрд долл. Отрицательное сальдо России в торговле с Германией составило 4,8 млрд долл. . В структуре импорта преобладала продукция машиностроения (в целом 55,0%), продукция химической промышленности (29,9%), металлы и изделия из них (6,7%). Сокращение стоимостных объемов импорта обусловлено уменьшением импорта транспорта (в целом) на 23,2 % или на 852,9 млн долл., в натуральном выражении объем импорта уменьшился на 22,7 % или на 81,6 тыс. тонн, фармацевтической продукции на 32,2% или на 980,4 млн долл., в натуральном выражении объем импорта уменьшился на 40,6 % или на 14,5 тыс. тонн.⁶ Но уже на следующий год снова наметился существенный рост. По информации ТАСС, товарооборот между Германией и Россией за 2021 г. год увеличился более чем на 34%, достигнув почти €60 млрд. Об этом говорится в распространенном заявлении Восточного комитета германской экономики (Ost-Ausschuss - Osteuropaverein der Deutschen Wirtschaft e.V. – ОАОВЕВ). Причём восточное направление для ФРГ остаётся в приоритете. В заявлении указывается, что Восточный комитет германской экономики достиг нового исторического максимума в 2021 году: впервые общий объем продаж превысил отметку в полтриллиона евро. Как констатировал его руководитель, - "Мы все

---

⁶ Официальный сайт Минэкономразвития РФ // https://www.economy.gov.ru/material/file/b94dd03f74e0648871d5eebd6535d1c0/TEC_Germany_May_2021.pdf

извлекаем выгоду из тесных деловых и экспортных связей с нашими восточными соседями по ЕС, а также с важными странами-партнёрами, такими как Россия, Украина и Казахстан. Совершенно безответственно, что плоды этой работы теперь снова подвергаются опасности из-за неразрешённых политических конфликтов⁷.

Также, несмотря на санкции в отношении России, Германия остаётся вторым по значимости внешнеэкономическим партнёром Российской Федерации после Китая. Даже при существующем запрете импорта большого количества товаров из России, введённом санкционной политикой, и несмотря на эмбарго ЕС, в частности, на российские уголь, золото и сталь, за первое полугодие 2022-го доходы России от торговли с ФРГ составили 22,6 млрд евро, что больше, чем в рекордном 2012 году и как минимум на 52% выше аналогичного показателя 2021 года. Все запреты на экспорт многих товаров (от угля, стали, древесины и цемента до рыбы, спиртных напитков и золота) компенсируются динамично растущим в стоимостном выражении бизнесом с российским газом⁸.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Экономическое сотрудничество остаётся главным инструментом выстраивания внешнеполитических курсов, направленных на устойчивое развитие.

2. Попытки сдерживания развития экономики ведущих мировых держав не приводят к успеху и в политическом соперничестве.

Опыт развития внешнеэкономических отношений в предвоенные периоды убедительно доказывает преимущество дипломатического урегулирования возникающих разногласий в торгово-экономических отношениях во избежание военных конфликтов.

---

⁷ https://tass.ru/ekonomika/13673227?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

⁸ <https://expert.ru/2022/08/5/v-germanii-otmetili-cto-pokazateli-torgovli-rossii-i-frg-rastut-nesmotrya-na-sanktsii/>

СОСТОЯНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ СССР. ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ И КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РККА И РККФ В 1929-1941 гг.

Аннотация. В 20-30-е годы XX столетия Рабоче-крестьянская Красная Армия и Рабоче-крестьянский Красный Флот прошли сложный путь становления, развития и борьбы с внешними и внутренними врагами. В статье содержится краткий анализ состояния материального обеспечения армии; подбора, расстановки и обучения кадров рядового, младшего и командного состава в армии и флоте в предвоенное время, рассматриваются причины и последствия предпринятых в предвоенные годы репрессий, их влияние на итоги начального периода Великой Отечественной войны, в том числе поражений Красной Армии.

Ключевые слова: Руководство страны, оборона, армия, флот, техника, вооружение, кадры, обучение, репрессии, последствия.

15 (28) января 1918 г. В.И. Ленин подписал декрет о создании РККА, а 29 января (11.02)1918 г. - декрет о создании РККФ на добровольных началах. 10 июля 1918 г. 5-й Всероссийский съезд Советов принял постановление «Об организации Красной Армии» на основе всеобщей воинской повинности. Это позволило увеличить численность КА к сентябрю 1918 г. до 550 тыс. чел. В годы Гражданской войны строительство армии и флота велось в трудных условиях. В армии не хватало опытных кадров, техники и вооружения. К концу 1919 г КА насчитывала 3 млн., к осени 1920г. -5,5 млн. чел. Сформировано 88 стрелковых и 29 кавалерийских дивизий, 67 авиаотрядов, артиллерийские и броневые части и подразделения. На 1. 8. 1920г. в КА было около 300 тыс. коммунистов.

В 1923г. воссоздан объединённый Наркомат по военным и морским делам, а к концу 1924г. КА сократили в 10 раз. Смысл реформы переход к смешанной системе комплектования, позволявшая в мирное время иметь небольшую кадровую армию с минимальной затратой средств на содержание. После смерти М. В. Фрунзе Наркомом назначен К. Е. Ворошилов, который проводил активную работу по укреплению армии и флота. Первый общесоюзный закон «Об обязательной военной службе», принятый 18 сентября 1925г. ЦИК и СНК СССР, закрепил мероприятия, проведённые в ходе военной реформы. Законом установили структуру ВС, куда входили Сухопутные войска, Воздушные и Морские силы, войска Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) и конвойная стража). Их численность в 1927г. составляла 586 тыс. «В итоге работы в 1924-1928 гг. – отмечал К.Е. Ворошилов, - Красная Армия получила современную, устойчивую организацию, наладила регулярное комплектование личного состава, установила сроки службы, получила

все современные уставы, систематизировала и наладила боевую подготовку рядовых и начальствующего состава, развернула сеть высших и средних военно-учебных заведений. Из армии организационно отсталой КА в 1928г. превратилась в армию современную, сделавшую для себя все организационно -учебные выводы последних войн»¹.

Учитывая вражеское окружение приняты меры по укреплению обороны. «Всякая революция учил В.И. Ленин - лишь тогда чего – либо стоит, если она умеет защищаться...»². В1928г. стрелковая дивизия РККА имела на вооружении 48 орудий, французская - 60, немецкая – 98, то есть в два раза больше. Сталин и командование КА приняло меры по перевооружению армии и флота и подготовке кадров. В июле 1929г. Реввоенсовет СССР поручил штабу РККА уточнить пятилетний план военного строительства. В 1926, 1928 и 1936 гг. приняты кораблестроительные программы. Начато строительство кораблей, катеров, подводных лодок и вспомогательных судов. В начале 30-х годов флот получил первые советские подлодки типа «Декабрист», «Щука», «Ленинец» и др. Если в 1930-31гг. выпуск военной техники составлял: самолётов - 800 ед.; танков -740; орудий -1911; пулемётов – 40 900 ед. в год, то в 1938г. – 5469, 2271,12 340 и 71100 соответственно.

В 1935-38 гг. осуществлён переход от территориально-кадровой системы к единому кадровому устройству РККА. В 1937г. в составе армии и флота было 1,5 млн. чел., в июне 1941 г. - около 5 млн. чел. 20 июня 1934 г. ЦИК СССР упразднил РВС СССР и переименовал Наркомат по военным и морским делам в Наркомат обороны СССР. В ноябре 1934 г. создан Военный совет Наркомата обороны, в 1937 г. военные советы в округах. В 1935 г. Штаб РККА преобразован в Генеральный штаб. В 1937 г. создан общесоюзный Наркомат ВМФ; Политуправление КА переименовано в Главное управление политической пропаганды, а ПУ округов и политические отделы соединений - в управления и отделы политической пропаганды. 10 мая 1937г. постановлением ЦИК и СНК СССР введён институт военных комиссаров, ответственных вместе с командирами за политико-моральное состояние войск, оперативную и мобилизационную готовность, состояние оружия и военной; в 1938 г. учреждены главные военные советы КА и ВМФ.

1 сентября 1939г. принят закон «О всеобщей воинской обязанности», отменивший существовавшие до этого ограничения в призыве в армию и во флот для некоторых категорий населения и провозгласивший

¹ Ворошилов К.Е. Статьи и речи. М.: Партиздат. 1937. С. 565.

² Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т.37. С.122.

воинскую службу почётной обязанностью всех граждан СССР. Улучшился социальный состав армии: от 40 до 50% красноармейцев, краснофлотцев и командиров являлись представителями рабочего класса. В 1939г. было 14 военных академий, 63 военных училища Сухопутных войск и 14 ВМФ, 32 лётные и лётно-технические школы. 22.9.35г. введены воинские звания, а 7.5. 1940г. - генеральские и адмиральские. В Сухопутных войсках в 1939г. (с 1930 г.) количество артиллерии увеличилось; в 7 раз, противотанковой и танковой - в 70 раз, танков в 2,5 раза, пулемётов ручных и станковых - в 5,5 раз, п ВМФ – в 2,3 раза Численность армии и флота увеличилась 3,5 раза³.

Войска ПВО, инженерные, связи и др. пополнились новыми техническими средствами. Дальнейшее развитие получили самолёто- и моторостроение. В 1939 г. (по сравнению с 1930 г.) количество самолётов увеличилось в 6,5 раз. В ВМФ развернулось строительство надводных кораблей разных классов, подводных лодок, торпедных катеров, самолётов морской авиации. Объём военной продукции в 1940 г. возрос на 1/3. Усилиями конструкторских бюро М.И. Гуревича, А.С. Яковлева, С.А. Лавочкина, С.В. Ильюшина, А.Н. Туполева и др. созданы новые типы самолётов: Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Пе-2, Ил-2. Конструкторские коллективы Ж.Я. Котина, М.И. Кошкина, А.А. Морозова поставили на серийное производство лучшие в мире тяжёлые и средние танки КВ-1 и Т-34. КБ В.Г. Грабина, И.И. Иванова, Ф.И. Петрова и др. создали новые типы артиллерийских орудий и миномётов. С мая 1940 г. до начала войны 1941-1945 гг. оружейный парк возрос более чем в 1,2 раза. Ю.А. Победоносцев, И.И. Гвай, В.А. Артемьев, и др. создали реактивное оружие для залповой стрельбы. Конструкторы и учёные: А.Н. Крылов, П.Н. Папкович, А.Н. Маслов, Б.М. Малинин, и другие разработала образцы боевых кораблей. Большой вклад внесли создатели стрелкового оружия: Ф. Токарев, В. Дегтярёв, Г. Шпагин, А. Судаев и др. Больших успехов достигли в 1940-1941 гг. заводы по производству стрелкового оружия, боеприпасов, горюче-смазочных материалов и др.⁴.

Техническая оснащённость позволила в канун войны существенно улучшить организационную структуру войск. В стрелковые дивизии были включены танки, мощная дивизионная артиллерия, противотанковая и зенитная артиллерия, что значительно повысило их огневую мощь. Вместо отдельных танковых и броневых бригад, которые с 1939 г. явля-

³ Климент Ефремович Ворошилов. М. 1974. С. 171.

⁴ Оружие Великой Победы. М. 2020. С. 10-40.

лись основными соединениями бронетанковых войск, начали формировать танковые и механизированные дивизии. В воздушно-десантных войсках стали формировать воздушно-десантные корпуса, а в ВВС - переходить на дивизионную организацию. В ВМФ организованы соединения и объединения, предназначенные для совместных действий с сухопутными войсками и для проведения самостоятельных операций.

Дальнейшее развитие получили военная стратегия, оперативное искусство и тактика. В середине 30-х гг. разрабатывается теория глубокого боя и глубь, отражавшая качественные изменения в техническом оснащении войск, - принципиально новая теория ведения операций массовыми высокоподвижными, технически оснащёнными армиями. Теоретические положения проверялись на учениях, а также в ходе боевых действий КА в районе озера Хасан, р. Халхин-Гол, в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. За 105 дней войны с Финляндией КА потеряла 289,5 тыс. бойцов, из них 74 тыс. убитыми и 17 тыс. пропали без вести, остальные ранены и обморожены⁵. В 1940 г. в войска поступили БУ пехоты, БУ танковых войск, «Строевой устав», «Устав караульной службы» и др. 7 мая 1940 г. К.Е. Ворошилова сменил С. К. Тимошенко.

В 1939 г. на одного командира в КА приходилось 6 рядовых, в вермахте - 29, в английской армии - 15, во французской - 22, в японской - 19. В 1933 г. доля курсантов с начальным образованием снизилась до 68,5%, в бронетанковых училищах 85%. Накануне войны только 7,1% командного и начальствующего состава имели высшее военное образование, среднее - 55,9%, ускоренные курсы - 24,6%, а оставшиеся 12,4% вообще не имели военного образования. В «Акте о приёме Наркомата Обороны Союза ССР» С. Тимошенко сказано, что качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене рота-взвод, в котором до 68% имеют краткосрочную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенант. В школах вводилась НВП в 5-7 классах, и ВП в 8-10 классах. В 1937 г. в СССР было 48 военных училищ, в 1939г. - 80, в 1940 г. - 124, на начало 1941 г. - 203.

Постановлением Реввоенсовета СССР от 17.3.1932 г. численность курсантов ВМУЗ увеличена в 2 раза. 17 мая 1939 г. вышло постановление Военного совета при наркомате обороны СССР «О кадрах командного состава ВМС РККА и о мероприятиях по расширению ВМУЗ». Был расширен штат военно-морских училищ, увеличен приём курсантов. В 1940 г. на базе 3-го Медицинского института в Ленинграде создана Военно-морская медицинская академия. Фельдшеров готовило Военно-морское ме-

---

⁵ Военно-исторический архив. №3. 2002. С. 38.

дицинское училище в Кронштадте. Численность армии: в 1936 г. составляла 1,1 млн. чел., 1937 г. около 2 млн., к 22.6.41 г. КА насчитывала 5,4 млн. чел. Из 915 951 командиров запаса армии и флота 89,9% имели краткосрочные курсы или не имели вообще военного образования. Среди 1076 генералов и адмиралов высшее военное образование имели 566 чел. Хуже обстояло в авиации - из 117 генералов, только 14 имели высшее военное образование. К 1937 г. 79,5% командного состава КА имело законченное среднее и высшее военное образование, в мотомеханизированных частях - 96,8 %, во флоте - 98,2% и в авиации - 98,9%. Военные кадры готовили в 12 военных академиях, 75 военных школах. В 1936 г. создана Академия Генерального штаба. Но планомерный процесс подготовки военных кадров был нарушен в ходе репрессий.

Из доклада Начальника Управления по начальствующему составу РККА Е. А. Щаденко от 5.5.1940г. «О работе за 1939 год» следует, что в 1937 г. из армии, (без ВВС и ВМФ), уволено 18 658 чел. (13,1% от числа начсостава). Из них по политическим мотивам - 11 104 чел., а 4 474 подверглись аресту. В 1938 г. число уволенных достигло 16 362 чел. - 9,2%, списочного состава командиров РККА, 7 718 чел. уволено по политическим мотивам, а 5 032 - арестовано. В 1939 г. уволено 1 878 чел., или 0,7% списочной численности комсостава, арестовано 73 чел. За три года Сухопутные войска потеряли 36 898 командиров, из них по политическим мотивам - 19 106, а 9 579 чел. были арестованы. Потери от репрессий в Сухопутных войсках составили 28 685 чел. Причиной увольнения еще 4 048 чел. были: пьянство, моральное разложение и воровство. 4 165 чел. исключены из списков по причине смерти, инвалидности или болезни. В предвоенные годы армия и флот лишились: 60% маршалов, 100% командармов 1-го ранга, 100% командармов 2-го ранга, 88% ком. корпусов, 83% комдивов, 55% комбригов. Во флоте: 100% флагманов флота 1-го ранга, 100% флагманов флота 2-го ранга. В 1938 г. некомплект комначсостава достиг 34%. В кадровой армии требовалось 93 тыс. командиров. За 1937–1939 гг. реабилитированы и восстановлены в армии 11 178 чел. За три мирных года потери составили 17 981 чел. из них расстреляно около 10 тыс. чел. В тоже время, за годы войны погибло и скончались по разным причинам 416 генералов и адмиралов. Из них 79 умерли от болезней, 20 погибли в авариях и катастрофах, трое покончили с собой, а 18 расстреляны. Из 250 тыс. царских офицеров 75 тыс. перешли на службу в РККА. Начальниками штабов дивизий КА в годы Гражданской войны служило около 600 бывших царских офицеров. В межвоенный период их последовательно увольняли, а в 1937–1938 гг. жертвами стали 38 из уцелевших к тому времени 63 начальников штабов дивизий. В итоге из 600 «военспецов» имевших боевой опыт, к началу войны на службе осталось около

25 чел. Однако было бы ошибкой считать, что все репрессированные невинны. Многие военные 30-х годов были завербованы иностранными разведками, готовили государственный переворот⁶. Врагами народа признаны: И. Уборевич, Я. Гамарник, А. Корк, Я. Алкснис, Я. Орлов, П. Смирнов А. Егоров, И. Якир и ряд других военных специалистов⁷.

Троцкий и его единомышленники, в том числе военачальники делали ставку на террор, разведку, расчленение СССР, вредительство и свержение власти. 18 заговорщиков, где также участвовали Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Г.Г. Ягода и другие приговорены к расстрелу⁸. Троцкистские взгляды имели широкое распространение в армии и флоте. Заговорщиков возглавлял Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевским – ставленник Троцкого. 1 марта 1937 г. планировали совершить военный переворот, но не сумели. 10 мая 1937г. Тухачевский был снят с должности заместителя наркома обороны и отправлен командующим Приволжского военного округа. 22 мая Тухачевский арестован в приёмной Куйбышевского обкома партии и доставлен в Москву. 26 мая он написал: «Народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову. Будучи арестован 22-го мая прибыл в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня, 26 мая, заявляю, что признаю наличие, антисоветского военно-троцкистского заговора, и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию всё касающееся заговора, не утаивая ничего из его участников, ни одного факта и документа. Основание заговора относится к 1930 году. Участие в нём принимали: Фельдман, Алафузов, Примаков, Путна и др., о чём я подробно покажу дополнительно. Тухачевский»⁹. Военачальник и его сподвижники полностью признали свою вину. Заговорщики были расстреляны по решению военного трибунала. В конечном итоге все оппозиционеры (шпионы и враги народа) 30-х годов были ликвидированы. В числе завербованных и заговорщиков были генералы Д. Павлов, Я. Смушкевич и другие. Нет сомнения в том, что среди репрессированных низового уровня было немало не повинных людей. Но обстановка в стране была такова, что на это мало обращали внимания. Многие страны Запада не признавали на дипломатическом уровне СССР и Советское правитель-

---

⁶ Сувениров О.Ф. Трагедия РКК 1937-1938 гг. М. 1998. С. 136-138.

⁷ Издание народного комиссариата юстиции СССР. М. 1938. С. 562.

⁸ Гобозов И. А. Сталин и строительство социализма в отдельной стране // Политическое просвещение. 2019. №2. С. 92-93.

⁹ Романенко К. «Если бы не сталинские репрессии!». Как вождь спас СССР. М. 2011. С. 213.

ство, вводили экономические санкции. Сбежавшие за кордон белогвардейцы, не разоружались, вели подрывную деятельность, угрожали войной¹⁰. Репрессии безусловно повлияли на начальный период войны с фашизмом, но уничтожить СССР врагам не удалось. Это сделали сторонники Ельцина в 1991 г.

Осенью 1939 г. по инициативе товарища Сталина были освобождены от польских интервентов народы Западной Украины и Западной Белоруссии. Эти народы влились в единую братскую семью свободных народов СССР. Позднее в состав СССР были возвращены советские прибалтийские республики – Латвия, Литва и Эстония¹¹. И.В. Сталин говорил: «Целью всякой борьбы является победа»¹². Эти победы достигнуты благодаря его мудрому руководству страной и народом. Объективными причинами поражения Красной армии в начальный период войны с фашизмом следует считать: 1. Приобретённый немцами моральный и боевой опыт ведения войн в Западной Европе. 2. Мощный экономический потенциал Германии. Только во Франции немцы захватили 4390 танков и бронемашин, 300 самолётов. Заказы Германии выполняли 3 тыс. предприятий Франции; 2,8 тыс. - Бельгии, Нидерландов, Дании, Польши, Чехии, Норвегии и др. стран. За счёт этого добычу угля была увеличена в 7 раз, стали – в 2, 2 раза, алюминия - в 1.7 раза¹³. 3. Население оккупированных государств вместе с Германией составляло около 400 млн. чел., а СССР – 191 млн. 4. В техническом оснащении КА уступала фашистам. Большинство наших самолётов и танков были старых образцов. Не хватало артиллерии, транспорта, стрелкового вооружения. 5. Внезапность нападения Германии.

Субъективные причины отступления Красной армии: 1. Предвоенные репрессии в среде военных кадров СССР значительно ослабили армию и флот. 2. Просчёты руководства страны в определении сроков начала войны. Войска оказались рассредоточены на территории 4500 км по фронту и 400 км в глубину. 3. Ошибки планирования. Командование КА считало, что главный удар фашистов будет нанесён не на Москву, а Украину, для захвата богатых хлебом и углём земель. 4. Фашисты имели почти двойное превосходство в людях (5,5 млн. против 2,68 млн.), в артиллерии и миномётах (47,2, против 37,5 тыс.) и других видах вооружения. Но, благодаря мудрой политике И.В. Сталина, мужеству, стойкости, крепости духа Красной армии и народа, единству фронта и тыла, верности идеям социализма, враг был разбит, победа оказалась за нами.

---

¹⁰ Гобозов И.А. Указ. соч. С. 93.

¹¹ Сталин. Эпоха свершений и побед. М. 2013. С. 63.

¹² Там же. С. 1.

¹³ Панов В.П. Всё для фронта, всё для победы. М. 1985. С. 14.

**ПОЧЕМУ БОЛЬШЕВИКИ НАСТАИВАЛИ
НА НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧАТЬ, ИМЕННО ИЗУЧАТЬ
ВСЁ НАПИСАННОЕ Г.В. ПЛЕХАНОВЫМ ПО ФИЛОСОФИИ?
(тезисы)**

*...величайший феномен обретения научного знания заключается
в следующем: завтра может быть доказана ошибочность того,
что сегодня считается истинным. Вчерашние теории суть ступени
на бесконечной по высоте лестнице познания.*

Фред Алан Вольф

*...не формы политической деятельности обеспечивают гражданские
и политические свободы: формы их только выражают, а обеспечивают
их нравы, привычки, укоренившиеся веками.*

К.Д. Кавелин

После окончания Гражданской войны и в ходе обсуждения Новой экономической политики В.И. Ленин выступил не только со ставшим знаменитым признанием о «коренном пересмотре взглядов на социализм», но и заявил о необходимости изучать все написанное Плехановым по философии – истории становления Человека. «Коренные» изменения не касались пересмотра стратегических задач: и Ленин, и Плеханов рассматривали себя и друг друга в качестве марксистов. Признание со стороны В.И. Ленина свидетельствовало об эволюции представлений о *тактике* движения к стратегической цели, позволяющей «выяснить себе все задачи, все условия» движения к социализму и учитывающей особенности исторически сложившихся форм социальной жизни (культуры) общества, сложности формирования политики, способной изменить укоренившиеся веками нравы и привычки, и долговременности, бесконечности ее реализации.

И Временное правительство, отказавшееся от идеи включения Георгия Валентиновича в действующее правительство, и большевики, последовательно выполнявшие разработанную ещё в марте 1917 года тактику В.И. Ленина на овладение властью исключительно в виде диктатуры рабочих и беднейших слоёв крестьянства, а не в виде диктатуры «всех не стремившихся к восстановлению самодержавия сил», «здоровых», как писал Плеханова, слоёв общества, и добившиеся недопуска Плеханова в Петросовет партии потерпели осенью того же года поражение, соответственно, политическое – Временное правительство, научное – партия большевиков, идейное – Георгий Валентинович. Но даже ситуацию, в которой оказался Плеханов, с очень большой натяжкой можно представить как поражение. Надо сказать, что и инициатива по изданию трудов Плеханова была выдвинута В.И. Лениным в 1918 г., а предваривший начало планомерного в 1923–1927 гг. издания Сочинений том увидел свет уже год спустя.

И организация Дома Плеханова есть результат совместных действий Советского правительства и Комитета по увековечению памяти Плеханова. Библиография трудов растёт постоянно с 1928 г., времени образования Дома Плеханова, и насчитывает более 5000 наименований; только за последние два года раздел «Плехановиана» на сайте РНБ пополнился не менее 60 наименованиями. Для ответа на вопрос о *практической значимости* творческого наследия Плеханова для решения задач социалистического преобразования России, в котором концептуально рассматриваются вопросы *становления человека* в разных эпохах и цивилизациях, было бы правильным выделить этапы в его эволюции как одного из виднейших социальных и политических философов начала прошлого столетия, аналогично тем, что Плеханов обозначил в работе «Философская эволюция Маркса»¹. В Плехановедении, одном из направлений общественной мысли, существующем не менее 120 лет, наименее изученными остаются второй и третий этапы, пересекающиеся, но необходимые для самостоятельного обозначения с точки зрения их актуальности и значимости как для русской, так западноевропейской истории, общественной и политической мысли в том числе: 1903–1914, 1909–1918 гг. Они отмечены плодотворной и разнообразной деятельностью Плеханова в области философии, литературной критики, партийной публицистики и партийной печати, партийного строительства, подготовки и обеспечения работы фракции РСДРП в Думе. Тогда же переиздаются труды, где представлена его концепция исторического процесса, который он рассматривает как процесс становления общественного человека. Ограниченные рамки работы позволяют сформулировать некоторые основные положения плехановской концепции исторического развития, обозначить категории и понятия, что Плеханов вводит в литературу, отдавая себе отчет в том, что не все читатели окажутся достаточно подготовленными для чтения такого рода литературы: исторический процесс, труд и общественные отношения, прогресс, эволюционное и революционное развитие общества, политическая борьба классов и роль пролетарской партии в общественном движении, социальная и социалистическая революция, диктатура пролетариата. Понятийно-категориальный аппарат, используемый Плехановым, даётся описательно, он раскрывает смысл, содержание и сущность понятий, отражающих свойства и законы общественной жизни, постоянно расширяющиеся и приобретающие новые характеристики². В трудах Плеханова нередко используются такие слова и словосочетания, как «выяснение», «понимание», «уяснение себе», «принуждение к пониманию» в качестве метода анализа и разъяснения сущности или явления, что позволяет сде-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Т. 18. С. 323–334.

² Одним из примеров может служить определение Плехановым такой исторической категории, как пролетариат: «*рабочий класс в широком смысле этого слова*, к которому, помимо собственно рабочих, относятся и работники умственного труда: бухгалтеры, инженеры, управляющие... // Плеханов Г.В. Филос.-литер. наследие. Т. 1. С. 51 (курсив Г.В. Плеханова).

лать вывод о вкладе Плеханова в разработку марксистской концепции «понимания» и объяснения истории¹.

Особое место в месте в философско-историческом наследии Плеханова занимает произведение «История русской общественной мысли», написанное на основе значительного количества фундаментальных историографических источников, статистических сборников и архивных публикаций. Это едва ли не первая сравнительная история России XI – начала XX в., дающая ясное представление о том, насколько географическое положение, климатические особенности, протяжённость территории и местоположение оказали влияние на формирование нравов, традиций, культуры населяющих её народов и этносов. Плеханов не использует термин «цивилизация», но подчёркиваемые им особенности социального и культурно-исторического развития и быта народов России, позволяют определить её как самостоятельную цивилизацию. В «Истории...» нашла документальное подтверждение сформулированная Плехановым в более ранних работах идея о надклассовом характере государства и его особой роли в социально-экономическом развитии страны. Анализируя историю формирования государства и развития культуры России, Плеханов обращает внимание на столкновение национальной традиционной культуры и новых ценностей в процессе изменений, на отличие систем ценностей и социально-культурных обычаев различных социальных слоев населения. Параллельно с «Историей русской общественной мысли» Плеханов работал над статьями «Французский утопический социализм», «Утопический социализм XIX века», совокупная значимость которых не только подтверждает справедливость выдвинутого им методологического положения о том, что «развитие теории научного социализма еще не закончено и так же мало может остановиться на трудах Энгельса и Маркса, как теория происхождения видов могла считаться окончательно выработанной с выходом в свет главных сочинений английского биолога»², но подтверждена фундаментальными трудами зарубежных и отечественных обществоведов. Применительно к теме конференции и тезисам нельзя назвать все, но необходимо упомянуть исследования Л.В. Милова, К.М. Кантора, В.Н. Шевченко, В.С. Степина, М.А. Колерова, В.Г. Хороса, З.М. Оруджева, К.С. Гаджиева, А.И. Яковлева³.

---

¹ Об том пишет, например, В.В. Балахонский в работе «Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты». СПб., 1997.

² Плеханов Г.В. Избр. филос произвед. М., 1956. Т. 1. 51–52.

³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Кантор К.М. Двойная спираль истории. М., 2002; Шевченко В.Н. Политические стратегии российского государства как философская проблема. М., 2011; Колеров М.А. Социализм в одной стране. М., 2017; Оруджев З.М. Природа человека и смысл истории. М., 2020; Семенов В.С. Цивилизация и культура. СПб., 2011; Гаджиев К.С. Введение в политическую философию. М., 2004; Яковлев А.И. Материальность сознания. 2009.

Значительную роль в социально-культурном развитии народа Плеханов отводил легальной политической деятельности народа в государственных и общественных организациях после введения в стране избирательного права и учреждения Государственной думы. Плеханов оказался первым и единственным политиком, который, учитывая надклассовый характер самодержавия, в целях единения усилий политических партий и гражданских объединений в борьбе за расширение экономических и политических прав граждан и развития страны в интересах населяющих ее народов выдвинул лозунг «Полновластной думы»: в мирное время следует «предпочесть передать дело улучшения его [народа – Т.Ф.] участи... в руки существующих правительств, осознавая значение политической самостоятельности рабочего класса. Плеханов писал в партийной печати, «что понимание современных задач пролетариата лучше всего обнаруживается в суждениях о тактике этого класса в мирное, спокойное время. Чтобы сочувствовать революционному взрыву рабочих нужно только не быть заинтересованным в поддержании буржуазного строя. Но, чтобы составить ясное представление о тактике, которой рабочие должны придерживаться в то время, когда революции нет и ещё не предвидится, – нужно хорошо выяснить себе все задачи, все условия и весь ход освободительного движения рабочего класса»¹. Иными словами, Плеханов ставит вопрос о постепенном создании – сознательном конструировании – общества, способном влиять на человека, *менять в определённом направлении его духовный мир*, воздействовать на него, выстраивая в его сознании систему приоритетов. Этими же идеями необходимости *единства* народа во имя защиты страны, предотвращения гражданской войны после Февральской революции руководствовался Плеханов, издавая общепартийные газеты «Единство» и «Призыв». Это был призыв к *единению* всех во имя спасения всех, отвергнутому в 1917 году, но необходимо осуществлённому в годы Гражданской войны, иностранной интервенции, социалистического переустройства общества во имя всех и каждого. Единение – на новой социально-политической и нравственной основе – стало залогом победы народы народов СССР в Великой отечественной войне 1941–1945 гг. и послевоенного развития.

Твердость железа нашли пилы визгливые зубья,

Ибо вначале бревно кололи колкое клином.

Разные тут мастерства возникли.

Труд же упорный все победил, да нужда,

Что гнетёт в обстоятельствах жёстких.

Публий Вергилий Марон

Георгики. I.145.

(Пер. С. Шервинского)

¹ Плеханов Г.В. Избр. филос. произвед. Т. IV. С. 118; курсив – Г.В. Плеханова.

ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, ИТОГИ (тезисы)

Аннотация. Рассмотрены задачи, особенности и итоги Первой пятилетки. Показана объективная необходимость форсированного промышленного рывка с точки зрения внешних и внутренних условий развития Советского государства

1. Значение Первой пятилетки. Эпоха Первой пятилетки на практике показывает, как решались две ключевые задачи, поставленные Октябрьской революцией: 1) создания материально-технической и культурной базы для социализма; 2) ликвидация отставания России от Запада, крайне опасного в эпоху империализма.

Эпоху Первой пятилетки часто называют «Сталинской революцией» и трактуют последнюю как некую принципиальную новацию: отказ от идеи мировой революции в пользу построения социализма в одной стране. Это – ошибочная трактовка, которая затемняет два принципиальных момента: 1) Ленин был заранее готов к плану строительства социализма в одной стране; 2) в основе задач Первой пятилетки лежали ключевые звенья ленинского плана построения социализма (индустриализация, кооперирование крестьян, культурная революция).

2. Апрельский курс 1917 г.: два варианта. В апреле 1917 г. Ленин создал концепцию пролетарской революции в России в двух вариантах. Первый – публичный, с акцентом на победу *мировой* революции. При этом Ленин говорил о мировой революции как целой эпохе, временные границы которой непредсказуемы. В условиях первой мировой войны он видел практическую задачу в борьбе за победу революции в одной или немногих странах, имея в виду Россию и Германию, которая проигрывала эту войну, неся весомые потери. Проигрыш Германии в мировой войне формировал революционную ситуацию с большими шансами на победу германского пролетариата. Именно о возможной революции *в Германии* Ленин говорил на VII конференции РСДРП (б) в апреле 1917 г., выдвигая курс на пролетарскую революцию в России в очевидной связке с мировой революцией.

Однако, вопреки распространённому мнению, апрельская концепция Ленина не была жёстко завязана даже на революцию в Германии. Она имела второй, непубличный, вариант, который предполагал строительство социализма в России в условиях задержки революции и в Германии. Об этом свидетельствуют: 1) созданная Лениным в апреле концепция *переходных шагов* как способ построения социализма в России с *опорой на внутренние факторы*; 2) сентябрьский тезис «догнать» развитые страны «или погибнуть».

Этот тезис имел смысл только в случае, когда Россия будет строить социализм в условиях капиталистического окружения, и тогда перед ней крайне остро вставал вопрос: «догнать или погибнуть». В условиях победы европейской революции так вопрос стоять не мог.

Осенью 1917 г. Ленин избрал тактику борьбы за власть, пригодную для обоих вариантов, но приоритет отдавал реально победившей революции в России. Об этом ясно говорит его позиция по вопросу о мирном договоре с кайзеровской Германией. Уже в ноябре 1917 г. Ленин был готов к заключению сепаратного мира, а в январе-феврале 1918 г. резко критиковал «левых коммунистов» за готовность пожертвовать Октябрьской революцией для подталкивания революции в Германии.

3. «Сталинская революция». О Первой пятилетке как о «сталинской революции» можно говорить только в отношении методов реализации ленинской концепции построения социализма: методы были действительно сталинские. Они противоречили ленинским установкам. Об этом свидетельствует практика коллективизации крестьян образца 1930 г.

Негативная оценка сталинских методов не должна вести к отрицанию верности стратегического курса на *форсированную индустриализацию*, а также курса на кооперирование крестьян как единственной возможности быстро поднять товарность сельского хозяйства и тем обеспечить индустриальный рывок. Необходимость форсированного рывка показывает анализ внешней и внутренней ситуации, сложившейся в конце 1920-х годов.

4. «Военная тревога» и мировой кризис. Основную внешнюю причину форсированной индустриализации ярко раскрыла так называемая «военная тревога 1927 г.». Правительство Великобритании 25 мая 1927 г. разорвало дипломатические отношения с СССР, обвинив Коминтерн и руководство СССР в подготовке «коммунистического заговора» против законных властей Британии, сославшись на помощь, которую советские профсоюзы оказали бастующим британским шахтёрам. На деле Лондон опасался вмешательства СССР в события в Китае, где новый лидер Гоминдана Чан Кайши в апреле 1927 г. произвёл антикоммунистический переворот. Вмешательство СССР могло создать условия для победы китайских коммунистов и вызвать цепную реакцию в Индии и других колониях Британской империи. Летом 1927 г. прошли налёты на советские представительства в Берлине и Шанхае. В Варшаве был убит посол СССР Войков. В июне в Женеве по инициативе Великобритании состоялась конференция министров иностранных дел Англии, Франции, Германии, Японии, Италии и Бельгии. Английский премьер-министр Чемберлен призвал к крестовому походу против СССР. Как потом выяснилось, он не получил реальной поддержки от участников конференции, но в тот момент Советское правительство почувствовало серьёзную внешнюю угрозу.

«Военная тревога» побудила руководство СССР внимательно оценить оборонный потенциал страны, и он оказался крайне малым. Накануне кризиса начальник Штаба РККА М. Тухачевский в докладе Политбюро ЦК ВКП(б) прямо говорил: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы. наших скудных материальных боевых мобилизационных запасов едва хватит на первый период войны». Военная промышленность могла дать только 8 % снарядов от потребностей военного времени. Вооружённые силы СССР насчитывали 0,6 млн чел. На вооружении РККА состояло 60 танков, 99 броневедомостей, 42 бронепоезда и 694 боевых самолёта эпохи первой мировой войны. Иными словами, если бы Англия предприняла какие-то военные акции против СССР, то отразить их было бы нечем. «Военная тревога» показала *необходимость* форсированного развития тяжёлой промышленности с созданием предприятий двойного (т.е. и оборонного) назначения. Сталин оценил ситуацию известной фразой: «Мы отстаём от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет, либо нас сомнут».

Однако был и второй важный внешний фактор, который подтолкнул Сталина к форсированной индустриализации – *мировой экономической кризис*, который начался в США в 1929 г. и в 1930 г. охватил всю Европу. В условиях кризиса все промышленные страны были готовы продавать Советскому Союзу свою продукцию на выгодных условиях, а ряд стран даже в кредит. Сталин решил не упускать такую возможность и резко увеличил закупки оборудования. В 1931 г. СССР закупил треть, а в 1932 г. – половину объёма мирового экспорта оборудования, в основном в Германии и США. Эти незапланированные закупки существенно изменили всю программу первой пятилетки в сторону увеличения объёмов капитального строительства. В короткие сроки были спроектированы и начали строиться сотни крупных предприятий: закупленное оборудование не могло зимовать в чистом поле.

Итак, внешние факторы диктовали необходимость и создавали возможность форсированного рывка, но такой рывок требовал изменения внутренней экономической политики: фактического отказа от НЭПа в том его варианте, который сложился в СССР к концу 1920-х гг.

5. Барьеры НЭПа. К концу 1920-х гг. в стране были задействованы все старые производственные мощности, и дальнейший рост промышленного производства требовал реконструкции старой промышленной базы. Для этого были необходимы огромные средства. Для СССР доступны были лишь внутренние источники накоплений. В преимущественно крестьянской стране основным источником накопления мог стать только аграрный сектор. Однако его товарность была низкой. Крестьянин увеличил

нормы личного потребления и уменьшил товарную часть своей продукции. Доминировавшие в деревне мелкие крестьянские хозяйства потребляли примерно 85 % производимой продукции, и лишь 15 % поставляли на рынок. К концу 1920-х сельское хозяйство вышло на уровень довоенного производства, но товарная часть этого производства была в два раза ниже, чем до войны. При такой товарности сельского хозяйства промышленность могла развиваться лишь невысокими темпами. Более того, рост сельскохозяйственного производства был недостаточным даже для обеспечения продовольствием быстро растущего населения. В декабре 1926 г., согласно проведённой переписи в существовавших границах СССР, население составило 147 млн., а в декабре 1927 г. уже 150,5 млн., в январе 1929 - 154,2 млн., т.е. около 3 млн ежегодного прироста. Деревня выбрасывала лишние руки в города, и там росла безработица.

Опыт 1925-26 гг., когда была предпринята первая попытка резко увеличить объёмы капитальных вложений в промышленность, показал нереальность решения такой задачи в условиях эквивалентного и добровольного рыночного товарообмена между городом и деревней. В январе 1928 г. возник острый кризис заготовок: государственные заготовительные организации смогли закупить у крестьян по твёрдым ценам только 4,9 млн т. зерна из урожая в 72,3 млн т., собранного осенью 1927 г. Закупленного зерна не хватало для снабжения городского населения, создания страховых запасов и экспорта, необходимого для оплаты импорта промышленного оборудования. Этот кризис стал последним толчком, побудившим Сталина к отказу от НЭПа: в 1928 г. хлеб собрали путём административного нажима.

Задачи Первой пятилетки. В апреле 1929 г. XVI партийная конференция приняла директивы Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Вскоре V съезд Советов СССР сделал план государственным законом. За 1928/29 – 1933/34 хозяйственные годы на развитие крупной промышленности планировалось выделить в 3,7 раза больше средств, чем за предыдущие пять лет. 78% этих средств предназначались для группы «А». Производство средств производства (группа «А») должно было возрасти в 3,3 раза, предметов потребления (группа «Б») – в 2,4 раза. В целом, среднегодовые темпы роста промышленного производства в течение пятилетки должны были составить 20–25 %. Зерновую проблему предлагалось решить путём создания новых крупных зерновых совхозов и вовлечения за пять лет в колхозы примерно 20 % крестьянских хозяйств. План не предусматривал проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Реализация плана. Уже осенью 1929 г. при подведении итогов первого года пятилетки стало ясно, что промышленность не получила необходимых доходов и у неё не хватает товаров для нормального товарообо-

рота с деревней. Кулаки придерживали хлеб, отказывались платить повышенные налоги. Под угрозой оказалось финансирование второго года пятилетки. Сталин взял курс на форсированную коллективизацию страны, которая сопровождалась насильственными мерами и грубыми ошибками при определении меры обобществления личной собственности крестьян. Тем не менее осенью 1930 г. удалось собрать рекордный урожай (83,54 млн т.) и в два раза увеличить объем товарного хлеба (почти 22,1 млн т.). Успех побудил Сталина в 1931 г., когда урожай был обычным (69, 5 млн. т), установить для колхозов и некооперированных крестьян высокие нормы сдачи хлеба по низким твердым ценам (из села забрали 22,8 млн т.). Это подорвало материальную заинтересованность крестьян и привело к сокращению посевов весной 1932 г., а также к большим потерям при уборке хлеба летом 1932 г. Собрав для себя необходимую часть хлеба, колхозники отказались собирать оставшийся урожай. Осенью в ряде районов Украины на сбор обсыпавшихся хлебов были привлечены войска. У крестьян, не выполнивших задания по хлебозаготовкам, отбирали весь найденный хлеб. Зимой-весной 1933 г. на Украине, Кубани, в Поволжье был массовый голод. В докладе ОГПУ, составленном для Сталина, указывалось, что от голода и связанных с ним болезней в СССР умерли около 3,5 млн человек. Эта цифра подтверждается и ныне рассекреченными данными статистических органов. Многие демографы говорят о том, что статистика страдает недоучётом. Определить размер недоучёта невозможно, что и открывает поле для манипуляций с цифрами.

Итоги Первой пятилетки. Жёсткие меры по отношению к крестьянам позволяли государству получать дешёвые хлеб и сырье для промышленности и проводить форсированную индустриализацию. Её темпы постоянно подстёгивались. Уже в начале пятилетки были повышены плановые задания по чугуну, нефти, тракторам, сельскохозяйственным машинам и другим видам продукции. Затем Сталин выдвинул лозунг «Пятилетку – в четыре года».

Столь высокие задания оказались нереальными. Если первые три года пятилетки промышленность росла с темпами 20–22 % в год, то в четвёртом году пятилетки прирост составил 14,7 %. В последнем пятом году пятилетки, который проходил в условиях голода в основных зерновых районах, прирост составил только 5 %. Спад темпов был вызван исчерпанием ресурсов для нового строительства, а также нехваткой квалифицированных кадров и сырья для того, чтобы освоить построенные фабрики и заводы. Почти 50% построенных мощностей не использовались в полной мере. Не находила товарного покрытия и выплачиваемая в ходе их сооружения заработная плата. В розничной торговле в городах утвердилась карточная система, которая гарантировала рабочим и служащим минимум продуктов по низким ценам. Остальное можно было купить только по высоким рыночным ценам.

Острая нехватка всех видов ресурсов побуждала государство к постоянному усилению централизованного распределения ресурсов в государственном секторе. С принципами хозрасчёта, введёнными при НЭПе, было покончено. В стране утвердилась командная, директивная экономика.

В январе 1933 Сталин заявил о досрочном выполнении пятилетки за 4 года и 3 месяца и привёл данные о выполнении заданий (на 108%) по общему объёму производства продукции тяжёлой промышленностью. Однако по целому ряду важных показателей Первый пятилетний план выполнен не был.

В руководстве партии многие понимали, что в годы пятилетки были допущены серьёзные ошибки, прежде всего в отношении к крестьянству. Уже в начале 1930-х внутри партии возникают группы (М.Н. Рютина, А.П. Смирнова и др.), стремившиеся отстранить Сталина от руководства партией. Все попытки такого рода заканчивались неудачей. С тем, чтобы нейтрализовать растущее недовольство, ближайшее окружение Сталина поднимает кампанию восхваления вождя. Большая часть партийной гвардии поддержала эту линию, была готова закрыть глаза на ошибки вождя и оправдать их итогами первой пятилетки. А итоги пятилетки в промышленности впечатляли, несмотря на невыполнение сверхвысоких плановых заданий.

Основные фонды промышленности были обновлены на 71 %. Построено 1500 больших заводов, в том числе металлургические комбинаты в Магнитогорске и Новокузнецке, Уралмаш в Свердловске; тракторные заводы в Челябинске, Сталинграде и Харькове; заводы сельскохозяйственного машиностроения в Саратове и Ростове-на-Дону; химические заводы на Урале и завод тяжёлого машиностроения в Краматорске. Возникли новые центры добычи нефти (Урал, Поволжье). Начато строительство новых железных дорог и каналов. Построена крупнейшая гидроэлектростанция в Европе – ДнепроГЭС.

Сотни старых крупных предприятий были реконструированы, оснащены новой техникой. Уже в начале пятилетки ликвидирована безработица в городах, нараставшая к концу НЭПа, устранено скрытое перенаселение деревни. Среднегодовые темпы развития промышленности в 2–3 раза превосходили темпы лучших лет промышленного развития царской России.

Существенно выросла обороноспособность СССР. Выступая 30 января 1934 на XVII съезде ВКП(б), нарком обороны К. Ворошилов говорил о том, что теперь у РККА есть современные танки, артиллерия, самолёты, и в техническом отношении она находится на мировом уровне: «Если в 1929 на одного красноармейца приходилось в среднем по всей РККА 2,6 механических лошадиных сил и в 1930 – 3,07, то в 1933 – уже 7,74. Это значительно выше, чем во французской и американской армиях, и выше даже, чем в английской армии, наиболее механизированной».

В годы Первой пятилетки были созданы и огромные заделы на Вторую пятилетку, которая дала блестящие результаты. Пятилетка была

успешной, поскольку опиралась на большой задел Первой пятилетки: полностью освоили и загрузили те мощности, которые не смогли освоить до 1933 г. Построили новые. В итоге в строй вступили 4 500 крупных предприятий. По объёму промышленной продукции СССР вышел на второе место в мире после США. Резко сократился импорт оборудования, полностью прекратился импорт сельхозмашин. В сельском хозяйстве росли урожаи, восстанавливалось поголовье скота. Уже в начале 1935 правительство отменило карточную систему на продукты питания. В последний год пятилетки (1937) был собран рекордный урожай хлеба – 97 млн т. Среднегодовые объёмы производства сельхозпродукции оставались на уровне конца 1920-х, однако эти объёмы обеспечивали 30–35 млн. колхозников и рабочих совхозов, в то время как в 1928 г. в сельском хозяйстве было занято 50–55 млн. крестьян-единоличников. В годы Второй пятилетки жизнь в городе и деревне заметно наладилась. В целом по основным показателям развития экономики СССР в 2-34 раза сократил отставание и передовых стран Запада. Этот потенциал стал экономической основой, которая позволила СССР выстоять во Второй мировой войне.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ 20-30-х Г.Г. В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

Аннотация. Данная статья посвящена анализу советской истории 20-30 гг. как фрагмента отечественной модернизации. Утверждается, что модернизация России осуществляется через процесс создания и деструкции «жестких структур», когда реставрация прежних политарных отношений выступает средством осуществления новаций, необходимых для обеспечения обороноспособности и стабильности. Рассматриваемый фрагмент представляется как период создания и укрепления второй «жесткой структуры», позволившей решить указанные насущные задачи. Однако реставрированные политарные отношения в дальнейшем закономерно выступили тормозом модернизации. Внутри данного исторического фрагмента выделяются отдельные этапы. Концепт «диктатура пролетариата», служивший идеологическим выражением программы создания второй «жесткой структуры», соотносится с более поздним концептом «диктатура развития». Утверждается, что «диктатура пролетариата» как в теории, так и на практике выступила специфическим вариантом «диктатуры развития».

Исторически модернизация – процесс, составляющий основное содержание Нового и Новейшего времени. Социологический смысл понятия «модернизация» зависит от парадигмы исследования, но реально понимается как процесс превращения докапиталистических общественных отношений в капиталистические общественные отношения. Процесс капитализации, протекая в рамках отдельных обществ (локальная модернизация), не осуществим, тем не менее, в условиях автаркии, и всегда предполагает выход общества вовне, то есть всегда представляет собой межобщественное взаимодействие. Конечным результатом глобальной модернизации должно стать (в далеком будущем) единое мировое сообщество, наиболее адекватное природе капиталистической общественно-экономической формации. В этом суть глобального аспекта модернизации. Ход модернизации отдельного общества (локальной модернизации) определяется типом данного общества, но зависит также и от воздействий со стороны других об-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия». Текст и публикация подготовлены при поддержке гранта РФФ №22-28-00927 «Диагноз современности и глобальные общественные вызовы в социально-философской рефлексии».

ществ, от положения конкретного общества в процессе глобальной модернизации². Есть два основных вида модернизации, имеющие при определенных сходствах существенные различия: модернизация феодальных обществ и модернизация политарных обществ.

Феодализм есть общественный строй, являющийся результатом синтеза разлагающегося первобытно-общинного строя и разлагающегося античного строя, основанный на верховной персональной частной собственности на землю и личности непосредственных производителей. Модернизация западноевропейских обществ – типичный пример модернизации феодальных обществ.

*Политарный строй*³ представляет собой социальную организацию, основанную на общеклассовой частной собственности на землю и личности непосредственных производителей, выступающей в форме государственной собственности. Таково большинство азиатских и африканских обществ.

Россия – политарное общество. Вступившая в конце XVII века в стадию модернизации, она оказалась в среде буржуазных европейских обществ, стремившихся к образованию колоний. Необходимость обеспечения национально-государственного выживания предопределила путь российской модернизации, пролежавший через создание и деструкцию *жестких структур*.

Первая жесткая структура в истории российской модернизации сложилась при Петре I. *Жесткая структура* есть устойчивое состояние общества в процессе модернизации, характеризующееся переориентацией всех его ресурсов на удовлетворение ситуативных потребностей, прежде всего потребностей обороны и поддержания общественной стабильности, достигаемой за счёт консервации прежних политарных отношений. Такая структура позволяет на некоторое время организовать оборону и обеспечить стабильность в обществе. Но в то же время жесткая структура обладает ещё одной существенной чертой – она практически полностью бло-

²Наша концепция модернизации и национального модернизационного проекта как формы её осуществления подробнее изложена в работе. Подробнее см.: Ефремов О.А. Есть ли у революции альтернативы? Национальный модернизационный проект как альтернатива революции и полицейскому государству // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 8 (2017). М.: Издатель Воробьев А.В. 2017. С.90-129.

³Теория политарного общества была разработана в рамках марксистской парадигмы известным отечественным учёным Ю.И. Семеновым. См., например: Семенов Ю.И. Политарный (азиатский) способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М.: Ленанд. 2019. 376 с.

кирует действие механизмов саморазвития общества, ибо условием её существования и успешного функционирования является консервация отживших политарных форм, что, в конечном счёте, подрывает жёсткую структуру как таковую.

Жёсткая структура создавалась как способ приспособления к определённой технологической ситуации. И приспособление обеспечивается до тех пор, пока ситуация остаётся неизменной. Но так как интенсивное развитие в рамках подобной системы затруднено (экстенсивное - возможно), то ресурс приспособляемости её был чрезвычайно ограниченным. Порогом приспособляемости выступает, по-видимому, технологическая революция, осуществление которой без слома структуры невозможно. Промышленный переворот в основных отраслях российской промышленности произошёл только после отмены крепостного права. В результате на определённой стадии жёсткая структура из гаранта безопасности превращается в угрозу для неё. Исчерпанность первой жёсткой структуры показала Крымская война. Стало ясно: безопасность может быть обеспечена только на пути активизации модернизации. Последовали кардинальные реформы Александра II.

Однако нестабильность общества, порождённая активизацией модернизационных процессов, при неблагоприятном изменении внешней ситуации способствовало становлению следующей жёсткой структуры уже на более высоком технологическом уровне. Выходом из кризиса, явившегося результатом Первой мировой войны, стало возникновение большевизма (второй жёсткой структуры), которая, несмотря на существенные видоизменения, просуществовала до середины 80-х гг. XX века. Неспособность советского общества к интенсивному развитию предопределило отставание – грань между индустриальным и постиндустриальным обществами так и не была преодолена. Потеря жёсткой структурной способности выполнить свою основную функцию - обеспечение национально-государственной независимости России, стало свидетельством исчерпанности ресурса приспособляемости второй жёсткой структуры. Горбачёвская «перестройка» стала началом вынужденной реакции на кризис второй жёсткой структуры⁴. Потребовалась её деструкция, что и происходит в настоящее время.

Большие циклы российской модернизации: вт. Половина XVII в. – начало модернизации (предмодернизация); от Петра I до Александра II (реформ 60-х гг. XIX в.) – первая жёсткая структура; от реформ 60-х гг.

---

⁴ В своей некогда знаменитой книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» М.С. Горбачёв, вождь тогда ещё казавшегося незыблемым Советского Союза, по сути, прямо признает экономический коллапс, в котором оказалась страна к сер. 80-х гг. Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат.1988. 271 с.

XIX в. до 1914 г. – вторая эпоха модернизации; с 1917 г. до вт. пол. 80-х гг. XX в. – вторая жёсткая структура; со вт. пол. 80-х гг. – третья эпоха модернизации. Разумеется, внутри этих больших циклов можно выделить подциклы, когда происходят определённые изменения внутри структуры без её радикальной трансформации.

Итак, специфика модернизации России основана на том, что это модернизация политарного общества, протекавшая и протекающая в теснейшем взаимодействии с буржуазными обществами. Необходимость обеспечить общественную стабильность и национально-государственную независимость в неравном соревновании разлагающегося политаризма и уже сложившегося буржуазного строя приводила к созданию жёстких структур, блокировавших саморазвитие общества. Основным противоречием, определявшим динамику развития жёстких структур, было противоречие между ситуативными общественными нуждами (прежде всего нуждами обороны и необходимостью поддержания стабильности), с одной стороны, и потребностью общества в модернизации, с другой. Приостановка модернизации, являвшаяся неизбежным следствием становления жёсткой структуры, в конечном счёте, лишала общество возможности обеспечить и ситуативные нужды, что приводило к необходимости деструкции жёсткой структуры.

В результате российская модернизация принимает вид замкнутого круга:

Модернизация → жёсткая структура → модернизация → жёсткая структура → модернизация → ...?

В рамках данной логики, довоенный период в истории СССР относится ко второй жёсткой структуре. И сам, в свою очередь, включает три этапа: 1) гражданская война и военный коммунизм; 2) НЭП; 3) 30-е гг. - период ускоренной индустриализации и наращивания военно-промышленной мощи.

Первый этап можно рассматривать как формирование жесткой структуры и определения её основных элементов. Стоит отметить, что уже в данный период становящаяся жёсткая структура должна была выполнить две основные задачи – обеспечения обороноспособности (борьбу с интервенцией) и восстановление стабильности (прекращение гражданской войны и восстановления государственности). В целом, она с этими задачами справилась.

Период НЭПа означал некоторое отступление от принципов жесткой структуры и восстановление рыночных элементов в экономике⁵.

---

⁵ Об истории изучения НЭП с позиций значения для модернизации России в отечественной историографии см.: Узлов Ю.И. НЭП как фактор модернизации России: итоги и уроки // Общество: история, философия, культура. 2012. №2. С.55-62.

В 30-е гг. жёсткая структура восстанавливается в полной мере и экономически (централизация экономики), и социально (уничтожались «как классы» неугодные социальные группы), и политически (окончательное установление тоталитарного режима), и идеологически (формирование жёсткого идеологического монизма).

Подобная периодизация имеет объяснение, причём как в контексте общей логики отечественной модернизации, так и конкретно-исторически, исходя из сложившейся ситуации.

Одержав победу в гражданской войне и изгнав интервентов, советская власть оказалась, тем не менее, в тяжёлой ситуации. «Тяжесть» была, прежде всего, экономической. Народное хозяйство было разрушено и восстановить его сразу на коллективистских социалистических принципах возможности не представлялось. Продолжение политики «военного коммунизма» было чревато по меньшей мере социальным взрывом. Причём, его социальной основой были бы не представители прежних господствующих классов, но как раз те, во имя кого революция делалась – крестьяне и даже рабочие. Кронштадтский мятеж, крестьянские восстания, стачки рабочих – ясно свидетельствовали об этом. Мировая революция так и осталась мифом. Советскому государству предстояло не только «день простоять, да ночь продержаться», а восстанавливать жизнь в разрушенной стране, пребывающей не только в изоляции, но во враждебном и агрессивном окружении.

НЭП был вынужденной мерой. И хотя предпринимались попытки примирить её принципы с коммунистической идеологией, противоречия были очевидны. Но только так можно было насытить страну необходимой продукцией и сохранить социальный мир. Остаться у власти большевики могли лишь ценой временных компромиссов с враждебными принципами.

Допуская рыночные элементы в экономику, они, вместе с тем, не только сохраняли, но и укрепляли властную монополию, позволяя частной инициативе создать ресурсы, необходимые здесь и сейчас, и которые можно будет в любой момент без труда экспроприировать.

Однако НЭП требовал очень серьёзного контроля, ибо порождал риск «буржуазного» перерождения «диктатуры пролетариата» (а точнее, уже становящейся политарной «диктатуры бюрократии»). Проблема была не только в том, что она создавала новую социальную группу – нэпманов (по сути, частных предпринимателей – как городских, так и сельских), чья экономическая сила в какой-то момент могла конвертироваться в политические претензии. Серьёзнее была трансформация самой партии, её обуржуазивание, слияние (или, по крайней мере, личный союз, некоторых её представителей) с нэпмановской средой. Данная возможность вызывала тревогу, на наш взгляд, не столько как «отступление от идеалов» (власть

уже была достаточно прагматична), сколько как вполне реальная угроза становлению тоталитарной системы, с которой в перспективе связывалось выполнение двух главных задач – обороноспособности и стабильности. На предотвращение подобной опасности были направлены партийные чистки, своеобразный предвестник репрессий 30-х годов, как общегосударственные, так и местные.

Опасения потерять власть в результате перерождения элит выступили одной из причин сворачивания НЭПа. Данную причину можно назвать «субъективной». Но была и вторая, «объективная», причина, более существенная. Она заключалась в том, что свои задачи НЭП выполнила, а осуществить создание масштабной военно-промышленной мощи в условиях тоталитарного режима она не могла, более того, способна была стать препятствием для подобной цели. Потому, экспроприировав различными способами остатки «нэпманской роскоши», большевики перешли к форсированному конструированию монолитной централизованной общественной системы, которую можно считать апофеозом второй жёсткой структуры, проявившим как её сильные стороны, так и некоторые пороки.

Экономически это означало переход к централизованной (командно-плановой) экономической системе с предельной минимизацией рыночного компонента. Следует сказать, что технологические достижения были впечатляющи, советская продукция того времени была вполне современна (прежде всего в области ВПК) и даже превосходила зарубежные аналоги.

В социальном плане – ликвидацию социальных групп, актуально или хотя бы потенциально оппозиционных системе (например, ликвидация кулачества как класса).

В политическом – укрепление властной монополии, упразднение любой внутренней оппозиции внутри властных органов.

В идеологическом – установление жёсткого директивного идеологического монизма, исключение свободной дискуссии во всех политически значимых сферах мысли.

Наиболее очевидным пороком подобной системы выступают репрессии. Их масштабы, причины, последствия и, наконец, оправданность, были, остаются и будут предметом острых дискуссий.

Мы не склонны считать репрессии проявлением маниакальных отклонений отдельной личности, а рассматриваем их как вполне функциональный компонент системы. Причём, функциональный не только политически (на что чаще обращают внимание), но и экономически. Не следует забывать, что помимо подавления оппозиции, консолидации и мобилизации общества, репрессии, во-первых, обеспечивали стимулы к труду (в условиях отсутствия стимулирования личной выгодой), а во-вторых, создавали массу дармовой рабочей силы, без которой масштабные советские проекты вряд ли могли быть осуществлены.

Впрочем, практически каждый компонент оформившейся в 30-е гг. тоталитарной системы был вполне функционален, если принимать во внимание те задачи, которые данная система была призвана решать.

В совокупности она позволяла максимально быстро мобилизовать все общественные ресурсы и бросить их на выполнение задачи, считающейся первоочередной, не взирая на издержки и человеческие жертвы.

Именно это и позволило, в конечном счёте, подготовиться к мировой войне, победить в ней и затем в кратчайшие сроки восстановить разрушенную страну.

Однако, во-первых, вторая жёсткая структура требовала максимальной мобилизованности общества, что не могло продолжаться долго, даже с поддержкой репрессий. Мобилизованность касалась не только масс, но и, возможно, даже в большей степени, элит, которые также были заинтересованы в некоторых послаблениях.

Во-вторых, вторая структура, как и первая, была мало способна к естественной эволюции; развитие могло осуществляться только через мобилизационные скачки, чем дальше, тем больше проблематичные. Неудивительно, что хрущёвская оттепель становится началом деградации жёсткой структуры, достигшей апогея в брежневский застой и последующую чехарду смертей лидеров. Неспособность жёсткой структуры обеспечить развитие обернулась, как уже говорилось выше, провалом и в исполнении основных её функций – поддержания обороноспособности и стабильности. Что и привело в итоге вторую жёсткую структуру к краху.

Представляется интересным рассмотреть данный фрагмент истории отечественной модернизации в перспективе модного ныне концепта «диктатура развития». Подобный подход особенно актуален, если вспомнить, что идеологической основой советской истории вплоть до середины 30-х гг. была марксистская концепция «диктатуры пролетариата» в ленинской⁶, а потом и сталинской интерпретации.

Как же соотносятся «диктатура развития» и «диктатура пролетариата»?

Термин «диктатура развития» активно применяется по отношению к жёстким авторитарным (а порой и тоталитарным) режимам XX-XXI столетия, сумевшим осуществить в своих обществах радикальную технологическую и экономическую модернизацию, по своим масштабам и результатам воспринимавшуюся как «экономическое чудо»⁷.

---

⁶ Ленин В.И. Великий почин. Полн. Собр. Соч. Изд.5. Т. 39. М.: Издательство политической литературы. 1970. С. 1-29; Там же. С.259-268; Там же. С.271-282.

⁷ Тема «диктатуры развития» на примере Южной Кореи рассматривается в работах А.Н. Ланькова. См.: Ланьков А.Н. Взлёт и падение «диктатуры развития» в Южной Кореи // Отечественные записки. 2013. №6 (57) <http://www.strana-oz.ru/2013/6/vzlet-i-padenie-diktatury-razvitiya-v-yuzhnoy->

Особенностью подобных режимов была ориентация на ускоренное экономическое развитие, требовавшее существенных качественных изменений в организации производства (модернизации), осуществлявшееся за счёт жёсткого управления экономическими процессами и подавления любого сопротивления, чреватого нестабильностью и представлявшего хоть малейшую угрозу проводимому курсу.

Диктатура рассматривается как явление вынужденное и временное. Предполагается, что по мере выполнения своих задач она должна сама собой отмереть. На практике последнее не всегда происходит бескровно, ибо, как справедливо отмечал М.А. Бакунин, «Никакая диктатура не может иметь иной цели, кроме увековечивания себя»⁸.

В подобном предельно широком понимании, под данный термин подходит и советский большевизм, и китайский маоизм, равно и как дэнсяопиновский проект «социализма с китайской спецификой», правление пинчэтовской хунты, южнокорейский и тайваньские режимы.

Диктатура пролетариата – особое жёсткое пролетарское государство, призванное подавить сопротивление остатков прежних эксплуататорских классов и создать основы нового коммунистического общества, по мере становления которого, диктатура должна будет сама собой отмереть за ненадобностью; коммунизм предполагался как бесклассовое, а следовательно, и безгосударственное общество.

Соответственно, ленинскую концепцию «диктатуры пролетариата» можно рассматривать как разновидность «диктатуры развития», причём, одну из первых, «пионерских», её разновидностей (самой первой, возможно, была доктрина «просвещённого абсолютизма» французских просветителей).

Специфика диктатуры пролетариата заключается в том, что образ желаемого будущего – не современный капитализм, а «посткапиталистическое» общество – социализм или коммунизм. Задача «диктатуры пролетариата» - борьба не только с формами, предшествующими капиталистическим, но и с самим капитализмом. На деле второе выходит на передний план, а политаризм не только не уничтожается, но и переживает реставрацию, выступая средством создания военно-промышленной мощи и поддержания стабильности. Разумеется, теория этого не предусматривала.

Но на практике происходило именно так. И не только в России, но и в Китае, Вьетнаме, т.е. во всех тех странах, которые под влиянием совет-

---

коре (дата обращения - 12.08.2022); Ланьков А.Н. Модернизация в Восточной Азии, 1945-2010 <http://polit.ru/article/2010/03/11/lankov/> (дата обращения – 12. 08.2022).

⁸ Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Социология. Философия. Политика. М.: Издательство «Правда». 1989. С.484.

ского опыта и перспектив поддержки заявляли о «социалистической ориентации». Политарная реставрация из фактора развития быстро превращалась в тормоз. Политаризм как форма организации общества неэффективен в условиях современности. Выходом из этого становилась осуществляемая диктатурой смена ориентации – из «социалистической» (индустрополитарной) на капиталистическую. Если не в теории (или в терминологии), то на практике (как произошло в Китае или Вьетнаме).

Советская диктатура так и не сменила ориентации. НЭП был лишь кратким тактическим отступлением. Формальное завершение «диктатуры пролетариата», представленное Конституцией 1936, не означала фактического окончания диктатуры вообще. Правда, к пролетариату это уже никакого отношения не имело. «Диктатура пролетариата» окончательно превратилась в «диктатуру бюрократии», характерную для индустрополитаризма. У этой диктатуры ещё будут победы и славные дела. Но её стратегическая неэффективность, связанная с политарной ориентацией, в условиях современности сделает деградацию неизбежной. Печальным итогом выступит «перестройка» и крах Советского Союза в начале 90-х.

ОСОБЕННОСТИ МНОГОУКЛАДНОСТИ СМЕШАННОЙ ЭКОНОМИКИ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Аннотация. В докладе даётся обзор основных вопросов, исследуемых советскими экономистами в первой трети XX века. Вопросы обобществления производства, основного экономического закона, форм обмена деятельностью, определения эффективности производства и управленческих решений в многоукладной смешанной экономике начала XX века рассматриваются как универсальные и актуальные для современной смешанной экономики.

В теоретическом и практическом смысле вопросы особенностей развития многоукладной смешанной экономики, сложившейся в 20-е годы XX века, имеют современное значение для выбора модели развития экономики и, на наш взгляд, являются универсальными.

Исследование смешанной экономики и её многоукладности широко представлено в специальной литературе. Современную экономику рассматривают как ноономику, цифровую экономику, экономику знаний, экономику искусственного интеллекта и в других терминах¹. Авторы теории современной экономики выделяют те или иные характерные признаки экономики как решающие качества сложившейся системы. В общем описании учёные, в одних случаях системно, в других – фрагментарно, исследуют смешанную экономику и её многоукладность.

Представляется, что ответы на вопросы о многоукладности и смешанном характере современной экономики следует искать в научных разработках советских учёных и в хозяйственном механизме советской многоукладной экономики первой трети XX века. Дискуссии того периода, проходившие в экономическом сообществе и имевшие отражение в экономической научной литературе об основных путях развития общества и экономики, концентрировались вокруг таких основных проблем:

- об обобществлении социалистического производства, о собственности, об основном экономическом законе социализма;
- о формах обмена деятельностью и о методологии планирования;
- об эффективности социалистического производства и хозяйственных решений.

---

¹ Бодрунов С.Д. Ноономика // С.Д. Бодрунов. М.: Культурная революция. 2018. 432 с.; Каньгин Ю.М. Категории, термины, понятийные словосочетания информационной (цифровой) экономики в смысловой трактовке. Луганск.: ПРЕСС-ЭКСПРЕСС. 2019. 193 с.

В результате действия объективных экономических законов и политических революций в начале XX века создаются предпосылки не просто многоукладной, а, что особенно важно, смешанной экономики. Под смешанной экономикой мы понимаем экономическую систему, в которой основой производственных отношений являются взаимопереходящие друг в друга отношения смешанной собственности и отношений смешанного обмена деятельностью. Смешанная собственность представлена в виде различных форм ассоциированной собственности, которые включают в себя отношения относительного обособления. К ним следует отнести государственную, муниципальную, различные формы групповой собственности. Основным экономическим противоречием выступает в этом случае противоречие двойственного интереса трудящегося, который, являясь совместно с другими собственником, в тоже время выполняет производственные функции как наёмный работник.

Смешанный обмен деятельностью обусловлен смешанным характером собственности и представляет собой единство планомерного и стоимостного обмена. Эта особая форма обмена представлена хозяйственным расчётом, в механизм которого встроены экономические нормативы, призванные отразить и разрешить противоречие двойственного экономического интереса современного работника. Данная форма отношений обмена деятельностью предполагает сознательное использование экономических законов. Она требует научного предвидения, прогнозирования экономических процессов². Экономическая политика государства в этом случае как бы упреждает объективные процессы, идёт впереди них. Экономические процессы субъективизируются. Полезный эффект субъективизации производственных отношений в результате экономической политики будет иметь место тогда, когда научный анализ и его выводы находят отражение в соответствующих моделях экономической политики и отражают всесторонне и полно сами объективные процессы.

Начало анализа данного типа отношений положено в исследованиях экономистов в первой трети XX века. Экономика того периода в Советской России была многоукладной. Характеристику укладов кратко и ёмко даёт В.И. Ленин в работах советского периода. В работе «О продовольственном налоге» он называет пять экономических укладов: патриархальный уклад,

---

² Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование // Кузык Б.Н. Кушлин В.И., Яковец Ю.В. М. : ЗАО Издательство Экономика. 2009. 591 с.

отражающий особенность социально-политического развития России, мелкобуржуазный уклад, мелкокапиталистический уклад, подорванный революцией, но ещё сохраняющийся, государственный капитализм, социалистический уклад, зарождающийся, слабый, но поддерживаемый политической властью рабочих. В.И. Ленин указывал, что государственный капитализм был бы гигантским шагом вперёд в развитии экономики и общества³.

Было подчёркнуто, что в мелкокрестьянской стране движение крестьянского уклада к социализму через государственный капитализм – через кооперацию наиболее доступный и лёгкий путь развития⁴.

Складывалась смешанная экономика как экономика, представленная социалистическим укладом и укладом государственного капитализма, а также развивающимся под руководством пролетарской власти, укладом кооперированных мелких сельскохозяйственных производителей.

Научные разработки и хозяйственная практика, имевшие место в 30-е годы XX века в Советском Союзе, являлись достижениями в теории, адекватными складывающимся в тот период обстоятельствам. Такой вывод можно сделать по тем результатам социально-экономического развития, которого достиг СССР⁵.

В ряде работ 20-40-х гг. XX века указывалось, что обобществление средств производства в переходный от капитализма к социализму период является основным социально-экономическим процессом, который обеспечивает преимущество и победу социалистического уклада в многоукладной экономике⁶. Авторы показывали, что в течение переходного периода, происходит изменение форм обобществления, но его сущность, которая выражает коренные процессы изменения производственных отношений в сторону их социализации и планомерности, остаётся неизменной⁷. В исследовании об обобществлении производства и обобществлении средств производства авторы развивали ленинское положение об обобществлении формальном и об обобществлении на деле.

---

³ Ленин В.И. О продовольственном налоге // В.И. Ленин Полн. собр. соч. Т.43. С. 205-245.

⁴ Ленин В.И. О кооперации // В.И. Ленин Полн. собр. соч. Т.45. С. 369-377.

⁵ Народное хозяйство СССР 1922-1972 гг. М. 1972. 364 с.

⁶ Вайсберг Р.Е. О процессах обобществления // Плановое хозяйство. 1927. №1. С. 107. Раскин, Б. К анализу переходного хозяйства // Проблемы экономики. 1930. №4-5. С. 49-51.

⁷ Вайнштейн И. Закономерности переходной экономики. Социалистическое обобществление // Под знаменем марксизма. 1931. № 1-2. С. 128; Кривицкий М. К вопросу об экономике переходного периода // Проблемы экономики. 1931. №1. С. 68.

В экономической литературе рассматривался вопрос о качественных и количественных показателях социалистического обобществления. Вопрос единства в анализе качественных и количественных параметров относится к числу актуальных проблем современной науки. Качественные параметры любого процесса, в том числе и обобществления средств производства, характеризует его сущность. Сущность социалистического обобществления заключается в переходе объектов (средств производства) из частного присвоения в общественное присвоение трудящихся. Количественные показатели обобществления, очевидно, должны указывать на масштабы данного явления, на его глубину, его динамику. Экономисты периода 30-40-х г. прошлого столетия рассматривали такие количественные показатели, как чистая продукция, объёмы производственного накопления, удельный вес показателей государственной и кооперативной промышленности, торговли, кредита в общих показателях экономики, динамика кооперирования населения, рост различных форм коллективного ведения хозяйства, рост влияния социалистического сектора на частный в различных формах (контрактация, кредитование, налоги, цены и другое).

Обобществление на деле предполагает сознательное включение всех трудящихся обобществлённых секторов хозяйства в процесс производства, в процессе хозяйственного управления и в процесс распределения. Оно имеет определённые этапы развития. Первый этап обобществления производства для экономики в целом и для каждого из её секторов начинается с формального обобществления средств производства, т.е. с юридического акта, закрепляющего за обществом или за коллективом средства производства. Следующий этап, осуществляемый синхронно с первым этапом, предполагает разработку и реализацию комплекса мер (подходов, инструментов, механизмов) по использованию средств производства как действительных объектов общественной собственности. Следующий этап обобществления будет определяться течением и результатами предыдущих двух этапов. В случае, если декретное (формальное) обобществление производства прошло в соответствии с требованиями объективных экономических законов и с применением соответствующих этому подходов, инструментов и механизмов хозяйствования, то на третьем этапе становится возможным расширение масштабов обобществления производства за счёт вовлечения в процесс обобществления новых объектов и секторов экономики и его углубление на основе разработки и совершенствования систем хозяйствования.

«Забегание» вперёд формального обобществления средств производства и его «разрыв» с реальным обобществлением средств производства, имевшим место в СССР с 60-х гг. XX века, привёл общество к такой форме огосударствления экономики, которая стала главным социально-экономи-

ческим фактором экономического застоя. В тоже время резкое, практически абсолютное деобобществление средств производства, проходившее в советской экономике с конца 80-х годов XX века, привело к масштабному и неоправданному разрушению производительных сил и деградации всех сфер жизнедеятельности общества.

Вопрос о соотношении формального и реального обобществления производства и средств производства относится сегодня к числу актуальных в теории экономики и в организации хозяйствования. Данный вопрос непосредственно связан с вопросами основного экономического закона и форм обмена деятельностью.

Основной экономической закон отражает специфику главной социально-экономической цели и средств её достижения в конкретной системе экономики. Советские экономисты в 20–30-е гг. XX в. неоднозначно трактовали содержание основного экономического закона социализма, а, следовательно, и саму природу социализма в переходный период. Разброс мнений по данному вопросу был достаточно широк: от определения цели экономики, направленной на удовлетворение разумных потребностей народа и на всестороннее развитие личности, до закона стоимости и прибавочной стоимости. На наш взгляд, интересным является подход в определении основного экономического закона социализма как закона накопления. По мнению Е.А. Преображенского закон социалистического накопления выражает интересы работников наёмного труда в создании материально-технической базы социализма. Закон указывает на необходимость использования чистого продукта в части прибавочного продукта для создания необходимой технической основы в промышленности и в сельском хозяйстве. В данном случае в основном экономическом законе представлена так называемая техническая сторона вопроса – расширенное воспроизводство социалистического сектора⁸. Социально-экономическая сторона, которая должна быть представлена в основном экономическом законе, отражена экономистами в определении плановости как основного экономического закона социализма. А. Перимов и В. Быстрицкий рассматривали закон планирования как закон движения социалистической экономики и как её регулятор⁹. Учёные, занимающиеся проблемами социалистического обобществления производства, в качестве основного эконо-

---

⁸ Леонтьев А. Экономическая теория правого уклona // Большевик. 1929. № 9. С. 126-127.

⁹ Перимов А. К некоторым вопросам теории переходной экономики / Перимов А., Быстрицкий В. // Проблемы экономики. 1930. №10. С.118.

мического закона переходной экономики рассматривали закон социалистического обобществления. Это закон обобществления секторов экономики, основанных на частной собственности, их превращение в сектора социалистического хозяйствования¹⁰.

В теориях закона планирования и закона социалистического обобществления исследуется взаимосвязь отношений собственности и обмена деятельностью.

Дискуссии по формам обмена деятельностью в переходной экономике занимали одно из центральных мест в экономической науке в первой трети XX века. Основным пунктом дискуссий был вопрос о судьбах товарного обмена, товарно-денежных отношений и собственно стоимости в новой экономике. Общеизвестно положение В.И. Ленина о необходимости использования товарно-денежных отношений не только в начальный период социальных преобразований, но и в дальнейшем. Этот вывод основывался на том факте, что в течение долгого времени будет сохраняться частная собственность как основа мелкотоварного и капиталистического производства. При этом в отношениях обмена деятельностью возникает и развивается такая его форма как планомерность. Следует обратить внимание на работы С.Г. Струмилина, который рассматривал планирование как с технико-экономической стороны, так и в социально-экономическом формате. Он считал, что в планировании необходимо определять наличные ресурсы и потребности, исследовать их соотношение на основе балансового метода. При этом необходимо исходить из приоритетов социально-экономического развития. Определив приоритеты, следует их поддерживать волевым решением¹¹.

Безусловно, планирование отражает в себе стоимостной обмен деятельностью. Две формы обмена, трансформируясь, образуют новую форму обмена деятельностью – смешанный обмен. Этот вывод можно сделать на основе анализа литературы по дискуссиям, проходившим в советской экономической науке в начале XX века.

На наш взгляд, особенно интересным и важным вопросом, который был поставлен в экономической науке в первой трети XX века, является вопрос об определении содержания и показателей сравнительной эффективности хозяйственных решений. Прежде всего, следует отметить то, что

---

¹⁰ Раскин Б.К. К анализу переходного хозяйства // Проблемы экономики. 1930. №4-5. С. 50.

¹¹ Струмилин С.Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества // Плановое хозяйство. 1929. №7. С.10.

советские экономисты того периода указывали на необоснованность показателя рентабельности (нормы прибыли) как критерия оптимальности и эффективности производства. Они указывали на необходимость в определении степени эффективности производства, учитывать эффект работы не только данного отдельного предприятия, но и полученный эффект на предприятиях близких и смежных отраслей. В качестве показателей, которые бы отслеживали совокупность получаемых эффектов, предлагались нормативы эффективности использования производственных ресурсов, которые должны доводиться до всех хозрасчётных предприятий. Каждое предприятие при этом составляет для себя планы и заключает договоры, исходя из максимизации своих показателей, которые, в свою очередь, увязаны с максимальными показателями по другим предприятиям. В таком случае должна достигаться экономия всех затрат на производство продукции¹². Сложным вопросом является определение нормативной экономии всех ресурсов и в целом определение системы нормативов. В дальнейшем в экономических моделях оптимизации находят отражение разработки авторов, предложенные в первой трети XX века.

Современная экономика является смешанной по характеру, многоукладной по структуре, а общественные системы разных стран мира находятся в переходном периоде движения к социализации.

Постановка и рассмотрение вопросов о характере и тенденциях развития в первой трети XX века, имевших место в советской теории экономики и отражённых в хозяйственной практике СССР, имеет важное значение для нашего времени - периода глубоких глобальных трансформаций социально-экономических и общественно-политических систем.

---

¹² Юшков Л.П. Основной вопрос плановой методологии // Вестник финансов. 1928. №10. С. 27.

ДИСКУССИЯ О ТОВАРНОМ РУБЛЕ И СПЕЦИФИКА ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ СССР В 1920-1930-Х ГГ. КАК ОСНОВЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

Аннотация. В статье анализируется проведение денежной реформы 1922-1924 гг. в СССР и связь исследований советских экономистов с зарубежными работками, а также эволюция теории финансов СССР и функций Госбанка в связи с выполнением первых пятилетних планов.

Одними из первоочередных мер ВЦИК РСФСР после революционных событий октября 1917 г. стали меры по формированию государственной кредитно-денежной системы и установлению государственной монополии на банковское дело через национализацию частных банков, их объединение с Государственным банком (Декрет ВЦИК от 27 (14) декабря 1917 г.) и аннулирование государственных займов (Декрет ВЦИК от 31 января 1918 г.). Эти мероприятия были осуществлены буквально в течение двух месяцев в соответствии с основными озвученными принципами по преобразованию экономики из капиталистической в социалистическую, основная цель которых заключалась в исключении спекулятивного фактора из хозяйственной жизни и концентрации финансовых ресурсов в руках государства¹.

Вместе с тем, завершение в 1920-1921 гг. основных боевых действий в ходе Гражданской войны ознаменовалось гиперинфляцией, вызванной увеличением эмиссии расчётных знаков РСФСР (совзнаков) для покрытия дефицита бюджета и, ещё в большей степени, замедлением скорости обращения денег из-за упадка торговли между городскими поселениями и сельской местностью². После некоторых попыток ввести безденежное обращение в рамках военного коммунизма и упразднения Госбанка (Декрет СНК РСФСР от 19 января 1920 г.)³ руководство страны пришло к выводу о необходимо-

---

¹ Финансы СССР. Выпуск I / Под ред. В.П. Дьяченко. М.: Госфиниздат. 1933. С. 48-49.

² Струмилин С.Г. Избранные произведения в пяти томах. Т. 1. Статистика и экономика. 1963. С. 206.

³ Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917-1927). Избранные статьи. М.: Начала-пресс. 1996. 418 с.; Белоусов В.Д., Бирюков В.А. Попытка отмены денег в годы военного коммунизма // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2012. №2. С. 25-34.

сти развивать в рамках Новой экономической политики (НЭП) денежное обращение и товарное производство, которое являлось наиболее приемлемой формой взаимодействия города и деревни в народном хозяйстве⁴. В свою очередь, основные связи между социалистическим сектором экономики и мелкотоварным крестьянским сектором стали торговля, деньги, кредит и хозрасчёт, сформировавшие основу существования советских финансов⁵.

Для ликвидации хронического дефицита госбюджета и обеспечения его сбалансированности⁶ Наркомфином РСФСР во главе с Г.Я. Сокольниковым были выработаны следующие мероприятия: (1) развитие налоговой системы (из-за обложения сельского хозяйства натуральным налогом в структуре доходов госбюджета преобладали косвенные налоги); (2) возврат к платности всех услуг, оказываемых населению государственными и коммунальными органами, и (3) обеспечение безубыточности государственных предприятий. С целью оживления государственной, кооперативной и частной торговли был воссоздан Госбанк РСФСР (12 октября 1921 г.), открыт Банк потребительской кооперации, общества взаимного кредита и т.п.⁷ Для стабилизации экономической ситуации назрела необходимость в проведении денежной реформы, в ходе которой необходимо было ликвидировать денежные суррогаты и вывести из оборота постоянно обесценивавшиеся совзнаки.

В соответствии с законом денежного обращения К. Маркса, выведенном в первом томе «Капитала» 1867 г. издания, масса денег, использующихся в качестве средств обращения за определённый период времени, определялась путём деления суммы цен товаров на число оборотов одноименных единиц денег ($\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{число оборотов одноименных единиц денег}} = \text{масса денег}$)⁸. При перенесе

⁴ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат. 1952. С. 14

⁵ Финансы СССР. Выпуск I. Под ред. В.П. Дьяченко. М.: Госфиниздат. 1933. С. 13

⁶ Воейков М.И. Логика экономической концепции Г.Я. Сокольникова // Вопросы экономики. 2008. №6. С. 141-154.

⁷ Сокольников Г.Я. Финансовая политика Советского Правительства // Денежная реформа 1921-1924 гг. Создание твёрдой валюты: Документы и материалы / Сост. и коммент.: Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарев. М.: РОССПЭН. 2008. С. 198-199.

⁸ Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Том 1. М.: Госполитиздат. 1952. С. 126.

нии числа оборотов денег из знаменателя в правую часть формулы количества денег в обращении получалось уравнение, близкое к формуле обмена в рамках количественной теории денег (КТД)⁹, которая стала одной из доминирующих теорий в западном экономическом мейнстриме после выхода классических работ американских экономистов И. Фишера в 1911 г.¹⁰ и М. Фридмана в 1951-1970 гг.¹¹

Между тем, исходя из действовавшего в середине XIX в. золотого обращения и предпосылок подробно разработанной им трудовой теории стоимости, К. Маркс не разделял основной идеи КТД о зависимости цен от количества денег в экономике, а, наоборот, считал, что сумма цен товаров определяет необходимый объем денежной массы¹². В его представлении «цены не потому высоки или низки, что в обращении находится большее или меньшее количество денег, а, наоборот, в обращении потому находится большее или меньшее количество денег, что цены высоки или низки»¹³. Таким образом, при устойчивой сумме цен на товары и колебаниях остальных переменных (цен на отдельные товары, количества обращающихся товаров и скорости обращения денег) общее количество денег должно было подстраиваться под товарный оборот¹⁴.

Особенностью реализации денежной реформы 1922-1924 гг. стала публичная дискуссия между Наркомфином в лице Г.Я. Сокольников, Л.Н. Юровского, Д.А. Лоевского и их коллег и Госпланом РСФСР в лице, в первую очередь, С.Г. Струмилина о целесообразности возвращения золо-

---

⁹ Бугалин А.В., Колганов А.И. Теория предельной полезности как следствие трудовой теории стоимости? // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2011. № 6. С. 9.

¹⁰ Fisher I. *The Purchasing Power of Money: Its Determination and Relation to Credit, Interest and Crises (New and Revised Edition)*. New York: The Macmillan Company. 1920. P. 48-63.

¹¹ Friedman M. *The Quantity Theory of Money: A Restatement* // *Studies in the Quantity Theory of Money* / Ed. By M. Friedman. University of Chicago Press. Chicago. 1951. P. 3-21; Friedman M. *A Theoretical Framework for Monetary Analysis* // *The Journal of Political Economy*. 1970. Vol. 78. No. 2 (Mar. – Apr. 1970). P. 193-238.

¹² Дубянский А.Н. Теория денег Маркса: исторический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 165.

¹³ Струмилин С.Г. *Избранные произведения в пяти томах. Т. 2. На плановом фронте*. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 101.

¹⁴ Струмилин С.Г. *Указ. соч. Т. 2. С. 102.*

того рубля и возможных альтернативах такому решению, в которой диспутанты использовали как теоретическое наследие К. Маркса, так и новейшие для того времени разработки в рамках КТД¹⁵. Так, представители Наркомфина выступали за возвращение к золотому обеспечению рубля, который, по их задумке, не должен был обмениваться на золото из-за ограниченности государственных резервов, а только имел металлическое обеспечение¹⁶.

С другой стороны, на примере данных за 1920-1922 гг. С.Г. Струмилин указал на нестабильность курса золотого рубля из-за колебаний мировых цен на золото и выявил тенденцию, согласно которой колебания курса золотого и бумажного (товарного) рубля в РСФСР находились в противофазе (золото выступало средством сбережения при падении курса бумажного рубля, и наоборот – при сезонном увеличении спроса на товары увеличивалась потребность в бумажных деньгах)¹⁷. В качестве альтернативы быстро обесценивавшимся совзнакам С.Г. Струмилиным были разработаны товарные индексы цен, представлявшие собой оценку покупательной способности денег в стране. Из-за того, что курс золотого рубля не поспевал за обесцениванием денег товарный рубль (статистика по товарным индексам регулярно публиковалась Госпланом) стал использоваться в хозяйственном обороте как устойчивая единица учёта для заключения договоров между предприятиями, установления тарифов, выплаты заработных плат работникам и т.п.¹⁸

Кроме того, С.Г. Струмилин сформулировал в начале 1920-х гг. два основных постулата организации денежного обращения и устойчивости фидуциарной или фиатной национальной валюты (примерно на 50 лет раньше, чем это было реализовано в западных странах в рамках школы монетаризма): «1) Эмиссия не должна ставить своей задачей покрытие дефицитов государственной бюджета. 2) Для обеспечения устойчивого курса бумажного рубля при всех колебаниях рыночной конъюнктуры

---

¹⁵ Сокольников Г.Я. Финансовая политика революции. Том первый. М.: Общество купцов и промышленников России, 2006. 496 с.; Юровский Л.Н. Указ. соч.; Струмилин С.Г. Указ. соч. Т. 2.

¹⁶ Сокольников Г.Я. «Гарантированный рубль». Статья 6 января 1922 г. // Денежная реформа 1921-1924 гг. Создание твёрдой валюты: Документы и материалы / Сост. и коммент.: Л. Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкирев. М.: РОССПЭН. 2008. С. 63-65.

¹⁷ Струмилин С.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 208-212.

¹⁸ Финансово-кредитный словарь. Том 2 / Гл. ред. В.П. Дьяченко. М.: Изд-во Финансы. 1964. С. 421-422.

необходимо располагать достаточным оборотным фондом реальных ценностей»¹⁹. В дальнейшем в условиях огосударствления экономики, контроля государства за ценами и развития производства товаров народного потребления это позволило расширять покупательную способность рубля через поэтапное снижение цен после Великой Отечественной войны²⁰. В дополнение к этому необходимо обратить внимание на недвусмысленное определение инфляции в работах советских экономистов 1920-1950-х гг.²¹, которое полностью совпадает с пониманием причин инфляции в гораздо более поздних работах М. Фридмана и сторонников монетаризма.

Тем не менее, в условиях гиперинфляции и обесценения совзнаков, являвшихся средством обращения и платежа, для создания твёрдой базы хозяйственных расчётов было выбрано золото, которое выполняло все функции денег (в разной степени), и денежная реформа была в итоге реализована по плану Наркомфина. Её основными особенностями являлись: (1) реализация реформы своими силами без получения репараций и иностранных займов, в условиях финансовой блокады и наличия только 1/10 довоенного золотого запаса; (2) функционирование плановой системы хозяйства (как в сфере производства, так и в сфере обращения); (3) отсутствие внутренней и иностранной государственной задолженности²². К концу 1922 г. золото восстановило свою довоенную стоимость, советская система ценообразования

---

¹⁹ Струмилин С.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 55.

²⁰ Майзенберг Л.И. Ценообразование в народном хозяйстве СССР. М.: Госполитиздат. 1953. 263 с.; Зверев А.Г. Записки министра. М.: Политиздат. 1973. 270 с.

²¹ Инфляция – «...такой процесс, когда в каналах обращения создаётся избыток денег по сравнению с нормальной в них потребностью наличного оборота...» (Струмилин С.Г. Указ соч. Т. 2. С. 99); «Инфляция характеризуется наличием в каналах обращения избыточной массы бумажных денег...» (Островитянов К.В., Шепилов Д.Т., Леонтьев Л.А., Лаптев И.Д., Кузьминов И.И., Гатовский Л.М. Политическая экономия: учебник. М.: Госполитиздат. 1954. С. 127).

²² Атлас З.В. Опыт послевоенной денежной реформы в СССР. Записка в СНК СССР. 30 октября 1944 г. // Денежная реформа 1921-1924 гг. Создание твёрдой валюты: Документы и материалы / Сост. и коммент.: Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарев. М.: РОССПЭН. 2008. С. 730-731.

базировалась в тот момент на довоенной системе цен, а в рамках НЭПа населению разрешалось свободное владение и хранение золота, серебра и иностранной валюты²³.

Г.Я. Сокольников выделил три условия успешности реформы: (1) сокращение бюджетного дефицита; (2) отказ от натурального налога и перевод сельскохозяйственного налога на денежную основу; (3) достижение активного торгового баланса²⁴. Реформа реализовывалась в три этапа: (1) проведение деноминации в начале 1922 г. путём обмена обращающихся совзнаков и суррогатов на новые денежные знаки в соотношении 10000:1; (2) выпуск с 22 ноября 1922 г. Госбанком банкнот номиналом в 1, 3, 5, 10 и 25 червонцев с золотым содержанием 7,74 г чистого золота, приравнённых 10 дореволюционным золотым рублям; (3) выпуск весной 1924 г. разменных билетов государственного казначейства достоинством в 1, 3, 5 руб. с твёрдым паритетом 1 червонец равен 10 казначейским рублям²⁵. В итоге новый рубль 1924 г. соответствовал 5 млн старых рублей образца 1922 г.²⁶, весь хозяйственный оборот был оперативно переведён с товарного рубля на червонцы, а устойчивость валюты поддерживалась товарными и валютными интервенциями со стороны государства²⁷. Успешная реализация денежной реформы 1922-1924 гг.²⁸ создала твёрдый фундамент для поступательного экономического развития страны²⁹.

Вместе с тем, взгляды руководства Наркомфина на развитие экономики постепенно стали входить в противоречие с необходимостью проведения в

---

²³ Атлас З.В. Указ. соч. С. 735-737

²⁴ Сокольников Г.Я. О завершении денежной реформы // Денежная реформа 1921-1924 гг. Создание твёрдой валюты: Документы и материалы / Сост. и коммент.: Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкирев. М.: РОССПЭН. 2008. С. 456.

²⁵ Атлас З.В. Указ. соч. С. 740-741.

²⁶ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. С. 132.

²⁷ Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917-1925). М.: Госфиниздат. 1940. С. 183-187.

²⁸ Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие НЭП. М.: МНИИПУ. 1991. 94 с.; Катасонов В.Ю. Воспоминание о золотом червонце. К 100-летию появления в России твёрдой валюты // Фонд стратегической культуры. 26.06.2022. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/06/26/vospominanie-o-zolotom-chervonce-56529.html>.

²⁹ Рогачевская М.А. Денежная реформа Г.Я. Сокольникова // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22. № 3. С. 432-460

стране ускоренной индустриализации³⁰. Так, с точки зрения Г.Я. Сокольникова, порядок развития секторов экономики должен был выглядеть следующим образом – сначала создание крепкого крестьянского хозяйства, затем развитие лёгкой промышленности для удовлетворения спроса сельских жителей, потом – машиностроение, и в последнюю очередь – тяжёлая промышленность, что полностью соответствовало историческому опыту капстран³¹. Однако, как показали исследования Г.И. Ханина, во второй половине 1920-х гг. стоимость основных фондов в экономике оказалась заниженной в два раза, что приводило к систематическому занижению себестоимости продукции и преувеличению прибыльности предприятий. В результате НЭП, как стало очевидно, был эффективным только на этапе восстановительного периода после Первой мировой и Гражданской войны, но такая политика не смогла бы обеспечить дальнейшее промышленное развитие страны³². В результате, в 1926 г. в связи с переориентацией госаппарата на реализацию пятилетних планов индустриализации руководство Наркомфина была сменено.

С этого времени финансы в СССР в теоретических и прикладных работах стали рассматриваться не как вариация или новая ступень в эволюции финансов капиталистических стран, но как один из решающих факторов социалистического строительства и как элемент экономической политики, определяющий в значительной степени направление развития страны³³. Помимо органов государственной власти система финансов СССР также включала государственные и кооперативные предприятия, в дополнение к госбюджету и местным бюджетам – другие кредитно-денежные инструменты, такие как кредит, денежные обращения и т.д., и, наконец, эта система функционировала в условиях плановости. Фактически банковский кредит наряду с бюджетным финансированием являлся лишь одним из способов организации деятельности и расчётов предприятий в национальной экономике³⁴. Таким образом, у государства имелась возможность осуществлять мобилизацию и перераспределение финансовых ресурсов в пользу того или иного сектора экономики, что стало основой успешной реализации планов первых пятилеток.

Ключевую роль в ужесточении контроля за деятельностью госпредприятий и повышении хозяйственной дисциплины сыграла кредитная реформа

---

³⁰ Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.). М.: Наука. 1978. С. 150-151.

³¹ Воейков М.И. Указ. соч. С. 153.

³² Ханин Г.И. Честная и актуальная история // ЭКО. 2009. №9. С. 149.

³³ Финансы СССР. Указ. соч. С. 4, 6, 15.

³⁴ Финансы СССР. Указ. соч. С. 15-16.

1930-1931 гг., ликвидировавшая коммерческий кредит (обращение векселей). С этого времени все краткосрочное кредитование в стране было сконцентрировано в Госбанке СССР, а отраслевые банки (Промбанк, Сельхозбанк и др.) предоставляли долгосрочный кредит³⁵. Помимо этого значительно расширились безналичные платежи между предприятиями и организациями. Фактически, данный механизм выполнял функцию стерилизации денежной массы, что внесло свой вклад в постоянство цен в стране: выручка от реализации товаров и услуг инкассировалась в банк, затем зачислялась на счёт предприятия или организации, а наличные выдавались только для выплаты зарплат, пенсий, пособий и командировочных расходов. Наконец, после утверждения в феврале 1935 г. Примерного устава сельскохозяйственной артели на Госбанк были также возложены задачи по организации и сопровождению финансового и денежного хозяйства около 240 тыс. колхозов и нескольких десятков тысяч сельских торговых организаций³⁶. Таким образом, в современном понимании уже в первой половине 1930-х гг. Госбанк фактически превратился в клиринговый центр экономики СССР.

---

³⁵ Зверев А.Г. Указ. соч.

³⁶ Усоскин М.М. Основы кредитного дела / Под ред. М.И. Боголепова. М.: Госфиниздат. 1946. С. 6-7, 11.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В РЕЧАХ И СТАТЬЯХ И.В. СТАЛИНА

Аннотация. В статье предпринята попытка объективного, без политической предвзятости и идеологической ангажированности анализа текстов выступлений и статей И.В. Сталина, посвящённых теоретическим и практическим проблемам социалистической индустриализации и коллективизации сельскохозяйственного производства в сложном контексте внутренней и международной обстановки.

В произведении «К вопросу о роли личности в истории» Г.В. Плеханов писал: «история делается людьми и поэтому деятельность личностей не может не иметь в ней значения».

Между тем, после XX и XXII съездов КПСС роль личности Сталина в судьбоносных событиях и процессах в стране всячески затушёвывалась под предлогом борьбы с «культом личности» И.В. Сталина. Как показывают опросы, современная молодёжь имеет весьма поверхностное представление о роли этой личности в истории страны в целом и в индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, в частности. Большинство не имеет представления о том, какие должности занимал этот партийный и государственный деятель в структуре руководства правящей коммунистической партии и иерархии государственного руководства. Вот что написано об этом в Философской энциклопедии, изданной в 1970 г.: «Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (21 декабря 1879 – 5 марта 1953) деятель КПСС и международного рабочего движения. Родился в г. Гори (Грузия) в семье кустика-сапожника. После окончания духовного училища (1894) вступил в революционное движение. Член Коммунистической партии с 1898. Участвовал в революции 1905 – 1907 и был одним из руководителей рабочего движения в Закавказье. С 1912 – член ЦК партии. Во время подпольной деятельности неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В марте 1917 введён в состав Бюро ЦК, в октябре – член партийного Военно-революционного Центра по подготовке вооружённого восстания. С ноября 1917 – народный комиссар по делам национальностей, с 1919 – народный комиссар Государственного контроля (позднее – Рабкрин). В 1922–1952 – генеральный секретарь, в 1952–53 – первый секретарь ЦК КПСС. В 1941 – 1953 Председатель Совета Министров СССР. В 1941–1945 – председатель Государственного Комитета Обороны, Верховный Главнокомандующий Вооружёнными силами СССР¹.

Решения XX и XXII съездов КПСС привели к такой ситуации, когда в изложении курса истории КПСС получалось так, будто у страны или не

---

¹ Сталин (Джугашвили) И.В. // Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская Энциклопедия. 1970. С.12.

было признанного народом лидера (вождя), или все достижения и победы происходили вопреки его деятельности. После XX съезда КПСС имя Сталина попало под цензурные запреты вплоть до вымарывания его имени и образа из художественных произведений. Автор этой статьи учился в 70-е годы XX в. на философском факультете ЛГУ им. А.А. Жданова. Студентам категорически не рекомендовалось на семинарах по истории КПСС и на семинарах по истории вообще читать и цитировать И.В. Сталина и документы с упоминанием его имени. Это вызывало у студентов чувство недоумения, поскольку его работы – прежде всего - документы эпохи. Историками зафиксирован не подлежащий сомнению факт, что тексты всех выступлений и статей И.В. Сталина написаны не «спичрайтерами», а лично. Установлено также, что за день он успевал прочитывать до 500 страниц литературного текста помимо груды документов, которые он должен был завизировать. При чтении работ И.В. Сталина невольно вспоминаются слова французского естествоиспытателя Жана Луи Леклерка «стиль – это человек». Стиль И.В. Сталина неповторим: он обладал удивительной способностью просто и доходчиво логически чётко, с соблюдением всех правил риторики, излагать сложнейшие темы.

Имя И.В. Сталина было допущено в публичное пространство в период горбачёвской «гласности» не столько ради восстановления исторической справедливости, а не в последнюю очередь для того, чтобы все неудачи и ошибки в руководстве партией и страной списывать на Сталина. Чем хуже становилась ситуация в стране, тем большие обороты набирала антисталинская кампания, служившая главным образом в качестве средства отвлечения от проблем, порождаемых некомпетентным руководством партией и государством. Однако даже включившийся в авангард работы по истине оруэлловского «министерства правды» доктор философских наук, генерал – лейтенант Д.И. Волкогонов в своей статье в «Литературной газете» после массы негативных оценок писал: «Во время борьбы за выживание нового строя исключительное значение имела целеустремлённость и политическая воля лидера. Здесь, пожалуй, Сталину после Ленина не было равных. Он имел и нечто такое, чего не было у других. В этих условиях альтернатива других лидеров была маловероятной»².

Оценивая результаты развития экономической и социальной сферы в годы НЭПа, индустриализации и коллективизации в самом начале горбачёвской «перестройки» которую впоследствии выдающийся философ

---

² Волкогонов Д. Феномен Сталина // Литературная газета. 9 декабря 1987 г.

А. Зиновьев метко назвал «катастройкой», академик А.Г. Аганбегян писал: «Россия, как известно, была страной преимущественно аграрной, чрезвычайно отсталой. Так, по объёму промышленной продукции в мире она занимала 5-е место, а в Европе 4-е, хотя по численности населения Россия (143,5 млн. человек) превосходила Америку и страны Европы. Развитие СССР проходило в неимоверно трудных условиях. После Октябрьской революции в стране разразилась опустошительная гражданская война и интервенция, добившие подорванную в ходе I мировой войны экономику. Объем производства сократился в 5 раз по сравнению довоенным 1913 г. В 20-х годах Советское государство проводило новую экономическую политику. НЭП способствовал укреплению союза рабочего класса и крестьянства, успешному восстановлению государственной промышленности, вытеснению частного капитала. Потребовалось семь-восемь лет, чтобы достичь уровня 1913 г. затем был труднейший период индустриализации страны, эпоха преодоления отсталости. Одной из главных задач стало изыскание внутренних средств развития, поскольку финансирование извне оказалось недоступным. Капиталистические государства, потерпев поражение в ходе военной интервенции, продолжали вести против СССР упорную экономическую, политическую и дипломатическую борьбу. Между тем, уже к 1941 г. СССР производил 10% всей мировой промышленной продукции, т.е. столько, сколько развитые европейские страны вместе. По сравнению с 1913 г. объем общественного продукта увеличился в 5 раз, в том числе промышленности – почти в 8 (тяжелой промышленности – в 13); сельском хозяйстве – в 1,4; в капиталовложениях – в 6 раз; грузооборот на транспорте возрос в 7 раз. Была преодолена неграмотность, ликвидирована безработица. Численность населения достигла накануне войны 194 млн. человек»³.

В приведённой цитате А.Г. Аганбегяна есть интересный момент - НЭП, в его изложении, индустриализация и коллективизации – представляют собой совокупность действий, в котором одно следует за другим. В доперестроечной учебной литературе по истории КПСС этот процесс так и излагался. В литературе перестроечного времени часть учёных стала писать о том, что «к началу 1928 года сталинская группа, которая только что добилась большинства в политическом руководстве, пошла на прямой отказ от ленинских принципов политики по отношению к крестьянству как союзнику рабочего класса в строительстве социализма, на слом нэпа и

---

³ Аганбегян А.Г. Советская экономика – взгляд в будущее. М.: Экономика. 1988. С. 33.

насилие над крестьянством»⁴. Однако из доклада И.В. Сталина активу ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП (б) 13 апреля 1926 г. следует, что резкого разрыва между периодом НЭПа, индустриализацией и коллективизацией не было. Лидер партии говорит активу о том, что «основной факт, определяющий нашу политику, состоит в том, что в своём хозяйственном развитии наша страна вступила в новый период новой экономической политики, в период прямой индустриализации». Он продолжает, что основная задача, стоящая тогда перед партией, состояла в том, чтобы в условиях новой экономической политики, в условиях развёрнутого товарооборота построить социалистический фундамент нашего народного хозяйства. Эта стратегическая задача стоит перед нами и теперь в качестве основной задачи. Тогда, в первый период нэпа, начиная с 1921 года, мы подходили к этой главной задаче под углом зрения развития, прежде всего, сельского хозяйства. При этом докладчик отмечает, что В.И. Ленин тогда считал, что для того, чтобы развить индустрию необходимо начать дело с сельского хозяйства, поскольку необходимо было, прежде всего, создать некоторые рыночные сырьевые и продовольственные предпосылки для индустрии, для промышленности. Далее И.В. Сталин говорит: «Теперь мы вступили во второй период нэпа. Самое важное и самое характерное в состоянии нашего хозяйства состоит теперь в том, что центр тяжести переместился теперь в сторону индустрии... индустриализация должна пониматься, прежде всего, как развитие у нас тяжёлой промышленности, и особенно, как развитие нашего собственного машиностроения, этого основного нерва индустрии вообще. Без этого нечего и говорить об обеспечении экономической самостоятельности страны»⁵.

Среди публикаций об индустриализации позднесоветского периода встречаются качественные историографические исследования. Например, статья А. Колесниченко и В. Лельчука «Шаги индустриализации» в газете «Правда» от 26 июля 1987 г. В ней говорится о том, что в декабрьские дни 1925 г. в Москве начал работу XIV съезд партии, вошедший в нашу историю как съезд индустриализации, планы разработки которой начались еще при В.И. Ленине. Индустриализацию В.И. Ленин понимал как двуединый

---

⁴ Коллективизация: как это было. Беседа корр. «Правды» и зав. сектором Института истории СССР АН СССР доктора ист. наук В.П. Данилова // Правда. 1988. 16 сент.

⁵ Сталин И.В. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии. Доклад активу Ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП (б) 13 апреля 1926 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 8. М.: Госполитиздат. 1948. С. 117 – 119.

процесс превращения страны земледельческой в страну с преобладанием промышленного производства при одновременном росте рабочего класса. Анализ обстановки позволил XIV съезду ВКП(б) провозгласить курс на индустриализацию задачей номер один. Стратегия определялась чётко: превратить СССР из страны ввозящей машины и оборудование, в страну их производящую; обеспечить экономическую самостоятельность СССР; добиться победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом. Весной 1929 года XVI конференция ВКП(б) одобрила, а V съезд Советов утвердил основные направления пятилетнего плана. Уже в первом полугодии производительность труда увеличилась в промышленности на 10, а во втором – более чем на 20%. План 1929 г. крупная промышленность перевыполнила. Уже в 1930 г. тяжёлая индустрия по объёму валовой продукции впервые превысила отрасли, выпускающие предметы потребления».

Всё верно. Да, идеи индустриализации страны и преобразования на этой основе сельского хозяйства были впервые поддержаны В.И. Лениным. Эти идеи были разработаны российским учёным Василием Ивановичем Гриневецким (2.06.1871 – 31.03.1919) и изложены им в книге «Послевоенные проблемы русской промышленности», изданной в Харькове в 1918 году, в которой излагался продуманный план общей реконструкции экономики России. Из неё В. И. Ленину впервые стало известно, какие конкретные технико-экономические задачи должны быть поставлены в порядок дня. Книга В.И. Гриневецкого, учтённая в каталоге Ленинской кремлёвской библиотеки (сейчас его библиотека находится в Горках ленинских), по свидетельству Н. Валентинова в книге «НЭП и индустриализация после смерти Ленина» (М.: Современник, 1992) пестрит положительными заметками В.И. Ленина на полях. Как это следует из историографических источников, в основе плана индустриализации России лежали, в том числе, предложения Всероссийского союза инженеров 1918 года, вошедшие в проект ГОЭЛРО, который стал основой индустриализации России.

Реализация этих идей и планов пришлось на время после смерти В.И. Ленина, в обстановке ожесточённой внутрипартийной борьбы, когда отстаивать эти идеи приходилось в полемической борьбе с правой и «левой» оппозицией внутри партии и в условиях постоянно ухудшающейся международной обстановки. Кто возглавлял руководство индустриализацией, кто отстаивал ленинскую линию – об этом в статье А. Колесниченко и В. Лельчука, к сожалению, нет ни слова. В таком изложении из истории выхолащивается даже намёк на сложнейшую объективную драматургию процесса.

В докладе «Итоги первой пятилетки» на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)» 7 января 1933 г. И.В. Сталин говорил о том, что «наша

страна из аграрной стала индустриальной, ибо удельный вес промышленной продукции в отношении сельскохозяйственной поднялся с 48% в начале пятилетки (1928 г.) до 70 % к концу четвёртого года пятилетки (1932 г.)⁶. Он продолжает далее, что к концу четвёртого года пятилетки удалось выполнить программу общего промышленного производства, рассчитанную на пять лет, - на 93,7%, подняв объем промышленной продукции более чем втрое в сравнении с уровнем 1928 года. Программа производства по тяжёлой промышленности пятилетнего плана оказались выполнена на 108 %. В разделе об итогах в области сельского хозяйства докладчик подчёркивает, что пятилетка в области сельского хозяйства есть пятилетка коллективизации. Далее идёт пояснение, что партия, проводя коллективизацию, исходила из того, что для упрочения диктатуры пролетариата и построения социалистического общества, кроме индустриализации необходим ещё переход от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства к крупному коллективному сельскому хозяйству, снабжённому тракторами и современными сельхозмашинами, как единственно прочной основе Советской власти в деревне.

Отвечая тем оппонентам, подвергавшим сомнению политику расширения производства средств производства, И.В. Сталин обращает внимание на то, что «мы имели бы в таком случае военную интервенцию, войну опасную и смертельную, войну кровавую и неравную, ибо в этой войне мы были бы почти что безоружны перед врагами, имеющими в своём распоряжении все современные средства нападения»⁷. Надо подчеркнуть, что укрепление обороноспособности страны, несомненно, - один из важнейших аспектов индустриализации, без которой страна могла быть обречённой на поражение в грядущей битве с нацизмом. Нелишне отметить, что Кратком курсе истории ВКП(б), впервые изданном в 1938 г., в главе, посвящённой индустриализации, о военно-промышленном комплексе написано следующее: «Необходимо было построить заново целый ряд отраслей индустрии, которых не было в царской России, - построить новые машиностроительные, станкостроительные, автомобильные, химические,

---

⁶ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки» Доклад на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 7 января 1933 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 13. М.: Госполитиздат. 1951. С 180.

⁷ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки». Доклад на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 7 января 1933 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 13. М.: Госполитиздат. 1951. С 183.

металлургические заводы, наладить собственное производство двигателей и оборудования для электростанций, увеличить добычу металла и угля, ибо этого требовало дело победы социализма в СССР. Необходимо было построить новую оборонную промышленность, построить новые артиллерийские, снарядные, авиационные, танковые, пулемётные заводы, ибо этого требовали интересы обороны СССР в обстановке капиталистического окружения»⁸.

О том, что вопросы индустриализации и коллективизации тесно связаны с проблемами обеспечения обороноспособности страны, свидетельствуют и мысли И.В. Сталина, изложенные в речи на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. Отвечая на вопросы некоторых делегатов о возможности замедления темпов ради снижения социального напряжения, лидер государства и партии отвечает: «Задержать движение – значит отстать, А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. История старой России состояла, между прочим, в том, что её непрерывно били за отсталость. Били все за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Мы отстали от передовых стран на 50 – 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Мы либо сделаем это, либо нас сомнут»⁹.

Эти воистину пророческие слова были произнесены без малого за 10 лет до начала Великой Отечественной войны!

Темы «отсталости» И.В. Сталин касается и в выводах статьи «Год великого перелома», которая была написана к XII годовщине Октябрьской революции и опубликована в газете «Правда» 7 ноября 1929 года, в которой отмечается: «Мы идём на всех парах по пути индустриализации – к социализму, оставляя позади нашу вековую «русскую» отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, - пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся

---

⁸ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс.

Под редакцией комиссии ЦК ВКП (б). Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 год // Издательство ЦК ВКП(б). «ПРАВДА». 1938. С. 268.

⁹ Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Речь на первой конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И.В. Соч. Т. 13. М.: Госполитиздат. 1951. С. 38 – 39.

своей «цивилизацией». Мы ещё посмотрим, какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталые, и какие - в передовые»¹⁰.

Выступая с Политическим отчётом ЦК XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г., И.В. Сталин, характеризуя 2,5 года, прошедшие со времени XV съезда, говорит о серьёзнейших изменениях в жизни народов и государств. Кратко определяя прошедший период, он называет его периодом переломным не только для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. Он указывает на коренную разницу между двумя переломами: в СССР – это поворот в сторону нового экономического подъёма; для капиталистических стран - поворот к экономическому упадку. Буквально он говорит следующее: «У нас, в СССР *растущий* подъем социалистического строительства и в промышленности, и в сельском хозяйстве. У них – *растущий кризис* экономики и в промышленности, и в сельском хозяйстве»¹¹. Кратко излагая перед делегатами съезда сущность генеральной линии партии в руководстве социалистическим строительством, лидер партии говорит о том, что «основная установка в данный момент состоит в переходе от наступления социализма на отдельных участках хозяйственного фронта к наступлению по всему фронту и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XIV съезд партии был, по преимуществу, съездом *индустриализации*. XV съезд партии был, по преимуществу, съездом *коллективизации*. Это была подготовка к общему наступлению. Период перед XVI съездом является периодом *общего* наступления социализма *по всему фронту*, периодом усиленного строительства социализма и в области промышленности, и в области сельского хозяйства. XVI съезд партии есть съезд *развёрнутого* наступления социализма *по всему фронту*»¹².

Нам представляется, что в последней цитате важно обратить внимание на слова «по преимуществу», повторенные дважды. Они свидетельствуют о том, что коллективизация и индустриализация были не последовательными процессами во времени, а одновременными. Только в первом случае преимущественное внимание и ресурсы были направлены на индустриализацию, а во втором – на коллективизацию.

В январе 1934 года собрался XVI съезд ВКП(б), который подвел итог работе партии за истекший период, отметил решающие успехи социализма

¹⁰ Год великого перелома. К XII годовщине Октября // Сталин И. В. Соч. Т.12. М.: Госполитиздат. 1951. С. 135.

¹¹ Сталин И.В. Политический отчёт ЦК XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. Сталин И.В. Соч. Т.12. М.: Госполитиздат. 1951. С. 235.

¹² Сталин И.В. Политический отчёт ЦК XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. Сталин И.В. Соч. Т.12. М.: Госполитиздат. 1951. С. 342.

во всех отраслях хозяйства и культуры и установил, что генеральная линия партии победила по всей линии.

В отчётном докладе И.В. Сталин отметил те коренные преобразования, которые произошли за отчётный период: «С точки зрения внутреннего положения СССР отчётный период представляет картину всё более развёртывающегося подъёма как в области народного хозяйства, так и в области культуры. Подъём этот был не только простым количественным накоплением сил. Подъём этот замечателен тем, что он внёс принципиальные изменения в структуру СССР и коренным образом изменил лицо страны. СССР за этот период преобразился в корне, сбросив с себя обличье отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства он стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства. Из страны тёмной, неграмотной и некультурной он стал страной грамотной и культурной, покрытой громадной сетью высших, средних и низших школ, действующих на языках наций СССР»¹³.

Окончание анализа темы неизбежно приводит к некоторым историческим выводам. В своей книге «Искушение глобализмом» (М., 2002) А.С. Панарин условно выделяет в более чем тысячелетней истории России шесть этапов формирования её идентичности: I. Монголо-татарское нашествие. II. Петровские преобразования. III. Отечественная война 1812 г. IV. Создание СССР. V. Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. VI. Распад СССР.

В новейшее время связь времён в нашей стране прервалась в смуте революций начала XX века. Старые ценности были отвергнуты и, как следствие, утеряна прежняя идентичность. Под руководством партии большевиков стала формироваться новая идентичность. Надо полагать, что, как убеждённый марксист, И.В. Сталин, управляя грандиозными преобразованиями в стране, руководствовался мыслью К. Маркса и Ф. Энгельса из «Немецкой идеологии» о том, «что «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства». Новая реальность (обстоятельства): достижения в индустрии и сельском хозяйстве, культуре, победа в Великой Отечественной войне, коренным образом изменившая международное положение СССР в мире, создавала ощущение принадлежности к великому народу.

---

¹³ Цит. по: История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП (б). Одобрено ЦК ВКП (б). 1938 год // Издательство ЦК ВКП(б). «ПРАВДА». 1938. С. 305 - 306.

Однако в конце XX века российскую идентичность ожидали новые тяжёлые потрясения. Идентичность сверхдержавы, сопровождавшая государство до 90-х гг. XX столетия, сменилась неопределённостью, как следствие в одночасье распавшейся великой страны. Сегодня Россия является объектом жестокой конкуренции между ведущими странами мира, которые ведут борьбу за источники сырья. История поставила нашу страну в центр резко усилившихся планетарных противоречий между странами. Для того, чтобы противостоять негативным тенденциям, руководство России должно разработать реальную программу развития страны, опираясь на весь предшествующий исторический опыт. В том числе, и не в последнюю очередь, на опыт успешной индустриализации и коллективизации в годы сталинских пятилеток.

О ФОРМАХ И МЕТОДАХ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАРОДНЫХ МАСС В УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье раскрыты особенности взглядов и убеждений И.В. Сталина на различные формы и методы вовлечения и соучастия советских людей в реализацию актуальных проблем с учётом специфики первоначального периода формирования новой государственности прошедшего столетия, характеризующейся наиболее сложными и динамичными социальными проблемами в различных сферах советского управления, имеющими место и на современном этапе России.

Ключевые слова: формы и методы вовлечения и соучастия в управлении, советские органы власти, социально-управленческие проблемы, сферы советского управления.

Социальная ценность исторического опыта и практики данного периода безусловны, ибо забвение соответствующих социально-управленческих проблем и их недооценка чревата негативной преемственностью последствий, что проявляется в современных процессах, например; в реализации административной реформы и местного самоуправления, формировании гражданского общества. Вовлечение россиян в практику решения злободневных проблем неоспоримо не только для преодоления нигилизма, но и осуществления официально объявленной перестройки в сжатые сроки промышленно-хозяйственного уклада России в условиях экономических санкций.

Обращение к изучению советской системы государственного управления обусловлено тем, что мы сейчас живём в критической ситуации относительно близкой к ситуации начало XX в., имеются ввиду проблемы международных отношений и внутренние проблемы в социальной, правовой и экономической сферах. В связи с этим, считаем целесообразным сосредоточить внимание на соответствующих работах И.В. Сталина, отражающих внедрение различных форм и методов вовлечения и соучастия людей в управление для выхода из серьёзных социально-экономических и политических обстоятельств. Поскольку именно Сталин в исследуемый период занимал особое положение, одновременно являясь государственным деятелем и политиком, так же, как и В.И. Ленин, был теоретиком и одним из лидеров большевистской партии, преимущественно руководил советским государством.

Что же было характерным для руководства страной Сталиным, способствующего сплочению вокруг него людей? Какие формы и методы он применял для вовлечения людей в решение злободневных проблем? Как показывают многочисленные изыскания, он использовал многочисленные приемы, тщательно их продумывая и опираясь в основном на работы В.И.

Ленина. Для обоснования своих положений Сталин применял различные методы: наблюдение, анализ документов и статических данных, публикации СМИ, беседы и встречи с руководителями разного уровня и трудовыми коллективами, дискуссионные собрания коммунистической фракции съезда Советов, обращение к письмам граждан, переписка с учеными и политиками, революционерами и оппонентами по актуальным проблемам своего времени и пр.

Сталин сознательно предпринимал разнообразные действия для того, чтобы официально был объявлен наследником и преемником В.И. Ленина, что способствовало его авторитету и уважению со стороны советского народа. В определённой степени, благодаря этому, Сталин к концу 1920-х гг. и до конца своей жизни обладал всей полнотой партийной и государственной власти. Это признается учёными и исследователями (А.В. Никандров, С.Я. Быкова и др.), доказывающими, что Сталин сохранял догматическую преемственность, осуществляя теоретико-прикладное лавирование.

Содержательный анализ работ Сталина указывает на логичность и простоту излагаемых им выводов и положений, убедительность аргументации, что отличало его выступления и публикации от выступлений теоретиков и революционеров, вступавших в абстрактные дискуссии и растворявших догматику в риторике. Важно и то, что при обсуждении и принятии решений им обращалось внимание даже на второстепенные вопросы и их теоретико-практическое обоснование, что так не хватает многим современным руководителям органов власти различного уровня.

Утверждение Сталина о способности видеть то, что другие не замечают одобрительно воспринималось людьми, представителями партии и даже членами Политбюро. Этим он формировал у своих соратников убеждения, что его власть, как и государственное управление В.И. Ленина, ведет к победе. Благодаря такой стратегии, Сталин был близок и простому народу. Уровень доверия к нему был высоким, что отражалось в таких обращениях как «гениальному вождю, дорогому, любимому другу и отцу - товарищу И.В. Сталину». Большинство людей заявляло, что он живёт жизнью всего трудового народа, отмечая стремление вождя к идентификации с разными социально-профессиональными группами. Наглядным примером служит отношение к Сталину стахановцев. «Сталин говорил очень хорошо. Нам было все понятно. Товарищ Сталин сказал, что руководители партии и правительства не только должны учить рабочих, но и учиться у них: «Мы научились многому у вас, стахановцев»¹. Этот факт свидетельствует об умении вождя решать социально-управленческие проблемы,

---

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4177. Л. 21.

воздействуя на общественное сознание, используя «язык простых людей». При этом, он формировал общественные представления о новых взаимоотношениях власти и передовых рабочих, создавал и обосновывал потребность единства и социально-политической значимости вовлечения работников к участию в управлении.

Само обращение Сталина к советским людям «товарищи», воспринималось и понималось ими с большим воодушевлением. Ибо это отражало новую идеологию взаимоотношений власти и общества: отношения равных, близких по общности взглядов, деятельности и условий жизни. Стратегия партии, - поскольку стратегия предполагает наличие резервов и возможность маневрирования ими, по необходимости, на первоначальном этапе (конец 1900 г. – начало 1905 г.) была узка и не богата², но с каждым годом, отмечал Сталин, обогащалась различными формами работы с людьми. Если в указанный период центром внимания и забот партии была сама партия, её существование, её сохранение, а для этого потребность в привлечении в неё лучших людей рабочего класса, наиболее активных и преданных делу пролетариата, то на втором этапе (от октября 1905 г. до октября 1917 г.) Сталиным описывалась иная цель – завоевание широких рабочих и крестьянских масс на сторону партии, на сторону пролетариата.

Важно отметить, что для каждой социальной группы субъектов предполагались собственные формы соучастия в управлении, отличающиеся человеческими ресурсами, условиями и динамикой процессов. Движение пролетариата должно было иметь и имело такие мощные формы, как всеобщая политическая забастовка и вооружённое восстание. Крестьяне использовали бойкоты помещикам, переходящие в восстание. В организацию рабочего класса внедрялись такие испытанные и важные формы, как профессиональные союзы и Советы рабочих депутатов. Деятельность партии и других религиозных организаций была направлена на внепарламентские, уже легальные и открытые формы³. Тактика действий руководителя страны в целях удержания власти постоянно обогащалась новыми, отсутствующими ранее формами соучастия людей в решении их актуальных задач.

Позднее социальный фронт был направлен на вовлечение советских людей в строительство социалистического хозяйства. Для этого привлекались уже иные кадры - знатоки дела (продовольственники, сельскохозяйственники, железнодорожники, кооператоры, знатоки индустрии, внешней торговли и др.). Руководителями страны использовались такие формы как отбор, учёт и распределение специалистов, включая руководителей

² Сталин И.В. Т.5. 1921-1923 гг. М. 1952. С.101.

³ Там же. С.102-104.

предприятий и пр. Сосредоточивая коммунистов по предприятиям, руководствовались не только чисто партийными, но и деловыми соображениями. Первый опыт учёта промышленного состава (1300 директоров, возглавлявших каждое второе предприятие) показал, что годных директоров среди коммунистов было больше, чем среди беспартийных. Крупными предприятиями (более 300 тыс. работников) руководили партийные, а мелкими (не более 250 тыс. работающих) – беспартийные. Огульные мобилизации старого типа (дифференциация по разным отраслям хозяйства и случайное перебрасывание работников с учётом потребностей организаций) уже не годились, поэтому выработывалась новая кадровая политика не только на уровне отраслей промышленности, но и партийных организаций. Если нет нового поколения будущих руководителей, доказывал Сталин, тесно связанных с работой на местах, то даже высококвалифицированные работники закостеневают и могут оторваться от коллектива. Следовательно, происходил не просто учёт управленцев, но и результативный анализ их деятельности, указывающий на поиск наиболее эффективных форм соучастия советских людей в управлении государственными предприятиями. При этом критика звучала не только в адрес низового уровня, но и высшего уровня власти (Центрального Комитета), что вызывало чувство справедливости и объединяло советских людей в решении их актуальных проблем.

Учитывая, что взятие власти пролетариатом, подчёркивал Сталин, произошло в своеобразных условиях, враждебными ей, капиталистическими странами, то он вынужден был, как и руководители современной России, искать формы и способы хозяйственного кооперирования с капиталистическими государствами Запада. Для этой цели он использовал такие средства как концессионная форма отношений и внешняя торговля. Процесс этот будет долгим и болезненным, но он неизбежен и неотвратим, утверждал Сталин. И эти его выводы подтвердились исторической практикой советского управления страной. Руководителям советских органов власти приходилось искать окольные пути кооперирования с капиталистическими странами по решению хозяйственных вопросов (что наблюдается и сегодня в России).

«Ни одна власть в мире не допускала такого широкого децентрализма, ни одно правительство в мире не предоставляло народам такой полноты национальной свободы, как советская власть в России»⁴, – утверждал Сталин. В частности, «право выборов предоставлялось организованным в

---

⁴ Сталин И.В. Т.4. 1917-1920 гг. М. 1947. С.161.

Советы трудовым массам»⁵ (трудовым коллективам), что указывает на организацию и формирование представительных кадров законодательных органов власти через предприятия. Это обеспечивало массовое участие населения в выборных кампаниях. Нужно решать вопросы открыто и социалистически, подчёркивал Сталин, нужно поставить их на советские рельсы, подчинив их целиком и окончательно интересам организованных в Советы трудовых масс.

Наши успехи объясняются, заявлял Сталин, прежде всего, сознательностью и дисциплиной. Что касается способов их укрепления и методов вовлечения рабочих масс в управленческие вопросы, то он настаивал на двух методах: метод принуждения (военный) и метод убеждения (профсоюзный метод). Первый метод не исключает элементов убеждения, но они подчинены первому методу и рассматриваются как его подсобное средство. Аналогично, предлагал он, учитывать специфику действия элементов и при использовании второго метода. Хотя смешивать эти два метода было, на его взгляд, непозволительно, т.е. определенная противоречивость позиции была налицо. Важно, при этом, что, разъясняя применение методов, Сталин рекомендовал, их в отношении разных социальных групп. Те, которые будут бороться за социализм (рабочий класс), к ним можно использовать метод убеждения, которые против (крестьяне) – метод принуждения. Метод принуждения – военный способ воздействия: система комиссаров с политотделами, ревтрибуналы, дисциплинарные взыскания, сплошное назначение на должности и пр. Метод убеждения – демократический способ воздействия: разъяснение, массовая пропаганда, развитие инициативы и самостоятельности, самоуправления, самоконтроль, выборность и пр. Следовательно, им предлагался демократизм сознательный и «демократизм» вынужденный. Первый предполагал осознания необходимости и полезности, поэтому, Сталин считал, его методом пролетарской демократии внутри производственных профсоюзов.

Хочется подчеркнуть, что Сталин высоко оценивал прочное доверие народа, например, рабочего класса. Только через рабочий класс и силами рабочего класса, утверждал он, можно руководить такой многомиллионной страной как Россия. Одним словом, Сталин высоко оценивал опосредованные формы соучастия граждан в управлении.

Чтобы сохранять и укреплять доверие большинства народных масс, нужно систематически вовлекать их в строительство коммунистического хозяйства: развивать сознательность, самостоятельность, инициативу, вос-

---

⁵ Там же. С.160.

питывать и организовывать с учётом политики. Методы принуждения раскалывают общество, порождая недоверие к власти, полагал он. Хотя практика его руководства отражает и не соблюдение этого принципиального важного положения.

Рассматривая социально-управленческие проблемы первых лет советской власти, нельзя не остановиться и на социально-политических процессах, происходивших на границе с Украиной в мае 1918 г. Именно Сталин возглавлял тогда советскую мирную делегацию, перед которой стояла задача о перемирии на фронте. Заключением перемирия и установления демаркационной линии определялась первая стадия ведения переговоров. Однако, как и в современных условиях спецоперации, так и сто четырнадцать лет назад дальнейшая задача – осложнялась тем, что делегацию от Центральной рады Украины пришлось ждать долго из-за государственного переворота на Украине. Его причины чётко были раскрыты и обоснованы Сталиным. Он считал, что переворот был неизбежен, так как Центральная Рада занимала противоречивую позицию: с одной стороны, играла в социализм (в настоящее время - в автономию), с другой – призвала иноземные войска для борьбы с рабочими и крестьянами Украины (что в современных условиях снова повторилось). Центральная рада поставила себя в финансовую и военную зависимость тогда от Германии, в настоящее время – в полную зависимость от внешних сил Запада. И как следствие, единственной целью существования сегодняшней Украины является полное удовлетворение геополитических интересов внешних кураторов⁶.

Следовательно, социальная история украинского государства подтвердила правильность соответствующих выводов Сталина. Украинские власти уже тогда шли на поводу у западных кураторов, давая кучи благостных обещаний своему народу. Рада, предпочитая половинчатую позицию⁷, уже обрекала себя на смерть более сотни лет назад, и аналогичные процессы мы наблюдаем снова. Отсюда, можно сделать заключение об объективности анализа международной ситуации, о государственном мышлении Сталина в области обоснованности автономии и независимости страны Советов, широкой пропаганде соответствующих идей на представительных мероприятиях различного уровня. Реализацией разного уровня прямых и опосредованных форм соучастия населения в управлении, как сознательной пролетарской демократии, стал процесс формиро-

---

⁶ Егорченков Д. Политолог: Украина попала под полную зависимость от внешних сил // Газета.ru. 24 августа 2022.

⁷ Сталин И.В. Т.4. 1917-1920 гг. М. 1947. С.84.

вания и развития советской модели участия людей в управлении. Следствием отмеченного стал и переход от личных интересов к суждениям, исходящим из интересов общего блага, что так недостаёт современному российскому обществу.

«Нечего доказывать, - отмечал в своё время Сталин, - что силы Советской России растут, - об этом достаточно говорят её успехи»⁸, с этим трудно не согласиться. Многие стратегические важные государственные решения того времени не имеют аналогов, например; крупномасштабное перемещение людей и предприятий в начальный период второй мировой войны. Согласно сводкам Народного комиссариата путей сообщения, только в июле-ноябре 1941 г. на восток эвакуировались 2593 предприятия, из них 1 350 предприятий — в первые три месяца. В их числе было 1523 крупных завода⁹. Безусловно, поэтому, несмотря на неоднозначное отношение к Сталину, современное общество должно знать и использовать пропагандируемый им положительный опыт и практику вовлечения людей в управление страной.

---

⁸ Там же. С.146.

⁹ Эвакуация в СССР во время Великой Отечественной войны. Сайт Министерства обороны Российской Федерации. Ресурс доступа: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=12770@morfDictionary>

«ДЕЛО М.М. ЛАШЕВИЧА» – ПРОЛОГ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Аннотация. В настоящей статье, основанной на опубликованных материалах и документах Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального государственного архива города Москвы, анализируется так называемое «Дело Лашевича» – свидетельство перехода зиновьевцев (Новой оппозиции) к нелегальным формам работы. Во многом данное дело предопределило бескомпромиссную позицию в тридцатые годы лидера партийно-государственного механизма СССР И.В. Сталина к товарищам по «коллективному руководству» РКП(б)–ВКП(б) двадцатых годов.

После поражения Новой (Ленинградской) оппозиции на XIV съезде РКП(б)–ВКП(б) 1925 г., в январе 1926 г., Центральная Контрольная комиссия ВКП(б) предприняла попытку связать Г.Е. Зиновьева с нелегальной группой коминтерновских оппозиционеров. От французской коммунистки, работавшей в Исполкоме Коминтерна, некоей Гертруды Геслер, был получен донос о том, что ее попытались вовлечь во фракционную деятельность сотрудники аппарата Коминтерна Г.Я. Гуральский и В. Вуйович, якобы действовавшие от имени Г.Е. Зиновьева. Однако сразу после своего доноса в ЦКК Геслер уехала из Советского Союза и более в государство Советов не возвращалась. Тем самым лишив ЦКК возможности ее дальнейшего использования во славу товарища Сталина и его команды¹.

6 июня 1926 г. старый большевик, сотрудник Агитационно-пропагандистского отдела Исполкома Коминтерна Григорий Яковлевич Беленький собрал фракционное совещание в подмосковном лесу, о котором, конечно, один из совещающихся верноподданнически уведомил Центральную Контрольную комиссию ВКП(б). На совещании выступил член ЦК ВКП(б) Михаил Михайлович Лашевич. Когда ЦКК за это настаивала на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в июле 1926 г. на серьезных оргвыводах, М.М. Лашевич направил членам и кандидатам ЦК и ЦКК заявление, в котором прямо указал: «Десятки и сотни старейших, испытаннейших членов нашей партии отстранены от партийной работы. Такая же участь ожидает многих других. Люди, которые десятилетиями вместе с Ильичом выращивали партию, остаются не у дел. Вместо необходимого нам всем единства нас загоняют в лес»².

---

¹ Жуков Ю.Н. Отвергнутый вождь мировой революции. М. 2021.С. 364.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 324. Оп. 1. Д. 97. Л. 108.

Фактически Лашевич использовал опыт «лесного брата», накопленный в начале XX века, когда Михаил Михайлович героически боролся с «проклятым царизмом». Сталин, как известно, внимательно читал документы своих оппонентов. Стенограмма «нагорной проповеди Лашевича в лесу»³ (выражение Сергея Мироновича Кирова), не могла не произвести на него большого впечатления. Производит она впечатление и на благодарных историков сейчас.

Во-первых, самый факт собрания свидетельствовал о том, что Новая оппозиция перешла на нелегальное положение и начала подпольную борьбу против большинства ЦК ВКП(б).

Во-вторых, в число преданных им, по убеждению лидеров Новой оппозиции, лиц, а ведь на собрании было отнюдь не много народу, входили шпионы Сталина и/или его ОГПУ. (Ю.Н. Жуков считает, что это был осведомитель ОГПУ Васильев⁴.)

В-третьих, упоминание «леса» наводит на мысль о некоем «национальном подтексте» в деятельности Объединённой (троцкистов и зиновьевцев) оппозиции. Сталин вполне мог углядеть в словах Лашевича национал-коммунистическую ересь, под которой в историографии понимается «попытка соединения коммунизма и национализма нерусскими меньшинствами»⁵.

Не исключено, что, читая текст выступления Лашевича, Сталин впервые всерьёз задумался о возможности соединения деятелей Новой в частности и Объединённой в целом оппозиции со шпионажем и националистическим движением в СССР.

«Лесное собрание» состоялось в условиях бюрократизации партийного аппарата, угрозы крестьянского перерождения партии и соглашательской линии Коминтерна: «Троцкий для партии во много раз дороже тех, кто замазывает или не видит кулацкую опасность, и наше с ним сближение для партии во много раз полезнее, чем сближение Томского с нынешним Перселем, предавшим английскую забастовку (то есть сближение Томского с британскими оппортунистами. – С.В.). Те, кто искренне беспокоятся о единстве партии, должны понять, что управлять такой страной, как наша, при тех трудностях, какие мы имеем, можно только монолитной компактной массой членов нашей партии. А этой монолитности мы не видим [...]. Я – старый партиец-ленинец, 25 лет проработавший в партии, начавший свою работу на массовках в лесу – я через 25 лет после этого начала

³ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчёт. Ч. 1. М. 1961. С. 265.

⁴ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 364, 365.

⁵ Вдовин А.И. Русская нация в XX веке. М., 2021. С. 109.

принуждён возвращаться в тот же лес. Этот ли партийный режим способствует партийному единству?»⁶ Повод для иронии у генсека появился железный: в 1923 г. Зиновьев собирал фракционные заседания в кисловодской пещере, в 1926 г. его ближайший сподвижник – в подмосковном лесу. Зиновьевцы прошли эволюцию от «пещеры» к «лесу», что запросто можно было объявить естественным витком эволюции оппозиции.

Позднее, 27 октября 1927 г., на заседании расширенного пленума Сокольнического РК ВКП(б) г. Москвы (проходил совместно с активом района) будущий деятель Правой оппозиции, а пока что пламенный борец за «генеральную линию» партии А.С. Бубнов имел определенные основания заявить: «Этот круг начался с того, что т. Зиновьев – член Политбюро нашей партии – выступил на XIV партсъезде в качестве содокладчика по докладу Политбюро, по докладу ЦК. Тов. Троцкий тогда сидел на трибуне, набрав в рот воды. На XIV партсъезде в кулуарах смеялись, что Троцкий на этом съезде сказал одно слово, это – “правильно”. [...] Но на первом же Пленуме после XIV партсъезда мы стали обнаруживать, что и у т. Троцкого язык стал понемножку развязываться и он начал развязываться таким образом, что во всех вопросах, по которым т. Зиновьев выступал против ЦК и против ленинизма, в организационных вопросах, т. Троцкий поддерживал Зиновьева. Это было, так сказать, первое randevу двух лидеров, которые в течение очень долгого времени не могли равнодушно смотреть друг на друга. Дальше мы имели Апрельский Пленум, который нам показал, что все (и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев) занялись критикой деятельности ЦК и его позиции по экономическим вопросам. Люди, дравшиеся на протяжении многих десятилетий, начали нащупывать почву для того, чтобы совместно ударить против партии. Затем появились “лесные братья” во главе с Лашевичем, и здесь уже стало ясно, что события нарастают, что randevу лидеров сменилось блоком вождей, а блок вождей стал превращаться в организацию новой нелегальной партии...»⁷

15 июня 1926 г. И.В. Сталин написал В.М. Молотову и Н.И. Бухарину: «Ежели Лашевич устраивает нелегальные собрания, Гриша Зиновьев устраивает побег Р[ут] Фишер в Германию, а Сокольникова посылают во Францию на съезд, – то это значит, что они вместе с Троцким задумали взорвать партию через ИККИ. Я не очень верю в возможность взрыва, но большая тряска вполне возможна. А из этого следует, что мы идем, мы должны идти, если хотим уберечь партию от неожиданностей, к

⁶ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 97. Л. 108.

⁷ Центральный государственный архив города Москвы. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 410. Л. 24.

необходимости новой перегруппировки людей из оппозиции. Насчёт мер против Лашевича вы правы. Хорошо бы насчёт Зиновьева тоже подготовить вопрос так или иначе. Лучшим средством считаю – дать Пленуму отчёт Политбюро по вопросам особой папки и здесь, при обсуждении в Пленуме, упомянуть обо всех драчках в ПБ, с тем, чтобы Пленум сказал своё слово. [...] Ежели Троцкий говорит Бухарину, что он надеется скоро иметь большинство в партии, то это значит, что он думает поугагать и шантажировать Бухарина. Как мало знает и как невысоко ценит он Бухарина! А я думаю, что в скором времени партия набьёт морду и Троцкому, и Грише с Каменевым и сделает из них отщепенцев, вроде Шляпникова»⁸.

Фактически Сталин, по-ленински, «позондировал» почву относительно возможности «оргвыводов» в отношении Зиновьева. Молотов и Бухарин со товарищи показали, что они к этому готовы.

17 июня 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обсудило доклад В.М. Молотова по вопросу «О сроке и порядке дня Пленума ЦК». Политбюро назначило созыв Пленума на 10 июля и утвердило «...следующий порядок дня Пленума: 1) о перевыборах Советов; 2) жилищный вопрос; 3) о хлебозаготовках; 4) постановление Президиума ЦКК по делу Лашевича, Беленького и др.»⁹ В повестке дня этого же заседания стояло обсуждение доклада постановления «...Президиума ЦКК по делу Лашевича М.М., Беленького Г.Я., Чернышева И.С., Шапиро Б.Г., Васильевой М.В., Власова Н.М. и Волгиной К.А.», однако Политбюро решило не торопиться. Оно отложило рассмотрение постановления Президиума ЦКК «...до следующего заседания с тем, чтобы на этом заседании постановление [...] было рассмотрено обязательно»¹⁰.

Следующее заседание Политбюро ЦК ВКП(б) состоялось 24 июня. Заслушав «доклад Президиума ЦКК о деле Лашевича М.М., Беленького и др.» (докладывал Н.М. Янсон), Политбюро постановило вследствие «исключительной важности этого дела с точки зрения единства партии, перенести весь вопрос в целом на обсуждение совместного заседания Пленумов ЦК и ЦКК»¹¹. Вопрос «О Пленуме ЦК» был специально обсуждению на этом же заседании Политбюро. Были приняты следующие решения. Созыв Пленума ЦК переносился с 10 июля на 12-е, поскольку 10-е число пришлось на субботу. Докладчиками по вопросам порядка дня Пленума назначались: В.М. Молотов «О перевыборах Советов», В.В. Шмидт «Жилищный вопрос», Л.Б. Каменев «О хлебозаготовках», В.В. Куйбышев и

⁸ Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. С. 230, 231.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 568. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Там же. Д. 569. Л. 5.

Н.М. Янсон «Постановление Президиума ЦКК по «Делу Лашевича, Бельского и др.» Все докладчики обязывались «...представить в Политбюро тезисы по докладам к 5 июля»¹². Последнее особенно примечательно. В.И. Ленин создавал ЦКК РКП(б) для установления контроля над ЦК РКП(б) и его «узкими составами». На деле сложилась ситуация, при которой постановления Президиума ЦКК РКП(б) подлежали утверждению в «узких составах» ЦК РКП(б) – ВКП(б)¹³.

25 июня Сталин направил послание Молотову, Рыкову, Бухарину «и другим друзьям»¹⁴.

«Я долго думал над вопросом о “Деле Лашевича”, колебался, связывал его с вопросом об оппозиционных группах вообще, несколько раз приходил к различным мнениям и, наконец, утвердился в следующем.

1) до появления группы Зиновьева оппозиционные течения (Троцкий, Рабочая оппозиция и др.) вели себя более или менее лояльно, более или менее терпимо;

2) с появлением группы Зиновьева оппозиционные течения стали наглеть, ломать рамки лояльности;

3) группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии;

4) такая роль выпала на долю группы Зиновьева потому, что: а) она лучше знакома с нашими приёмами, чем любая другая группа, б) она вообще сильнее других групп, ибо имеет в своих руках ИККИ (Председатель ИККИ), представляющий серьёзную силу, в) она ведёт себя, ввиду этого, наглее всякой другой группы, давая образцы “смелости” и “решительности” другим течениям;

5) поэтому группа Зиновьева является сейчас наиболее вредной, и удар должен быть нанесён на Пленуме именно этой группе;

6) не только Лашевича нужно вывести из ЦК, но и Зиновьева нужно вывести из Политбюро с предупреждением вывода его из ЦК, если не будет прекращена его работа по подготовке раскола;

7) либо мы этот удар сделаем сейчас, в расчете, что Троцкий и другие станут опять лояльными, либо мы рискуем превратить ЦК и его органы в неработоспособные учреждения, а в ближайшем будущем схлопочем себе большую бузу в партии во вред делу и единству;

---

¹² Там же. Л. 8.

¹³ См. подр.: Войтиков С.С. Центральный комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва. М. 2019.

¹⁴ Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. С. 232.

8) возможно, что после этого Зиновьев подаст в отставку по ИККИ. Мы ее должны принять. Во всяком случае, после вывода из Политбюро Зиновьев не может быть уже предом, – это поймут все секции и сделают сами необходимый вывод. Мы перейдем тогда от системы преда к системе секретариата в ИККИ. Это будет разоружение группы Зиновьева и ликвидация зиновьевской линии на наглость в деле подготовки раскола [...];

9) Уверяю вас, что в партии и в стране пройдет это дело без малейших осложнений: Зиновьева не пожалеют, ибо знают его хорошо;

10) Раньше я думал, что понадобится широкая резолюция об единстве на Пленуме. Теперь же я думаю, что такую резолюцию лучше будет отложить для конференции (с принципиальным обоснованием и т.п.) или для съезда. На Пленуме можно и нужно ограничиться короткой резолюцией об единстве в тесном смысле слова в связи с делом Лашевича, сославшись на ленинскую резолюцию об единстве на X съезде. В этой резолюции надо сказать, что Зиновьев выводится из Политбюро не из-за разногласий с ЦК – не менее глубокие разногласия имеются-де с Троцким, однако вопрос о выводе Троцкого из ПБ не стоит, – а из-за его (Зиновьева) политики *раскола*. Я думаю, что так будет лучше, т.к. рабочие это поймут, ибо они ценят единство партии, а для других оппозиционных групп это будет серьезным предостережением. Вместо Зиновьева можно ввести в ПБ Дзержинского. Партия воспримет это хорошо. Или можно будет довести число членов ПБ до 10-ти, введя туда и Дзержинского, и Рудзутака. Я уже не говорю о том, что при широкой резолюции Пленума (прежний план) пришлось бы официально объединить Зиновьева и Троцкого в один лагерь, что, может быть, преждевременно и стратегически нерационально сейчас. Лучше бить их по частям. Пусть Троцкий и Пятаков защищают Зиновьева, а мы слушаем. Во всяком случае так будет лучше на данной стадии. А потом видно будет. [...]

Не знаю, как вы, а я думаю, что делом Лашевича зиновьевцы зарезали себя, особенно, если это дело связать с делом Гуральского. А связать его надо¹⁵. Вообще-то это было предложение классической амальгамы.

20 июля, в самый последний день перед Пленумом ЦК, Президиум «независимой» от партийного руководства Центральной Контрольной комиссии ВКП(б) сумел фактически превратить «Дело Лашевича» в «Дело Зиновьева». Позднее, в «Дополнительном заявлении» Пленуму, Зиновьев и Троцкий со товарищи справедливо предположили, что вопрос о трансформации «Дела Лашевича» в «Дело Зиновьева» решался не Президиумом ЦК ВКП(б), а сталинско-бухаринской группой в ЦК партии – «в той

¹⁵ Там же. С. 232–234.

фракционной группе, руководителем которой является т. Сталин... Если до самого недавнего времени намечалось нанести первый удар т. Троцкому, отложив вопрос о Зиновьеве до следующего этапа, [...] то "дело Лашевича" [...] и других, ввиду их близости с т. Зиновьевым, побудило руководящую группу изменить очередь и наметить нанесение ближайшего удара по т. Зиновьеву. [...] Выдвинутое в последний момент предложение удалить т. Зиновьева из Политбюро продиктовано центральной (в данном случае – руководящей. – *С.В.*) сталинской группой как этап на пути замены старого ленинского руководства партией новым, сталинским»¹⁶.

Впоследствии сталинские руководители ЦКК ВКП(б), обобщая обвинения в адрес Объединенной оппозиции, заявляли: «Летом 1926 г. в своих непрерывных нападениях на партию оппозиция дошла до оформления своей фракционной организации, до превращения своей фракционной организации в нелегальную организацию, до нелегальных массовок (видимо, маевок. – *С.В.*), собираемых в лесу (дело Лашевича и др.)»¹⁷.

С докладом о «Деле Лашевича» на Пленуме ЦК ВКП(б) выступил Председатель ЦКК ВКП(б) В.В. Куйбышев, последним в прениях по этому докладу выступил И.В. Сталин, причём его выступление фактически подменило собой заключительное слово В.В. Куйбышева. Сталин рассказал, что во времена борьбы большинства ЦК с Лево́й оппозицией он «держался умеренной линии в отношении Троцкого»¹⁸, настаивал и настоял (вопреки Зиновьеву) на оставлении Троцкого в составе Политбюро, «принял все возможные меры, чтобы умерить пыл тт. Зиновьева и Каменева, требовавших исключения т. Троцкого из Политбюро»¹⁹. Напомнив об умеренности своей позиции (а вообще-то о своём «центризме»), «гениальный дозировщик» перешёл к главному: «Не из-за этих политических разногласий (имелся в виду раскол в ЦК. – *С.В.*) ставим мы вопрос о выводе Лашевича из ЦК, а Зиновьева – из Политбюро. [...] Разногласий у ЦК партии с Троцким гораздо больше, чем с тт. Каменевым и Зиновьевым (! – *С.В.*). [...] Однако мы не ставим вопроса о выводе т. Троцкого из Политбюро. Стало быть, дело тут не в

---

¹⁶ Цит. по: Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 364.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 103. Л. 55. Постановление Президиума ЦКК ВКП(б) от 24 июня 1927 г. по поводу нарушения партийной дисциплины тт. Зиновьевым и Троцким.

¹⁸ Цит. по: Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 368.

¹⁹ Там же. С. 369.

политических разногласиях. [...] Новая оппозиция перешла через тот организационно-партийный барьер, который партия не может перешагнуть, не создавая опасность раскола»²⁰.

Генсек пояснил: «Одно дело – разногласия с ЦК. Одно дело – вести борьбу с ЦК на съезде. Совершенно другое дело – переход от открытой и партийно-законной защиты своих взглядов к постройке нелегальной партии..., имеющей свои группы во Владивостоке, в Питере, в Москве, в Одессе, в Нижнем, в Харькове, в Брянске»²¹. Ю.Н. Жуков, приведя эту цитату, сразу же напомнил о том, что несколькими минутами ранее Сталин заявил, что у Новой оппозиции «нет сейчас ни одной местной организации»²². К несчастью для Зиновьева и Троцкого, Ю.Н. Жуков не мог сделать данное замечание в 1926 г. на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).

Зиновьевцам вставили в строку привлечение к их нелегальной работе «осужденных партией группировок»²³. Привели несколько примеров. Наиболее показательны, на наш взгляд, два. Первый – напечатание директором одного из столичных заводов Михайловым, ранее входившим в «Рабочую группу РКП(б)», «для широкого распространения секретных партийных документов с помощью беспартийных машинисток» и устройство им же нелегальных собраний. Второй – антисоветская агитация среди специалистов бывшего сторонника Рабочей оппозиции Шугаева²⁴.

Г.Е. Зиновьев, которого постоянно перебивали, которого перебивал своим «звонком»²⁵ председатель, призвал дать поручение Центральному Комитету ВКП(б) «привлечь к работе все силы всех бывших групп в нашей партии и дать им возможность работать под руководством ЦК»²⁶.

ЦК и ЦКК ВКП(б) в своей резолюции «нелегальному фракционному собранию в лесу, близ Москвы, устроенному работником ИККИ т. Гр. Беленьким», уделили «особое внимание». Высший партийный и высший партийно-контрольный орган справедливо признали случившееся «...небывалым в жизни нашей партии раскольническим шагом. Устроенное по

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ За единство партии: Зиновьев о фракциях и группировках: Сб. Харьк. 1926. С. 31.

²⁴ Там же. С. 31.

²⁵ Там же. С. 25.

²⁶ Там же.

всем правилам конспирации (патрули, строгий фракционный подбор приглашенных [который, однако не обеспечил секретности собрания. – С.В.] и т.д., это собрание не только руководилось работником ИККИ, председательствовавшим на нем, но, что является также неслыханным в истории нашей партии, на этом тайком от партии собрании с докладом выступает кандидат в члены ЦК ВКП(б) т. Лашевич, призывая собравшихся организовываться для борьбы с партией, с выбранным ею ЦК»²⁷.

ЦК и ЦКК ВКП(б) признали в своей резолюции, что «...кандидат в члены ЦК т. Лашевич, приняв активное участие в создании фракционной организации, направленной против единства партии, нарушил и обманул доверие партии, за что заслуживал бы исключения из рядов ВКП(б); принимая, однако, во внимание прежнюю партийную деятельность т. Лашевича, объявить т. Лашевичу строгий выговор с предупреждением [о том], что всякой попыткой продолжать фракционную работу он поставит себя вне рядов ВКП(б). На основании внесённого В.И. Лениным и принятого X съездом ВКП(б) особого постановления, исключить т. Лашевича из состава ЦК ВКП(б) и снять с поста зампреда Реввоенсовета [СССР], запретив ему в течение двух лет вести ответственную партийную работу»²⁸. Был сделан вполне логичный в данных условиях вывод: «Все эти дезорганизаторские шаги оппозиции свидетельствуют уже о том, что оппозиция решила перейти от легального отстаивания своих взглядов к созданию всесоюзной нелегальной организации, противопоставляющей себя партии и подготовляющей, таким образом, раскол ее рядов»²⁹.

Отметим, что И.Т. Смилга, Х.Г. Раковский, Т. Шкловский, И.И. Кучменко и В.В. Осинский предложили Пленуму ЦК ВКП(б) свой проект резолюции по делу М.М. Лашевича, в котором напомнили, что покойный В.И. Ленин, с одной стороны, навязал Десятому съезду РКП(б) 1921 г. резолюцию «О единстве партии», но с другой – своей рукой написал проект резолюции Девятой конференции РКП(б) 1920 г. по очередным вопросам партстроительства, в которой подчеркнул: «Указать на недопустимость того, чтобы при мобилизации товарищей партийные органы или отдельные товарищи руководствовались какими-либо иными соображениями, кроме деловых. Какие бы то ни было репрессии против товарищей за то,

---

²⁷ Там же. С. 30.

²⁸ Там же. С. 35.

²⁹ Там же. С. 30, 31.

что они являются инакомыслящими по тем или иным вопросам, решенным партией, недопустимы»³⁰.

В данном случае И.Т. Смилга, которого считали «основным теоретиком» Объединённой оппозиции «по части экономических вопросов»³¹ и который на самом деле помимо этого был вдохновителем и фактическим создателем Объединённой оппозиции, и вожди «обанкротившихся» оппозиционных групп уж точно не помогли, а скорее навредили своими предложениями Зиновьеву сотоварищи.

В.В. Куйбышев предложил Июльскому Объединённому Пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б) вывести из Политбюро ЦК Г.Е. Зиновьева – в духе предложения И.В. Сталина своим «друзьям» от 25 июня 1926 г., что и было сделано на Пленуме. «Дело Лашевича» явилось сигналом перехода зиновьевцев к нелегальной работе. Оно стало прологом последующей ожесточённой борьбы в ВКП(б), бескомпромиссного отношения Сталина и его команды к оппозиционерам в тридцатые годы.

---

³⁰ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 97. Л. 93.

³¹ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. Ч. 1. М. 1961. С. 349. Смилга и действительно был крупным хозяйственным того времени. См., напр.: Смилга И.Т. Наше хозяйственное положение: Доклад Московскому активу 28 авг. М. 1925.

СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В ПРАГЕ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1926-1928 гг.)

Аннотация. Основываясь на архивных и опубликованных документах, автор статьи рассматривает неофициальные переговоры полпреда СССР в Чехословакии В.А. Антонова-Овсеенко с югославскими посланниками Л. Нешичем и Б. Лазаревичем в 1926-1928 годах. Во время этих переговоров обсуждались вопросы о признании СССР и установлении официальных межгосударственных отношений. В статье предпринимается попытка выявить причины, препятствовавшие успеху переговоров.

СССР и Югославия не имели дипломатических отношений вплоть до 1940 г., хотя первые попытки установления контактов были предприняты ещё в 1920-е гг.¹ В частности, переговоры между советскими и югославскими дипломатами в Праге велись с осени 1923 г. Сотрудники советского полпредства и посольства Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС) обменивались информацией, неоднократно выражали взаимную заинтересованность в установлении «нормальных» отношений, но дальше этого дело не шло. Советская сторона настаивала на признании СССР де-юре, на что Белград не мог пойти. Несмотря на широко распространённые в Югославии русофильские настроения, ни король Александр Карагеоргиевич, ближайшие родственники которого стали жертвами большевистского террора, ни многие видные политические деятели не намерены были признавать власть большевиков. Положение усугубляли деятельность Коминтерна и открытая поддержка Москвой сепаратистских сил в Югославии, в частности, лидера Хорватской республиканской крестьянской партии С. Радича. Поэтому югославские дипломаты в Праге прежде всего пытались добиться, чтобы Москва признала «интегральность» Королевства

---

¹ См.: Животић А. Покушај успостављања дипломатских односа између Југославије и Совјетског Савеза (1923-1927) // Русија/СССР и државност Србије/Југославије. Россия/СССР и государственность Сербии/Югославии / Отв. ред. С. Рудич, К.В. Никифоров. Београд, 2018. С. 299-322; Vinaver V. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919-1929. Pitanje priznanja SSSR i uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa // Istorija XX veka. Beograd, 1965. VII. S. 93-186.

СХС, заручиться её поддержкой в противостоянии Италии, но при этом сами уклонялись от каких-либо конкретных обязательств².

Только на рубеже 1925-1926 гг. Белград выступил с конкретной инициативой, обратившись к Турции с просьбой о посредничестве в деле урегулирования отношений с СССР³. Королевское правительство предложило немедленно заключить с Москвой договор «почти одинаковый с советско-турецким», который был подписан 17 декабря 1925 г. и предусматривал взаимные обязательства СССР и Турции соблюдать нейтралитет при нападении на одну из сторон и не принимать участия ни в каком союзе или соглашении, направленном против другой стороны⁴. В случае согласия Москвы Югославия и СССР должны были передать министерству иностранных дел Турции «свои заявления о взаимном неучастии во враждебных комбинациях и о сохранении дружественного положения»⁵.

11 января 1926 г. народный комиссар иностранных дел СССР Г.В. Чичерин сообщил турецкому послу в Москве Зекайи-бею, что Советский Союз согласен заключить с Югославией договор, аналогичный советско-турецкому, но «договор должен быть подписан непосредственно представителями обеих сторон». Условием же начала переговоров, которые могли проходить на территории Турции, должно быть возобновление дипломатических отношений между СССР и Югославией «в максимально короткий срок» – в течение двух-трех недель. Кроме того, нарком сообщил послу, что во время переговоров Советский Союз потребует «роспуска и разоружения белогвардейских организаций» поскольку «с таким договором несовместимо присутствие организованной вооружённой враждебной нам армии»

---

² Подробнее см.: *Станков Н.Н.* Королевство сербов, хорватов и словенцев в документах советских представительств в Праге в первой половине 1920-х гг. // *Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960-2018)* / Под общ. ред. А.А. Силкина, Е.П. Серапионовой, Ю.В. Лобачевой, А.Ю. Тимофеева. М.; СПб. 2020. С. 269-290.

³ Подробнее см.: Животић А. Покушај успостављања дипломатских односа између Југославије и Совјетског Савеза (1923-1927). С. 316-317.

⁴ См.: *Документы внешней политики СССР*. М. 1963. Т. 8. С. 739-741. Док. 418.

⁵ *Советско-югославские отношения. 1917-1941 гг. Документы и материалы*. М. 1992. С. 180-181. Док. 140.

на территории Королевства СХС⁶. Однако дело до советско-югославских переговоров в то время так и не дошло.

В конце января 1926 г. в югославской печати появились сообщения о коммунистическом заговоре, нити которого вели в Москву. В связи с этим белградская газета «*Политики гласник*» писала, что вопрос о возобновлении дипломатических отношений с СССР снят с повестки дня на продолжительное время⁷.

Тем не менее, как сообщал 3 апреля 1926 г. советский полпред в ЧСР В.А. Антонов-Овсеенко заместителю наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинову, югославский посланник в Праге Л. Нешич «получил указание из Белграда к сближению с нами; в Белграде – демонстрация за СССР, за “признание”»⁸. Более того, югославские дипломаты предложили организовать встречу Антонова-Овсеенко и Литвинова с одним из наиболее видных сербских политиков, лидером Радикальной партии Н. Пашичем⁹.

Москва отрицательно отнеслась к этой инициативе, о чем 21 июня Чичерин сообщил Антонову-Овсеенко. Нарком считал, что такая встреча лишь послужила бы укреплению «расшатанного положения Пашича»¹⁰.

Советских дипломатов насторожила активность Белграда в отношении Польши и прибалтийских государств. 18 сентября 1926 г. в Женеве был подписан польско-югославский договор о дружбе, который предусматривал проведение консультаций по вопросам внешней политики и благожелательный нейтралитет в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению¹¹. Посланником в Польшу был назначен Нешич, который из Варшавы должен был «работать и над урегулированием отношений с лимитрофами» – с Литвой, Латвией и Эстонией. Такая политика расходилась с прежними заверениями югославских дипломатов,

⁶ Там же. С. 181-182. Док. 141.

⁷ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х годов). М. 2003. Ч. 2. С. 576-577. Док. 283.

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 6. П. 15. Д. 55. Л. 385.

⁹ Там же. Л. 188, 331.

¹⁰ Там же. Д. 57. Л. 25.

¹¹ См.: *Gulić M. Odnosi između Kraljevine SHS/Jugoslavije i Republike Poljske (1919-1939). Pogled iz Beograda // Jugoslovensko-poljski odnosi u XX veku / Urednici M. Pavlovič, A. Začminski, D. Bondžić. Beograd. 2015. S.59-60.*

что Белград не признает лимитрофы, пока не будут установлены дипломатические отношения с СССР¹².

Изменения международной ситуации на Балканах в связи с активизацией Муссолини антиюгославской политики, подписание 27 ноября 1926 г. Италией с Албанией «пакта о дружбе и безопасности» (так называемого 1-го Тиранского пакта)¹³, побудили нового югославского посланника в Праге Б. Лазаревича установить более тесные контакты с советским полпредством. 7 декабря он предложил Антонову-Овсеенко встретиться, поскольку «момент сложился чрезвычайно благоприятный для постановки вопроса о сношениях с СССР». Лазаревич не скрывал причину, которая заставила его искать встречи с советским полпредом: «Италия нас взяла за горло. Она поддерживает против нас все решительно интриги на Балканах, и имеет успех в этой области. [...] Италия работает против [Королевства] СХС в Греции, Болгарии и Румынии». Рим навязал «Албании договор, означающий самый настоящий протекторат Италии над Албанией». По убеждению Лазаревича, есть только два государства, которые могут составить в будущем «опору [Королевству] СХС» – Франция и Россия. «Только с этими государствами возможно подлинно дружественные договоры», – твердил югославский посланник. Он пытался выяснить, будет ли СССР после установления отношений с Югославией проводить на Балканах и в отношении Италии «политику, соответствующую интересам [Королевства] СХС»¹⁴. Со своей стороны, в отношении Советского Союза Лазаревич ничего конкретно не предлагал. Беседа с Антоновым-Овсеенко 22 декабря 1926 г., он говорил лишь о необходимости «найти форму» отношений и особенно настойчиво выдвигал идею тройственного соглашения между СССР, Германией и Францией¹⁵

Во время встречи с Антоновым-Овсеенко 15 января 1927 г. Лазаревич настойчиво расспрашивал его об отношениях СССР с Италией, нет ли у них договора по балканским вопросам. Советский полпред заверил Лазаревича, что до сих пор СССР не обсуждал с Муссолини «никаких балканских вопросов» и ни в коем случае не пойдёт «против интересов балканских народов». Советский Союз готов содействовать взаимному свободному сближению

---

¹² АВП РФ. Ф. 05. Оп. 6. П. 15. Д. 55. Л. 73.

¹³ Подробнее см.: *Магадеев И. Э.* В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021. С. 623-624, 630-631.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 6. П. 15. Д. 56. Л. 69-70.

¹⁵ Там же. Л. 17-18.

балканских народов, но предпочёл бы «разговаривать о балканских делах с самими балканцами [...]». Лазаревич повторил, что он является «полным сторонником “признания”», но «правительство ещё не устоялось, и решения пока невозможны»¹⁶.

В ответных письмах на донесения Антонова-Овсеенко Литвинов отмечал, что в беседе с югославским посланником не нужно было отрицать обсуждения с Муссолини балканских тем. Наоборот, следовало сообщить, что отказ СССР от координации действий с Италией на Балканах является причиной сдержанности Муссолини в вопросе о гарантийном пакте. Указав Лазаревичу, что СССР не намерен действовать против интересов балканских народов, следовало намекнуть, что «при неправильной политике Югославии нам открывается возможность сотрудничества с Италией». «Если внушить Югославии мысль, что наше нынешнее отношение к Балканам остаётся неизменной величиной при всех обстоятельствах, то у нее не будет стимула к изменению своей собственной политики в отношении СССР», – подчёркивал заместитель наркома¹⁷.

В соответствии с инструкциями Литвинова Антонов-Овсеенко во время встречи с активным сторонником сотрудничества с СССР, пресс-атташе югославского посольства С. Ключичем 9 февраля и на следующий день, 10 февраля, с Лазаревичем настраивал собеседников на более энергичное воздействие на Белград – «время не терпит». Полпред намекал на возможное возобновление переговоров СССР с Муссолини о пакте, в ходе которых «неизбежен разговор о Балканах». Он дал понять собеседникам, что Югославия «может потерять благоприятный момент для урегулирования отнош[ений] с нами [...]»¹⁸. В ответ на замечание Лазаревича, что Белграду чрезвычайно сложно сделать первые шаги навстречу СССР, Антонов-Овсеенко подчеркнул, что «в случае уверенности в соответствующем отношении со стороны Югославии» советское правительство первым совершило бы «дружественный жест». Лазаревич откровенно признался, что он не решается на инициативу и в связи с прибытием в Прагу большой делегации Народной скупщины обещал познакомить полпреда с одним из депутатов, видным деятелем Радикальной партии Л. Марковичем¹⁹.

---

¹⁶ Подробнее см.: Там же. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 45-47, 57-58.

¹⁷ Там же. Д. 44. Л. 6-7.

¹⁸ Там же. Д. 42. Л. 126-128.

¹⁹ Там же. Л. 128-129.

Антонов-Овсеенко знал со слов Ключича о крайней осторожности Лазаревича. Поэтому основную ставку в продвижении вопроса о признании полпред делал на приезд в Прагу делегации Народной скупщины, на непосредственный контакт с югославскими депутатами – сторонниками признания СССР. Помимо Л. Марковича Ключич обещал Антонову-Овсеенко познакомить его с видным представителем Демократической партии М. Гролем. Ключич обещал подготовить почву для этих встреч, когда поедет встречать делегацию, а также провести соответствующую работу, когда будет сопровождать делегацию из Праги в Белград²⁰.

Но Антонову-Овсеенко не удалось осуществить свои замыслы. Во-первых, 14 февраля 1927 г. с дипломатической службы был уволен Ключич²¹. Во-вторых, не состоялись встречи полпреда с представителями югославской делегации. Антонов-Овсеенко не был приглашён ни в югославское посольство, ни на приём, устроенный министром иностранных дел ЧСР Э. Бенешем по случаю визита делегации скупщины 16 февраля. От полпредства на приём был приглашен заведующий бюро печати Р.О. Якобсон. Лазаревич познакомил его с Гролем и видным деятелем Радикальной партии, бывшим министром финансов М. Стоядиновичем. Оба говорили о том, что вопрос признания СССР приобрел для Королевства СХС особую актуальность, но никаких конкретных предложений не последовало²².

В начале апреля «вернулся победителем в Прагу» Ключич²³, который, благодаря заступничеству покровителей при королевском дворе, 15 марта 1927 г. был восстановлен на дипломатической службе²⁴. Ключич сообщил Якобсону, что в ближайшее время в Югославии произойдёт смена правительства, министерство иностранных дел возглавит В. Маринкович, что «международная обстановка вызвала сильный сдвиг в югославской общестственности [...] в пользу сближения с СССР», но «страх перед Англией задерживает переговоры». Тем не менее ведутся приготовления к установлению дипломатических отношений. ««Имеется ввиду провести обмен посольствами, по возможности, без шума», – говорил Ключич. – Дипломатическое сотрудничество должно носить глубоко закулисный характер».

---

²⁰ Там же. Л. 126-127.

²¹ Архив Југославије (АЈ). Ф. 334. Оп. 484. Фасц 161. Л. 526, 589.

²² АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 191.

²³ Там же. Д. 43. Л. 11.

²⁴ АЈ. Ф. 334. Оп. 484. Фасц 161. Л. 526, 589

Кроме того, как сообщил Ключич, возник новый серьезный вопрос – «притязания югославских граждан, понёсших значительные убытки в СССР». Многие из них якобы занимали видные влиятельные посты в государственных органах, в том числе и в министерстве иностранных дел, и «с ними придётся считаться»²⁵. Выступая 13 апреля в пражском клубе «Пршитомност» («Přítomnost») в присутствии представителей МИД ЧСР, иностранных миссий и прессы, Ключич заявил, что Югославии и СССР нет необходимости признавать друг друга, поскольку «мы де-юре не прерывали отношений», имея ввиду российско-сербские отношения. «Весь вопрос в обмене посланниками, – подчеркнул Ключич»²⁶.

17 апреля 1927 г. в Королевстве СХС произошла смена правительства, которое возглавил В. Вукичевич, а пост министра иностранных дел занял Маринкович. 26 апреля во время приема в югославском посольстве, устроенного в честь приехавшего в Прагу В.В. Маяковского, Ключич сообщил Антонову-Овсенко о произошедших в Белграде переменах и о «благожелательных нам намерениях Маринковича», обещал познакомить с ним Якобсона во время конференции министров иностранных дел Малой Антанты в Яхимове (13-15 мая 1927 г.). Антонов-Овсенко также надеялся встретиться с Маринковичем²⁷.

Но сообщение из Лондона об обыске 12 мая в советско-британском акционерном обществе АРКОС, как записал Якобсон в своём отчёте о поездке в Яхимов, «произвело на югославскую делегацию, несомненно, сильное впечатление». Лазаревич заявил Якобсону, что свидание с Маринковичем невозможно «по недостатку времени»²⁸.

В последующие месяцы Лазаревич избегал встреч с Антоновым-Овсенко, и после перевода Ключича в Софию в ноябре 1927 г. контакты полпредства с югославским посольством почти прекратились²⁹. Влияние на политику Югославии в отношении СССР оказывали изменения в международных отношениях в Европе, в частности, подписание 11 ноября 1927 г. франко-югославского договора о дружбе и 27 августа 1928 г. пакта Бриана-Келлога. Все это способствовало упрочению внешнеполитических позиций

---

²⁵ См.: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 43. Л. 22-25.

²⁶ Там же. Л. 37.

²⁷ Там же. Л. 50.

²⁸ Там же. Л. 89.

²⁹ АЛ. Ф. 334. Оп. 484. Фасц 161. Л. 526, 580.

Королевства СХС³⁰. Как писал Антонов-Овсеенко Литвинову 12 ноября 1928 г., «Югославия теперь менее заинтересована в “опоре” на нас»³¹.

Развитие югославско-советских отношений затрудняло также решение конференции министров иностранных дел стран Малой Антанты в Бухаресте (20-22 июня 1928 г.), принятое под давлением румынской стороны, что вопрос о признании СССР де-юре необходимо рассматривать в контексте урегулирования бессарабского вопроса. 3 и 24 августа Бенеш пытался вступить от лица всей Малой Антанты в переговоры с Антоновым-Овсеенко об установлении нормальных отношений с СССР, подчёркивая, что препятствием для этого является неразрешённый бессарабский вопрос³².

Югославская дипломатия ориентировалась на результаты этих переговоров. 19 сентября 1928 г. Антонов-Овсеенко писал Литвинову: «Лазаревич прямо заявил, что Бенеш должен повести с нами переговоры от имени всей М[алой] Антанты в целом, о признании де-юре, и что после этих предварительных переговоров Югославия вступит с нами в непосредственный контакт» (*подчёркнуто в документе*)³³.

В Москве крайне настороженно отнеслись к предложениям Малой Антанты. Только 31 октября 1928 г. Литвинов передал Антонову-Овсеенко, который должен был по поручению советского правительства заявить Бенешу, что установление нормальных отношений между СССР, Чехословакией и Югославией имело бы «умиротворяющее значение» для всей Восточной и Юго-Восточной Европы и до «разрешения бессарабского вопроса» и, если Румыния действительно имела желание вступить в переговоры с Советским Союзом для урегулирования всех существовавших между ними проблем, то советское правительство готово вступить в «непосредственные переговоры с представителем румынского правительства и, выслушав его предложения, обсудить возможную базу последующих формальных переговоров». Кроме этого заявления Литвинов рекомендовал Антонову-Овсеенко по существу бессарабского и других спорных вопросов с Румынией никаких разговоров с Бенешем не вести³⁴.

Поэтому, когда 18 ноября 1928 г. Лазаревич, встретившись с Антоновым-Овсеенко, начал расспрашивать его о переговорах с Бенешем относи-

---

³⁰ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 8. П. 38. Д. 37. Л. 310.

³¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 8. П. 38. Д. 37. Л. 352.

³² См.: Там же. Л. 310-312, 327-329.

³³ Там же. Л. 331.

³⁴ Там же. Д. 38. Л. 51.

тельно предложений Малой Антанты, в том числе по бессарабскому вопросу, полпред ответил, что никакие переговоры по существу не велись и не ведутся и подчеркнул, что «судя по смыслу заявлений Бенеша, ЧСР и Югославия связали себя в “русском вопросе” подчинением интересам Румынии». Лазаревич выразил недоумение и уверял полпреда, что речь шла лишь «об общих политических интересах» Малой Антанты и СССР в Центральной Европе и на Балканах. Посланник утверждал, что «в Югославии сейчас сильнейшее движение в пользу “признания”», что «это почти общее настроение», и «Маринкович его разделяет». Следуя инструкциям из Москвы, Антонов-Овсеенко заявил, что «мы всегда готовы и не видели особых затруднений договориться с Югославией, да и ЧСР». А в письме Литвинову, принимая во внимание слова Лазаревича о сильном движении в Югославии в пользу признания СССР, советовал вступить в непосредственный контакт с «солидными представителями» Югославии в других странах, например, в Германии³⁵.

В декабре 1928 г. Антонов-Овсеенко получил новое назначение и покинул Прагу. Несмотря на все усилия, ему так и не удалось повлиять на югославских дипломатов в Праге в вопросе о признании СССР и установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Королевством СХС. Успеху переговоров препятствовали идеологические барьеры, взаимная подозрительность и недоверие Москвы и Белграда. Неоднократные попытки переговоров об установлении отношений прерывались и под влиянием международных обстоятельств. Югославия опасалась, что сближение с СССР создаст проблемы в отношениях с великими державами, с союзниками по Малой Антанте и ослабит ее международные позиции.

***

После прихода к власти в Германии А. Гитлера Бенеш вновь поднял вопрос об отношениях Малой Антанты с Советским Союзом. 9 июня 1934 г. Чехословакия и Румыния установили дипломатические отношения с СССР, но Югославия по настоянию короля Александра отказалась последовать их примеру³⁶. Только в 1940 г. в условиях захватнических действий нацистской Германии в Западной Европе и нависшей угрозы нападения на Югославию со стороны Италии Белград принял решение срочно

---

³⁵ Там же. Д. 37. Л. 363.

³⁶ См.: Советско-югославские отношения. С. 273. Док. 224.

установить официальные отношения с СССР. 24 июня 1940 г. были установлены советско-югославские дипломатические отношения³⁷. Югославское правительство сразу же дало указание своим дипломатическим представительствам за рубежом поддерживать самые тесные контакты с советскими представителями во всех странах, где они были аккредитованы³⁸. В ожидании скорого нападения Югославия была заинтересована в развитии сотрудничества с СССР в различных сферах, в первую очередь, в военной.

---

³⁷ Там же. С. 326-327. Док. 268-269.

³⁸ Животич А. Югославско-советские отношения. 1939-1941 / Пер. с серб. М., 2019. С. 143.

ИТАЛИЯ И СССР В 1939-1941 г.: ПРОВАЛ ПОПЫТКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА

Аннотация. В статье анализируются попытки заключения договора между СССР и Италией в 1939 и 1940 гг. и их провал весной 1941 г. Итало-советские отношения исследуются в контексте итало-германского союза и в более общих рамках развития отношений между странами Оси и СССР до и после подписания пакта Риббентропа-Молотова 1939 г. На основе анализа итальянских, советских и германских дипломатических документов автор приходит к выводу, что провал итало-советских переговоров связан с тем, что после подписания пакта Риббентропа-Молотова Италия под давлением Германии не могла придерживаться собственной независимой дипломатии. Это привело к провалу проводившейся Чиано и Муссолини непоследовательной политики, направленной на обеспечение баланса между Осью и Советским Союзом. Политическое соглашение СССР с Италией могло бы быть аналогичным советско-германскому пакту о ненападении и советско-японскому договору о нейтралитете. То, что переговоры о его подписании закончилась неудачей, сыграло свою роль в дальнейшем развитии событий во Второй мировой войне. Попытки Муссолини после краха фашистского режима в 1943 г. обратиться к идее заключения сепаратного мира с СССР и так выйти из войны потерпели провал. В конце войны демократическим правительствам Италии удалось добиться признания со стороны СССР, восстановить дипломатические отношения.

Попытки достижения итало-советского договора в 1939 и 1940 гг. следует рассматривать в более широких рамках проекта о налаживании тесных отношений между Москвой, Берлином и Римом. Сторонником этой идеи был министр иностранных дел Чиано еще до Мюнхенской конференции (29-30 сентября 1938 г.). Это показывает, что политика «европейского директората» Муссолини могла исключить Советский Союз из дипломатического концерта европейских держав только с теоретической точки зрения.

2 октября 1938 г. Чиано, излагая внешнеполитическую программу своего правительства советскому поверенному в делах Гельфанду, намекнул, что Москва должна подумать о своих отношениях с Берлином и Римом, несмотря на заключение в ноябре 1936 г. Антикоминтернского пакта и враждебное отношение Токио к Москве¹.

В январе 1939 г. Чиано выразил российскому полпреду в Риме Штейну «надежду на возможное улучшение отношений между двумя

---

¹ Год кризиса. 1938-1939: Документы и материалы в 2 т. Т. 1. 29 сентября 1938 г. 31 мая 1939 г. М.: Политиздат. 1990. Док. 14. Р. 43.

странами, по крайней мере, в экономической области»². 7 февраля было подписано Итало-советское торговое соглашение, внесшее поправки в торговый договор от 7 февраля 1924 г. Это соглашение также заложило основу для политических переговоров. На самом деле в марте того года советское и итальянское правительства согласились с тем, что между Италией и СССР существуют общие политические интересы³.

Эти переговоры имели очень важное значение, если учесть попытки Германии заключить антисоветский тройственный пакт (с присоединением Италии и Японии). Муссолини, считая неизбежным столкновение с западными демократиями, теоретически был готов его подписать в конце января⁴. Таким образом, итало-советское сближение создало бы политические предпосылки для сближения Германии и Советского Союза, а также нейтрализации антисоветских тенденций Оси.

Итальянская дипломатия играла активную роль в сближении Москвы и Берлина, хотя итальянская историография в целом мало исследовала этот аспект⁵. Кажется, сам Муссолини в апреле 1939 г. предложил правительству Германии разрядку с СССР. С 14 по 17 апреля маршал Геринг находился с визитом в Риме, где вел переговоры с дуче и Чиано⁶. В ходе переговоров, состоявшихся между Чиано и Риббентропом 6 и 7 мая в Милане, стороны согласились с необходимостью создания атмосферы

² I Documenti Diplomatici Italiani (далее: DDI). Serie VIII (1935-1939). Vol. XI (1° gennaio – 22 maggio 1939). Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato. 2007. Doc. 98. P. 140.

³ Ibid. Doc. 326. P. 392; Doc. 338. P. 407.

⁴ Ibid. Doc. 4. P. 6. См. также Год кризиса. 1938-1939: Док. и материалы в 2 т. Т. 1. 29 сентября 1938 г.-31 мая 1939 г. / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат. 1990. Док. 100. P. 167.

⁵ См. Petracchi G. Da San Pietroburgo a Mosca. La diplomazia italiana in Russia. 1861-1941. Roma: Bonacci.1993. P. 354-355. M. Toscano, L'Italia e gli accordi tedesco-sovietici dell'agosto 1939, Firenze: Sansoni. 1952. 98 с. Об отношении современной итальянской историографии к подписанию пакта Риббентропа-Молотова см.: Il Patto Ribbentrop-Molotov. L'Italia e l'Europa (1939-1941). Atti del convegno (Roma, 31 maggio – 1° giugno 2012). Roma: Aracne Editrice. 2013. 456 с.

⁶ С немецкой стороны были посланы две памятные записки по поводу двух бесед в резиденции Муссолини Палаццо Венеция в Риме. См.: Documents on German Foreign Policy, 1918-1945. Series D (1937-1945). Volume VI. The Last Months of Peace. March-August 1939. London: Her Majesty's Stationery Office. 1956. Doc. 211. P. 259; DDI. VIII. XI. Doc. 564. P. 652.

разрядки в отношениях между СССР и странами Оси, но не поднимали каких-либо дополнительных вопросов⁷.

29 мая Риббентроп зондировал у посла Италии в Берлине Б. Аттолико, не может ли посол Италии в Москве А. Росо обратиться к вице-комиссару по иностранным делам В. Потемкину и, возможно, пользуясь случаем, из общей просьбы об информации о ходе переговоров с Англией дать понять, что итальянцам жаль, что Россия сближается с Англией⁸. 22 июня Чиано поручил Росо добиваться провала «проекта англо-русского союза» в целях содействия возможному сближению Москвы и Берлина⁹. Чиано также старался убедить Гельфанда, что определенный проект договора о германо-советском сближении уже был составлен послом Германии в Москве¹⁰.

Может быть, Советское правительство после заключения 22 мая итало-германского сталинского пакта рассматривало переговоры с Германией и Италией как часть единых переговоров, направленных на улучшение отношений между СССР и странами Оси. Так, в конце июля советское правительство предприняло попытку наладить контакты с итальянским министерством сельского хозяйства. Эти контакты носили бы общий и неофициальный характер, но могли бы и привести к конкретным политическим переговорам в более позднее время. Советская сторона намеревалась обратиться с аналогичной просьбой также к Германии и Японии¹¹. Муссолини не был против советского предложения, но ему нужно было выяснить, как поступает Германия¹². Чиано в те же дни, встревоженный сообщениями печати о подписании англо-франко-советского соглашения, уточнил, что он за заключение итало-советского политического соглашения. По его мнению, оно было бы совместимо даже с англо-франко-советским соглашением¹³.

Итальянская дипломатия постоянно была в курсе хода советско-германских переговоров, но фактически Италия оставалась в стороне. Как

⁷ DDI. VIII. XI. Doc. 666. P. 773.

⁸ DDI. Serie VIII. Vol. XII (23 maggio – 11 agosto 1939). Roma: La Libreria dello Stato, 1952. Doc. 53. P. 44.

⁹ Ibid. Doc. 317. P. 259.

¹⁰ Год кризиса. 1938-1939: Документы и материалы в 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г. - 4 сентября 1939 г. / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1990. Док. 437. С. 61.

¹¹ DDI. VIII. XII. Doc. 685. P. 516-517.

¹² Документы внешней политики СССР (далее: ДВП). Т. XXII. 1939. В 2 кн. Кн. 1. 1 января — 31 августа 1939 г. М.: Междунар. Отношения. 1992. Док. 438. С. 559.

¹³ Там же. Док. 439. С. 560.

свидетельствуют советские и германские дипломатические документы, детали возможного советско-германского соглашения на деле серьезно обсуждались двумя договаривавшимися сторонами только 15 августа¹⁴.

Таким образом, можно сказать, что исключение Италии из прямого участия в переговорах по советско-германскому пакту, названному позднее пактом Риббентропа-Молотова, представляет собой первую неудачу в попытках впоследствии заключить политический договор между Италией и Советским Союзом.

Подписание германо-советского пакта 23 августа 1939 г. и агрессивные действия Германии в Польше в начале сентября нарушили показное совпадение взглядов между Римом и Берлином. В то время как, напротив, было достигнуто взаимопонимание между Берлином и Москвой, а также как между Токио и Москвой. Поэтому Чиано поручил итальянскому послу в Токио Аурити «воспрепятствовать развитию и возможному завершению продолжающихся переговоров по соглашению между Японией и Россией»¹⁵. В то же время Муссолини высказал Чиано мысль о необходимости установить как можно более тесные отношения с СССР¹⁶. Росо тоже работал в этом направлении¹⁷.

Итальянское правительство, вероятно, также пыталось укрепить позиции Италии в Оси, стараясь принизить значение договора Риббентропа-Молотова. Но это было связано с его амбивалентной политикой. Москва, по словам Муссолини, в нужный момент подстегнула Гитлера и одновременно чрезвычайно увеличила его зависимость от СССР¹⁸. Чиано в своей речи от 16 декабря 1939 г. в Палате фаши и корпораций заявил, что целью улучшения советско-германских отношений была «нейтрализация России»¹⁹.

С советской точки зрения, такие заявления скорее игнорировали проблему отношений с Англией и Францией и под завесой своих многословных «исторических» рассуждений итальянцы пытались потопить конкретный ответ на кардинальный вопрос о месте, избранном Римом в

---

¹⁴ СССР — Германия. 1939-1941. Секретные документы / Под ред. Ю. Г. Фельштинского. — М.: Эксмо. 2011. Док. 15. С. 50.

¹⁵ DDI. Serie IX. Vol. II. (25 ottobre - 31 dicembre 1939). Roma: Roma: Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato, 1957. Doc. 161. P. 101.

¹⁶ ДВП. Т. XXII. Кн. 2: 1 сентября — 31 декабря 1939 г. — М.: Междунар. отношения, 1992. Док. 547. С. 32–33.

¹⁷ Там же. Док. 568. С. 62.

¹⁸ Там же. Док. 652 P. 144

¹⁹ Там же. Док. 866. С. 416.

европейском конфликте²⁰. 18 декабря Гельфанд предложил итальянскому правительству ответить на официальное заверение Молотова о том, что СССР будет уважать балканские интересы Италии и взамен надеется на прекращение антибольшевистской кампании в итальянской прессе²¹.

28 декабря 1939 г. Чиано отозвал Россо на родину с распоряжением покинуть Москву без объяснения причин²². Затем он поручил поверенному в делах в Москве Машиа сократить контакты с Советским правительством до необходимого минимума²³.

Италия оказывала военную помощь Финляндии в ходе «зимней войны»²⁴. 11 января 1940 г. Молотов, принимая посла Германии фон Шуленбурга, попросил Германию оказать добрые услуги для восстановления отношений с Италией²⁵. Так и случилось. Однако Муссолини уже в марте полагал, что в качестве основы для переговоров СССР должен был «оставить в покое» Балканы²⁶. Он решил, что Италия вступит в войну вместе с Германией.

В конце мая 1940 г. МИД Германии начал переговоры с Наркоминделом о политическом сближении Рима и Москвы и

²⁰ Там же.

²¹ DDI. IX. II. Doc. 646. P. 495–498.

²² Ibid. Doc. 741. P. 573.

²³ DDI. Serie IX. Vol. III (1° gennaio- 8 aprile 1940). Roma: Istituto Poligrafico dello Stato - La Libreria dello Stato, 1959. Doc. 125. P. 89–90; Doc. 132. P. 100.

²⁴ Имеется в виду вооружённый конфликт между СССР и Финляндией в период с 30 ноября 1939 г. по 12 марта 1940 г. В основе столкновения лежало предложение советского правительства отодвинуть финскую границу от Ленинграда (ныне Санкт-Петербург) с целью укрепления безопасности северо-западных границ СССР. Советское руководство обратилось с просьбой к финской стороне предоставить в аренду часть полуострова Ханко и ряд островов в Финском заливе в обмен на большую по площади территорию в Советской Карелии и последующим заключением договора о взаимопомощи. Финляндия на предложение ответила отказом.

²⁵ DDI. Serie IX. Vol. III (1° gennaio- 8 aprile 1940).. Doc. 85. P. 66. См. также: Mezzetti F. Fascio e martello. Quando Stalin voleva allearsi col Duce. Guido Relli: memorie di un diplomatico dalla Russia zarista allo sfacelo diplomatico. Milano. 1997. P. 56–57.

²⁶ DDI. IX. III. Doc. 524. P. 453.

возвращении послов на свои места²⁷. Перспектива того, что по результатам важных итало-германских торговых переговоров Италия была готова предоставить Германии свои танкеры, находящиеся в Черном море, в обмен на поставку значительных объемов нефти из СССР, должна была способствовать успеху нового раунда итало-советских переговоров²⁸.

9 июня 1940 г. послы Н.В. Горелкин и А. Россо вернулись в свои дипломатические представительства в Риме и Москве. Таким образом, итало-советские переговоры о соглашении возобновились. Муссолини предложил возродить пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете, подписанный в Риме 2 сентября 1933 г.²⁹, и поручил Россо выразить итальянскую точку зрения: главной целью вступления Италии в войну было завоевание для неё свободы действий в Средиземноморье, что совпадало с отсутствием агрессивных намерений по отношению к странам дунайско-балканского региона³⁰. С точки зрения советского правительства, Балканский вопрос мог быть совместно мирным путем разрешен Советским Союзом, Германией и Италией³¹. СССР был готов признать привилегированную роль Италии в Средиземном море в обмен на поддержку сохранения роли Советского Союза как ведущей державы на Черном море³². 28 июня 1940 г. СССР занял Бессарабию, и в тот же день Чиано принял посла Горелкина вместе с Гельфандом. После этого Горелкин пояснил Молотову, что Италия целиком признает права СССР на Бессарабию и не имеет там ни политических, ни экономических интересов³³. Однако итальянское правительство не дало своему послу в Москве адекватных инструкций для продолжения переговоров.

---

²⁷ DDI. Serie IX. Vol. IV (9 aprile-10 giugno 1940). Roma: La libreria dello Stato. 1960. Doc. 649. P. 502.

²⁸ Ibid. Doc. 709. P. 543; Doc. 716. P. 546.

²⁹ DDI. Vol. VI (29 ottobre 1940- 23 aprile 1941). Roma: Istituto poligrafico e Zecca dello Stato, Libreria dello Stato. 1986. Doc. 29. P. 26.

³⁰ DDI. Serie IX. Vol. V (11 giugno – 28 ottobre 1940). Roma: Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato. 1965. Doc. 73. P. 57; Doc. 81. P. 63–68. См. также: ДВП. 1940-22 июня 1941. М.: Международные отношения. 1995. Том 23. Кн. I. 1 января — 31 октября 1940 г. Док. 210. С. 355–358.

³¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 14. Д. 155. Лл. 209–215. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010613> (дата обращения: 22.08.2022).

³² DDI. IX. V. Doc. 104. P. 90.

³³ ДВП. Т. 23. Кн. I. Док. 227. С. 378.

Германское правительство было информировано о ходе итало-советских переговоров. 16 августа Риббентроп наложил вето на вовлечение СССР в дела Балкан и поручил послу в Риме фон Макензену сообщить Чиано, что Германия выступает против заключения каких-либо конкретных соглашений между итальянским и советским правительствами³⁴. Между тем Италия и Германия дали Румынии гарантии, не предупредив СССР. На встрече с Чиано 4 ноября Риббентроп настаивал на том, чтобы Балканы считались внутренним регионом Оси, из которого СССР должен быть исключен – в конце войны контроль над Средиземным морем позволил бы Италии легко контролировать даже Дарданеллы³⁵.

Москва продолжала подавать сигналы о своей заинтересованности во «всегда желанном» политическом сближении с Италией³⁶. 26 декабря Чиано сообщил Горелкину, что, по мнению фашистского правительства, настало время углубить рассмотрение отношений между Италией и СССР как по политическим, так и по экономическим соображениям³⁷. 24 февраля 1941 г. Росо был принят Молотовым. Муссолини поручил Росо доложить Молотову, что итальянское правительство готово сотрудничать для нового урегулирования вопроса о проливах, которое было бы выгодно для безопасности СССР в Черном море³⁸. Однако в марте итальянская сторона нивелировала политическое соглашение до простого торгового договора³⁹. Тем самым возможность соглашения Италии с СССР была сорвана.

В этом контексте (Тройственный пакт был заключён 27 сентября, а 18 декабря был принят план «Барбаросса»⁴⁰) для Советского Союза важнее было договориться с Японией. Так в Москве 13 апреля 1941 г. был подписан советско-японский договор о взаимном нейтралитете.

Все это приводит к выводу, что исход итало-советских переговоров был с самого начала обусловлен зависимостью Италии от германской политики (и параллельными переговорами Италии и России с Англией). Заключение соглашения могло бы повлиять на позицию Германии. Общий смысл, который приписывали в случае их удачи переговорам обе переговоривавшие стороны – Италия и СССР, был вполне ясен: заключение соглашения должно было стать инструментом сдерживания Германии.

---

³⁴ DDI. IX. V. Doc. 431. P. 414.

³⁵ Ibid. IX. VI. Doc. 42. P. 32.

³⁶ Ibid. Doc. 242. P. 234.

³⁷ Ibid. Doc. 355. P. 361-363.

³⁸ Ibid. Doc. 634. P. 629.

³⁹ ДВП. 23, 2 (2), 2 марта 1941 - 22 июня 1941 гг. М.: М. О., 1998. Док 727. С. 487; Док. 793. С. 609 –610.

⁴⁰ СССР — Германия. 1939-1941. Секретные документы. Док. 144. С. 307.

Оно создало бы условия для возможной политики длительного нейтралитета, по крайней мере, в начале войны, к которому Италия и СССР, вероятно, хотели бы прибегнуть. Каждая из сторон стремилась также отстоять интересы собственной безопасности.

Неудача переговоров по заключению политического соглашения СССР с Италией, аналогичного советско-германскому пакту о ненападении и советско-японскому договору о нейтралитете, сыграла свою роль в начале Второй мировой войны. Последующие попытки Муссолини и итальянских фашистских правящих кругов после краха фашистского режима в 1943 г. и утери им господствующих позиций в стране обратиться к идее заключения сепаратного мира с СССР и таким образом выйти из войны потерпели провал. Это было вполне закономерно. Уже в конце войны демократическим правительствам Италии удалось добиться признания со стороны СССР, восстановить дипломатические отношения⁴¹. В послевоенный период, называемый периодом холодной войны, Италия занимала особое положение, пытаясь лавировать в своей внешней политике между двумя противоборствующими лагерями. Это было вызвано еще и тем, что внутри страны сильные позиции занимали левые силы, настаивавшие на установлении добрососедских отношений с Советским Союзом.

---

⁴¹ Alonzi R. Stalin e l'Italia (1943-1945). Diplomazia, sfere di influenza, comunismi. Soveria Mannelli: Rubbettino. 2013. – 299 p.

РОЛЬ ИТАЛИИ В МЮНХЕНСКОМ СГОВОРЕ 1938 г. В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация. Италия сыграла особую роль в Мюнхенском соглашении Англии, Франции, Германии и Италии 1938 г. С ее помощью произошло расчленение Чехословакии. В докладе отражено, как проходили подготовка и принятие четырьмя державами данного международного акта, и каковы были его последствия в оценках советской дипломатии. Делается вывод, что Италия после Мюнхенской встречи 1938 г. утратила свои прежние позиции на международной арене, пойдя на уступки Германии. В так называемой оси Берлин-Рим далее она занимала лишь подчинённое положение, которое сохранялось и в ходе Второй мировой войны вплоть до краха фашистского режима в стране 1943 г., крушения фашистской республики Сало и казни партизанами Муссолини в апреле 1945 г. После окончания Второй мировой войны вплоть до 1990-х годов антифашистские партии в Италии формировали правительства. Единственным исключением была никогда не входившая в правительства самая сильная в Западной Европе коммунистическая партия – созданная в 1921 г. ИКП. В её программе были положения, перекликавшиеся с советским проектом. В настоящее время на политической арене страны представлена наследница итальянских коммунистов и социалистов – Демократическая партия.

Annotation. Italy played a special role in the Munich Agreement of England, France, Germany and Italy in 1938. With its help, Czechoslovakia was dismembered. The report reflects how the preparation and adoption of this international act by the four powers took place and what were its consequences in the assessments of Soviet diplomacy. It is concluded that after the Munich meeting in 1938 Italy lost its former positions in the international arena, making concessions to Germany. In the so-called Berlin-Rome axis, it then occupied only a subordinate position. It remained during the Second World War until the collapse of the fascist regime in the country in 1943 and the collapse of the fascist Republic of Salo and the execution of Mussolini by partisans in April 1945. After the end of World War II until the 1990s, anti-fascist parties in Italy formed governments. The only exception was the most powerful Communist Party in Western Europe, which had never been part of a government, the PCI, founded in 1921. In its program there were provisions that echoed the Soviet project. At present, the successor of the Italian communists and socialists, the Democratic Party, is represented on the political arena of the country.

В подготовке и осуществлении Мюнхенского соглашения или, как принято его называть в отечественной историографии, Мюнхенского сговора Италия сыграла заметную роль. Она вошла в состав четырех держав, которым принадлежит авторство в расчленении Чехословакии. К ним относятся Гер-

мания, Италия, Великобритания и Франция, главы государств которых встретились 28-30 сентября 1938 г. в Мюнхене для обсуждения и подписания этого по сути дела преступного акта.

После германской аннексии Австрии в марте 1938 г., она рассматривалась многими как поражение Муссолини, фашистский диктатор все более попадал в зависимость от фюрера нацизма и его агрессивной политики. В мае 1938 г. Гитлер прибыл с официальным визитом в Италию¹. Получить достоверную информацию о переговорах в ходе этого визита даже иностранным дипломатам в Риме оказалось трудно. «Дипкорпус был сознательно изолирован», доносил в Москву в составленном им резюме бесед двух диктаторов Л.Б. Гельфанд². «Большинство бесед между Гитлером и Муссолини происходили наедине. Только частично в них принимали участие Чиано и Риббентроп»³.

Это подтверждал в донесении на имя наркома иностранных дел М.М. Литвинова и полпред СССР в Италии в 1934-1939 гг. Б.Е. Штейн: «Дипкорпус без всякого исключения (вплоть до японского посла) был отстранён от участия в приёме Гитлера. Ни во дворец, ни в Палаццо Венеция [резиденция Муссолини. – *В.Л.*], ни на парады и другие зрелища никто из дипкорпуса не приглашался. Это обстоятельство ещё более способствовало сохранению тайны переговоров. Корпус как таковой ровно ничего не знал»⁴.

Вскоре, однако, выяснилось, что в ходе визита Гитлера в Рим обсуждению были подвергнуты животрепещущие вопросы международных отношений, в том числе «проблема Чехословакии». По данным советского

---

¹ Фюрер остановился в здании германского посольства в Риме, располагавшемся в купленной немцами в 1922 г. так называемой вилле Волконской, бывшей прибежищем русских дворянских кругов в XIX в. Как рассказали коллеги – итальянские историки, – во время нашего экскурсионного посещения с группой моих университетских студентов из разных стран этой виллы в ноябре 2015 г. (её переняли от занимавших ее с 1922 г. немцев после окончания войны 1939-1945 гг. англичане, и теперь это резиденция посла Великобритании), там, по прихоти Гитлера, перед его приездом в 1938 г. для него был срочно выкопан плавательный бассейн. В конце войны во дворе виллы немцы расстреливали партизан, а в находящемся поблизости соборе Сан Джованни священники укрывали партизан, спасая их от арестов и расстрелов.

² АВП РФ. Ф. Секретариат М.М. Литвинова. Оп. 18. П. 144. Д. 88. Л. 113.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 103.

полпредства в Риме Муссолини на этой встрече «отказался от устного обязательства военной помощи Германии при возникновении европейского конфликта». «Одним из центральных политических вопросов, обсужденных Гитлером и Муссолини, является проблема Чехословакии, Центральной и Юго-Восточной Европы». «Местные немецкие круги сознательно распускают сведения, что Муссолини в обмен на компенсацию в Юго-Восточной Европе и на Балканах предоставил Гитлеру свободу рук в Чехословакии. Эти круги даже называют дату присоединения Богемии к Германии – август текущего года»⁵.

Редактор проправительственной «Джорнале д'Италия» В. Гайда считал, что «простое отделение судетских районов и сохранение, как это мыслит Гитлер, независимости остальной части Чехословакии чревато неприятными последствиями для Италии. Оставшаяся часть Чехословакии неизбежно попадает в подвассальное Германии положение, та же участь постигнет Венгрию и другие участки Средней и Юго-Восточной Европы, где Италия намерена защищать свои интересы». По словам Гайды, «Рим вовсе не собирается содействовать дальнейшему усилению Германии в Европе»⁶. Муссолини в беседах по чехословацкому вопросу давал фюреру советы умеренности⁷. Итальянцы опровергали сведения о «разделе между Гитлером и Муссолини сфер влияния в Европе»⁸.

Советский полпред Штейн считал, что положение Муссолини в данный момент является «особо выгодным между Лондоном и Парижем, с одной стороны, и Берлином, с другой. Он поочередно может разыгрывать обе партии». Если бы Муссолини заключил формальный военный союз с Германией, положение для него было бы более трудным. Советские дипломаты понимали, что «Муссолини начинает сейчас большую игру, конечные контуры которой далеко не ясны»⁹. Фашистскому диктатору не удалось остановить германскую экспансию, и она является «серьёзной угрозой для Муссолини», которую он отчётливо понимает. «В этих условиях улучшение отношений с СССР, несомненно, перерастает экономические рамки и делается политической необходимостью», заключал Штейн¹⁰.

---

⁵ Там же. Л. 115-116.

⁶ Там же. Л. 116.

⁷ Там же. Л. 117.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 106-107.

¹⁰ Там же.

Что касается внутривосточной обстановки в Италии, достигнутый в середине 1930-х годов после завоевания Эфиопии в итальянском обществе консенсус, уже к 1938 г. стал размываться¹¹. Начавшееся по примеру Германии преследование еврейского, а так же славянского населения, давно ассимилированных в стране, вызывало все большее недовольство¹². Хотя фашистская верхушка была уверена в том, что население ее поддерживает. Так, по крайней мере, заявлял в проходившей на пляже близ Рима конфиденциальной беседе советскому временно поверенному в делах Гельфанду зять фашистского диктатора, министр иностранных дел Г. Чиано. При этом он откровенничал: «Если бы не Муссолини, я бы в лучшем случае был в эти годы советником какого-нибудь нашего посольства за границей или захудалым посланником в малой стране. Я занимался бы зашифровкой и расшифровкой телеграмм, и составлением докладов, которые решительно никто не читает. Муссолини меня приблизил и выдвинул – ему я обязан решительно всем, ... и я считаю его гениальным»¹³.

Сближение Италии с Германией чётко выявилось в ходе судетского кризиса 1938 г.

Муссолини, как он заявлял, в случае вооружённого конфликта был готов выступить на стороне немцев, но на деле рассчитывал, что перед наглым шантажом Германии западные державы отступят. 28 сентября 1938 г. Чемберлен обратился к Муссолини с просьбой о посредничестве в переговорах с целью предотвратить новую мировую войну. Уполномоченный на роль посредника до этого по согласованию также и с Гитлером Муссолини не заставил себя долго упрашивать. Гитлер предложил ему выдвинуть давно заготовленные немцами условия соглашения. И потому на конференции руководителей четырёх держав, срочно приехавших 29 сентября 1938 г. в Мюнхен для того, чтобы ради удовлетворения агрессивных

¹¹ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. Москва. 2000. С. 284-286.

¹² О расизме и антисемитизме в фашистской Италии см.: *La menzogna della razza. Documenti e immagini del razzismo e dell'antisemitismo fascista*. Bologna. 1994.

¹³ АВП РФ. Ф. Секретариат М.М. Литвинова. Оп. 18. П. 144. Д. 88. Л. 217. Эти восторженность и лизоблюдство не спасли Чиано от казни 11.01.1944 в так называемой фашистской республике Сало, близ Вероны. Казнь свершилась по наущению Гитлера и нацистского руководства, не простившего Чиано предательства германо-итальянского сотрудничества, при этом его тесть проявил полное равнодушие.

аппетитов нацистской Германии пожертвовать суверенитетом Чехословакии, дуче чувствовал себя вершителем судеб Европы¹⁴.

Временный поверенный в делах СССР в Италии в телеграмме в НКВД СССР, посланной 14 сентября 1938 г., т.е. за две недели до Мюнхенской конференции, писал, что Муссолини, находившийся под грузом «испанской интервенции и непокорённой ещё Абиссинии, испытывающий огромные внутренние затруднения, хочет избежать участия в войне в пользу Германии, которая после аншлюса в Италии особенно непопулярна и грозила бы крахом режима»¹⁵. В Риме «абсолютно уверены, что Франция и Англия на войну не пойдут и заставят Прагу капитулировать»¹⁶.

Биограф Муссолини Ришар Кольер расценивал то, что произошло 28-30 сентября 1938 г. как смесь фарса и трагедии. Фашистский диктатор, настоявший перед Гитлером через итальянского посла в Берлине Б. Аттолико на своей посреднической роли в урегулировании судетского кризиса, с чем Гитлер моментально согласился, вернувшись в Рим, обратился 1 октября вечером к многотысячной толпе, собравшейся у его резиденции на площади Венеции, со словами: «Я привёз вам мир». Но это было произнесено таким тоном, с каким обычно хозяин разговаривает со своей собакой, бросая ей несвежую кость. И после того, как он увидел заплаканные лица этого людского моря, не выразившего никакого восторга, Муссолини проворчал: «Разве мир – это не то, что вам нужно?». На это раз, замечает Кольер, все заметили, как он раздосадован¹⁷.

В донесении советского полпредства в Италии на имя наркома Литвинова от 17 октября 1938 г. подчёркивалось, что «капитуляция Англии и Франции перед Германией и Италией настолько изменили всю европейскую и даже мировую ситуацию, что представляется совершенно невозможным полностью охватить внешнюю политику Италии сегодняшнего дня. Эта политика находится несомненно на каком-то перепутье, вследствие чего можно говорить лишь об общих тенденциях». Далее подтверждалось, что до Мюнхенской конференции «Италия была ходом событий

¹⁴ История Италии. Москва. 1971. Т. 3. С. 134-140.

¹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 492-493. Этот источник воспроизведён также в сборнике: Документы по истории мюнхенского сговора, 1937-1939. Москва. 1979. С. 212-213.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Colliere R. Der Duce. Aufstieg und Fall des Benito Mussolini. München. 1974. S. 162-164.

отодвинута на задний план», переговоры же велись лишь между Лондоном, Парижем и Берлином, и «за этот период Муссолини страшно потерял». Это представлялось достаточно опасным с точки зрения режима. Раздутый после Мюнхена сверх меры внутри страны международный престиж Италии и лично Муссолини позволил получить «известную передышку для борьбы с трудностями экономического и финансового характера, а также растущим недовольством населения»¹⁸.

В этом же донесении подчёркивалось, что в глазах Муссолини как реального политика действительный баланс Мюнхенской конференции отнюдь не приводит его в восторг. «Несмотря на все крики о том, что после кризиса, вызванного чехословацким вопросом, ось Берлин-Рим вышла победительницей и необычайно укрепила свои международные позиции, в действительности речь идёт вовсе не об оси, а об одной ее части, а именно Германии, которая получила новую территорию и несколько миллионов населения». «Италия в этом смысле не получила ничего». Она настаивала на «паритетном удовлетворении польских и венгерских требований, а равно на создании общей венгеро-польской границы». Но против этого выступила Германия, и её точка зрения восторжествовала. Муссолини и в этот раз неплохо поработал для «прусского короля». В результате Германия не только необычайно увеличила свой международный вес в Европе и во всем мире, но и внутри оси. «...После австрийского аншлюса и англо-французской капитуляции в чехословацком вопросе соотношение между Германией и Италией внутри оси просто не поддаётся сравнению», - резюмировалось в донесении¹⁹.

Поэтому Муссолини, как откровенничал Чиано, пытался договориться с Англией. «Сговор с Англией нужен Муссолини как для того, чтобы предотвратить возможность сепаратного англо-германского сговора (сигнал о котором был дан декларацией Чемберлена-Гитлера), так и для того, чтобы иметь в лице Англии какой-либо противовес перед продолжающимся германским наступлением в Центральной и Юго-Восточной Европе. Если при наступлении на Англию в течение последних двух лет Муссолини должен был иметь обеспеченный тыл со стороны Германии, то теперь для какого бы то ни было сопротивления дальнейшему натиску Германии Муссолини считает нужным обеспечить свой тыл в отношении Англии»²⁰.

---

¹⁸ АВП РФ. Ф. Секретариат М.М. Литвинова. Оп. 18. П. 144. Д. 88. Л. 221.

¹⁹ Там же. Л. 221-223.

²⁰ Там же. Л. 223.

Что касается оценки Мюнхенского соглашения его участниками, то отражая общее мнение западных лидеров, английский премьер-министр Чемберлен прямо заявлял, что единственный способ нейтрализовать Германию, это столкнуть её с СССР²¹. Антисоветская направленность соглашения четырёх держав в Мюнхене вызвала удовлетворение Муссолини, заявившего на совещании префектов в конце 1938 г., что «слово Мюнхен означает, что впервые после 1861 г. Италия сыграла абсолютно первостепенную и решающую роль в событии мирового значения... Произошедшее в Мюнхене означает конец большевизма в Европе, конец всякого русского политического влияния на нашем континенте»²². Союзник Муссолини Гитлер добивался того же, стремясь «исключить СССР из Европы»²³. Все советские предложения совместного урегулирования предвоенных конфликтов не принимались западными державами, участницами Мюнхенского сговора 1938 г.

16 марта 1939 г., т.е. на следующий день после захвата Германией Чехословакии, беседуя с заместителем наркома иностранных дел СССР В.П. Потёмкиным (который сам незадолго до этого представлял интересы СССР в Италии и потому хорошо знал обстановку в стране), итальянский посол в Москве А. Россо «выразил сомнение в том, что этот факт представляет собой угрозу для восточных соседей Германии», и она «лишь укрепила свои позиции для предстоящих переговоров с Англией и Францией». Но в то же время Россо был «готов признать, что усиление Германии не сулит ничего доброго для Италии». «Уже прощаясь, - отмечает Потемкин в своем дневнике, - Россо выразил надежду, что Италия и СССР, отношения между которыми были временно нарушены в связи с абиссинским вопросом, испанской войной, вернутся на путь того сотрудничества, которое столь благоприятно развивалось между ними в предшествующие годы, и которому не препятствовало различие их государственного строя»²⁴.

---

²¹ Catalano F. L'Italia dalla dittatura alla democrazia. Milano. 1962. P. 237.

²² Deakin F. Storia della Repubblica di Salò. Milano. 1962. P. 10.

²³ Collotti E. Sul significato del Patto del Monaco // Il movimento della Liberazione in Italia. Milano. 1960. N 58. fasc. 1. P. 58.

²⁴ АВП РФ. Ф. 06. Секретариат В.М. Молотова. П. 10. Оп. 1. Д. 99. Л. 9. О попытках заключения сходного с советско-германским пактом 1939 г. о ненападении и советско-японским договором о нейтралитете 1941 г. договора СССР с Италией и неудаче данных попыток, к которой вела также и избранная ими двусмысленная политическая линия министра иностранных дел Италии Г. Чиано и посла Италии в Москве А. Росси, см.: Алонци

В мае 1939 г. Германия и Италия заключили в Милане так называемый «стальной пакт», а Муссолини в речи, произнесённой по случаю двадцатилетия организации фаши, прямо заявил: «В повестке дня – больше пушек, больше кораблей, больше самолётов, любой ценой, даже если мы должны будем превратить в *tabula rasa* всё, что зовётся гражданской жизнью»²⁵. После оккупации нацистами Чехословакии в марте 1939 г. демократические страны оказались перед лицом блока фашистских государств, победивших в Испании и Чехословакии, сбросивших маску и разрабатывавших ещё более обширные планы завоеваний *Lebensraum* [жизненного пространства. – *В.Л.*] отмечалось в принятом итальянскими социалистами документе под названием «Действия социалистов в случае начала войны»²⁶.

Единственным непреодолимым препятствием на пути данной агрессии блока подмятых под себя Германией многих государств Европы стал Советский Союз, нанёсший в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сокрушительное поражение нацистской Германии, а также всем ее союзникам, включая фашистскую Италию. Фашистский режим в стране пал в июле 1943 г. Возникшая после него на севере страны, контролируемым немецкими войсками, фашистская республика Сало прекратила свое существование под ударами партизанского движения Сопротивления в апреле 1945 г., фашистский диктатор был казнён партизанами.

В послевоенной Италии, ставшей в 1946 г. из монархии республикой, политические партии, придерживавшиеся антифашистских взглядов, в течение многих десятилетий вплоть до 1990-х гг. входили в правительства. Исключением была Итальянская коммунистическая партия, регулярно получавшая на выборах второе место после Христианско-демократической партии. В своей идеологии итальянские коммунисты брали пример с СССР и включали в свои программы положения советского проекта. ИКП была самой сильной коммунистической партией Западной Европы и получала на выборах до одной трети голосов итальянских избирателей. Оценки многих исторических событий XX века, в том числе Мюнхенского сговора

Р. Несостоявшийся пакт. Итальянская и советская дипломатия в 1939–1941 г. // Российская история. 2022. № 5 (в печати).

²⁵ АВП РФ. Ф. 06. Секретариат В.М. Молотова. П. 10. Оп. 1. Д. 99. Л. 9.

²⁶ Fondazione Nenni. Carte P. Nenni. См.: *Annali della Fondazione Fettrinielli*. А. 25. 1986/1987. Milano, 1988. Р. 381–388. См. также: Любин В.П. Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники. 1892–2006. Москва. 2007. С. 292–293.

1938 г. итальянскими историками марксистского направления, многие из которых входили в ИКП, были идентичны оценкам советской историографии. Об этом вспоминали, когда отмечали недавно в 2021 г., столетие Итальянской компартии²⁷. Наследницей ИКП и ИСП стала действующая ныне на политической арене страны Демократическая партия.

---

²⁷ См.: Круглый стол «К столетию Итальянской коммунистической партии. Вызовы и уроки XX века» 6 февраля 2021 года в Государственной публичной исторической библиотеке России. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZBBdyRHNmfo> (дата обращения 25.08.2022). А также: Любин В.П. Итальянская левая традиция в истории XX в. К 100-летию ИКП. Интервью (опубликовано на сайте журнала 21.01.2021 в день столетия ИКП) // Историческая экспертиза. 2021. № 2(27). С. 78-100.

ВОЕННЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СССР В 1929–1931 г.г. ВЗГЛЯД ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТОВ И ВОЕННЫХ

Аннотация. Анализ того, как Советский Союз и различные аспекты его военно-политического и социально-экономического развития воспринимались западными элитами, является необходимым элементом при изучении ряда исследовательских проблем. Их круг весьма широк: от состояния международных отношений СССР и стран Запада до влияния «советского фактора» на внутреннюю трансформацию западных государств и социумов. Указанный период стал одной из развилок в восприятии Советского Союза дипломатическим и военным истеблишментом западных стран, в т.ч. Франции.

Цель статьи – выявить содержание и особенности того, как воспринимался военный и экономический потенциал СССР французскими дипломатами и военными в 1929–1931 гг. Работа основана на архивных материалах Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции, а также на документах из фондов Исторической службы французского Министерства вооружённых сил.

Выбор обозначенных хронологических рамок связан с рядом факторов. Во-первых, сам контраст между параллельным разворачиванием 1-го пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1928–1932 гг.), с одной стороны, и мировым экономическим кризисом (с 1929 г.), с другой, заставлял по-новому взглянуть на ситуацию в стране Советов. Хотя полноценный кризис ударил по Франции в 1932 г. – позже, чем по многим другим державам Запада¹, – тем не менее начало ускоренной индустриализации существенным образом изменило ходовые оценки в отношении Советского Союза.

Как отмечал в 1935 г. французский эксперт-международник А. Словес, «в начале реализации пятилетнего плана СССР был аграрной страной с отсталыми технологиями, частично – даже страной средневековой. Через четыре с половиной года Советский Союз превратился в одну из наиболее могущественных промышленных держав мира, располагающей колоссальным экономическим и военным фундаментом»². С ним соглашается современная французская исследовательница С. Кёре: «Попытка практи-

---

¹ Borne D., Dubief H. La crise des années 30, 1929–1938. Paris, 1989. P. 27.

² Slovès Ch.-H. La France et l'Union soviétique. Paris, 1935. P. 314.

ческого создания управляемой экономики на полностью рационализированной основе поражала французских наблюдателей»³. Даже критически настроенные в отношении СССР французские политики, подчёркивавшие своё несогласие с советскими политическими и социально-экономическими порядками, как например, лидер социалистов Л. Блюм, были склонны признавать колоссальный масштаб преобразований в Советском Союзе⁴.

Во-вторых, обратить более пристальное внимание на французские оценки 1929–1931 гг. применительно к военному и экономическому потенциалу СССР стимулирует происходивший в это время процесс постепенного, хотя и не линейного сближения официального Парижа и Москвы. Если в 1930 г. между странами шла своего рода «таможенная война», отмеченная «антидемпинговыми» мерами французских властей и ответными советскими ограничениями на экспорт во Францию, то в 1931 г. налицо было потепление отношений. Оно выразилось в парафировании 10 августа советско-французского договора о ненападении (подписание договора состоялось 29 ноября 1932 г.)⁵.

В-третьих, обозначенный хронологический период был одним из рубежей в изменении «баланса сил» в Европе. Этот процесс, среди прочего, был отмечен постепенным ослаблением по сравнению с прошлым позиций Третьей Республики и, напротив, укреплением потенциала и влияния СССР. Согласно оценке советского дипломата и историка Б.Е. Штейна, проект Европейского федерального союза, выдвинутый в 1929–1930 гг. министром иностранных дел Франции А. Брианом, «являлся очередной и последней (в промежуток между первой и второй мировыми войнами) попыткой Франции добиться гегемонии на континенте»⁶.

---

³ Coeuré S. La Grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939). Rééd. Paris, 2017. P. 220.

⁴ Racine N. Les socialistes français devant le régime soviétique (1920–1939) // Les interprétations du stalinisme / Sous la dir. d'E. Pisier-Kouchner. Paris, 1983. P. 99.

⁵ Ревякин А.В. Советско-французский договор о ненападении 1932 года // Россия – Франция: 300 лет особых отношений / Отв. ред. Ю.И. Рубинский, М.Ц. Арзаканян. М., 2010. С. 216–224.

⁶ Записка «Вопросы международных союзов и блоков в Европе», 22 сентября 1943 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Л. 5.

Важным в связи с этим представляется ответить на следующие вопросы: в какой степени идеи об укреплении потенциала СССР, заметные во французском общественном дискурсе, проникли в закрытые (секретные и конфиденциальные) оценки дипломатов и военных Третьей Республики? Можно ли говорить о радикальных изменениях этих оценок уже в первые годы пятилетки, либо подобные суждения характеризовались определенной преемственностью с прошлым восприятием Советского Союза?

В работах, посвящённых анализу французских оценок в отношении СССР, проблематика восприятия его военного и экономического потенциала в 1929–1931 гг. не занимала центрального места. Подобные исследования, хотя и рассматривали указанные вопросы, как правило, имели широкие хронологические рамки и были нацелены на выявление всей совокупности ключевых оценок французских деятелей применительно к Советскому Союзу⁷.

Исследование обозначенных выше вопросов затруднено и положением дел с опубликованными источниками. Период с 1929 по 1931 г. находится «на стыке» двух масштабных серий французских дипломатических документов. Первая, охватывающая хронологический отрезок с 1932 по 1939 г., была издана в 1963–1986 гг.⁸; вторая, покрывающая 1920–1932 гг., находится в процессе публикации (в настоящее время доведена до 1924 г.)⁹. В связи с этим период с 1929 по 1931 г. «провисает» и оказывается слабо обеспечен опубликованными материалами, что требует активного задействования архивов. Привлечение мало задействованных документов из Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции, из фондов Исторической службы французского Министерства вооружённых сил придаёт статье новизну.

Французский депутат-коммунист М. Кашен, выступая 4 марта 1931 г. в нижней палате французского Парламента, процитировал недавнее интервью Бриана. Среди прочего, министр иностранных дел заявил, что испытывал «ужас» от «успеха пятилетнего плана» и призвал оказать помощь

---

⁷ Coeuré S. Op. cit.; Vidal G. Une alliance improbable: L'armée française et la Russie soviétique 1917–1939. Rennes, 2015.

⁸ Documents diplomatiques français (DDF) (1932–1935) / Sous la dir. de P. Renouvin, J.-B. Duroselle. Vol. 1–13. Paris, 1964–1984; DDF (1936–1939) / Sous la dir. de P. Renouvin, J.-B. Duroselle. Vol. 1–19. Paris, 1963–1986.

⁹ DDF (1920–1932) / Sous la dir. Ch. Baechler. Vol. 1–11 (1920–1924). Paris – Bruxelles, 1997–2015.

малым балканским и придунайским странам, дабы те избежали «большевистской заразы»¹⁰.

Смесь полу-восхищения и тревоги перед развитием пятилетнего плана, которую публично озвучил Бриан, характеризовала отнюдь не все конфиденциальные оценки французских дипломатов и военных. В них экономическое развитие СССР нередко представляло более противоречивым, неоднозначным и нюансированным.

На французских суждениях продолжал, хотя и менее остро, чем в первые годы после установления советской власти, сказываться фактор недостатка информации, особенно – в таких чувствительных для Москвы сферах как экономика и состояние вооруженных сил. Об этом, например, 21 февраля 1931 г. с трибуны нижней палаты Парламента говорил депутат из центристской партии радикалов и председатель торгово-промышленной комиссии нижней палаты Ж. Дюран. Он призывал создать пост торгового атташе при посольстве Франции в СССР, а также отправить туда специальную миссию для более подробного ознакомления с ситуацией на местах. На это выступление обратили внимание в МИД Третьей Республики, где также считали, что официальной советской статистике отнюдь нельзя безоговорочно доверять, что затрудняло вынесение суждений о реальном положении дел¹¹. Определенные сложности с анализом различных и нередко противоречивых данных, поступавших о военном и экономическом потенциале СССР, признавали и сотрудники 2-го (разведывательного) бюро Генштаба французской армии. Они призывали создать единый орган по аккумулярованию подобных сведений при секретариате Высшего совета национальной обороны – правительственного органа, призванного координировать действия, связанные с вопросами мобилизации и подготовки страны к эвентуальной войне¹².

Французские суждения о степени реализации и последствиях 1-го пятилетнего плана оставались амбивалентными. Их концептуальным «ядром», которое разделяло большинство дипломатов и военных, было представление о самой тесной связи между экономическими целями плана и

---

¹⁰ Цит. по: Антюхина-Московченко В.И. Марсель Кашен. М., 1983. С. 135.

¹¹ Note «L'U.R.S.S. et les "Puissances capitalistes"», 26 mars 1931 // Archives du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). 1930–1940. URSS. Vol. 1001. Fol. 225–228.

¹² Matériel de guerre (V étude du 2ème bureau de l'État-major de l'Armée). Juin 1931 // Service historique de la défense (SHD) / Département de l'armée de terre (DAT) 2N 238.

усилением вооружённых сил СССР. В донесениях, которые из Москвы отправлял посол Франции Ж. Эрбетт, идея о необходимости поддержания диалога с Кремлем соседствовала с выраженным алармизмом и ясным призывом видеть в Советском Союзе потенциального противника, увеличивающего свою мощь. В действиях советского руководства Эрбетт видел «программу, нацеленную на создание, чего бы это ни стоило, крайне могущественной в военном отношении державы, которая будет действовать против нас при содействии Италии и Германии»¹³. Французский посол характеризовал советский строй как «режим, который повышает на сотни миллионов рублей и так раздутый бюджет своей армии, тратит колоссальные суммы на развитие отраслей промышленности, очевидно рассчитанных на подготовку к войне...»¹⁴.

С этими общими посылами были склонны соглашаться в центральном аппарате МИД Франции, а также во 2-м бюро Генштаба армии. В мидовской записке от 26 марта 1931 г. было подчёркнуто, что «экономическая система СССР функционирует как система воюющей страны и особенно напоминает Германию во время последней войны. Потребности военного сектора доминируют над всей жизнью страны...»¹⁵. Французская военная разведка также полагала, что пятилетний план «направлен на то, чтобы переоснастить [Советский] Союз, поднять его на промышленный уровень цивилизованных государств» и сделать страну по мере возможности «самодостаточной, особенно — во время войны»¹⁶. Различные экономические показатели (уровень производства стратегических отраслей, рост импорта, формирование запасов сырья и т.п.) рассматривались как индикаторы того, насколько серьёзно советское руководство относится к возможности скорой войны¹⁷.

Ещё одной общей чертой французских оценок было представление о существенной, если не определяющей роли зарубежных (прежде всего

¹³ Herbette à Briand, 22 novembre 1930 // AMAE. 1930–1940. URSS. Vol. 1001. Fol. 80.

¹⁴ Herbette à Paris, 6 décembre 1928 // AMAE. Correspondence politique et commerciale. Europe, 1918–1940 (117 CPCOM). Vol. 362. Fol. 118.

¹⁵ Note «L'U.R.S.S. et les "Puissances capitalistes"», 26 mars 1931 // AMAE. 1930–1940. URSS. Vol. 1001. Fol. 207.

¹⁶ Matériel de guerre (V étude du 2ème bureau de l'État-major de l'Armée). Juin 1931 // SHD/DAT 2N 238.

¹⁷ Potentiels industriels de guerre. Éessai d'évaluation des possibilités de production de l'URSS en matière d'armements. Avril 1932 // SHD/DAT 2N 238.

немецких и американских) технологий и персонала в наращивании военно-экономического потенциала СССР¹⁸. В педалировании подобного тезиса дипломатами и военными Третьей Республики наблюдалась преемственность с периодом, начиная с первых лет существования советской власти¹⁹. В 1929–1931 гг. Советский Союз все еще представлял, как правило, страной, серьёзно зависящей от иностранных технологий и кредитов для их закупки, а также от экспорта собственного сырья, обеспечивавшего дефицитную валюту²⁰. Более того, в центральном аппарате МИД Франции были готовы считать, что внешний фактор является даже определяющим для последующего экономического развития СССР. Согласно подробной записке от 26 марта 1931 г., «уступки, сделанные советскому правительству различными “капиталистическими странами”, являются фактором, намного более серьёзным и имеющим намного более долгосрочные последствия, чем все успехи пятилетнего плана внутри СССР»²¹.

Ход реализации 1-й пятилетки рассматривался французской дипломатией и разведкой не столь однозначно, как некоторыми представителями общественного мнения. Признание очевидных успехов пятилетнего плана соседствовала с подчёркиванием слабых мест экономики СССР, представлением о нежизнеспособности плановой государственной экономики в долгосрочной перспективе (якобы она должна была прийти в упадок после исчерпания ресурсов частного сектора и капиталов, подлежащих национализации)²². К слабым сторонам советского экономического потенциала военная разведка относила, например, имевшийся, согласно французским данным, дефицит определенных видов сырья (никель, вольфрам, молибден и др.); недостаточное развитие и не лучшее состояние железнодорожной и портовой инфраструктуры; ограниченное количество высококвалифицированных кадров и плохое обращение рабочих с техникой, что сни-

---

¹⁸ Sûreté Générale à Briand, 17 octobre 1930 // AMAE. 1930–1940. URSS. Vol. 1001. Fol. 62.

¹⁹ Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / Отв. ред. А.Ю. Павлов. Т. 1. СПб., 2021. С. 307–330.

²⁰ Direction Europe, Note pour Briand, 2 mars 1931 // AMAE. 1930–1940. URSS. Vol. 1001. Fol. 166–167.

²¹ AMAE. 1930–1940. URSS. Vol. 1001. Fol. 207.

²² Direction Europe, Note pour Briand, 2 mars 1931 // AMAE. 1930–1940. URSS. Vol. 1001. Fol. 166.

жало её производительность и увеличивало износ²³. Тем не менее, в 1931 г. французская военная разведка исходила из того, что советские военные заводы в случае конфликта смогут выйти примерно на уровень Российской империи 1916–1917 г. и, «возможно, даже превзойти его»²⁴.

При этом, как можно было понять из некоторых оценок, стремительность менявшейся ситуации оставляла ряд наблюдателей в некотором замешательстве. В итоге их суждения применительно к настоящему и будущему разнились. Размышляя о напряжённости в советско-французских отношениях в январе 1929 г., Эрбетт был склонен отмечать, что СССР «не способен в настоящее время начать военное нападение ввиду своих экономических проблем...»²⁵. Вместе с тем к концу года, думая о будущем, посол Франции был настроен уже намного более тревожно. С его точки зрения, «ни в экономическом, ни в политическом, ни в военном отношениях время не работает на нас»²⁶.

Противоречивость в оценках экономического потенциала СССР сказывалась и на французских представлениях о Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). К её сильным сторонам относили масштабные людские резервы: численность ежегодного контингента призывников оценивалась в 3 млн. человек²⁷, резерва первой очереди (мужчины младше 28 лет) в 10 млн. человек, а совокупного боеспособного резерва (мужчины до 40 лет) – в 26,8 млн. человек. Отмечались серьёзные усилия властей по созданию новых моделей танков и самолётов²⁸. Слабыми сторонами РККА, максимальная численность фронтовых соединений которой в случае войны оценивалась в 2,5 млн. чел., французская разведка считала, например, небрежное военнотружеников отношение к военной технике, приводившее к её быстрому износу; недостаточное внимание к развитию разведывательной авиации и авиации наблюдения; нехватку верховых лошадей для многочисленной кавалерии; предполагаемую зависимость от импорта,

---

²³ Matériel de guerre (V étude du 2ème bureau de l'État-major de l'Armée). Juin 1931 // SHD/DAT 2N 238.

²⁴ Ibid.

²⁵ Herbette à Briand, 4 janvier 1929 // AMAE. 117 CPCOM. Vol. 362. Fol. 164.

²⁶ Herbette à Briand, 21 décembre 1929 // AMAE. 117 CPCOM. Vol. 362. Fol. 259.

²⁷ Note «L'U.R.S.S. et les "Puissances capitalistes"», 26 mars 1931 // AMAE. 1930–1940. URSS. Vol. 1001. Fol. 200.

²⁸ Potentiels industriels de guerre. Éssai d'évaluation des possibilités de production de l'URSS en matière d'armements. Avril 1932 // SHD/DAT 2N 238.

необходимого для поддержания и снабжения артиллерии (6 300 единиц в случае войны)²⁹.

Рабоче-крестьянский Красный флот продолжал рассматриваться как относительно слабое звено советских вооружённых сил, и внимания ему уделяли меньше. При этом в Париже признавали процесс его модернизации и усиления позиций (особенно – на Черном море)³⁰. Вместе с тем во 2-м бюро Генштаба французской армии не исключали, что в случае войны морские коммуникации СССР с внешним миром могут быть перерезаны, что резко осложнит получение импорта дефицитного сырья и материалов³¹.

Таким образом, подытоживая краткий обзор французских оценок военного и экономического потенциала СССР в 1929–1931 гг., можно констатировать, что суждения дипломатов и военных Третьей Республики были противоречивы. Констатируя очевидное укрепление позиций Советского Союза, они не были склонны абсолютизировать их и отмечали ряд слабых, с их точки зрения, мест в обороноспособности СССР. Вместе с тем перспективы развития страны Советов внушали официальным лицам Франции определенную тревогу, что, наряду с целым рядом иных факторов, стимулировало Париж пойти на определенное сближение в отношениях с Москвой.

Р.В. Костюк (Санкт-Петербург)

СССР И МАЛЫЕ СТРАНЫ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ: ПРИМЕРЫ ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Доклад посвящён закономерностям, особенностям и противоречивым аспектам взаимоотношений СССР и отдельных малых стран Европы во второй половине 1930-х гг. Автор показывает значимость небольших европейских стран для внешней политики Москвы. В то же время, отмечается, что эволюция взаимоотношений с этими странами зависела во многом от проблематики создания системы коллективной безопасности и характера отношений СССР как с нацистской Германией, так и с ведущими западными демократиями. Противоречивый характер рассматриваемых взаимоотношений проявлялся, в частности в том, что в 1930-е гг. советская внешняя политика пыталась совмещать как прин-

---

²⁹ Matériel de guerre (V étude du 2ème bureau de l'État-major de l'Armée). Juin 1931 // SHD/DAT 2N 238.

³⁰ Vidal G. Op. cit. P. 89–90.

³¹ Matériel de guerre (V étude du 2ème bureau de l'État-major de l'Armée). Juin 1931 // SHD/DAT 2N 238.

ципы мирного сосуществования, так и оставалась верной стратегии, направленной на мировую пролетарскую революцию, а Коммунистический Интернационал (КИ) продолжал оставаться важнейшим инструментом осуществления внешней политики Советского государства. В качестве примеров малых стран в данном материале берутся Чехословакия, балтийские государства, Финляндия, Югославия и Румыния. Автор приходит к выводу о том, что перед Второй мировой войной характер взаимоотношений Советского Союза с малыми странами Европы был неровным и противоречивым.

Как хорошо известно, приход к власти в Германии национал-социалистов привёл к тому, что руководство ЦК ВКП (б) взяло курс на создание системы коллективной безопасности в Европе и подключение СССР к участию в деятельности Лиги наций (ЛН). Москва в середине 1930-х гг. выступила с предложением заключить в рамках ЛН региональный пакт о взаимной защите от агрессии со стороны Германии. Прежде всего эта инициатива была обращена к Парижу и Варшаве, но при этом советская сторона специально обозначила, что СССР согласен к привлечению к данной конструкции таких малых стран, как Бельгия, Чехословакия, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия.¹ В 1934-1935 гг. советские дипломаты не раз обращались с официальным предложением к правительствам данных стран подписать «Восточный пакт».

Соответствующие изменения внешнеполитического курса Москвы нашли своё отражение и усилении антифашистского крена Коминтерна, что нашло своё отражение в переходе к стратегии Народного фронта. Безусловно, как и в прошлом, Москва в середине и второй половине 1930-х гг. оказывала всестороннюю поддержку деятельности коммунистических партий в этих европейских государствах, но в новых международных условиях руководство ВКП (б) поощряло своих единомышленников-коммунистов к поискам разумных компромиссов с другими антифашистскими силами. Руководители Коминтерна подчёркивали, что в случае прямой или косвенной фашистской агрессии войны малых стран Европы против фашистских агрессоров будут носить однозначно освободительный характер.

Изначальные советские инициативы по «Восточному пакту» не были в середине 30-х гг. приняты большей частью стран, к которым они были обращены, однако, они были позитивно приняты властями Франции и Чехословакии. Для середины и второй половины 1930-х гг. было характерно стремительное развитие советско-чехословацких отношений. До этого времени их политическая составляющая практически «не работала», что

---

¹ История второй мировой войны. 1939-1945. Том 1. М. 1973. С. 283.

было во многом связано с тем фактором, что Чехословацкая Республика лояльно относилась к деятельности русских белоэмигрантских организаций. Однако, в новых международных условиях, почувствовав реальную потенциальную угрозу со стороны Германии, Прага взяла курс на развитие отношений с красной Москвой.

Полноценные советско-чехословацкие дипломатические отношения были установлены лишь в 1934 г., но уже 16 мая 1935 г., через две недели после подписания советско-французского договора о взаимной помощи, был подписан аналогичный советско-чехословацкий договор. Он предусматривал оказание двумя странами друг другу взаимной помощи, хотя и содержал, по предложению чехословацкого Президента Э. Бенеша следующую оговорку: «Одновременно оба правительства признают, что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними лишь поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь стране — жертве нападения будет оказана со стороны Франции».² Данная оговорка сыграла через несколько лет роковую роль в судьбе Чехословакии. Любопытно, что в 1935 г. Советский Союз вёл консультации о заключении аналогичных договоров с рядом других малых стран Европы, например, с Румынией и Латвией; но эти консультации успехом не завершились.

Безусловно, подписание договора 1935 г. способствовало заметной интенсификации советско-чехословацких отношений, как в военно-политической, так и в экономической областях. В последующие годы как советская дипломатия, так и КИ, энергично высказывались в поддержку сохранения территориальной целостности чехословацкого государства. Осудив аншлюс Австрии, советское руководство в течение 1938 г. неоднократно подтверждало свою готовность оказать действенную помощь Праге в лицо агрессивным требованиям Берлина, даже если Франция откажется предоставить Чехословакии соответствующую военную поддержку. Одновременно в ЛН и её органах СССР также выступал за совместные дипломатические действия демократических стран в защиту прав Чехословакии. Десятки стрелковых дивизий, сотни боевых самолётов были сосредоточены к сентябрю 1938 г. в западных военных округах СССР. Однако, Мюнхенская конференция 1938 г. привела к соглашению, по которому Прага отдала Судетскую область Германии. По сути, был вынесен смертельный приговор Чехословакии, но окончательно как государство она была оккупирована нацистской Германией в марте 1939 г.

---

² Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат. 1973. С. 336.

Достаточно диалектически развивались отношения СССР с балтийскими странами. С одной стороны, Москва никак не могла смириться с тем, что эти республики после гражданской войны были «отрезаны» от «социалистического строительства» в Советском Союзе, продолжая оказывать всестороннюю поддержку местному подпольному коммунистическому движению. С другой, руководствуясь подходом мирного сосуществования стран с разной социально-политической системой, СССР ещё в конце 1920-х — начале 1930-х гг. заключил с Эстонией, Латвией и Литвой договоры о ненападении. С учётом того, что за политическое доминирование в этих странах боролась как Германия, так и Англия, СССР, со своей стороны, также во второй половине 1930-х гг. постоянно наращивал своё воздействие на общественность балтийских стран. Можно сказать, что «советское руководство рассматривало потерю Прибалтики как временное явление».³ Вместе с тем, в отличие от Германии и Англии, объём внешнеэкономических связей Советского Союза с данными странами был в целом невысоким.

С приближением Второй мировой войны и ещё большим усилением германской активности на балтийском направлении Москва перестала удовлетворяться благожелательным нейтралитетом стран Балтии. Активность советских дипломатов, равно как и разведывательных структур с 1938 г. заметно наращивалась. С весны 1939 г., параллельно с военными консультациями с Англией и Францией, Советский Союз инициировал различные предложения балтийским странам относительно гарантий безопасности. Конкретно СССР добивался согласия этих республик на создание на их территории советских военных баз и подписание с ними договоров о взаимной помощи.

Подписание советско-германского пакта о ненападении изменило данное в Восточной Европе, в том числе и в том, что касалось развития взаимоотношений СССР и балтийских государств. Как известно, секретные протоколы к данному пакту однозначно обрекали большую часть Балтии в советскую сферу влияния. Соответственно, теперь даже гипотетически Эстония, Латвия и Литва не могли рассчитывать на прямую помощь Берлина, что заставило их правительства в сентябре-октябре 1939 г. согласиться на подписание однотипных договоров о взаимной помощи с во-

---

³ Худoley К. К. Балтийский нейтралитет и советский фактор в 1920-х — 1930-х годах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2013. Вы. 3. С. 97.

сточным соседом, по которому в трёх странах начали развёртываться советские военные базы. Начало Второй мировой войны, кстати, позволило расширить территорию Литвы, которая смогла благодаря Советскому Союзу получить Виленщину. Однако, стратегически судьба государственности балтийских республик была решена: летом 1940 г. все три страны были присоединены к СССР.

Столь же непросто складывались во второй половине 1930-х гг. отношения СССР с ещё одним государством Балтийского региона — Финляндией. Здесь тоже соседствовали идеологические и геополитические мотивы: желание оказать поддержку Коммунистической партии Финляндии (КПФ), многие лидеры которой находились в эмиграции в Советском Союзе, и настоятельная потребность добиться переноса советско-финской границы к северу от Ленинграда. Беспокоили Москву и тесные связи Хельсинки как с Германией, так и с англо-французским блоком. Многие специалисты считают, что подготовку к возможной войне с Финляндией в советском руководстве начали аж в 1936 г., но всё же реально именно после подписания советско-германского договора о ненападении тематика военного конфликта вступила в конкретную плоскость.

Впрочем, следует уточнить, что советская дипломатия ещё в 1938 г. зондировала вопрос о заключении с Финляндией пакта о взаимной помощи, а в октябре 1939 г. шли советско-финские переговоры (Москва требовала отодвинуть двухстороннюю границу на 90 км от Ленинграда и передать в аренду Советскому Союзу полуостров Ханко для постройки там военно-морской базы), на которых финские дипломаты отклонили предложение СССР об обмене территориями. Разумеется, с точки зрения международного права именно СССР выступил в конце ноября 1939 г. как агрессор, начав военные действия против Финляндии, за что по призыву Лондона и Парижа СССР был исключён из ЛН.

Важно отметить, что на дебютной стадии советско-финской войны Москва явно делала ставку на советизацию Финляндии, о чём свидетельствует образование промосковского «терриокского правительства» во главе с О. Куусиненом, подписание с ним, как с легитимным правительством т. н. Демократической Финляндской республики договора о взаимной помощи, создание прокоммунистической Финляндской народной армии, агитационные обращения к финским трудящимися «свергнуть правительство палачей» и т. д.⁴ Однако, по мере войны стало понятно, что задача-максимум — полная советизация Финляндии — не может быть выполнена.

---

⁴ Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1941-1945. М.: Высшая школа. 1992. С. 129.

Московский мирный договор 12 марта 1940 г. положил конец советско-финской войне. С одной стороны, нашей стране удалось отодвинуть границу от Ленинграда, к СССР отошли Карельский перешеек и Выборгский залив, Западная Карелия, остров Гогланд в восточной части Финского залива; также был получен в 30-летнюю аренду полуостров Ханко. С другой, СССР получил в лице Финляндии потенциального противника, итоги войны толкнули финское государство в объятия держав Оси.

Противоречивыми можно назвать в изучаемый период и отношения Советского Союза со странами Юго-Восточной Европы. Например, несмотря на исторический контекст, практически до конца 30-х гг. отсутствовали политические взаимоотношения СССР с Югославией. Тут, как и в случае с Чехословакией, свою роль играл фактор наличия на территории югославского королевства сильной и хорошо организованной белой эмиграции. С другой стороны, сам югославский монархический режим занимал последовательно антикоммунистические позиции, в то время, когда III Интернационал открыто выступал за признание права Словении, Хорватии и Македонии на государственную независимость, а Коммунистическая партия Югославии отстаивала идею демократической федеративной республики. В реальности, во второй половине 1930-х Югославия оставалась одной из немногих стран Европы, у которых не имелось дипломатических отношений с СССР. Эпизодический характер носили также экономические и культурные контакты. Только начало II Мировой войны заставило Белград в 1940 г. пойти на признание СССР. После этого начались переговоры о поставках советской нефти, в мае 1940 г. был заключён договор о торговле и мореплавании. Югославия, долгое время в дипломатическом плане ориентировавшаяся на Париж, была вынуждена в июне 1940 г. пойти на установление официальных дипломатических отношений с СССР.

Пожалуй, не менее трудными можно назвать отношения Советского государства во второй половине 30-х гг. с Румынией, хотя с ней, в отличие от Югославии, дипломатические отношения были установлены ещё в 1934 г. Также уровень внешнеторговых отношений был несколько выше, чем в случае с Югославией. В Румынии существовал правоавторитарный националистический режим, коммунистическая партия действовала в глубоком подполье, что не могло положительно сказываться на развитии политических отношений Москвы и Бухареста. Румыния, как и Польша, была принципиально настроена против опции пропуска частей Красной армии на помощь Франции, если бы соответствующее соглашение между Москвой, Парижем и Лондоном было достигнуто в 1938 или 1939 гг.

Но более важным было то, что над двухсторонними отношениями с 1918 г. висел «бессарабский вопрос»: Москва отказывалась признать законность присоединения Бессарабии (Молдавии) к Румынии, отторгнутой более 20 лет назад. С учётом секретных протоколов Пакта Молотова —

Риббентропа, в условиях начавшейся Второй мировой войны, советское правительство начало оказывать систематическое давление на Бухарест с призывами вернуть Бессарабию. Поскольку Берлин не был настроен в то время оказывать реальную помощь румынским союзникам, в соответствии с достигнутой договорённостью... уже 30 июня 1940 г. советские войска вышли в Бессарабии на давнюю границу нашей страны — реку Прут.⁵ Однако, следует иметь в виду, что Румыния отказалась от Бессарабии именно под давлением, что лишь закрепило профашистские внешнеполитические симпатии руководства этой страны, что и было продемонстрировано в июне 1941 г, когда Румыния вступила в войну против Советского Союза на стороне нацизма.

Подводя краткий итог данного текста, хотелось бы сказать, что потребность учитывать во внешнеполитической деятельности различные моменты (принципы мирного сосуществования, необходимость обеспечения безопасности западных границ СССР, антифашизм, поддержка революционного движения и т. д.) не могла не привести к тому, что в реальности отношения СССР с малыми и средними странами Европы накануне Великой Отечественной войны носили диалектически противоречивый характер. Даже формально союзнические отношения (пример Чехословакии), в общем-то, остались в большей степени на бумаге. В других же случаях (страны Балтии, Финляндия, Румыния) во имя задач расширения границ и обеспечения безопасности пришлось прибегать к силе или угрозе силы. Это, конечно же, принесло свою историческую пользу, но не могло не сказаться на скептическом или критическом отношении к внешней политике Москвы со стороны большей части малых стран Европы в конце 1930-х гг.

---

⁵ История внешней политики СССР. Том первый. 1917-1945 гг. М.: Изд. Наука. С. 1976. С. 412.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФАШИЗМА Г. ДИМИТРОВЫМ И ТАКТИКА НАРОДНЫХ ФРОНТОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются условия возникновения, классовая природа фашизма и исторический опыт борьбы с ним. Автор уделяет особое внимание анализу решений VII Конгресса Коминтерна и выработанной на ней тактике народных фронтов. В статье отмечается, что опыт народных фронтов, хоть и был исторически оправдан, вместе с тем показал непоследовательность в противостоянии фашизму со стороны буржуазных кругов. В статье опыт народных фронтов рассматривается как порождение исключительных условий наличия в мире социалистического государства. В современных условиях, с точки зрения автора, опыт народных фронтов не может применяться коммунистами.

Ключевые слова: революция, народный фронт, демократия, фашизм, буржуазия, пролетариат, Коминтерн.

Введение

Одним из важнейших и дискуссионных на сегодняшний день вопросов истории Коминтерна является тактика коммунистических партий в условиях наступления фашизма, а именно тактика Народных фронтов. Актуальность темы состоит в том, что фашизм не ушёл в прошлое, а продолжает поднимать голову сегодня. Следовательно, коммунистические партии должны вырабатывать тактику противодействия этому явлению, опираясь на позитивные и негативные уроки прошлого.

В докладе мы постараемся раскрыть исторические условия возникновения фашизма у власти в ряде стран, основные положения тактики Народных фронтов, действия по формированию народных фронтов (Франция, Испания и др.) в предвоенный период и их действия в ходе Второй мировой войны, а также вопрос применимости опыта Народных фронтов для современного коммунистического движения.

Прежде всего, говоря о тактике Народных фронтов, специально подчеркнём, что это не стратегическая смена курса и отказ от мировой революции и диктатуры пролетариата. Стратегически идея и цель мировой революции продолжала сохраняться и никем не оспаривалась. Речь шла именно о тактике, характерной для определенных исторических условий, в данном случае - для противодействия фашизму. Как отмечалось в резолюции по докладу Г. Димитрова, принятой на VII конгрессе Коминтерна, «установление единого фронта рабочего класса – это решающее звено подготовки трудящихся к предстоящим великим боям второго тура пролетар-

ских революций»¹. Таким образом, и речи быть не могло об отказе от диктатуры пролетариата и от мировой революции. Напротив, тактика единого фронта и, позже, народного фронта являлась этапом мирового революционного процесса и задумывалась именно с этой целью.

Но стратегическая цель никогда не будет достигнута, если у коммунистического движения нет соответствующей задачам момента тактики. Отсюда определение тактики является важнейшей составляющей для успешного ведения пролетариатом классовой борьбы. Одним из наиболее значимых тактических вопросов является вопрос о союзниках и попутчиках. Коммунисты, проводя принципиальную политическую линию в интересах пролетариата, могут и должны привлекать к своей борьбе и непролетарские массы трудящихся, отстаивать не только сугубо классовые, но и общедемократические требования. Пролетариату не все равно, в каких условиях бороться за революцию: в условиях прямого фашистского террора или в условиях буржуазной демократии.

Кроме того, коммунисты могут и должны использовать трещины в стане классового противника – буржуазии. Отсюда нельзя исключать ситуаций тактического взаимодействия и даже блокирования с тем или иным отрядом буржуазного класса. Главное условие для заключения подобных компромиссов заключается в том, чтобы подобные компромиссы и коалиции усиливали рабочий класс, используя противоречия буржуазии, а не наоборот – не использовали рабочий класс в качестве пушечного мяса для того или иного отряда буржуазии. Маркс не зря говорил, что «в политике ради известной цели можно заключить союз даже с самим чёртом — нужно только быть уверенным, что ты проведёшь чёрта, а не чёрт тебя»².

Одним из тактических вопросов был вопрос о едином фронте, а позже - антифашистском народном фронте. Чтобы понять причины перехода Коминтерна к этой тактике, нужно кратко остановиться на понимании фашизма.

Фашизм: понятие и условия возникновения

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, мир вступил в новую эпоху – эпоху перехода от капитализма к коммунизму, эпоху пролетарских революций. Вместе с тем революционное движение столкнулось со сложностями: очаги мировой революции в разных странах были подавлены, выстоявшее Советское государство оказалось

---

¹ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сб. документов. М.: Политиздат. 1975. С. 381. Далее: VII конгресс Коммунистического Интернационала

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 8. С. 410.

во вражеском окружении, коммунистические партии и революционное движение хоть и вышло на качественно новый уровень, но по-прежнему в европейских странах уступало реформистам. Это видно по выборам в парламенты ряда европейских стран. Так, например, в Великобритании на выборах в Палату общин Рабочая партия получала в 1922, 1923, 1924 гг. от 29 до 33 % голосов. А компартия – менее 0,3 %. В 1929 г. Рабочая партия получила голоса 8 370 417 избирателей – 37% и 287 мандатов. А компартия – 50 634 голоса – 0,2% и 0 мандатов. Похожие результаты были и во Франции, где социалисты в 1924, 1928 и 1932 годах получали 20,1%, 18,1% и 20,5%, а коммунисты 9,8%, 11,3% и 8,35%. В 1920-е годы в Австрии коммунисты получали на выборах меньше 1% голосов, в Польше 1-2%, в Швеции 3-6%. В Германии в результате выборов в Рейхстаг в 1920, 1924, 1928 и 1930 годах коммунисты получили 2,1%, 12,6%, 10,6%, 13,1%, социал-демократы же 21,7%, 26,8%, 29,8% и 24,5%. Это при том, что правые фашистские силы только увеличивали своё влияние. Так, национал-социалисты улучшили свои позиции с 3% голосов в 1924 году до 18,33% в 1930, получив 107 мандатов³. Как видно, капитализм не собирался сдаваться и использовал новые, наиболее античеловеческие и варварские формы для сохранения своего господства.

Так и произошло. Капитализм в 1920-е и особенно 1930-е годы для сохранения своего господства, подавления рабочего и революционного движения в своих странах и уничтожения первого в мире социалистического государства пролетарской диктатуры стал прибегать к прямому террору, наступлению не только на социально-экономические, но даже буржуазно-демократические свободы. Фашизм использовал национальные чувства масс, связанные с унижением Версальской системой (особенно в странах, проигравших в Первой мировой войне), социальную и даже псевдосоциалистическую демагогию. Все это помогло ему увлечь за собой в ряде стран широкие слои мелкой буржуазии и некоторые отряды рабочего класса. Основной целью фашизма была борьба с революционной угрозой, военный разгром СССР и уничтожение большевизма.

Всестороннюю и научно обоснованную марксистскую оценку фашизма дал VII конгресс Коминтерна. Особенно стоит отметить доклад Г. Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма». Данный доклад был специально посвящён фашистской угрозе и тактике противодействия ей.

---

³ см <http://www.agitclub.ru/front/com/stal/class.htm>

Раскрывая классовую сущность фашизма, Димитров дал классическое марксистское определение фашизма, сохраняющее свою научную ценность до сих пор. Ещё на XIII пленуме Исполкома Коммунистического Интернационала было указано, что «*фашизм – это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала*». Данное определение было повторено на VII конгрессе Коминтерна⁴. Фашизм, по словам Димитрова, «это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм – это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике – это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов»⁵. Существует множество разновидностей фашизма, наиболее реакционной из которых является гитлеровский нацизм. Сущность же фашизма именно в прямой открытой террористической диктатуре финансового капитала. Любое государство по своей сущности в капиталистическом обществе - это диктатура буржуазии, но вот осуществляться диктатура буржуазии может по-разному: через буржуазную демократию, когда трудящиеся ещё могут легально отстаивать свои интересы, или через открытый террор, прямо попирающий и отбрасывающий мишуру буржуазной демократии.

Таким образом, можно заключить, что *экономической* основой фашизма выступает финансовый капитал. *Политической* – прямой террор против трудящихся и сворачивание буржуазной демократии. *Социальной* базой выступает мелкая буржуазия, люмпен-пролетариат и часть пролетариата, обманутого демагогией фашизма. Во внешней политике фашизм характеризуется самым агрессивным шовинизмом.

Как видно, элементы фашизма присутствуют во всех капиталистических странах, собственно, и сам фашизм есть буржуазный ответ на кризис и революционное движение, так как экономическая основа фашизма – господство финансового капитала. Однако было бы ошибочно путать фашизм у власти и отдельные проявления фашизма. Фашизм у власти характеризуется именно систематической прямой террористической диктатурой финансового капитала. Отдельные фашистские по форме действия могут совершать и буржуазно-демократические правительства. Так, например,

---

⁴ VII конгресс Коммунистического Интернационала. С. 120.

⁵ Там же. С. 121.

правительство Веймарской республики разогнало первомайскую демонстрацию в Берлине в 1929 году. В результате этих событий погибло 33 человека, около 200 были ранены, более 1200 задержаны. Деятельность Союза Красных Фронтовиков была запрещена до 14 мая. Это проявление элементов фашизма, но ещё не сам фашизм у власти. Более ярким проявлением фашизма были события в Москве в 1993 году, когда в центре столицы из танковых орудий был расстрелян высший орган государственной власти и погибли сотни человек...

Также важно отличать фашизм у власти и фашистскую идеологию, разработанную Б. Муссолини. Для фашистской идеологии свойственны такие черты как провозглашение государства главным элементом общества, корпоративизм и солидаризм всех слоёв и классов внутри государства. Некоторые исследователи упрекают Димитрова в том, что он не указал на эти черты фашистской идеологии, однако Димитров ставил своей задачей показать классовые корни и природу фашизма во власти, а не фашизм как набор идеологических принципов

К власти фашизм пришёл в Германии и Италии, образовав ось Берлин-Рим. Фашистские и полуфашистские режимы победили также в Венгрии, Польше, Испании, Австрии, Болгарии, Португалии, Греции, государствах Прибалтики (до освобождения их Красной армией в 1940 году). В 1936 году фашистские государства заключили «Антикоминтерновский пакт», направленный на координацию фашистских государств в борьбе с коммунистическими структурами. Хочется особенно отметить, что главным врагом фашисты видели именно международное коммунистическое движение и его организационную структуру - Коминтерн. Это вытекает из самого названия пакта, который был не антисоветский, не антироссийский, не антибританский, а именно антикоминтерновский. Фашизм знал главную угрозу своему существованию – эта угроза заключалась в международной пролетарской солидарности трудящихся, в коммунистической идеологии и коммунистических партиях.

Особенно стоит отметить ответственность социал-демократии за приход к власти фашизма. Своим реформизмом она дезориентировала рабочий класс, отучала его от борьбы. Своей половинчатостью и нерешительностью она не создавала должного отпора фашизму, а то и шла у него на поводу. В конце концов, Гитлер пришёл к власти в Германии, где у власти находились социал-демократы. Да и в отношении тактики единого рабочего фронта социал-демократия постоянно уклонялась от союза с коммунистами. Так, уже в 1935 году, когда Исполком Коминтерна обратился к Социалистическому рабочему интернационалу с предложением объединить усилия против военной опасности, Исполком Социинтерна **отклонил предложение коммунистов.**

Во всех странах, где фашизм приходил к власти, главным врагом фашизма всегда являлись коммунисты, на них и обрушивались в первую очередь репрессии. Они же являлись главными организаторами антифашистского сопротивления. Однако кроме этого, фашизм осуществлял наступление и на буржуазную демократию, буржуазно-демократические организации, тем самым бил не только по революционному лагерю пролетариата, но и по другим силам, заинтересованным в буржуазной демократии. Поэтому, при очевидной стратегической линии на социализм, без установления которого окончательно победить фашизм невозможно, на отдельных тактических этапах борьбы с фашизмом целесообразно взаимодействие коммунистических сил с силами буржуазной демократии. Отсюда напрашивалась тактика единого фронта со всеми демократическими силами.

Тактика Народного фронта.

Учитывая новые условия и опыт борьбы в 1920-е годы, VII конгресс Коминтерна принял ряд важнейших решений, относящихся к тактике коммунистов в условиях наступающего фашизма.

Понимание необходимости достижения единства рабочего класса было и ранее. Для завоевания на свою сторону большинства пролетариата коммунисты по инициативе Ленина выдвинули идею «единого фронта» рабочего класса. В декабре 1921 г. Исполком Коминтерна принял тезисы о едином рабочем фронте и об отношении к рабочим, входящим во II, II 1/2 и Амстердамский Интернационалы, а также к рабочим, поддерживающим анархо-синдикалистские организации.

Это означало некоторое изменение тактики по отношению к реформистам и оппортунистам. Ставилась задача тактического объединения всего рабочего класса - как той части, которая вполне осознала свои классовые интересы и шла за коммунистами, так и менее сознательной, которая шла за оппортунистами. Объединения, конечно, **не организационного**. Полное сохранение независимости коммунистических партий и свобода критики оппортунистов были важнейшими условиями, на которых предполагалось создать единый фронт⁶.

Сама тактика антифашистского народного фронта базировалась на тактике единого рабочего фронта, являлась её продолжением и распространением не только на рабочий класс, но и на широкие слои мелкой буржуазии и даже на часть антифашистски настроенной крупной буржуазии. Г. Димитров неспроста говорил о том, что единый фронт пролетариата и

---

⁶ Подробнее см.: <https://rkrp-rpk.ru/2019/04/23/тактика-единого-фронта/>

антифашистский народный фронт связаны между собой «живой диалектикой борьбы, переплетаются, переходят в процессе практической борьбы против фашизма один в другой»⁷.

Особенностью нового этапа стала конкретизация тактики. В 1920-е гг. часто путались стратегические и тактические задачи. На IX пленуме ИККИ была принята тактика «класс против класса», которая формально верно противопоставляла рабочий класс буржуазии, разоблачала социал-демократию как силу, расчищающую дорогу фашизму. Неспроста социал-демократию именовали социал-фашизмом. В то же время, имела место определенная недооценка фашистских сил, основной удар наносился по оппортунизму. Подчеркнём, что для того исторического этапа борьбы это было вполне понятно. Вполне обоснованной была и критика социал-демократии за пособничество фашизму. Но усиление фашистской угрозы заставило пересмотреть и взаимоотношения с социал-демократией и тактические установки в целом.

В чем заключалась новая тактика?

Во-первых, основная непосредственная цель ближайшей перспективы переносилась с борьбы за социализм и советскую власть на борьбу против фашизма за сохранение буржуазной демократии. Понятно, что главная цель - это завоевание диктатуры пролетариата и построение социализма и коммунизма, но, как отмечал Г. Димитров на уже упомянутом VII Конгрессе Коминтерна, «сейчас трудящимся массам в ряде капиталистических стран приходится выбирать конкретно на сегодняшний день не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом»⁸. Поскольку коммунистам не все равно, в каких условиях вести борьбу с буржуазией (в условиях открытой террористической диктатуры или в условиях буржуазной демократии), задача защиты буржуазной демократии от фашизма была объявлена на данном историческом этапе первоочередной.

Во-вторых, с учётом международной обстановки и угроз, которые исходят от фашизма международному коммунистическому движению и его главному оплоту – СССР, главным противником становился фашизм. Огромную роль играло существование социалистического государства. Сам факт того, что в мире есть социалистическое государство (причём, достаточно крупное и сильное), заставлял буржуазию капиталистических

---

⁷ VII конгресс Коммунистического Интернационала. С. 199.

⁸ Там же. С. 207.

стран оглядываться в своей политике на этот фактор, позволял трудящимся выбивать больше уступок. В области формирования народного антифашистского фронта давление на буржуазию капиталистических государств осуществлялось с двух сторон: со стороны трудящихся этих государств и со стороны внешней политики, направленной на реальную борьбу с фашизмом, проводимую СССР. В этом смысле можно смело сказать, что поддерживая буржуазную демократию против фашизма, трудящиеся поддерживали политику своего социалистического государства – СССР.

В-третьих, в борьбе с фашизмом допускалось опираться на силы буржуазной демократии, заключать коалиции, выступать единым фронтом со всеми прогрессивными демократическими силами (в первую очередь, социал-демократами) на уличных акциях, в выборных кампаниях, формировать единый профсоюзный фронт и пр. При этом, коммунисты оставляли за собой право идеологической борьбы с оппортунизмом и соглашательством⁹.

В-четвертых, допускалось коммунистам входить в правительство народного фронта или иным способом поддерживать это правительство в борьбе с фашизмом. При этом, подчёркивалось, что это правительство не принесет окончательного спасения, что полное освобождение возможно лишь при советской власти. Именно поэтому такое правительство не может «окончательно устранить угрозы фашизма»¹⁰. Тем не менее, как тактический этап поддерживать такое правительство **против фашизма** считалось допустимым.

В-пятых, в условиях империалистической войны, коммунисты капиталистических государств, которые подверглись фашистской агрессии, должны были бороться с агрессором. Так, в постановлении ИККИ от 1 апреля 1936 года указывалось, что в группе стран – потенциальных жертв агрессии – центральной задачей становится борьба за национальный антигитлеровский фронт всех демократических, прогрессивных и патриотических сил. Почему нельзя было применить тактику желая поражения своему правительству в империалистической войне, как это делали большевики во времена Первой мировой войны? Ведь война для империалистов Англии, Франции была тоже империалистической, как и для Германии. Потому что в новых условиях фашизм представлял собой наиболее агрессивный отряд буржуазии, наиболее жесткий вариант шовинизма, наиболее воинствующий и антикоммунистический ударный кулак буржуазного класса. Если империалисты Англии, США и Франции представляли

---

⁹ Там же. С. 183.

¹⁰ Там же. С. 177.

угрозу на перспективу, то фашизм угрожал всему человечеству здесь и сейчас. Главным образом, фашизм стремился развязать войну с первым социалистическим государством. Отказ противодействовать фашизму означал оказание фактической помощи фашизму в борьбе с первым в мире социалистическим государством, а, следовательно, и с коммунистическим движением во всем мире.

Тактика Народных фронтов применялась во многих странах мира, но наибольшего успеха она достигла во Франции, Испании и Чили, где у власти оказались правительства народных фронтов. К сожалению рамки доклада, не позволяют подробнее остановиться на этом вопросе¹¹. Остановимся лишь на главных политических итогах этой тактике.

Во-первых, исторический опыт показал, что Народный фронт действительно смог стать реальным препятствием на путях наступления фашизма. С этой точки зрения как антифашистская сила Народный фронт сумел сплотить значительные широкие массы трудящихся, укрепить авторитет коммунистов как наиболее последовательной антифашистской силы. В конечном счёте, тактика широкого народного антифашистского фронта привела к установлению советской власти в ряде государств Восточной Европы.

Во-вторых, Народный фронт явился одной из смычек пролетариата с широкими слоями трудящихся, что приводило к укреплению влияния коммунистов не только на заводской пролетариат, но и на других слоёв трудящихся (мелкую буржуазию, студенчество, трудовую демократически настроенную интеллигенцию).

В-третьих, во всех случаях буржуазия оказывалась ненадёжным союзником в деле защиты буржуазной демократии от фашизма, была склонна к переговорам и умиротворению фашистов, а то и прямому пособничеству фашизму. Последовательная антифашистская политика проводилась лишь коммунистами. И это не удивительно, ведь несмотря на определенную разницу, и фашисты и антифашистски настроенные круги буржуазии – представители одного класса и порождение одной системы, поэтому неудивительно, что буржуазная демократия зачастую боится больше союзников из коммунистического лагеря, чем противников из фашистского.

В-четвертых, буржуазный антифашизм очень быстро становился своей противоположностью, что отчётливо можно наблюдать в особенности на французском примере, когда правительство Даладьё осуществило запрет на коммунистическую печать и деятельность, а также проводила

---

¹¹ См. Коваль Б. И. Революционный опыт XX века. М.: Мысль. С. 204-256.

политику умиротворения во внешней политике, что способствовало усилению позиций Гитлера. Это же мы видели в Греции, где революционные силы были задавлены реакционерами, поддерживаемыми британским империализмом (хотя, казалось бы, Великобритания воевала в антигитлеровской коалиции). Да и сама политика буржуазных стран антигитлеровской коалиции весьма показательна. Едва успев закончить Вторую Мировую войну, в США уже разрабатывались вполне серьёзные планы атомной бомбардировки крупнейших городов СССР (план «Дропшот»). По своему цинизму и масштабам жертв в случае реализации этих планов, вчерашние антифашисты вполне могли превзойти своих фашистских противников. Да и сам факт сброса атомной бомбы на Хиросиму и Нагасаки тоже показателен. Вчерашние антифашисты быстро превращаются в проводников фашистской политики, будь то внешняя политика, связанная с атомной бомбардировкой мирных городов, или внутренняя, выражающаяся в запрете коммунистических организаций (как, например, во Франции). А всё оттого, что фашизм есть порождение капитала, и пока жив капитализм, всегда будет существовать почва для возрождения фашизма в том или ином виде.

Анализ указанных закономерностей, должен приводить современных коммунистов к определенным выводам:

Во-первых, последовательная борьба с фашизмом не может, так или иначе, не переходить в борьбу с капитализмом. Без сильного (а желательно, руководящего) коммунистического ядра такая антифашистская борьба рискует быть непоследовательной, половинчатой, а то и просто сойти на нет.

Во-вторых, защищая буржуазную демократию от фашизма, выступая в союзе с широкими массами трудящихся, коммунисты не должны упускать из вида свою главную стратегическую цель - борьбу с капитализмом, борьбу за Советскую власть. Коммунисты должны использовать подобные союзы для усиления классовых позиций пролетариата, а не подчинять пролетариат шатаниям мелкобуржуазной демократии.

В-третьих, чтобы быть ядром народного протеста, пролетариат должен стать внушительной силой, отсюда –каждодневная организация пролетариата на борьбу за свои права, а также политическое просвещение широких масс трудящихся являются первейшей обязанностью коммунистов.

Применим ли опыт Народных фронтов 1930-х годов к современным условиям?

Остаётся последний вопрос: применим ли опыт Народных фронтов в современных условиях? Опыт Народных фронтов 1930-40-х гг. прошлого века является во многом уникальным, и переносить прежние формы на новую почву, а тем более проводить надуманные аналогии недопустимо. Как

мы уже отмечали, важнейшим фактором того времени являлось социалистическое государство – СССР, которое являлось основным плацдармом для продвижения мирового революционного процесса и, конечно, существенным образом оказывало воздействие на международную политику буржуазных государств. В этих условиях режимы, ставящие главной своей целью уничтожение СССР «здесь и сейчас», являлись врагами № 1 для рабочего класса. Поэтому, когда складывалась вполне определенная ось стран фашизма с одной стороны, страна социализма с другой и страны буржуазной демократии с третьей, вполне логично, что можно и нужно было поддерживать антифашистские буржуазно-демократические государства против фашизма в интересах укрепления первого в мире социалистического государства.

Сегодня такой ситуации нет. Нет ни социалистического государства, которое являлось бы оплотом всего мирового революционного движения, нет ни явного полюса фашизма против антифашистских сил. Сегодня фашизация протекает приблизительно в равной степени в ряде стран, стоящих вроде бы на противоположных позициях. Империалистические государства, входящие в блок НАТО, и конкурирующие с ними империалистические государства (в первую очередь Россия и Китай) используют, когда им это выгодно, элементы фашизма во внутренней и внешней политике, а когда не выгодно – рядятся в антифашистские одежды. Во всех без исключения империалистических странах идёт шовинистическая истерия и поиск внешнего врага. Во всех странах буржуазной демократии в большей или меньшей степени идёт наступление на социально-экономические права и буржуазную демократию. Всё чаще мы видим, что права, закрепленные в буржуазно-демократических конституциях, становятся фикцией, а институты современной буржуазной демократии (парламентаризм, свобода слова, печати и пр.) превращаются в инструмент манипуляции общественным сознанием со стороны сил крупного капитала и не имеют ничего общего с реальными правами трудящихся. Во многих странах современного мира поднимает голову фашистская и даже нацистская идеология. К сожалению, к таким странам относятся и некоторые бывшие республики, входящие ранее в СССР, но и не только они. Мы видим, как в Западной Европе тоже растут ультраправые настроения, подогреваемые трудностями, связанными с притоком беженцев.

Все это, конечно, ещё не фашизм, однако элементы фашизма по всему миру за последнее время только усиливаются. Это означает, что коммунистам всех стран необходимо действовать с учётом конкретной обстановки. Если речь идёт об империалистических государствах, то там на

первое место должна выходить классовая самоорганизация пролетариата и его политическое просвещение, разоблачение «своего» фашизма, «своей» буржуазии. Для коммунистов империалистических стран должно быть понятно, что главный враг в своей стране.

Исторические аналогии никогда не бывают точными, но если уж их и проводить, то современная мировая ситуация куда больше походит на канун Первой, а не Второй мировой войны и тактика коммунистических сил должна, скорее, брать за основу опыт Ленина и большевиков в 1914, нежели опыт народных фронтов 1930-х. Бесспорно в условиях наступления оппортунизма, который превратился в полностью подконтрольный капиталу идеологический и политический инструмент контроля над рабочим классом, борьба с ним для современных коммунистов должна быть одним из приоритетных направлений.

Самое же главное - это понимание своих задач и умение найти подход к своему классу, умение проводить свою принципиальную линию – линию на завоевание диктатуры пролетариата. Если это будет, то остальное приложится. Сила большевиков заключалась в значительной степени в их принципиальной классовой линии, это помогло им привлечь на свою сторону колеблющихся. Как говорил Ленин, «Чтобы помочь колеблющимся, надо перестать колебаться самому»¹².

---

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 409.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ КАК КРУПНЫЙ УСПЕХ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация. Немного тем, так многократно рассмотренных в самых разнообразных текстах, как подписанный 23 августа 1939 года Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, но настоящий текст относится не столько к исторической науке, как таковой, сколько к философии истории. Речь пойдёт не о фактах, а об их оценках, об интерпретациях известных событий и принятых решений.

I

Главной идеей, *raison d'être* этого текста является то, что Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 года, взятый в существовавшем контексте и состоявшихся в реальной истории событий, и потенциально возможного их развития, был *крупнейшим успехом советской внешней политики*: он не только полностью ликвидировал угрозу вероятной (заведомо, по мнению многих советских военных руководителей, грозящей проигрышем) войны союза СССР, Монголии и Тувы против коалиции Польши, Германии и Японии, но и заставил двух потенциальных врагов вцепиться друг другу в глотки в смертельной схватке первой фазы¹ Второй мировой войны; в Токио подписание Договора привело к политическому кризису, смене правительства и отказу от дальнейшей агрессии в Северном направлении, и это в условиях, когда контрнаступление РККА на Халхин-Голе началось только в 20-ых числах августа 1939 года, практически одновременно с подписанием Договора о ненападении СССР и Германии.

Принадлежащий по своему служебному положению к самому узкому кругу военных сотрудников и приближенных А. Гитлера, Н. Белов утверждал, что “внешняя политика Гитлера с самого начала была нацелена на создание и охрану территориальной базы для борьбы против России таким образом, чтобы ни одна другая сила не смогла ударить ему в спину. Он верил, что найдёт у держав Версальского договора понимание в том, что предписания и положения этого договора не могут действовать на вечные времена”².

---

¹ Если соглашаться с китайской историографией, то второй фазой - в КНР считают, что Вторая мировая война началась с агрессии Японии против Китайской республики в 1937 году.

² Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. <http://militera.lib.ru/memo/german/below/02.html>

Очень любопытным в этой связи представляется удивительно точно предсказанный график гитлеровской агрессии, который вскоре после мюнхенского соглашения в 1938 году озвучил Г.В. Димитров. Оккупация Польши Германией прогнозировалось на осень 1939 года, затем упоминался захват Югославии, Румынии, Болгарии, Франции, Бельгии. Наконец, осенью 1941 года Германия должна была начать войну против Советского Союза³. Так выглядит марксистский дар предвидения, ведь осенью 1938 года ещё не была до конца захвачена даже Чехословакия?

Советско-германский договор 1939 года с самого начала был важнейшим элементом внешней политики, но он стал и одним из ключевых факторов внутренней политики СССР спустя полвека после подписания, в 1989 году, когда Съезд народных депутатов СССР (тогда - высший орган управления в стране) принял постановление, осуждавшее подписание секретного дополнительного протокола к пакту⁴.

Очень важно понимать, что, как показывает эмпирический опыт и утверждает довольно строгая теория принятия решений, в такой непосредственно связанной с недопущением войн сфере деятельности, как дипломатия, *решающим принципом должно быть стремление к недопущению наихудшего возможного развития событий, а не логика, основанная на учёте более или менее вероятного развития событий*. Горький урок провалов политики Кремля при М.С. Горбачёве и Б.Н. Ельцине является лучшим тому свидетельством.

Характеризуя ситуацию, которой оказалась международная политика во второй половине 30-ых годов, записной антагонист советской политики Л.Д. Троцкий говорил, что “никто не верит слову другого и даже своему собственному слову. Любой договор предполагает минимум взаимного доверия, тем более — военный союз... Это вовсе не вопрос абстрактной морали; просто нынешнее объективное положение мировых держав, которым стало слишком тесно рядом друг с другом на земном шаре, *исключает возможность последовательной политики, которую можно предвидеть заранее и на которую можно опираться*. Каждое правительство пытается застраховать себя, по крайней мере, на два случая. Отсюда ужасающая двойственность мировой политики, фальшь и конвульсивность. Чем неотвратимее и трагичнее вырисовывается общий прогноз: *человечество идет*

---

³Цит. по: Троцкий Л.Д. Сталин — интендант Гитлера. <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotm472.html>

⁴Пакт, спасший страну: 80 лет договору СССР с Германией о ненападении. <https://ria.ru/20190823/1557814473.html>

с закрытыми глазами к новой катастрофе, — тем труднее становятся частные прогнозы: что сделает Англия или Германия завтра? На чьей стороне будет Польша? Какую позицию займёт Москва?”⁵.

Тут уместно вспомнить, как описывал процесс выработки внешнеполитических решений английский историк Д. Кимхе: “Многочисленный поток слов, конфиденциальная и совершенно секретная информация, донесения и сплетни дипломатов, подробности по военным вопросам и экономические оценки попадали через разведывательный аппарат (во всех его аспектах) к людям, принимавшим решения в Лондоне, Париже, Берлине, Риме и Варшаве. Что они знали, когда пробили час принятия решений? Мы видим их действующими в сплошном тумане неведения, ошибочной информации и ошибочных суждений, в котором они действовали. И поэтому нам... следует ближе рассмотреть этот «аппарат», на который полагались при своей ориентировке Чемберлен, Даладь, Гитлер и Муссолини”⁶.

Анализируя сложившуюся к середине 30-ых годов XX века военно-политическую ситуацию, М.Н. Тухачевский отмечал, что для Германии основную задачу составляет получение колоний и источников сырья за счёт России и государств Малой Антанты, так как опыт первой мировой войны показал, что без обеспечения себя основными видами сырья, в особенности железной рудой, нефтью и хлебом, ей невозможно участвовать в большой и длительной современной войне. Все эти виды сырья имелись на Украине, в Румынии и Чехословакии⁷. Обратите внимание, здесь не упоминается Польша, как источник сырья и объект колонизации. Почему?

Дело в том, что к середине 1930-ых годов наметилось сближение Польши с гитлеровской Германией. Советско-польская война 1920 года и завершивший её Рижский мир 1921 года, по мнению Л.И. Безыменского, как бы “запрограммировала недружелюбные отношения” между Варшавой и Москвой: “спрашивается: как же не использовать было Гитлеру эту неприязнь, как же не попытаться было привлечь Польшу на свою сторону?”⁸. “В Москве и Париже, несмотря на отсутствие чётких деклараций

---

⁵ Троцкий Л.Д. Загадка СССР. <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotm471.html>

⁶ Кимхе Д. Несостоявшаяся битва. — М.: Воениздат, 1971. <http://militera.lib.ru/research/kimche/07.html>

⁷ Из показаний маршала М.Н. Тухачевского «План поражения». 1 июня 1937 г. <https://istmat.org/node/28596>

⁸ Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. Глава восьмая. Мюнхен — неожиданные последствия. <http://militera.lib.ru/research/bezymensky3/08.html>

польского МИДа, господствовало убеждение, что Польша вступила в сговор с Гитлером”⁹. VII Всемирный конгресс Коминтерна констатировал, что германский империализм нашёл в Европе союзника «в лице польского фашизма, стремящегося также расширить свою территорию за счёт Чехословакии, Прибалтийских стран и Советского Союза»¹⁰. Более того, согласно ”гипотезе” С.В. Морозова, “реакционеры из правящих кругов Японии, Польши и Германии в глубокой тайне вынашивали планы развязать агрессию против СССР во второй половине 1935 года”¹¹.

Для этого были основания. В вышедшей много позже окончания великой войны книге воспоминаний Н. Белов утверждал, что хотя А. Гитлеру для реализации его планов нужны были Австрия, Чехословакия и Польша в части обеспечения тыла в войне против СССР, отношение к ним было разным. Австрию он считал германской землёй, Чехословакию критиковал “за антигерманскую и прорусскую установку её правительство, независимо от вопроса о судетском немецком меньшинстве”, но отношение А. Гитлера к Польше было иным. “Исходя из германо-польского пакта о ненападении от 1934 года и зная о старинной вражде Польши к России, Гитлер видел в ее лице союзника по борьбе с большевизмом. Он считал, что страх Польши перед русскими послужит исходной базой для германо-польского компромисса. Поэтому его территориальные требования к ней не переходили приемлемых пределов”¹².

В интервью с И.В. Сталиным 1 марта 1936 года председатель американского газетного объединения “Скриппс - Говард Ньюспейперс” Р. Говард упоминал, как общеизвестный факт, что СССР “опасается, что Германия и Польша имеют направленные против него агрессивные намерения и подготавливают военное сотрудничество, которое должно помочь реализовать эти намерения”¹³. Оценивая складывающуюся военно-политическую обстановку, М.Н. Тухачевский писал о странной, на первый взгляд, схожести создавшейся обстановки со стратегической позицией Германии

⁹ Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С.113.

¹⁰ Димитров Г.В. Наступление фашизма и задачи коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма.

¹¹ Морозов С. В. «Лебединая песня» маршала, которой так и не суждено было прозвучать. <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/25/1ac37b3ea62a418028c33e6b9fa9abfc38eeba9d.pdf>

¹² Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. <http://militera.lib.ru/memo/german/below/02.html>

¹³ Сталин И.В. Беседа с председателем американского газетного объединения “Скриппс-Говард Ньюспейперс” господином Рой Говардом 1 марта 1936 года

в годы после франко-прусской войны. “Правящие круги Германии основную стрелу своих операций направляют против СССР. При этом Гитлер надеется на свою дипломатию и на то, что Франция останется нейтральной... Сходство с обстановкой после франко-прусской войны заключается ещё и в факте союза Германии с Польшей... Этот факт имеет крупнейшее значение для антисоветской политики Гитлера. Не говоря уже о том, что прямые пути в СССР идут через Польшу, армия этой последней насчитывает в мирное время 30 дивизий и, конечно, удвоит их число очень быстро по мобилизации”¹⁴.

Одним из первых внешнеполитических успехов немецкого правительства под руководством Гитлера стал “Пакт Пилсудского - Гитлера” (Договор о ненападении между Германией и Польшей), который был заключён 26 января 1934 года сроком на 10 лет. Для внешней политики нацистской Германии соглашение с Польшей играло роль прецедента, нарушая положение неформальной изоляции, в которой оказалась Германия после демонстративного выхода из Лиги наций и женевской Всемирной конференции по разоружению¹⁵. В феврале 1935 года А. Гитлер, по словам А. Розенберга, предсказывал, что германо-польский союз не распадётся через 10 лет, а будет существовать дальше¹⁶, а в конце июня 1934 года советской разведке из ближайшего окружения Ю. Пилсудского стало известно, что польско-германское военное сотрудничество развивается в направлении унификации вооружения обеих армий и запланирован перевод вооружения польской армии с французской на германскую военную промышленность. Германскую военную комиссию в Польше возглавлял близкий А. Гитлеру убеждённый нацист В. Райхенау¹⁷. А. Гитлер пояснял Б. Муссолини сложившуюся ситуацию следующим образом: “10 лет назад Польша была в военном отношении сильнее России]. Сегодня уже нет. Они заключили пакт с нами из боязни перед Россией”¹⁸.

Современные польские исследователи склонны полностью исключать возможность антисоветского германо-польского альянса, прежде всего, путём категорического отрицания агрессивного характера внешней поли-

---

¹⁴Тухачевский М.Н. Военные планы нынешней Германии. <http://militera.lib.ru/science/tuhachevsky1/01.html>

¹⁵ Белые пятна - чёрные пятна. С.113.

¹⁶ Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. С.75-76.

¹⁷ Морозов С. В. «Лебединая песня» маршала, которой так и не суждено было прозвучать.

¹⁸ Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. С.43.

тики режима «санации» и наделения таковым советской внешней политики межвоенного периода¹⁹. Важно помнить, что Советская Россия была отгорожена от Западной Европы кордоном ненавидевших большевизм государств. Суть их политики официально сформулировал министр иностранных дел Польши Ю. Бек - "ни столкновения, ни соглашения", то есть блок нейтральных стран должен был не допустить ни столкновения, ни соглашения между Германией и Советской Россией. Однако, когда резко обострились отношения между Японией и СССР после начала агрессии Японии в Китае, в 1933—1935 годах в Германии и Польше начали обсуждать перспективы совместного нападения на Советский Союз при условии начала войны на Дальнем Востоке.

Видный советский военный теоретик и военный историк Г.С. Иссерсон уже в 60-ые годы XX века, зная путь, по которому пошла реальная история Европы, писал о весьма вероятном военном альянсе Берлина и Варшавы в 30-ые годы: "В 1936 году не было ещё оснований предполагать, что Германия сначала полностью поглотит Польшу и прекратит ее существование как самостоятельного государства, лишив себя поддержки такой организованной и подготовленной армии, как польская, которая могла по мобилизации выставить свыше 50 дивизий. Можно было наоборот предположить, что Германия путём военных угроз, дипломатического давления и активизации прогерманской фашистской группировки в самой Польше разрешит с ней спорные вопросы и обяжет ее вступить в военный союз для совместного выступления против Советской России. Тухачевский был согласен с таким предположением"²⁰, считая вредительством то, что советский оперативный план "построен все так же, как если бы война ожидалась с одной только Польшей"²¹.

Согласно секретному польско-германскому договору от 25 февраля 1934 года польское правительство принимало на себя обязательства «обеспечить свободное прохождение германских войск по своей территории, в случае, если эти войска будут призваны отразить провокацию с востока или с северо-востока»²². Советская разведка сообщала, что «между поль-

---

¹⁹ Морозов С. В. «Лебединая песня» маршала, которой так и не суждено было прозвучать.

²⁰ Иссерсон Г.С. Записки современника о М. Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 4. часть II.

²¹ Из показаний маршала М.Н. Тухачевского «План поражения».

²² <https://www.noo-journal.ru/declaration-on-the-non-use-of-force-between-germany-and-poland/>

ским и германским генеральными штабами заключена конвенция, направленная против СССР»²³. В этих условиях М.Н. Тухачевский полагал, что расчёты, безусловно, доказывают, что Белорусский и Украинский фронты, имеющие в своём составе около 90 стрелковых дивизий, “подвергаются опасности последовательного поражения” от польско - германских войск при выполнении ими активных задач, которые ставятся им действовавшим оперативным планом”²⁴.

Е.А. Прудникова резюмирует: “Диктатор Польши Юзеф Пилсудский еще с 1933 года выказывал себя сторонником Гитлера и даже помогал фюреру в некоторых маленьких провокациях. В 1935 году он умер, польская политика стала более хаотичной, но не настолько, чтобы сомневаться в том, на чьей стороне будет Варшава в грядущей войне. Поэтому в советском военном планировании сценарий будущей войны мыслился как интервенция союзных германской и польской армий”²⁵.

II

При планировании военно-политических решений решающую роль играют *представления и оценки* лиц, принимающих решения (на математическом языке теории принятия решений это называется “субъективной вероятностью”), и *в военно-политическом планировании руководство обязано исходить из самого худшего возможного исхода* возможного развития событий (этот главный в военном деле, да и в дипломатии принцип принятия решения называется “минимакс” — минимизация максимального риска). В докладе разведотдела главного штаба польских войск в декабря 1938 года значилось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России»²⁶.

²³Служба внешней разведки России. Архив СВР России. Секреты польской политики. <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/203297-informatsiya-o-polsko-nemetskih-otnosheniyah-1935-g#mode/inspect/page/1/zoom/4>

²⁴ Из показаний маршала М.Н. Тухачевского «План поражения».

²⁵Прудникова Е.А. Взлет и падение «красного Бонапарта». Трагическая судьба маршала Тухачевского. <https://military.wikireading.ru/hHVOIEXwyg>

²⁶ Цит. по: <https://www.noo-journal.ru/declaration-on-the-non-use-of-force-between-germany-and-poland/>

Обратите внимание, в минимаксе *не учитывается вероятность этого самого худшего исхода*. Совершенно неважно, что его априорная вероятность была низкой, если наихудший исход все-таки произойдет. Главное — не допустить его ни при каких условиях. В других сферах человеческой деятельности это не обязательно так, например, у биржевых спекулянтов минимакс неприменим, так как минимизация максимального проигрыша на рынке — не играть. Там используются стратегии наиболее вероятных исходов под общим названием “*оптимин*”.

И.В. Сталин любил говорить о проблеме недостаточной бдительности, но ведь бдительность должна противопоставляться именно необоснованной готовности идти на риск. “Столь поразивший всех союз Сталина с Гитлером неотвратимо вырос из страха бюрократии перед войной, - писал Л.Д. Троцкий, - Этот союз мог быть предвиден: дипломатам следовало бы только вовремя переменить очки. Этот союз был предвиден, в частности, автором этих строк. Но господа дипломаты, как и простые смертные, *предпочитают обычно правдоподобные предсказания верным предсказаниям. Между тем в нашу сумасшедшую эпоху верные предсказания чаще всего неправдоподобны*”²⁷.

Рациональность того или иного внешнеполитического или военного выбора подвергается большому числу объективно существующих ограничений - заведомая неполнота информации о ситуации, в которой принимается решение - германская и польская контрразведки знали свое дело, да и политики следили за своими языками; отсутствие достоверности в понимании баланса целей и допустимых средств их достижения у контрагентов - никто не мог достоверно предсказать, на что решится А. Гитлер или генералы вермахта и польское руководство после Ю. Пилсудского, а на что не решатся?; трудности в определении критерия выбора между альтернативными решениями - минимакс или оптимин, то есть, ориентация на недопущение максимальной угрозы или наиболее вероятной угрозы.

Само понимание того, что такое политика и какие цели она должна обслуживать, общие представления о природе политических конфликтов и мирных и насильственных путях их разрешения, просто понимание глубинных, да и внешних закономерностей развития международных политических процессов могут различаться настолько сильно, что крайне усложняются возможности прогнозирования и планирования межгосударственных отношений.

---

²⁷ Троцкий Л.Д. Иосиф Сталин. Опыт характеристики.

Например, синтетические концепции А. Гитлера, А. Розенберга или Г. Гиммлера не могли не удивлять традиционно аналитически устроенную ментальность европейских и американских дипломатов, что вело к различиям в методах разработки политической стратегии и принятия решений о конкретных мероприятиях, моделях отношений с противниками и партнёрами (достаточно упомянуть неприязненное отношение нацистов к Л. Блюму, М.М. Литвинову и вообще людям еврейского происхождения), пределах допустимости искренности и обмана для дипломатов и так далее.

Важно понимать, что понятия *выработки и принятия решений по своей функциональной и организационной природе представляют собой совершенно разные процессы*, требующие для успешной реализации разных условий и разных же психологических свойств их участников. Но даже принятие внешнеполитических решений в странах, называемых “авторитарными”, все равно представляет собой коллективный процесс, хотя бы потому, что реализация решений требует соответствующих сил и средств.

Вообще говоря, так происходит везде, при любых режимах — глава государства, монарх, президент, фюрер, Генеральный секретарь — это не совсем власть, как это слово понимают политологи. Лидер — это, скорее, модератор, а власть и представляет собой, и олицетворяет аппарат, истеблишмент. Вырабатывает решения, управляет именно аппарат, в котором глава государства играет роль верховного арбитра. Говорят, что короля делает свита. И в этом смысле президент, фюрер или генеральный секретарь - это его команда.

В процессе принятия того или иного внешнеполитического решения можно условно выделить три этапа. Сначала возникает реакция принимающего решения человека на внешнеполитические события, как индивидуальные, так и взятые в самых разнообразных комбинациях, порождающие мотивации для ответного воздействия на международную ситуацию. После принятия решения наступает этап его реализации, за которым следует уже оценка последствий и корректировка решений, вплоть до их отмены. Несомненно, в реальной жизни существуют, говоря неуклюжим кибернетически - бихевиористским языком, обратные связи при принятии и осуществлении внешнеполитических решений.

Тут уместно вспомнить, как в 1937 году Г. Геринг объяснял польскому лидеру маршалу Э. Рыдз-Смиглы текущее положение дел, указывая, что Гитлер “безапелляционно выдвинул тезис, что всякий контакт с коммунизмом, а тем самым и с СССР, исключается. Эту свою точку зрения он ясно подчеркнул во время случайного пребывания в Берлине маршала

Тухачевского. Он не только сам его не принял, но и — несмотря на недвусмысленные предложения Тухачевского — запретил кому бы то ни было из военных устанавливать с ним контакт. Не следует забывать, что точно так же, как возникла новая Польша, возникла и новая Германия, которая уже никогда не вернётся к русофильской политике. Необходимо всегда помнить, что существует большая опасность, угрожающая с востока, со стороны России, не только Польше, но и Германии. Эту опасность представляет не только большевизм, но и Россия как таковая, независимо от того, существует ли в ней монархический, либеральный или другой какой-нибудь строй. В этом отношении интересы Польши и Германии всецело совпадают. С германской точки зрения Польша может вести подлинно независимую политику только при условии взаимных дружественных отношений с Германией”²⁸.

И в такой ситуации, после гибели последних европейских союзников - Чехословакии и Испании, после чисток 1937 года советской внешней политике удаётся разорвать блок между Польшей и Германией и направить их друг на друга, заодно отодвинув далеко на Запад границы, что в 1941 году сыграет решающую роль в обороне Москвы, тогда как при границах 1936 года советские военные полагали, что независимо от того, где бы ни развернулись основные боевые действия, что либо “подавляющее превосходство германских и польских сил может обеспечить нанесение армиям Украинского фронта серьёзного поражения”, либо “рассмотрение плана действий Белорусского фронта, построенного на задаче разгромить польско-германские силы на варшавском направлении, говорит о том, что план этот не обеспечен необходимыми силами и средствами”²⁹.

Ярко проявляющий интеллектуальное достоинство по отношению к уже мертвому идеологическому и политическому противнику М. Джилас в 60-ые годы XX века подметил, что “коммунизм и коммунисты всегда и всюду побеждали — пока возможно было осуществление этого единства их учения с практикой. Сталину же непостижимую демоническую силу придало упорство и умение соединять марксистско-ленинское учение с властью, с государственной мощью. Потому что Сталин — не политический теоретик в полном смысле этого слова: он говорит и пишет только

---

²⁸ Запись беседы Г. Геринга с маршалом Рыдз-Смиглы. 5 марта 1937 г. Секреты польской политики. 1935-1945 гг. <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/203315-zapis-besedy-g-geringa-s-marshalom-rydz-smigly-5-marta-1937-g#mode/inspect/page/3/zoom/4>

²⁹ Тухачевский М.Н. План поражения.

тогда, когда его к этому принуждает политическая борьба — в партии, в обществе, а чаще всего и тут и там одновременно. В этом слиянии мысли и реальности, в этом деловитом и неотвлечённом прагматизме и состоит сила и оригинальность взглядов Сталина”³⁰.

В апреле 1940 года Л.Д. Троцкий, признавая “за рабочим государством право маневрировать между империалистскими лагерями и заключать соглашения с одними против других”, задавался риторическим вопросом: “что, собственно, неожиданного и непредвиденного в том, что Кремль попытался извлечь все, что мог, из своего союза с Гитлером?”. Такого рода соглашения, очевидно, должны быть *направлены на защиту рабочего государства, доставление ему экономических, стратегических и иных выгод и, если обстоятельства позволяют, расширение арены рабочего государства*. “Рабочее государство надо брать таким, каким оно вышло из безжалостной лаборатории истории, а не таким, каким его воображает «социалистический» профессор, мечтательно ковыряя пальцем в собственном носу”³¹..

---

³⁰ Джилас М. Беседы со Сталиным. О Сталине, вероятно, в последний раз. <https://history.wikireading.ru/182188>

³¹ Троцкий Л.Д. Итоги финляндского опыта. <https://iskra-research.org/Trotsky/sochineniia/1940/19400425.html>

М. ЛИФШИЦ, И. САЦ И А. ПЛАТОНОВ О СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ТЕОРИИ ИСКУССТВА 1920-1930-х гг.

Аннотация. В статье рассматривается диалектика революционного процесса в СССР 20-30-х гг. XX в., нашедшая отражение в теории искусства т. н. «течения» 1930-х гг. (Мих. Лифшиц, Г. Лукач, И. Сац и др.) и в произведениях близкого «течению» А. Платонова. «Несвоевременность» социалистической революции в России породила, с одной стороны, трагические последствия, которые необходимо было преодолевать в 20-30-е и последующие годы, а, с другой стороны, эта «несвоевременность» оказалась вполне своевременной и необходимой для победы над фашизмом и реформирования всей мировой экономики. Так человечество методом проб и ошибок ищет адекватного соотношения и синтеза конечного человеческого разума и бесконечности реального мира, синтеза, являющегося основой истины, добра и красоты – содержания классики и «высокого реализма».

Противники Октябрьской революции (меньшевики и теоретики II Интернационала) утверждали, что эта революция, во-первых, несвоевременна, поскольку Россия – отсталая страна, не готовая к социализму, во-вторых, что она совершенна вопреки азам марксизма и, в-третьих, что надежды большевиков на всемирную революцию не оправдались. Формально они были правы, что косвенно признавал и Мих. Лифшиц. Но в своем выступлении в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса (1930 г.) Лифшиц выдвинул против обычной критики Октябрьской революции и большевиков тезис, который звучит странно и в наши дни: в истории бывают «ошибки гигантов», которые нельзя мерить обычной меркой (при этом он ссылаясь на тактику Маркса и Энгельса в революции 1848-1849 гг., которая была охарактеризована Лениным как «ошибка гигантов»). Но какая разница, совершена ли ошибка гигантами или пигмеями, – ошибка все равно остаётся ошибкой и влечёт за собой печальные последствия?

Если ошибки гигантов оборачиваются трагедией для человечества, то проделки политических пигмеев больше напоминают комедию или фарс. Однако, может быть, исторический фарс лучше трагедии, поскольку он, как правило, не связан с массовыми жертвоприношениями? Выбор Маркса и Ленина был другой – не потому ли они ныне представлены «людоедами», сторонниками террора и массовых убийств?

Значительно позднее, в 60-е гг., размышляя о судьбе Октябрьской революции, Лифшиц замечал, что начало её не было проблемой, т. е. крушение царского режима не являлось продуктом усилий революционеров, оно произошло с такой же неизбежностью, как, например, крестьянские войны в Европе и в России XVI-XVIII вв. Разве Томас Мюнцер был причиной крестьянской войны в Германии? Мировые катастрофы подготавливаются не зависящими от воли и желания отдельных людей объективными историческими причинами. Но, может быть, было бы меньше жертв, если бы Томас Мюнцер и его сторонники не выдвинули явно ошибочных и преждевременных коммунистических проектов, не увлекали бы крестьян несбыточными мечтаниями?

Аргументы Лифшица в дискуссии о революции были названы директором Института Маркса и Энгельса Д. Рязановым «эстетическими», а с эстетической точки зрения, разумеется, Маркс и Энгельс были правы, иронически заключил он. Действительно, писал Лифшиц уже в 60-е гг. XX в., это был взгляд на мировую историю с эстетической точки зрения, названной Фихте «трансцендентальным», иначе говоря, взглядом на конечные человеческие дела с точки зрения бесконечности.

Бесконечность с одной стороны и наш конечный разум с другой не тождественны, и тем не менее, как ни странно, мы можем схватывать бесконечность и адекватно отражать её и в нашем сознании, и в нашей практике, однако главным образом методом проб и ошибок.

Своевременно или несвоевременно началась революция? Германские рабочие в начале века промедлили, причём прислушиваясь к мнению Ф. Энгельса, что не надо торопиться, ибо нет ничего хуже, как начать слишком рано: в этом случае придётся прибегать к насилию, принуждению своих классовых врагов – революция, подобно яблоку, должна созреть и сама упасть к нашим ногам. Но одним из результатов этого промедления оказался оппортунизм, слишком большая склонность к компромиссам, дошедшая до поддержки «своего государства» в мировой войне. Вот почему русским рабочим пришлось начать социалистическую революцию слишком рано, до начала мировой революции в развитых странах, ибо без социалистической перспективы в России невозможен был Октябрь, а без него нельзя было остановить мировую бойню, которая могла превратиться в новую европейскую «тридцатилетнюю войну». Конечно, за преждевременность революции российскому народу пришлось заплатить самую тяжёлую плату, именуемую «сталинщиной». Но немецкий народ в целом и немецкий рабочий класс, который был самым передовым и сознательным, самым организованным рабочим классом Европы, заплатили ещё более

высокую цену – поднялся фашизм. И вот произошло невероятное: несвоевременно начавший мировую революцию российский пролетариат (в союзе с крестьянством) сражался не на жизнь, а на смерть с немецким рабочим классом и немецким крестьянством для того, чтобы спасти весь мир от чудовища, изображённого самыми яркими красками Оруэллом, Замятиным, Набоковым, Висконти, Феллини, Т. Манном... Фашизм, представший в зеркале искусства, – это сатанинский подъем обывателя, озверевшего среднего человека, возглавляемого террористическим Государством, которое топчет последние остатки человеческого в себе и других, Государством, доведшим до логического конца бонапартизм и «государственный социализм» (в духе Бисмарка, поклонником которого были не только Гитлер и Муссолини, но и Столыпин, «первый русский фашист», как его именовали русские православные фашисты, обосновавшиеся после Гражданской войны в Харбине). Так кто же в конечном счёте оказался прав: русский рабочий и крестьянин, начавшие мировую революцию «несвоевременно», результатом которой оказалось не только спасение мира от фашизма, но и радикальное реформирование самой передовой западной экономики, зашедшей в безвыходный тупик в начале 30-х гг., – или благоразумно воздержавшийся от гражданской войны против «своего» государства немецкий рабочий класс, возглавляемый такими учениками Маркса и Энгельса, как В. Либкнехт и К. Каутский, которых, впрочем, учителя не очень высоко оценивали? Так ставит вопрос М. Лифшиц в своей статье «Ветер истории».

История ответила на этот вопрос «однозначно». Сегодня этот ответ пытаются взять назад и либералы, и правые. С их точки зрения, ставшей как бы уже общепринятой, СССР и фашистская Германия были режимами-близнецами. Действительно, «культ личности, – писал Лифшиц в своих посмертно опубликованных архивных заметках, – обычная плебисцитарная форма, пережиток бонапартизма и тирании, неслыханно развившийся и превзошедший всякие предшествующие формы этого явления на экспериментально-чистой почве»¹. Однако, добавлял Лифшиц, «и в прежней истории бывала разница между бонапартистскими режимами, которые все же открывали какую-то отдушину, канализируя социальную энергию снизу в прогрессивном направлении, и простыми волнами реакции... В двадцатом веке это раздвоение бонапартизма, или цезаризма, представлено в гораздо более яркой форме. Две линии при всей своей формальной схожести далеко разошлись и со страшной силой столкнулись».

---

¹ Лифшиц Мих. *Ora pro nobis* // Лифшиц Мих. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». М. 2004. С. 32.

Близкий к «течению» Мих. Лифшица и Г. Лукача писатель Андрей Платонов яркими сатирическими красками изобразил СССР, каким он был в конце 20-х и в 30-е гг. XX в. Картина, нарисованная им в «Котловане», «Чевенгуре» и повести «Впрок», представляется совершенно сюрреалистической. По свидетельству известного западного историка СССР Ш. Фицпатрик, хорошо знавшей одного из представителей «течения» и близкого друга А. Платонова Игоря Александровича Саца, Сац давал ей читать в 60-е годы ещё не опубликованные в то время произведения Платонова, в том числе «Котлован» и «Чевенгур» для того, чтобы вы, говорил ей Сац, то есть западный мир, «поняли нас» – страну, совершившую революцию (И. Сац, секретарь А. Луначарского, участвовал в Гражданской войне на стороне большевиков с 15 лет, воевал в дивизии Щорса, был тяжело ранен, стал инвалидом, что не помешало ему возглавлять группу фронтовых разведчиков во время Великой Отечественной войны, неоднократно переходить линию фронта). А что же необходимо знать «о нас» западному миру, с точки зрения Саца? То, что история СССР представляла собой сюрреалистическую «черную комедию»? Действительно, произведения Платонова о советской действительности полны «черного юмора», как и рассказы из истории СССР Саца, записанные и опубликованные в книге Ш. Фицпатрик «Шпион в архивах»².

Но «прав ли против нас, при всех наших худших ошибках и более чем ошибках, прав ли против нас тот старый сытый, благополучный мир, которому и сейчас труднее достигнуть Царствия Небесного, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко?» – задавался риторическим вопросом Мих. Лифшиц в своей внутренней рецензии на роман А. Солженицына «В круге первом» (написанной для редакции «Нового мира» по просьбе А. Твардовского) – и отвечал: «мне кажется, если воскресить Толстого и Достоевского, эти великие нравственные авторитеты русской литературы скажут, что не прав»³.

Каким бы черным юмором ни были окрашены произведения Платонова, но на вопрос, прав ли против СССР «старый сытый, благополучный мир», эти произведения отвечают без всякого сомнения: нет, не прав! А почему не прав? Потому, например, что благополучие этого сытого мира основано в немалой степени на возбуждении вражды между народами, на искусном подогревании национализма народов «малых» – и шовинизма их «старшего брата». Политика большевиков и прежде всего Ленина была последовательным продолжением национальной политики не только

² См.: *Fitzpatrick Sh. A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia.* London, New York. 2014. 352 pp.

³ *Лифшиц Мих.* Очерки русской культуры. М., 2015. С. 612.

Маркса, но в равной мере и русских революционных демократов Чернышевского и Добролюбова, а еще ранее – Герцена. Каким резким контрастом, служащим примером для всего мира, выглядит эта политика на фоне и лицемерного мультикультурализма, и правого империалистического «патриотизма» (в том числе и советского империализма сталинского и постсталинского периода)!

Произведения А. Платонова убедительно свидетельствуют в пользу сделанного выше вывода: герой «Чевенгура» бесстрашный победитель «белых» Копенкин рыцарственно влюблен в свою прекрасную даму – Розу Люксембург, и это, конечно, комично. Но верность своей любви он доказал не только героической гибелью, а прежде всего тем, что его наследники идеал рыцарственного служения идеям революции превращали в реальность. Мы видим в произведениях Платонова середины 30-х гг. «Такыр» и «Джан», как героические усилия русского революционного народа привели к тому, что народы российской империи, обреченные на вымирание и на дикий, иррациональный, «холерный бунт», в конце концов нашли дорогу к более или менее человеческой жизни, а она заключалась не только в сытости и получении образования, но прежде всего в развитии способности самостоятельно решать свою судьбу. Вот в чем подлинная свобода, которая далеко превосходит формальное равенство, формальную «власть закона» (буржуазного).

У буржуазного способа производства есть свой абсолютный предел: какие бы средства ни тратились на поддержание определенного уровня жизни, скажем, афроамериканцев, США не способны ликвидировать афроамериканские гетто в своей стране, и создаваемое современным производством свободное время приводит не к развитию человеческих сил и способностей, а все более и более к их деградации (что ярко проявляется в т. н. «массовой культуре», которая давно стала обратной медалью культуры элитарной, авангардистской). Эта культура ввергает все человечество в состояние перманентного «холерного бунта». Направить катастрофическое движение современного мира в прямо противоположную сторону может только свободный человек и свободное человечество.

А в чем же заключается свобода? Человек, это конечное земное существо, становится свободным, когда, не теряя своей конечности, находит верный синтез конечного и бесконечного, – таков вывод немецкой классической философии в лице Фихте, Шеллинга и Гегеля, таков вывод автора первого русского трактата о философии искусства шеллингианца А. Галича, лицейского наставника и друга Пушкина. Искусство, согласно клас-

сической эстетике, демонстрирует исключительно редкие, почти невозможные, но все же реальные случаи, когда конечное поднимается до бесконечного, когда человек становится в полном смысле микрокосмом, то есть отражением бесконечного мира в конечном зеркале человеческого сознания. Эта идея, идущая от Платона и Аристотеля, оставалась вплоть до нашего времени большей частью только гипотезой.

Великое достижение Октябрьской революции заключается в том, что практика строительства социалистического общества в СССР убедительно продемонстрировала: социализм может стать реальностью лишь в той мере, в какой человек обретает свободу, иначе говоря – верно соединяет конечное и бесконечное. К герою повести А. Платонова «Река Потудань» возвращается способность к физической любви, когда он находит путь к бесконечной жизни природы, к единству со всем миром. Так российский народ обрёл силу, давшую ему возможность победить мировой фашизм, не в культивировании «воли к власти», а в том, чтобы освободить все вещи этого мира, возвращая их к их собственному «самообразу» (в чём заключается сущность искусства, согласно А. Галичу), и прежде всего помогать другим народам находить себя, обретать способность к самостоятельной и свободной жизни. Это была в истории СССР не только теория, а прежде всего практика, трудный опыт, являющийся сегодня незаменимым источником будущей идеи свободного человечества.

Разумеется, этот опыт был связан не только с трагическими ошибками, но и с прямыми преступлениями, неизбежными во всякой несвоевременной революции. Трагизм заключался в том, что Ленину пришлось столкнуться со страшными последствиями своих собственных действий и вступить с ними в борьбу, которую он по разным причинам не смог довести до победы. Однако абстрактная формула гегелевской диалектики – «отрицание отрицания» – обрела неожиданную конкретность, наполнилась живым содержанием и стала основанием ленинского НЭПа, всего ленинского плана построения социализма, включая культурную революцию (см. об этом доклад А. Лагурева). Вот почему ошибка, допущенная большевиками и Лениным, т. е. «несвоевременная» революция, стоит тысячи несомненных истин «здравого смысла», закрывающих, а не открывающих бесконечный горизонт мировой жизни. Плехановский лозунг «не надо было братья за оружие» следует обратить, писал Лифшиц, к одноклеточным, ибо они начали обречённую в конечном счёте на поражение борьбу хрупкой жизни против бесконечного океана мёртвой материи. Но в этой

борьбе, неизбежно заканчивающейся смертью живого существа, осуществлялся, бывало, уникальный синтез конечного и бесконечного, а когда это чудо происходило, реальностью оказывалось царство истины, добра и красоты. В произведениях А. Платонова мы видим эти удивительные редкие моменты, по словам Платонова, «всеобщего свидания всего существующего». А если бы не было этих кратких свиданий, что представляла бы собой картина Вселенной? Она была бы тем «ничтожащим Ничто», которое демонстрирует нам философия и искусство Хайдеггера, Набокова, Оруэлла. Российское искусство XX века, искусство М. Булгакова и М. Нестерова, А. Платонова, А. Твардовского, А. Пастова, философия и эстетика «течения» Лифшица, Лукача, Саца, Усиевич рисуют картину иного мира. Она не избавлена от «черного юмора», но не сводится к нему, поскольку позволяет понять источник беспримерной силы России, оказавшейся способной совершить невозможное: победить страны объединённого капиталистического мира в Гражданской войне, причём – и это главное – победить свою собственную страшную тень (фашизм) в войне Отечественной. Так на практике свершался процесс «отрицания отрицания», так создавалось искусство «высокого реализма» советского народа, как бы получившего «заем от бесконечности» (Мих. Лифшиц).

А что сегодня? «Мы стали современниками обострения глубокого межцивилизационного кризиса...», – пишет один из участников конференции В.И. Фокин, – и продолжает: «Воплотившись в острые вооружённые формы, этот кризис в отношениях между Западной и Ортодоксальной (Православной или Российской) цивилизациями приобрёл форму вооружённого конфликта Украины с Российской Федерацией, принадлежащих к одной цивилизации. Сам этот факт является выдающейся победой Запада, столкнувшего народы в братоубийственной войне начиная с 2014 г.». Но почему не удалось добиться подобной же победы Гитлеру, почему, напротив, Гитлер, воплощая в своей практике мечты всего западного буржуазного мира об уничтожении Советской России, сам пал жертвой своей политики, основанной на стравливании и вражде народов?

В 1991 г. российское население оказалось не готовым противостоять буржуазным и мелкобуржуазным ценностям, его соблазнил западный потребительный рай. В результате практически все народы бывшего СССР оказались люмпенизированными, стали лёгкой добычей собственных скрытых и давно, кажется, побеждённых пороков: национализма и великодержавного шовинизма.

Избежим ли в этом случае судьбы немецкого народа в XX веке, рабочего класса Германии, промедлившего с войной против «собственного» государства и потому жестоко наказанного неумолимой логикой объективной реальности? – Вот вопрос, который должен вернуть нас к честному рассмотрению истории, трагического опыта российского народа, к теории и практике построения социализма в 20-е и 30-е гг. В том числе – и далеко не в последнюю очередь – к чисто, казалось бы, эстетической проблеме: поискам верного соотношения конечного и бесконечного. В нем, т. е. в найденном синтезе конечного и бесконечного, – секрет победы над объединённым буржуазным миром, сделавшим ставку на иную силу – силу частного эгоистического интереса. Философия Хайдеггера отрицает реальность бесконечного, его «Dasein» («вот-бытие», синоним человечества и человека) – это, по выражению Хайдеггера, «бытие-к-смерти», ибо смерть единственная несомненная реальность для Хайдеггера. И мы приняли эту философию, завоевавшую умы современной интеллектуальной элиты, за философию победителей? Нет, во все времена подобные идеи были идеями социальных сил, сходящих с исторической сцены – и, увы, стремящихся увлечь вместе с собой в бездну все живое, в том числе живую классику, «высокий реализм» мирового искусства.

EURASIAN SOCIALISM IN THE WORKS OF HEINRICH VOGELER

Annotation. Heinrich Vogeler was born into a bourgeois family in Bremen in 1872. On the occasion of his 150s birthday, the artist, designer, architect, pedagogue and not least socialist, anti-imperialist and anti-fascist activist is commemorated with a special exhibition of his oeuvre in Worpswede, the village near Bremen surrounded with Moorlands. Nowadays he is represented somehow as a dreamer which he was not.

Аннотация. Генрих Фогелер родился в 1872 г. в Бремене, в зажиточной семье торговца. В честь 50-летия со дня рождения художник, дизайнер, архитектор, педагог и в не меньшей степени социалист, антиимпериалист и антифашист был удостоен организацией персональной выставки в Ворспеде, окружённой топиями деревне неподалёку от Бремена. Сегодня его представляют неким мечтателем, каковым он не был.

Since the 1850s the Hanseatic City of Bremen became a rising trade port and city, thus mainly thanks to the import of raw cotton, tobacco and coffee - grown and harvested in enslavement based plantations in the Americas -, the main important trading commodities for the city along the Weser. Shortly after the founding of the German Empire in 1871 - a militaristic and violent unification that had culminated in the brutal suppression and starvation of the Paris Commune before the „Reich“ was celebrated in Versailles - Reich Chancellor Bismarck had visited the emerging trade city of Bremen. A monument next to the cathedral (*Bremer Dom*) commemorates his visit ever since. Heinrich Vogeler was born into the rapidly to imperial self-consciousness rising German imperialism that had achieved unification by militaristic means. Although there were alternative suggestions to the Prussian dominated unification and militaristic forging of the German Reich, Marx and Engels, who understood the unified Reich as necessary for the development of capitalism, were in favour of it.

The young Heinrich grew up well protected in a typical spacious merchant's house in Bremen. After a common stay at a health resort, his father supported Heinrich's plans to study art. At the age of 18, Heinrich Vogeler took up art studies at the already well-known Academy in Düsseldorf where a century later Joseph Beuys, who survived the Second World War through luck and the care of Siberian nomads, taught. While for Heinrich Vogeler, it was the First World War that led the formerly romantic artist, a central figure in the German Art Nouveau (*Jugendstil*) movement, to become an anti-militaristic artist, Joseph Beuys was active in the German peace movement in the 1980s, trying to hinder the stationing of Pershing II and Cruise Missile rockets, equipped with nuclear warheads and directed against the Soviet Union.

At the turn of the 19th and 20th Century Worpswede became famous for a community of artists, often attracted not only by the landscapes and their specific beauties, its light communicating with the birch trees on the ground of the dark and heavy moorland, but also by the soil-rooted and simple mode of living of the native moor farmers. The nineteenth centuries Art Nouveau (*Jugendstil*), gaining more and more influence in the wider arts towards the end of the 19s century, tried to form a countermovement to imperial classicism and historicism with its mystified and nationalistic heroism, accompanying the dawn of industrialised imperialism in Europe.

Also poets and writers, among them Rainer Maria Rilke, with whom Vogeler became friend during his visit of Florence in 1898, had chosen to live and work outside the emerging industrial-capitalist cities. Vogeler joined the artists Fritz Mackensen, Hans am Ende, Otto Modersohn, Fritz Overbeck und Carl Vinnen in forming a community in Worpswede which later was joined by Paula Modersohn-Becker and her sister Milly, Clara Westhoff-Rilke and Vogeler's wife Martha while former members had left. Both, Rilke and Vogeler got enthusiastic for Russian literature. While Rilke was influenced by Tolstoy whom he had met twice in 1899 and 1900¹, or by Turgenev and others Russian writers, it was e.g. Gorki, and especially the anarchist and socialist activists and intellectuals Bakunin and Kropotkin who deeply impressed Heinrich Vogeler.

The down-to-earth and grounded rural living-mode - very often reflected in the paintings of the Worpswedean Artists - was not least an inspiration for Vogeler and his paintings as we will see when coming to his paintings, representing Euro-Asian Socialism.

The community, even though not political and societal reflected, was already in its formation phase at the end of the 19th century skeptic towards the capitalist-imperial life-style in the industrialised and proletarianized cities. The understanding of art followed to a certain extent William Morris and the *Arts and Craft* Movement, understanding all materialisation of art (painting, design, architecture etc.) as integrated into a total artwork, inspired by a universalistic cosmology which contradicted the capitalistic, industrialist life-style, commodifying all expressions of life as Marx has described in his writings on *Entfremdung* (alienation).

The early paintings and graphics of Heinrich Vogeler show a desire for a harmonious life, woven-into the moorlands, its moods and tunes. The romantic and to a certain extent mystic works of Vogeler overdue world war one. The experiences of the imperialist war disillusioned Heinrich Vogeler beside many writers, painters

---

¹ Tavis, Anna A. "Rilke and Tolstoy: The Predicament of Influence." *The German Quarterly* 65, no. 2 (1992). P. 192–200. <https://doi.org/10.2307/406478>.

and intellectuals in general who were at the beginning, captured by nationalistic-militaristic propaganda, sometimes enthusiastic war-crazy volunteers.

Confronted with the realities of the horrors of world war 1, Vogeler's illusions evaporated rapidly; he became first a pacifist and soon a socialist. In 1914 exploitative and soulless capitalism had turned into the all-life-devastating imperialist war fury. A seemingly inevitable development of imperialist capitalism and its contradictions as socialists, among them Radke, Luxemburg and Lenin, have predicted in their writings.

But was the imperialist war an unavoidable outcome of the last state of capitalism as Lenin had analyzed it mainly while studying the concentration and centralisation of capital and inner-imperialist contradictions as a result? Or, was it a more political decision rooted in a militaristic archetype which can be traced back to a long warrior history of European imperialism? An in-depth debate on the essence, history and current developments of imperialism, its socio-economic, psychological, cultural etc. dimensions is vitally necessary.

Vogeler, who had served during the war in mainly southern-eastern European rural areas wrote a letter to the German emperor Wilhelm II., condemning the war and its cynical propaganda. The letter „The Fairy Tale of the Loving God“, dated January the 20th of 1918, ends with an appeal to the German Emperor for peace:

„Sei Friedensfürst, setze an die Stelle des Wortes die Tat, Demut an die Stelle der Siegereitelkeit, Wahrheit anstatt Lüge, Aufbau anstatt Zerstörung. In die Knie vor der Liebe Gottes, sei Erlöser, habe die Kraft des Dienens Kaiser!“²

[Be a peace ruler, put action in the place of the word, humbleness in place of the vanity of victory, truth instead of lie, construction instead of destruction! To your knees in front of God's love, be saviour, have the power of serving, emperor! [Own translation, D.Q.]

After the disaster of the first imperialist world war with its 50 Million dead Vogeler was active in the workers and soldiers council in Bremen and in near Osterholz-Scharmbeck.

The Eurocentric periodisation of first, second, etc. world wars is misleading because it fades out the realities of continuous imperialist wars against Africa, Asia and the Americas before, in between, and after the so-called world wars.

All over Germany, the murdering of revolutionary personalities, among whom Rosa Luxembourg and Wilhelm Liebknecht are the most known, has further radicalized Heinrich Vogeler. From the beginning of being a romantic

---

² <https://www.heinrich-vogeler.de/die-arbeitsschule-auf-dem-barkenhoff/> (Access 02.09.2022).

pacifist he orientated himself more and more towards the realisation of a communist commune. The Barkenhoff in Worpsswede was newly inspired, driven forward by the victory of the revolutionary councils in Russia in 1917. And, as it will be important when coming to the question of Eurasian Socialism in the paintings of Vogeler, we should not forget, that the socialist revolution in Russia was at the meantime an anti-colonialist uprising against the imperialist rule of the tsarist empire in the East, leading to the foundation of the Union of Soviet Socialist Republics at the end of 1922.

From 1918 on Heinrich Vogeler published many writings, often brochures, which had the *New Human* [Der Neue Mensch] to its topic. Inspired by several socialist and anarchistic theories, among them Kropotkin or Blonski, the psychologist who developed new pedagogical approaches towards polytechnic schooling. Some of the titles of his writings, the many articles for newspapers and magazines here not listed, are the following: *Das Neue Leben. Ein kommunistisches Manifest* (*The New Life. A Communist Manifesto*, 1919); *Siedlungswesen und Arbeitsschule* (*Human Settlements and Working School*, 1919); *Proletkult. Kunst und Kultur in der Kommunistischen Gesellschaft* (*Proletarian Cult. Art and Culture in the Communist Society*, 1920); *Expressionismus. Eine Zeitstudie* (*Expressionism. A Time Study*, 1920); *Die Freiheit der Liebe in der kommunistischen Gesellschaft* (*Freedom of Love in the Communist Society*, 1920); *Die Arbeitsschule als Aufbauzelle der klassenlosen menschlichen Gesellschaft* (*The Working School as the constructive cell of the class-less human Society*, 1921); *Kosmisches Werden und menschliche Erfüllung* (*Cosmic Becoming and Human Realisation*, 1921); *Friede* (*Peace*, 1922). It is surprising that, also the Heinrich Vogeler Society looks back to nearly 50 Years of existence, the complete oeuvre of Heinrich Vogeler is not yet published. Luckily a selected collection of his writings is published in 2022 by Walter Fähnders and Helga Karrenbrock³.

Since 1919 - the German Soviet Republics were bloodily crashed down - Vogeler had to flee and was imprisoned. The repression was extended to the Barkenhoff Commune. Vogeler now was convinced that the Communist Party was the only social and political current which had learned from „World War 1“, positioning himself clearly against the counterrevolutionary role the majority of the social-democrats played while repressing the councils from below.

However, and despite repression and persecution, the orientation of the Barkenhoff community continued at aiming to empower the new human being by practicing collective forms of living and working together. The communist approach

---

³ Heinrich Vogeler, *Schriften*. Select. and edit. by Fähnders, Walter, Karrenbrock, Helga, Aisthesis: Bielefeld. 2022.

differed to a certain extent from the class-struggle oriented understanding of socialism favoured by the Communist Parties. Heinrich Vogeler was convinced that a communist society has the unfolding of a new human being to its precondition. Collective and creative education, from an early childhood age on, was central to the realisation of, in the eyes of working-class strugglers, the utopian project. But, in the early 1920s several currents of revolutionary paths corresponded, were in exchange and cooperation. Ideological preferences and partialities did not yet play the role as it will be the case in the late 1920s and early 1930s, splitting the revolutionary and antifascist front.

The working school project (*Arbeitsschule*) inside the commune with its carpenter and metal workshops, in addition to the agricultural self-sustained livelihood, should also serve a self-sufficient way of life. A network of land and city communes should pave the way towards a new humanistic society, based on mutual support and solidarity in a communist society to be realised in the here and now, not in distant future. Although we find conflicting arguments in the Barkenhoff Commune between different worldviews, e.g., anthroposophical oriented were defended against anarchist-communist and syndicalist views and vice-versa. In 1923, together with Sonja Marchlewska, his future wife, he traveled to Moscow where he started to develop his specific style of the complex paintings, continuing in his later paintings. The stay in Moscow left a deep and lasting impression as Vogeler now could witness the development of the socialist society. His painting „Der Neue Mensch“ [The New Human Being] expresses his dedication for the young socialist society. He also published a book under the title *Reise durch Rußland. Die Geburt des Neuen Menschen* [Travel Through Russia. The Birth of the New Human Being]. The Barkenhoff became now part of the *Rote Hilfe* [Red Aid], giving shelter to orphans and children of political revolutionary prisoners.

Vogeler became a member of the German Communist Party and traveled again in 1926 to Moscow and then to Karelia where he painted the construction of socialism in his typical complex style, keeping the crystalline structure, being so in harmony with his early cosmological understanding of the universal nucleus, the druse, a mineral formation inside the stone, connecting all living being symbolically. Vogeler formulated the analogy of mutual aid and support (*Stütze*) in the following lines:

„schon das Kristall, das uns die Eigenbewegung ganz nüchtern offenbart, zeigt den gestaltenden Willen zur Gemeinschaft, es zeigt uns eine ganz organische Arbeitsteilung. Wir haben eine Druse vor uns, sehen Kristall neben Kristall in den ver-

schiedensten Größen, breit hervorschießende, halb liegende, große und kleine, niedere und hohe; alle vereint zu einem gesellschaftlichen Prozess, der gegenseitigen Hilfe und Stütze“ (“Even the crystal, which soberly reveals its own movement to us, shows the shaping will for community, it shows us a completely organic division of labour. We have a druse in front of us, we see crystal next to crystal in the most different sizes, wide protruding, half lying, big and small, low and high; all united to a social process, the mutual help and support”)⁴.

Eurasian Socialism in the paintings of Heinrich Vogeler

Following his exclusion of the German Communist Party in 1929 - he was member of the oppositional wing - he finally emigrated for ever to the Soviet Union.

The analogy of the crystalline structures became characteristic for his not only agitative and propagandistic paintings - as they are not rarely interpreted flattened, - serving, in the shape of placates, also educational purposes for socialist transformations. The optimistic constructivism was visualised by fitting together daily life and work sequences in the Soviet Union. Since 1932 he headed the department of propaganda in Tashkent, thus also with the intention to develop a collective and socialist agriculture. Vogeler also left behind many paintings, sketches and postcards. The latter he often had sent to his son Jan who was living in Moscow. While the postcards were showing often human-beings in natural landscapes, the paintings reflected the motivation of the rural and often, before the revolution, Islamic educated populations in Central Asia in building-up collective agricultural based forms of productions in detail. Vogeler, not stilted and false, met the peoples in his paintings with respect and dignity. It seems that his long-during estimation of the rural life is also reflected in his Caucasian and Central Asian paintings.

The painting *Uzbek Cotton Workers* from 1940 shows the process from the cotton harvest to the quality control of the fibres. A writer seems to document the process, representing the socialist efforts in the field of education, management etc. A writer uses the wooden bookkeeper which is also known for carrying the Holy Koran in the context of Islamic scholarship although the teaching before the revolution was not purely religious. Female teachers taught also literature, e.g. poetry, to girls.

The figurative language points to the efforts of socialist transformation, integrating cultural and religious heritage by contextualizing it newly. It was certainly

---

⁴ Heinrich Vogeler: *Friede*. Bremen: Angelsachsen-Verlag. 1922, 12 quoted from: https://www.heinrich-vogeler.de/wp-content/uploads/faehnders_vortrag_vogelers-schriften.pdf (Access 03.09.2022).

one of the challenges for the young Uzbek and other Soviet republics, to bring heritage, tradition and modernity into a harmonious balance, thus not least because the imperialist powers tried to exploit tradition, faith and old ways of ruling to bring down the achievements of the Bolsheviks. At the forefront of it was the British imperialism conducting the counter-revolution, and, acting in the background, striving for exploiting societal and cultural contradictions and disagreements.

The paintings of Heinrich Vogeler were counteracting the imperialistic propaganda in an artistic way while reflecting the potentials of Eurasian Socialism. His works spread confidence and hope into the humanism of the young socialist society.

Cultural or religious differences played no role for him, to the contrary, the love he has always shared not least with the rural dispossessed and farmers lived on in his very late work.

Heinrich Vogeler never lost his conviction in the creative power of the new human-being.

He had traveled to several Soviet Republics and autonomous regions, be it Uzbekistan, Tadzhikistan or Armenia among others before he passed away in Kazakhstan where he had been evacuated to in September 1941 together with many other Germans, old and ill people and children when the nazi-army came nearer to Moscow. In May 1941, shortly before the fascist aggression begun, Heinrich Vogeler who was on a death list of the occupiers, had shown a big antifascist exhibition⁵. German leaflets written by Heinrich Vogeler, were distributed by the Red Army among the occupiers. Heinrich Vogeler passed away in Kazakhstan in June, the 14th of 1941. The city of Karaganga dedicated a statue to Heinrich Vogeler in 1999.

---

⁵ Vogeler, Jan, Fink Heinrich (im Gespräch), Heinrich Vogeler und die Utopie vom neuen Menschen. in: Utopie kreativ. H. 165/166 (Juli/August 2004). P. 637-647.

“Even the crystal, which soberly reveals its own movement to us, shows the shaping will for community, it shows us a completely organic division of labor. We have a druse in front of us, we see crystal next to crystal in the most different sizes, wide protruding, half lying, big and small, low and high; all united to a social process, the mutual help and support”

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ЕВРЕЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ХУДОЖНИКОВ ПРЕДВОЕННОГО ПЕРИОДА КАК ФАКТОР СОЛИДАРНОСТИ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Аннотация. Предметом анализа является творчество еврейско-американских художников Зуни Мауда (1891–1956), Йосла Котлера (1896–1935) и Уильяма Гроппера (1897–1977), в котором важное место занимали политические темы. Рассмотрены конкретные примеры, доказывающие, что книжная графика названных мастеров нередко носила агитационно-пропагандистский характер и тем самым представляла собою невидимый, но все же весомый фактор идеологической поддержки Советского Союза и обеспечивала ему сочувствие и симпатии со стороны трудящихся Соединённых Штатов Америки.

В творчестве таких еврейских художников, как Зуни Мауд (1891–1956), Йосл Котлер (1896–1935) и Уильям Гроппер (1897–1977), политические темы занимали важное место. Все трое были блестящими карикатуристами и в качестве таковых умели откликаться на злобу дня; все они также проявили себя в иных жанрах, и прежде всего – в книжной графике. В фонде идиша РНБ имеются издания, свидетельствующие о симпатиях названных мастеров к рабочему движению, левым партиям США и, конечно же, к Советскому Союзу. Художники знали его не понаслышке: Зуни Мауд и Йосл Котлер более полугодом гастролировали по городам СССР с основанным ими кукольным театром «Модикот». А Уильям Гроппер некоторое время работал в московских издательствах, после чего также совершил поездку по стране и по её итогам издал альбом зарисовок. Сегодня имена вышеперечисленных художников известны мало, однако их творчество и сегодня в чем-то сохраняет свою актуальность.

Зуни Мауд родился в местечке Васильков Гродненской губернии в семье синагогального служки, получил конфессиональное образование и готовился пойти по стопам отца, но рано почувствовал тягу к творчеству. В 1905 г. эмигрировал в США. Брался за любую работу, позволявшую хоть как-то сводить концы с концами, лишь бы получить художественное образование. С 1907 г. стал сотрудником популярного журнала «Der Kibitzer» (идиш, зубоскал; далее даётся перевод без ссылки на язык), затем связал свою жизнь с крупнейшей газетой еврейских левых «Forverts» (вперёд). С 1916 г. он вёл там собственную юмористическую рубрику, для которой создавал и рисунки, и рассказы – в воскресном номере газеты под нее отводилась целая страница. В 1922 г. Зуни Мауд познакомился с

Йослом Котлером: судьба этого выходца из вольнского местечка Трояново была во многом схожа с его собственной. В Америку он попал в 1911 г. и точно так же зарабатывал на жизнь всеми возможными способами с тем, чтобы в свободное время обучаться мастерству художника. К моменту знакомства с Зуни Маудом Йосл Котлер работал карикатуристом в еженедельнике «Der groyser kundes» (большой проказник), куда его устроил старший товарищ – поэт Мойше НаDIR, по убеждениям пламенный коммунист. У молодых художников завязалась дружба. Через пару лет она привела к созданию уникального кукольного театра на идише, чье название складывалось из первых слогов фамилий друзей. Спектаклям этой студии всегда была свойственна остросоциальная направленность, будь то даже постановки по мотивам еврейского фольклора. Что уж говорить о сатирических спектаклях, в которых обыгрывались актуальные политические темы! В 1931–1932 гг. театр «Модикот» был на гастролях в Советском Союзе, благодаря чему Зуни Мауд и Йосл Котлер обзавелись здесь многочисленными друзьями и лучше узнали жизнь страны изнутри. Это не замедлило сказаться на их художественном творчестве.

Не подлежит сомнению, что ещё большее влияние на творчество обоих друзей оказал накал политической борьбы, имевшей место в США в 1920–1930-х гг. Вероятно, лучшим доказательством сказанного могли бы служить карикатуры этого периода, опубликованные в левой еврейской прессе Америки. Ведь политическая карикатура всегда занимала особое место в культуре США. Этот жанр процветал в Америке задолго до провозглашения Декларации Независимости, а все значимые вехи истории страны так или иначе находили отражение в зеркале карикатуры. Поэтому и художники-карикатуристы здесь всегда были в чести. К сожалению, газеты на идише из фонда РНБ в настоящее время недоступны для научного анализа, что не позволяет включить их базу источников, однако в нашем распоряжении имеются книги, проиллюстрированные Зуни Маудом, Йослом Котлером, а также Уильямом Гроппером. Отдельные образцы книжной графики этих мастеров весьма напоминают агитационные материалы. Их содержание и стиль очень созвучны творчеству художников-современников из Советского Союза.

В 1937 г. еврейская секция международной организации «Arbeter orgdn» (Рабочее объединение) выпустила в Нью-Йорке сборник стихов видного представителя поэтического агитпропа Иосифа Гриншпана (1902–1934) с рисунками Зуни Мауда. В творчестве этого мастера еврейская поэзия Америки, какой бы идеологизированной она ни была, всегда находила живейший отклик. Убийственный сарказм и полет фантазии, столь

необходимые газетчику, в книжной графике Зуни Мауда словно стихали, уступая место глубоким раздумьям и даже лиризму. Исчезал схематизм, характерный для карикатур, а взамен приходили многоплановый сюжет, тщательная проработка деталей и композиции, портретное сходство лиц. Зуни Мауд не раз продемонстрировал способность к творчеству в разных стилях. Вот и в Иосифе Гриншпане, который считался классическим представителем «пролетарской поэзии», Зуни Мауд сумел разглядеть тонкого лирика. Но лирика, в чьём творчестве доминирующей темой является все же социальный протест. Художник мастерски задаёт настроение на заставках к разделам сборника, изображая то индустриальные пейзажи, то угрюмого рабочего, над которым возвышаются фрагменты механизмов, то аллегорический образ человека, вырывающегося из мрака к свету (не случайно этот раздел книги называется «Ближе, ближе»). К самым ярким примерам «агитационной графики» можно отнести заставки к разделам «Черные братья мои» и «Все равно мы изменим мир». Здесь манера Зуни Мауда скорее напоминает плакаты, но ведь именно это от него и требовалось.

В 1934 г. солидное издательство «Matones» (подарки) при крупном просветительском центре – Народном институте Шолом-Алейхема, – выпустило богато иллюстрированную сказку в стихах для детей «Dos telerl fun himl» (тарелочка с неба) Её автором был Алеф Кац (1898–1969; настоящее имя – Мойше-Авром). Взяв в качестве псевдонима первую букву еврейского алфавита, этот поэт словно подчеркнул ясность и простоту своих стихов. И в самом деле: сочиняя для еврейских газет левого толка стихи, весьма напоминавшие характерные образчики советского агитпропа, Алеф Кац не допускал никаких замысловатых ходов. Иное дело книги, адресованные детям. Тут вполне допустим и даже оправдан полет фантазии. Перу Алефа Каца принадлежат десятки разных произведений для детей. Упомянутая повесть в стихах стала его дебютом в жанре детской литературы. Ее оформил Йосл Котлер.

Интрига, благодаря художнику, начинается даже не с первой страницы – с обложки: на ней злой волшебник протягивает руки к Луне. Алеф Кац столь же колоритно обрисовывает этого колдуна в стихах. Таинственными заклинаниями он хочет спустить на землю «тарелочку с неба», чтобы... сытно покушать. Но рядом столько нуждающихся, голодных рабочих! Они требуют хлеба и тоже тянут измождённые руки к небесным яствам!

Нет смысла следовать всем перипетиям причудливого сюжета, достаточно сказать о том, что приближаясь к концу, сказка приобретает все более социальную окраску. В какой-то момент в повествование врывается тема противопоставления убогой жизни в местечке гармонии будущего

рая, в котором развитие индустрии отнюдь не мешает цвести садам. Но все острее становится борьба между призраками голодной смерти и рабочими, борющимися за лучшую долю. И вот наступает хэппи-энд – торжественное шествие трудящихся под красным знаменем. Собственно, ничего иного, судя по тексту, и ожидать было нельзя...

Иллюстративный ряд книги несколько сложнее, нежели ее текст. Художник демонстрирует способность создавать как фантастические образы, так и вполне реалистические картины. Финальная же иллюстрация выглядит совершенно неожиданно. Вне всякой связи с повествованием Йосл Котлер изображает самую обычную комнату, в которой все зашаталось и заколебалось, словно при землетрясении, и уже готово упасть. Карниз с занавеской уже почти совсем рухнул. Все это объясняется предельно просто: на подоконник взбирается дитя. Оно робко тянется к луне и выглядит при этом очень трогательно – не то, что колдун с обложки. Ребенку явно не нужны от «тарелочки с неба» никакие материальные блага, ему просто нравится Луна. С другой стороны, трудно удержаться от соблазна интерпретировать этот рисунок как призыв художника, исповедовавшего коммунистические взгляды, сломать старый быт и старую жизнь. Совсем как там, где герои отворачиваются от местечка – оно остаётся в прошлом.

Можно предположить, что у Алефа Каца был недюжинный талант, но излишняя политическая ангажированность ему только вредила. Рисунки же Йосла Котлера, разделявшего взгляды поэта, выгодно оттенили достоинства книжки и даже в чем-то обогатили её содержание. Недаром в справочниках «Тарелочка с неба» всегда упоминается с указанием имени художника. Он стал полноценным соавтором этого произведения.

Последний из названных мастеров, Уильям Гроппер, был яркой и самобытной личностью; то же самое можно сказать и об его творчестве. Он родился в Нью-Йорке в семье выходцев из Российской империи, рано познал нужду и тяжёлый труд. С детства возненавидел капиталистические порядки: перед глазами у мальчика был пример отца, который, имея университетское образование и зная 8 языков, был вынужден зарабатывать на жизнь тяжёлым во всех отношениях трудом в швейной мастерской. Кроме того, при пожаре на одной из ткацких фабрик в 1911 г. погибла любимая тётя Уильяма. Юноша рос бунтарём. К началу 1920-х он сумел получить основательное художественное образование и получить первый опыт работы в прессе, а через пару лет отбыл в Советский Союз, где ему предложили сотрудничать с газетой «Правда». Острые карикатуры Гроппера украшали страницы журнала «Крокодил», а также обложки ряда агитаци-

онных брошюр. В 1927 г. Уильяма Гроппера совместно с Теодором Драйзером и Синклером Льюисом пригласили совершить поездку по стране, приуроченную к десятилетию Октябрьской революции. Через год в парижском издательстве «Le Triangle», выпускавшем книги на идише по искусству, вышел альбом путевых зарисовок Гроппера. Эти рисунки, необычные для карикатуриста, глубоко реалистичны, несмотря на всю их эмоциональную окраску. Возможно, это и стало причиной, по которой альбом не приняли к изданию в Советском Союзе: уж слишком ёмкими символами казались рынок на фоне тюрьмы, фанатичный оратор в зловеще поплёскивающих очках и т.п. В фонде идиша РНБ эта книга отсутствует, однако представлена в каталогах международных аукционов, по каковым и можно составить представление об этом шедевре Гроппера.

А в 1934 г., уже по возвращении художника в Америку, при его участии вышел букварь для еврейских детей «Arbet-shul» (рабочая школа). Его составил видный педагог Бецалель Фридман, а выпустила крупнейшая еврейская организация США «Arbeter-ring» (Рабочий круг – идиш). Наряду с Гроппером над книгой работал и некий А. Фастовский. Его рисунки оказались примитивно-реалистичными и несли в себе разве что мощный заряд дидактизма. А Гроппер был верен себе: лишь немногие из его мастерских, броских рисунков лишены политического подтекста, а добрая половина иллюстраций из учебника для начальной школы и вовсе выглядит как плакат. Вот, к примеру, рисунок, подписанный «Вместе!» Лаконизм штрихов только подчёркивает выразительность лозунга. Совершенно гротескно выглядит и рисунок, изображающий двух пареньков: у одного из них под мышкой книга, украшенная изображением Звезды Давида, у другого – с серпом и молотом. Этот последний подтянут, бодр и буквально излучает уверенность в собственной правоте. Подпись под рисунком гласит: «Карл, пойдём в рабочую школу!» В переживаемую нами эпоху мемов эта фраза звучит особенно многозначительно.

Гроппер, работавший над оформлением «Arbet-shul» вскоре после возвращения из Советского Союза, стремился максимально точно воспроизводить его реалии – вплоть до детального изображения ленинского уголка. Этот букварь вполне мог бы служить учебником в еврейских школах СССР, – если бы, конечно, к 1939 г. их не закрыли. Но обсуждение национальной политики советского руководства выходит за рамки нашей темы. Отметим лишь, что за океаном художникам было намного легче сохранять иллюзии о расцвете национальных культур при Советской власти. Рассматриваемая нами книга прекрасно иллюстрирует этот тезис.

В отношении «левых» еврейско-американских художников к Стране Советов порой заметна идеализация, пусть и невольная. Ситуацию у себя на родине эти мастера оценивали несколько иначе. Возьмем, к примеру, книгу Пейсаха Юдича «Unter auzn» (под утюгом), оформленную Гроппером.

Книга представляет собой документальное повествование о становлении профсоюза текстильщиков. В иллюстрациях к ней раскрылся весь талант Гроппера как зрелого художника-карикатуриста. Рисунки выполнены в более мягкой манере, нежели прежде; сарказм приглушен. «Воздушному человеку» (это грустноватое определение Шолом-Алейхема как нельзя лучше подходит к еврейскому эмигранту былых времён) художник явно сопереживает. Как и бедолаге, сидящему за столом перед пустой тарелкой с надписью «Еда стоит дороже». А вот хорошо одетый мужчина с волевым лицом протестует против потогонной системы – не своего ли отца изобразил тут Гроппер? Книга посвящена борьбе рабочих за свои права, поэтому здесь то и дело мелькают образы, символизирующие ее успех. Прежде всего, это связано с усилением профсоюзов. Но и здесь не все было гладко. Функционеры от тред-юнионов, достигнув личного благополучия, сплошь и рядом переходили на сторону своих недавних классовых врагов, за что и бывали биты бичом убийственного сарказма. Ну, а изображая собственно капиталистов, Гроппер не жалел яда.

Подводя итоги, можно сказать, что агитационно-пропагандистское творчество еврейско-американских художников представляло собою неявный, но все же весомый фактор идеологической поддержки Советского Союза и обеспечивало ему сочувствие и симпатии со стороны трудящихся Соединённых Штатов Америки.

Литература

(описания даны в переводе с идиша В. Кнорринг)

1. Гриншпан И. Стихотворения и поэмы. Нью-Йорк: Кооперативное народное издательство при еврейской секции Международного Рабочего объединения. 1937. 199 с.: ил., портр.
2. Кац А. Тарелочка с неба. Нью-Йорк: Подарки. 1934. 32 с.: ил.
3. Фридман Б. Рабочая школа: Учебник для второго года обучения. Нью-Йорк: Международное Рабочее объединение. 1934. 160 с.: ил.
4. Юдич П. Под утюгом: Главы из истории рабочего движения и впечатления от рабочей жизни в Америке. Нью-Йорк: Комитет книг П. Юдича. 1954. 273 с.: ил.

СОВЕТСКАЯ ЕВГЕНИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Аннотация. Евгеника была представлена разными версиями, и по-разному развивалась в разных странах. Наиболее разительный контраст в этом развитии приходится на 1920 – 1930 гг. В США и в Германии евгенике уделялось значительное внимание со стороны политических и государственных деятелей, и даже были приняты специальные законы о принудительной стерилизации. В СССР евгеника не стала частью государственной политики и уже в 1930-е гг. была преобразована в медицинскую генетику.

Ключевые слова: евгеника, медицинская генетика, политика, США, Германия, СССР.

В начале XXI в. евгеника вновь стала привлекать внимание исследователей, от историков науки до биологов и политологов, а также публицистов¹. Как и раньше, евгеника рассматривается с различных, часто противоположных, точек зрения и в разных аспектах, но одним уделяется больше внимания, другим – меньше. Взаимосвязь евгеники с эволюционной теорией затрагивается редко и лишь попутно. Тем не менее, многими авторами отмечалась то, что Ф. Гальтон был вдохновлен эволюционной теорией Ч. Дарвина², а некоторые сторонники, так же как противники ев-

---

¹ См., например: Бабков В. В. Заря генетики человека: русское евгеническое движение и начало медицинской генетики. М: Прогресс-Традиция. 2008; Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности / [отв. ред. Ю.В. Хен]. М.: Канон+. 2005; Пчелов Е. В. Советская евгеника: В поисках гениальности // Знание-сила. 2013. № 6. С. 72-79; Родословная гениальности: из истории отечественной науки 1920-х гг. / Сост. Е.В. Пчелова. М.: Старая Басманна. 2008; Русская евгеника. Сборник оригинальных работ русских ученых (хрестоматия) / под общ. ред. В.Б. Авдеева. М: Белые альвы. 2012; Фандо Р. А. Становление отечественной генетики человека на перекрёстке науки и политики. М.: МАКС Пресс. 2013; Хен Ю. В. Евгенический проект: "pro" и "contra". М.: ИФ РАН. 2003.

² См., например: Канаев И.И. Фрэнсис Гальтон. 1822-1911. Л.: Наука . 1972. С. 21; Кадневский В., Лемин В., Ширинова Т. Фрэнсис Гальтон: учёный-энциклопедист, один из первых создателей теории педагогических измерений. К 190-летию со дня рождения Ф. Гальтона (1822–1911 гг.) // Педагогические

геники, были эволюционистами, либо были убеждены в том, что эволюционная теория является полноценной и полезной для евгеники научной теорией. При этом часто подчёркивается увлечение евгеников правой политической ориентации социал-дарвинизмом и соответствующее использование некоторых положений и понятий эволюционной теории, прежде всего таких, как «борьба за существование» и «естественный отбор» в качестве «научного» обоснования своих взглядов и выводов³.

Но также как эволюционная теория вовсе не являлась и не является социал-дарвинизмом, а помимо дарвиновской теории эволюции имелось и продолжает возникать множество других эволюционных концепций, от ламаркизма и неоламаркизма до автогенеза и неodarвинизма, евгеника была представлена разными версиями, и по-разному развивалась в разных странах. Наиболее разительный контраст в этом развитии приходится на 1920 – 1930 гг. Если в США и в Германии евгенике не только уделялось значительное внимание со стороны политических и государственных деятелей, и даже были приняты специальные законы о принудительной стерилизации, то в СССР евгеника так и не стала частью государственной политики⁴.

измерения. 2012. № 1. С. 8; Манузина А. История науки: метеоролог, генетик, евгеник и антрополог // <https://indicator.ru/biology/francis-galton.htm> 16.02.2017

³ См., например: Kevles D. J. *Eugenics in the United States and Britain, 1890 to 1930: A Comparative Analysis* // Humanities Working Paper 19. 1979. P. 4, 14; Leonard T. C. *Mistaking Eugenics for Social Darwinism: Why Eugenics is Missing from the History of American Economics* // *History of Political Economy*. 2005. V. 37. P. 204, 215, 221, 223, 226-230.

⁴ См. подробнее: Graham L. *Science and Values. The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920's* // *The American Historical Review*. 1977. V. 82. P. 1133-1164; Kevles D. J. *In the Name of Eugenics. Genetics and the Uses of Human Heredity*. New York: Knopf. 1985; King, D. and Hansen, R. *Experts at Work: State Autonomy, Social Learning and Eugenic Sterilisation in 1930s Britain* // *British Journal of Political Science*. 1999. V. 29. P. 77-107; Kühl S. *The Nazi Connection. Eugenics, American Racism, and German National Socialism*. New York; Oxford: Oxford univ. press. 1994; Lombardo P. A. *A Century of Eugenics in America from the Indiana Experiment to the Human Genome Era*. Bloomington, Ind.; Indiana University Press. Cop. 2011; *Natural Selection, Heredity, and Eugenics*. Incl. Sel. Correspondence of R. A. Fisher with Leonard Darwin & others / Ed. by J. H. Bennett. Oxford: Clarendon press.

При одинаково большом внимании учёных к генетике и дарвиновской эволюционной теории показательно также разное понимание значения генетики и эволюционной теории, а также, что ещё более важно, эволюции человека, в работах советских и зарубежных евгеников этого периода. Советские евгеники, как биологи, так и гуманитарии, включая выдающихся генетиков Н. К. Кольцова⁵, А.С.Серебровского⁶ и Ю. А. Филипченко⁷, старались познакомить читателя с зарубежной евгеникой, публикуя статьи о ней и переводы некоторых книг⁸. Но они, в отличие от зарубежных коллег, проводили чёткое различие между биологической и социальной эволюцией человека, хотя и настаивали на том, что биологическая эволюция человека продолжается и взаимодействует с его социальной эволюцией. В частности, М. В. Волоцкой в книге под характерным названием «Система евгеники как биосоциальной дисциплины» (1928), подчёркивал, что человек

1983; Searle G.R. Eugenics and Politics in Britain in the 1930s // *Annals of Political Science*. 1979. V. 36. P. 159-69; *The Oxford Handbook of the History of Eugenics*. Oxford [etc.] Oxford univ. press. 2012; *The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia* / Ed. by Mark B. Adams. New York: Oxford University Press. 1989; Weikart R. *From Darwin to Hitler. Evolutionary Ethics, Eugenics, and Racism in Germany*. New York: Palgrave Macmillan. 2004; *Wie nationalsozialistisch ist die Eugenik? = What is National Socialist about Eugenics? internationale Debatten zur Geschichte der Eugenik im 20. Jahrhundert [basiert auf den Materialien der Tagung, Basel. 2006]* / Regina Wecker [et al.], (Hg.). Wien etc.: Böhlau. Cop. 2009.

⁵ Кольцов Н.К., Улучшение человеческой породы. Пб.: Время.1923.

⁶ Серебровский А.С. Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе // *Медико-биологический журнал*. Вып. 5. М. 1929. С. 3-19.

⁷ Филипченко Ю. А. Евгеника // *Русская мысль*. 1918. № 3–4. С. 69–95; Филипченко Ю. А. Что такое евгеника? Пг. 1921; Филипченко Ю. А. Пути улучшения человеческого рода (Евгеника). Л.: Госиздат. 1924. См. также публикации других авторов: Слепков В. Евгеника. Улучшение человеческой природы. М.-Л.: Гос. изд-во. 1927; Слобцов Б.И. Улучшение расы (Евгеника). Пг.: Акад. изд-во. 1923; Шапшев К.Н. Евгеника и расовая гигиена. Харьков: Тип. ПУУВО им. Фрунзе. 1925; Штехер Г.Г. Вырождение и евгеника. М. – Л.: Гос. изд-во. 1927.

⁸ См., например, книгу Р. Р. Гэтса, проф. Лондонского университета, авторизованный перевод которой был сделан Ю. А. Филипченко: Гейтс Р.Р. *Наследственность и евгеника* / Под ред. Ю.А. Филипченко. Л.: «Сеятель» Е.В. Высоцкого. 1926.

как «объект евгеники занимает исключительное положение в мире живых существ», и что эта исключительность человека «обуславливается, прежде всего, той необычайно сложной с о ц и а л ь н о й средой, которую человек создал вокруг себя и с которой настолько органически сросся, что его эволюционное развитие неразрывно связано с эволюцией этой искусственной среды, прежде всего эволюцией производственных взаимоотношений»⁹.

На этом же позднее настаивал генетик и эволюционист Ф.Г. Добржанский, предложив собственную эволюционную концепцию человека. Согласно Ф.Г. Добржанскому человек является биологическим видом и его эволюция, включая его происхождение, как и эволюция других видов, может быть понята и объяснена на основе эволюционной теории и в результате различных эволюционно-биологических исследований. В тоже время эволюция человека отличается от эволюции всех других видов и, являясь уникальной, включает в себя как биологическую, так и культурную эволюции. Причём обе эволюции не только влияют друг на друга и взаимодействуют, но и незакончены, непрерывно продолжаются. Вот почему человеческая эволюция «не может быть понята как чисто биологический процесс, и она не может быть описана адекватно как история культуры. Это – взаимодействие биологии и культуры, при котором существует обратная связь между биологическими и культурными процессами»¹⁰.

Такому пониманию эволюции человека в значительной степени мешал и, напротив, абсолютизации биологической или социальной эволюции способствовал как раз политический контекст эпохи. По Ф.Г. Добржанскому, в течение нескольких десятилетий, особенно в 1920 – 1930-е гг., биологический подход к человеку был в глазах многих дискредитирован несколькими вариантами социального дарвинизма. Поэтому общепринятым было представление, что биологические идеи бесполезны в попытке понять человека и человеческие общества¹¹. Возникла ошибочная дихотомия, представленная противоположными точками зрения Х. Ортеги-и-Гассета и К. Дарлингтона. Точка зрения первого, а также многих социологов и гуманистов, выражена в афоризме «У человека нет природы, у него есть история». По К. Дарлингтону, напротив, наследственность, содержащаяся в хромосомах, «в конечном счёте, определяет ход истории», и

---

⁹ Волоцкой М. В. Система евгеники как биосоциальной дисциплины. М.: Изд. гос. Тим. научно-исслед. ин-та. 1928. С. 13-14.

¹⁰ Dobzhansky Th. Mankind Evolving: the Evolution of the Human Species. New Haven: Yale University Press. 1962. P. 18.

¹¹ Там же. P. 15.

«структура общества опирается на наследственность, и на изменения, которым она подвергается». Но человек имеет как биологическую природу, так и историю, социальную природу, и эти две его природы взаимосвязаны и взаимодействуют. Некоторые биологи утверждали, что поскольку предки человека были животными, то и человек «ничего больше как животное»¹². Это ошибочное утверждение сделало «биологию лёгкой добычей социальных дарвинистов, расистов и недобросовестных политиков». Социальные учёные, напротив, сводили эволюцию человека к эволюции культуры, настаивая на том, что «культурная эволюция - расширение биологической эволюции только в хронологическом смысле»¹³. Сходное представление, что биологическая эволюция человека остановилась, и что он теперь развивается только культурно, было принято также некоторыми выдающимися западными биологами и в Советском Союзе. Настаивая на ложности дихотомии «биологическое – социальное», Ф.Г. Добржанский все же признает культуру и её развитие в качестве радикальной инновации. Так, ссылаясь на Э. Кассирера, он приводит его слова о том, что в отличие от других животных, человек «живёт, если можно так выразиться, в новом *измерении* действительности»¹⁴. Взаимодействие биологического и культурного компонентов человеческой эволюции служит адаптации человека и его контролю над средой своего обитания. Более того, «этот процесс, человеческая эволюция, должен, в конечном счёте, быть поставлен под контроль человека. В этом человечество встретится с самым большим вызовом своей биологической и культурной истории. Чтобы успешно иметь дело с этим вызовом, важны знание и понимание эволюции в целом, и уникальных аспектов человеческой эволюции в частности»¹⁵.

К созданию и обоснованию своей эволюционной концепции человека, как бы подтверждая суждение М.В. Волоцкого о человеке как исключительном егеническом объекте, Ф.Г. Добржанский пришел в результате проведенных им эволюционно-генетических исследований и, по его собственному выражению, собственной эволюции, включившей как мировоззренческую, так и научную, т.е. социальную или культурную, эволюцию. В 1920-е гг., являясь ассистентом кафедры генетики и экспериментальной

---

¹² Там же. 18.

¹³ Там же. Р. 18.

¹⁴ Там же. Р. 19.

¹⁵ Там же. Р. 22.

зоологии Ленинградского государственного университета, Ф.Г. Добржанский проводил исследования генетики дрозофилы. В 1927 г. он, благодаря хлопотам Ю.А. Филипченко, был командирован в США, где с 1928 по 1929 г. стажировался в лаборатории Т.Х. Моргана в Колумбийском университете в Нью-Йорке в качестве стипендиата фонда Рокфеллера. В декабре 1929 г., получив требование досрочно вернуться, и взвесив все «за» и «против», Ф.Г. Добржанский принимает решение временно остаться в США и пытается найти себе новое место на родине через Н. И. Вавилова и своих бывших коллег. Но в августе 1931 г. он все же отказывается от предложения Н.И. Вавилова занять должность учёного специалиста в Генетической лаборатории АН СССР, подчёркивая в письме к последнему: «При всем моем уважении к Вам лично, при всем моем искреннем желании работать в Академии наук, а не здесь (знаю, что в искренности этого желания многие сомневаются, но это их дело — я говорю, что думаю) вижу, что из этого ничего не выйдет. <...> Если же чем-нибудь могу быть полезен здесь, то постараюсь быть. Как бы то ни было, никогда не забуду ни страны, ни того, чем ей обязан»¹⁶. Своё обещание Ф.Г. Добржанский сдержал: страны не забыл и старался, как мог, быть ей полезен¹⁷.

Советское происхождение Ф.Г. Добржанского повлияло на его понимание и трактовку философских и социально политических аспектов и проблем эволюционной теории и в особенности эволюции человека. В этом контексте, вероятно, не случайно, что в качестве эпиграфа к одной из глав своей книги он привёл знаменитые слова В.И. Ленина: «Невозможно

---

¹⁶ Максимум возможного (Переписка Ф.Г. Добржанского с отечественными биологами: 1920–1970 гг.). Часть 1. Переписка Ф.Г. Добржанского с отечественными биологами: 1920–1930-е гг. / Ред.- сост. М.Б. Кошарев. СПб: Нестор-История. 2014. С. 422–423. О причинах, побудивших Ф. Г. Добржанского остаться в США, и обстоятельствах, при которых им принималось такое решение, см.: Кошарев М.Б. Страсти по Феодосию, или как и почему Ф.Г. Добржанский стал «невозвращенцем» // Вестник ВОГиС. 2013. № 1. С. 202–209.

¹⁷ Konashev M. B. Th. Dobzhansky and the Development of Evolutionary Biology in the USSR // History of Science. 2019. V. 57. N. 3. P. 346–371.

жить в обществе и быть свободным от этого общества»¹⁸. Несомненно также, что советское происхождение повлияло на его мировоззрение, его социально-политическую позицию и его отношение ко всему, что происходило на его родине – в СССР, подтверждением чему являются записи в его дневнике, который он вёл на протяжении всей своей жизни¹⁹.

Интерес Ф.Г. Добржанского к евгенике помимо прочего был вызван увлечением евгеникой его патрона и, несмотря на разницу в возрасте, друга, Ю.А. Филипченко, который, проводя различие между положительной и отрицательной евгеникой и отдавая предпочтение первой, все же ориентировался на американскую евгенику. В сжатом виде собственное понимание евгеники было дано первоначально Ю.А. Филипченко в книге о наследственности²⁰. В частности, там была дана и его точка зрения на отрицательную и положительную евгенику: «Вообще чрезвычайно сомнительно, чтобы меры запретительного и даже карательного характера могли бы много дать в такой глубоко интимной области, какою является область половых отношений у человека. Однако несомненно, что мирная пропаганда евгенических идей, распространение их в самых широких кругах населения принесёт гораздо больше пользы, чем угроза стерилизацией какому-нибудь дегенерату или больному. На этот более правильный и плодотворный путь вступила раньше других та же Америка...»²¹.

Поэтому, ещё во время стажировки, после знакомства с евгеникой в США, Ф.Г. Добржанский счёл необходимым в письме Ю.А. Филипченко от 16 ноября 1928 г. из Пасадины сообщить своё отношение к американской евгенике: «Наконец, насчёт наследования таланта. Должен сказать, что мое знакомство с американскими евгениками меня очень разочаровало, чтобы не сказать больше. Сейчас я готов всецело присоединиться к

¹⁸ Dobzhansky Th. *Mankind Evolving: the Evolution of the Human Species*. New Haven: Yale University Press. 1962. P. 219.

¹⁹ APSL. B:D 65. Th. Dobzhansky Papers. Notebooks. Часть этих записей из дневника Ф.Г. Добржанского опубликована. См.: Конашев М. Б. «Нет никакого сомнения в том, что русскими людьми движет какая-то, нам едва ли ведомая, духовная сила» (Из дневника Феодосия Григорьевича Добржанского) // Исторический архив. 2015. № 6. С. 36-44.

²⁰ Филипченко Ю.А. *Наследственность*. М.: Природа. 1917. С. 276–279. В книге, изданной позднее, есть параграф «Ограничительная евгеника», в котором излагается личное мнение ее автора: Филипченко Ю. А. Пути улучшения человеческого рода. (Евгеника). Л.: Госиздат. 1924. С. 161–164.

²¹ Там же. С. 278.

Вашему мнению об отрицательной евгенике, в котором Вы были, помнится, одиноки, что с Вами бывает редко. Больше того, сейчас для меня вся евгеническая доктрина является глубоко скомпрометированной, я, сидя здесь, дал себе ясный отчёт в том, из каких источников берут начало потоки евгенических идей. Право, препаскудный источник. Коротко говоря, в Америке всё это дело ведётся самой реакционной, самой твердолобой частью народа»²². Поводом для такой характеристики послужила статья Ю.А. Филипченко о наследовании таланта²³, которую Ф.Г. Добржанский получил вместе с другими статьями и журналами, и которую высоко оценил, проведя чёткое противопоставление советской и зарубежной евгеники: «Но, конечно, одно дело наследование таланта, а другое дело евгеника со всеми атрибутами. И Вам, на эту статью я не могу поставить возражений. Она превосходна»²⁴.

Понимание эволюции человека как взаимодействия биологической эволюции человека и социальной, или культурной эволюции, другими словами биолого-социальной коэволюции человека, определяло и ту роль, которую, с точки зрения советских евгеников, должна играть эволюционная теория в евгенике теоретической и практической. М. В. Волоцкой указывал, что к научной базе евгеники, на которой она должна базироваться, в т.ч. для достижения своих практических целей, прежде всего, относится диалектический материализм: «уменьше диалектически мыслить является первым и совершенно необходимым условием научного подхода к проблеме евгеники так же, как и ко всем проблемам современной науки вообще»²⁵. С диалектическим подходом непосредственно связаны и две главные научные основы биосоциальной евгеники — эволюционное учение в биологии с одной стороны и в социологии с другой. Таким образом, принцип эволюции «составляет основную предпосылку и важнейшую часть евгенического учения»²⁶.

Как и их зарубежные коллеги, советские евгеники полагали, что «конечной целью евгеники является улучшение человеческой породы»²⁷,

---

²² Максимум возможного (Переписка Ф. Г. Добржанского с отечественными биологами: 1920–1970 гг.). Часть 1: С. 121.

²³ Филипченко Ю.А. Наследование одаренности // Человек. 1928. № 1. С. 10–22.

²⁴ Максимум возможного (Переписка Ф. Г. Добржанского с отечественными биологами: 1920–1970 гг.). Часть 1. С. 121.

²⁵ Волоцкой М. В. Там же. С. 32–33.

²⁶ Там же. С. 34.

²⁷ Там же. С. 8.

усматривая главную цель евгеники в «стремлении к руководству органической эволюцией человечества»²⁸. Но, в отличие от западных коллег, советские евгеники были убеждены в том, что «в коммунистическом обществе будущего все отношения между людьми будут ясно видны для каждого», что «стремление человека к сознательному руководству процессом своей собственной эволюции ... должно в полной мере отвечать общим принципам этой высшей стадии общественного развития»²⁹.

Тем самым и практическое использование научной базы евгеники, включая эволюционную теорию, было ориентировано на то, что сам «исторический ход вещей», т.е. эволюция человека, «выдвигают новую социальную систему, в виде коммунистического общественного строя»³⁰, в центре которого находится человек и его свободное развитие.

Прежде всего, это использование должно было затронуть всю сферу здравоохранения в СССР. Действительно, евгенические исследования, активно проводившиеся в СССР в 1920-х и в начале 1930-х гг., в т. ч. такими крупными учёными, как Н. К. Кольцов и Ю. А. Филипченко, нередко фактически уже являлись составной частью социальной гигиены. В частности, Н. К. Кольцов предложил специальный термин «евфеника», которым обозначил улучшение фенотипических свойств человека с помощью среды, к которой относил вопросы гигиены, физкультуры, профилактики, охраны материнства и младенчества, воспитания, обучения, и которая является «необходимым дополнением к евгенике». По Н. К. Кольцову, евфеника «изучает те способы, при помощи которых мы можем, не изменяя генотипа, получать наиболее ценные для нас фенотипы культурных растений, домашних животных и человека»³¹. При этом он специально отмечал: «Евфеника требует, чтобы каждый ребёнок был поставлен в такие условия воспитания и обучения, при которых его специальные наследственные способности нашли бы наиболее полное и наиболее ценное выражение в его фенотипе»³².

Таким образом, советские евгеники заложили, наряду с другими направлениями в биологии и медицине, научные основы целого ряда подразделений советского здравоохранения и медицины. Евгеники исходили из того, что медицина, как профилактическая, так и лечебная, даёт возможность охранять и восстанавливать жизнеспособность и жизнедеятельность

---

²⁸ Там же. С. 43.

²⁹ Там же. С. 6-7.

³⁰ Там же. С. 6-7.

³¹ Кольцов Н.К. Евфеника // Большая медицинская энциклопедия. Т. 9. М.: Сов. энциклопед, 1929. С. 690.

³² Там же, С, *.

отдельных личностей и целых коллективов. Именно поэтому, с точки зрения евгеники и здравоохранения, важное значение имеют данные о всевозможных наследственных болезнях, аномалиях и уродствах, в т.ч. поставляемые психиатрией и неврологией. Евгеники по тем же причинам настойчиво подчёркивали значение гигиенических дисциплин и их практических приложений, как то: социальной, профессиональной, конституциональной, личной и других видов гигиены. Они указывали на необходимость выработки действенных способов борьбы с профессиональными и социальными болезнями, в особенности потому, что многие из них способны отражаться весьма пагубно не только на самом заболевшем, но и на его потомстве. Сюда же, полагали отечественные учёные, должна была быть отнесена и разработка таких важных, с точки зрения профилактической евгеники, социально - гигиенических мероприятий, как охрана материнства и младенчества, детей и подростков, устройство яслей, приютов, школьная гигиена и т. п. Ими же был предложен целый ряд мер³³, призванных обеспечить прогресс в улучшении здоровья населения СССР и, тем самым, в решении, по крайней мере, частичном, поставленной евгеникой задачи улучшения качеств человека. Несмотря на ряд утопических идей и предложений, в целом, усилия евгеников увенчались относительным успехом. Они внесли свою и весьма ощутимую лепту в создание той системы здравоохранения, которая не без оснований на протяжении десятилетий считалась одной из лучших в мире.

В те годы евгенические задачи ставились некоторыми зарубежными обществами, например, немецким обществом расовой гигиены, в качестве задач, в основном, негативной, евгенической политики с чётко выраженным националистическим оттенком. В «Русском Евгеническом журнале» публиковались программы таких обществ, что могло вызвать вопросы к редакции и негативное отношение к журналу, его авторам и евгенике как таковой. В основном этим объяснял прекращение деятельности Русского Евгенического Общества в 1929 г. Н. К. Кольцов: «Когда в Германии проявились первые признаки фашизма, я резко оборвал евгенику сам, без каких бы то ни было внешних давлений, закрыл Евгеническое общество,

---

³³ См., например: Радин Е.П. Охрана здоровья детей и подростков и социальная евгеника. [С прил. 17 инструкций и руководств]. Орел: Гос. изд. Орлов. отд., 1923; Филипченко Ю. А. Евгеника в школе // Русский евгенический журнал. 1925. Т. 3. С. 31-35; Юдин Т.И. Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека Конституциональная гигиена и профилактика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: М. и С. Сабашниковы, 1928.

прекратив издание журнала, закрыл евгенический отдел в институте»³⁴. Такое же объяснение давалось советскими генетиками и позднее: «Но когда евгенические положения стали использовать для откровенно реакционных и даже фашистских целей, Кольцов проявил чувство гражданского долга и сам пошёл на ликвидацию евгенического общества и закрытие Русского Евгенического Журнала»³⁵. В тоже время в конце 1920-х гг. – начале 1930-х гг. уже кардинально изменилась общая ситуация в СССР, и большинство научных обществ было либо трансформировано, либо вообще закрыто. Последнее, однако, было прямо связано с первым, что проявилось как в обвинениях, предъявленных евгеникам, так и в их собственных разъяснениях. В частности, А. С. Серебровский на общем собрании Комакадемии в 1931 г. признавал свои идеологические промахи: «Наиболее ясны для всех, даже не для биологов, мои ошибки в области евгеники, когда я упустил из виду обстановку, в которой она родилась в качестве науки в Западной Европе».³⁶

Однако, советская евгеника 1920-х гг., формально прекратившая своё существование в 1929 г. вместе с прекращением деятельности Русского евгенического общества, в 1930-е гг. вовсе не исчезла. Хотя некоторые евгеники, включая Н.К. Кольцова, в эти годы были репрессированы, евгеника преобразовалась в медицинскую генетику³⁷, которая в 1930-е гг. и теоретически, и практически соответствовала самым высоким научным мировым стандартам. В 1924 г. в Москве был создан Клинический институт функциональной диагностики и экспериментальной терапии, вскоре переименованный в Медико-биологический институт (МБИ). В 1928 г. в

---

³⁴ Астауров Б. Л. Николай Константинович Кольцов: Биобиблиографический указатель. М.: Наука, 1976. С. 25.

³⁵ Астауров Б.Л. Рокицкий П.Ф. Николай Константинович Кольцов. М.: Наука, 1975. С. 111.

³⁶ Асланян М.М., Варшавер Н.Б., Глотов Н.В., Маневич Э. Л., Орлов С. А., Серебровский Л. А. Александр Сергеевич Серебровский: 1892-1948. / Отв. ред. Н. Н. Воронцов. М.: Наука. 1993. С. 149.

³⁷ См. подробнее: Adams M.B. The Politics of Human Heredity in the USSR, 1920-1940 // *Genome*. 1989. V. 31. N. 2. P.879-884; Адамс М. В. Политика в области человека в СССР: 1920-1940 // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1994. Т. 90. Вып. 1. С. 15-25; Бабков В. В. Медицинская генетика в СССР // Вестник РАН. 2001. № 10. С. 928-937; Kremontsov N. L. From “Beastly Philosophy” to Medical Genetics: Eugenics in Russia and the Soviet Union // *Annals of Science*. 2011. V. 68. P. 61–92.

нем появился Кабинет наследственности и конституции человека, а МБИ в 1935 г. был преобразован в Медико-генетический институт (МГИ), которым руководил С. Г. Левит, организовавший клинико-генетические исследования близнецов. В 1937 г. С.Г. Левита уволили с должности директора, МГИ был закрыт, а в 1938 г. его директор был арестован, приговорён к смертной казни за терроризм и шпионаж, и расстрелян. В 1956 г. С.Г. Левит был реабилитирован³⁸. Медицинская генетика, однако, не только не прекратила своего существования, но, сохранившись даже в период господства лысенкоизма в советской биологии 1948-1964 гг.³⁹, успешно, хотя не без проблем, развивалась в последующие десятилетия⁴⁰.

---

³⁸ Левит Соломон Григорьевич // <http://www.ihst.ru/projects/sohist/repress/but/1938/levit.htm>

³⁹ Одна из книг по медицинской генетике была издана в 1964 г. и переиздана в 1968 г.: Эфроимсон В.П. Введение в медицинскую генетику. М.: Медицина, 1964.; Эфроимсон В.П. Введение в медицинскую генетику. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Медицина. 1968.

⁴⁰ Полищук А.М. Медицинская генетика в России // Химия и жизнь. 2010. №2. С. 44-48.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ НАЦМЕНЬШИНСТВ РСФСР.
1920–1930-е гг.**

Аннотация. На основе опубликованных документов, архивных материалов и региональных исследований автор анализирует процесс формирования сети высшего педагогического образования для национальных меньшинств России, развернувшийся в первые послереволюционные десятилетия.

Российская Федерация с момента своего провозглашения в 1918 г. строилась как полиэтничное государство, многие граждане которого совершенно не знали русского языка. Понятием «национальные меньшинства» обозначали в 1920-е годы тех, кто не считал себя великороссом, а русский язык – родным языком. Это касалось и мусульманских народов Северного Кавказа и Поволжья, и евреев бывшей черты оседлости, и народов Крайнего Севера и Сибири, многие из которых вообще не имели письменности, и дисперсно-расселённых этнических групп. Принципиальные решения о том, как будет выглядеть образование для этих народов, выдержанные в духе провозглашённого революцией права наций на самоопределение, были приняты Наркомпросом РСФСР ещё в 1918 году. Они настаивали на возможности обучения всех народов на родных языках на всех ступенях образования, включая высшую школу. Важнейшими предпосылками для обеспечения этой возможности стало создание Союза ССР и процесс национально-территориального районирования РСФСР. В каждой национальной автономии организовывались Народные комиссариаты просвещения, в Отделах народного образования областных и краевых Советов – Отделы по работе с национальными меньшинствами.

С 1920-х годов основным заказчиком подготовки педагогических кадров для школ нацменьшинств стало выступать государство. Мероприятия всех республиканских Наркомпросов подчинялись общей политической линии, определявшей задачи этнонациональной политики государства и культурной революции. Педагогика в широком смысле этого слова – как социальная педагогика – определяла значимость педагогической профессии, содержание и методы работы школы. Развёртывание системы образования в полном объёме требовало подготовки учителей с университетским образованием¹.

---

¹ Педагогическое образование. Учебные планы педагогических вузов и факультетов с объяснительной запиской. М.: Главпрофобр. 1927. С.2.

Наркомпрос РСФСР сумел широко использовать действовавшую в дореволюционной России школьную инфраструктуру и накопленный педагогический опыт. Система высшего педагогического образования создавалась путём преобразования учительских институтов и семинарий в Институты народного образования (ИНО), а также путём реорганизации частных учебных заведений в учебные заведения нового, советского типа. Национальные высшие учебные заведения создавались разными способами. Так, в Петрограде в 1918г. был открыт Еврейский народный университет (ректор – историк С.Г. Лозинский). С конца 1919 г. он стал Петроградским институтом высших еврейских знаний с 5 факультетами (философским, филологическим, историко-социальным, юридическим и национального искусства), и к 1922 г. насчитывал 200 студентов. В том же Петрограде был создан Эстонский институт, который вырос из осколков Тартуского университета, студенты и преподаватели которого оказались в Петрограде после оккупации Эстонии немцами². Управление культуры Эстляндской трудовой коммуны, расположившееся в Петрограде, провозгласило создание Эстонского пролетарского университета в составе трех подразделений: общеобразовательного, политехнического и педагогического. В 1920 г. из состава университета выделился Педагогический институт эстонского языка (с 1923 г. – Эстонский институт практического народного образования). Ректором был А.Г. Вальнер – бывший комиссар просвещения Эстляндской трудовой коммуны и руководитель эстонского отдела Губотнаца. В состав института входили рабочий факультет, краткосрочные педагогические курсы, 4-я эстонская трудовая школа, 37-й детский интернат и детский дом³.

В 1922 г. на Факультетах общественных наук (ФОН) Московского, Петроградского, Саратовского и Иркутского университетов были созданы

---

² См.: Михайленко В.В., Романова Н.М. Из истории национальной политики России: Эстонский и Еврейский университеты Петрограда // Вестник С.-Петербургского гос. ун-та. 1998. Сер.6. Вып. 1(6); Панин Е.В. Петроградские еврейский и эстонский национальные вузы в советской России (1917–1920-е годы) // Известия МГТУ «МАМИ». №4(18), 2013 . Т. 2. С.206–210; Власов А.Г. Эстонский педагогический институт Петрограда и проблемы образования нацменьшинств в первые годы советской власти: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28803521_24019601.pdf

³ ЦГА СПб. Ф.2574. Д. 16, 17, 18.

Общественно-педагогические отделения. Трудно представить, чтобы в Саратовском университете не учились бы немцы, в Дальневосточном – корейцы, в Смоленском – евреи, в Казанском педагогическом – татары и башкиры, а в Кубанском – украинцы. Но специальных квот для представителей нацменьшинств до 1925 г. не существовало. Ограничения при приеме основывались не на национальных, а на политических признаках: не принимались на обучение со стипендией дети «лишенцев» и лиц, имевших частную собственность, приносящую доходы. Условием приема было знание языка преподавания, то есть русского языка.

В начале 1920-х гг. педагоги новой, советской формации из числа нацменьшинств выходили также из стен комвузов: Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) им. И.В. Сталина (ректор Г.И. Бройдо – 1921–1923 гг. – заместитель наркома по делам национальностей РСФСР), открывшегося в 1921 г. как Восточные курсы при Наркомнаце, и Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) им. Ю. Мархлевского. КУТВ имел филиалы в Ташкенте, Баку и Иркутске, КУНМЗ – в Ленинграде. Частью КУТВ была Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. При ассоциации с 1927 г. существовала аспирантура в составе 4 отделений: философского, экономического, историко-партийного и исторического⁴. КУНМЗ был создан в 1921 г. на базе Литовско-Еврейско-Латышской, Немецкой, Польской и Румынской высших партийных школ для подготовки будущих революционеров и политработников из представителей западных национальностей СССР. Первым ректором до 1925 г. был Юлиан Мархлевский, затем его сменила М.Я. Фрумкина (активная участница коммунистического преобразования еврейства, в 1920–1921 гг. – один из лидеров Комбунда). К 1927 г. в КУНМЗ учились представители 14 национальностей. Важной функцией обоих комвузов была подготовка кадров для высшей школы.

Подготовка организаторов народного образования, в том числе для национальных окраин, была целевым назначением Академии коммунистического воспитания (АКВ) им. Н.К. Крупской в Москве. Она была задумана Н.К. Крупской и первым ректором П. П. Блонским в качестве научно-методического центра социалистической перестройки народного образования. В 1922 г. академия была полностью переориентирована на

---

⁴ Панин Е.В. Коммунистический университет трудящихся Востока// Известия МГТУ «МАМИ», №4(18). 2013. Т. 2. С.201–206.

подготовку педагогических кадров. (Так АКВ окончил А.А. Асанов, который в 1930–1934 гг. стал наркомом просвещения Крымской АССР). В 1933 г. Академия была переведена в Ленинград и преобразована в Коммунистический педагогический институт им. Н. К. Крупской⁵.

В 1925 г. после принятия Наркомпросом РСФСР решения о переходе к всеобщему обучению работа по подготовке педагогов высшей квалификации для школ нацменьшинств активизировалась. 29–30 апреля 1925 г. в Москве по инициативе Совета по просвещению нацменьшинств НКП РСФСР и при участии представителей НКП УССР и БССР состоялось совещание по вопросам украинской и белорусской работы в Советской России, по итогам которого была принята специальная резолюция «О положении дела просвещения среди украинцев и белорусов РСФСР»⁶. 19 октября 1925 г. Наркомпрос РСФСР издал распоряжение «О составлении и проведении плана перевода украинских и белорусских школ на родной язык»⁷.

Новый подход к формированию кадров для школ национальных меньшинств отразился в Декрете СНК РСФСР «О подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка» от 25 октября 1925 г. Декрет предписывал провести следующие мероприятия: 1. Ввести на физико-техническом, естественном и экономическо-общественном отделениях педагогических институтов и педагогических факультетов государственных университетов преподавание родного языка и методики преподавания на том же языке, как дисциплины, обязательные для студентов соответственных национальностей, согласно разработанному Народным комиссариатом просвещения плану. 2. Организовать лингвистические национальные отделения, имеющие целью подготовку преподавателей родного языка и родной литературы для школ повышенного типа в следующих высших педагогических учебных заведениях: а) в 1925 году: на педагогическом факультете 2-го МГУ – еврейское; в Восточном Педагогическом Институте в Казани – чувашское и тюрко-татарское; в Кубанском Педагогическом Институте – украинское и в Ленинградском Педагогическом Институте имени А.И. Герцена – эстонское; б) в 1926 году: в Ленинградском

---

⁵ Академия коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской // Энциклопедия Всемирная история: https://w.histrf.ru/articles/article/show/akadiemiia_kommunistichieskogho_vospitaniia_im_n_k_krupskoi

⁶ ГАРФ. Ф.А-296. Оп.1. Д.97. Л.82; Дроздов К. С. Государственное регулирование русско-украинских отношений в центральном Черноземье (1923–1933 гг.). Дис. канд. ист. наук. М. 2010. С.92–93.

⁷ ГАРФ. Ф.А-296. Оп.1. Д.97. Л.82–83.

Педагогическом Институте – латышское, финское и польское; на педагогическом факультете Пермского ГУ – народа Коми; в Восточном Педагогическом Институте в Казани – марийское и вотское; на педагогическом факультете Саратовского ГУ им. Н.Г. Чернышевского – немецкое и мордовское; в Крымском Педагогическом Институте – тюрко-татарское; в Горском Педагогическом Институте – осетинское, чечено-ингушское и адыгейское и на педагогическом факультете Иркутского ГУ – монголо-бурятское⁸. Спецификой перечисленных в этом списке вузов было то, что в их задачи входила подготовка преподавателей для школ II ступени и педагогических техникумов.

Корректировка и утверждение образовательных программ педагогического образования и контроль за их выполнением с 1921 г. осуществлялись Главным управлением профессионального образования (Главпрофобр) и Главным учёным советом (ГУСом) Наркомпроса РСФСР. Обязательными для всех будущих педагогов стали курсы истории революционного движения в России (позднее – истории ВКП(б), Коминтерна и ленинизма), исторического материализма (позднее – диалектического материализма), политэкономии, экономической политики и педологии. Педология до середины 1930-х гг. развивалась как междисциплинарная область знания, направленная на научный подход к процессу воспитания, и включала элементы психологии, дидактики и методики преподавания разных предметов. В учебных планах нацотделений отдельным предметом стояла национальная политика и советское строительство, на отделениях языков и культуры – кроме родных языков и этнографии – экономическая география регионов.

С 1925г. начали создаваться национальные рабфаки. Так, осенью 1925г. был открыт рабфак для коренных народов Севера в ЛГУ, в 1926 г. отделение для национальных меньшинств было организовано при Томском рабфаке⁹. В Наркомпросе РСФСР была создана специальная Комиссия по проведению приёма в вузы, которая рассматривала заявки местных Советов нацменьшинств о предоставлении мест национальностям нерусского языка в вузах¹⁰. Представителям нацменьшинств автономных и некоторых союзных республик Главпрофобр стал предоставлять места по

---

⁸ Декрет СНК РСФСР о подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка. 21.11.1925: <http://музейреформ.рф/node/13929>

⁹ Лукиева Е.Б. Некоторые вопросы создания системы подготовки национальных педагогических кадров в Западной Сибири в 20-е годы// Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. №4. С.11–15.

¹⁰ ГАРФ. Ф. А-296. Оп.1. Д.98.

квотам на всех факультетах и отделениях учреждений высшего педагогического образования в РСФСР, которых к 1927г. насчитывалось 24¹¹.

18 июня 1926 г. был опубликован декрет Совнаркома РСФСР по докладу Наркомпроса о просветительной работе среди национальных меньшинств, в котором предлагалось в целях осуществления всеобщего обучения нацмен «считать одной из важнейших задач открытие необходимого количества педагогических учебных заведений для национальных меньшинств». В конце декабря 1926 года в Москве состоялось I Всероссийское совещание уполномоченных по работе среди нацменьшинств, организованное Отделом Национальностей ВЦИК. 8 марта 1927 г. на заседании Президиума коллегии Наркомпроса РСФСР был заслушан вопрос «О просветработе среди украинского и белорусского населения РСФСР». Коллегия поручала Совнацмену «усилить работу по подготовке учебников на украинском и белорусском языках, ... проработать вопрос о принципах и методах перевода украинских и белорусских школ на родной язык», усилить методическое руководство украинскими и белорусскими школами¹².

Грандиозные планы первых пятилеток потребовали интенсификации работы всех учреждений Наркомпроса относительно национальных школ. В мае 1929 г. Наркомпрос созвал Всероссийское Совещание национальных работников, где шла речь об отставании «культурного фронта» от общих планов социалистического переустройства. В основном докладе, который делал заведующий нацсектором ЦК ВКП (б). С.М. Диманштейн, подтверждалось, что важнейшими задачами народного просвещения среди национальностей являются: а) ликвидация существующего расхождения между хозяйственно-культурным уровнем отдельных национальностей; б) практическое выполнение директивы партии «догнать ушедшую вперёд Центральную Россию»; в) наиболее тесная увязка работы по народному образованию со всей работой по социалистическому строительству в национальных районах СССР, со всеми хозяйственно-бытовыми особенностями отдельных национальностей. Речь также шла о необходимости увеличения ассигнований на культурное строительство в нацрайонах не только из местных бюджетов, но и за счёт государственного. В качестве основного условия успешного осуществления «директив партии и правительства в области просвещения национальностей СССР» называлось усиления борьбы «со всякого рода враждебными проявлениями на идеологи-

¹¹ Педагогическое образование...С.4.

¹² ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп.121. Д.4. Л.275.

ческом фронте, выразившихся как в явлениях великодержавного шовинизма, так и в самых различных формах национализма и местного шовинизма». В связи с этим предлагалось «подвергнуть частичному пересмотру наличный состав научных работников в национальных научных обществах и вузах»¹³. Резолюция совещания по докладу заведующего Организационно-плановым управлением НКП И.Д. Давыдова «Проблема языков в просветительной работе среди национальностей» предлагала вузам, связанным с изучением народов СССР, обратить внимание на «разработку научной грамматики тех языков, которые её ещё не имеют»; на разработку системы и методов обучения русскому языку; на педологическое изучение учеников нацмен¹⁴. Общая резолюция совещания рекомендовала введение в школах второго языка обучения (по решению Наркомпросов республик), собрание, изучение и использование в учебных целях фольклора и этнографических материалов. Национальным кафедрам и отделениям педвузов предлагалось связывать преподавание методики родных языков, учитывая их слабую разработанность, с методикой преподавания русского языка¹⁵.

Директивы XVI съезда ВКП(б), которые требовали «срочно развернуть сеть и контингенты пединститутов и педтехникумов» и принятие в 1930г. закона о всеобщем обучении определили количественный рост высших педагогических заведений в национальных регионах. В ходе вузовской реформы 1929–1930гг., суть которой состояла в передаче вузов ведомственным учреждениям, в Ленинграде было открыто сразу два отделения по подготовке педагогов для школ северных народностей. В 1929/1930 г. был объявлен приём на Отделение народов Севера в Герценовском пединституте, подведомственном Наркомпросу РСФСР, в 1930 г. учреждён Институт народов Севера Комитета Севера ЦИК СССР. Отделение северных народностей в Герценовском институте создавалось с нуля, тогда как ИНС был правопреемником рабфака Географического института ЛГУ¹⁶. В

---

¹³ Всероссийское совещание национальных работников при Наркомпросе РСФСР. 13–17 мая 1929г. Резолюции, утверждённые Коллегией НКП /Наркомпрос РСФСР. Комитет по просвещению среди национальных меньшинств. М.–Л.: Госиздат. 1929. С. 4–7.

¹⁴ Там же. С.17.

¹⁵ Там же. С.49.

¹⁶ Смирнова Т.М. «Красные шаманы» из Ленинграда: первая кузница кадров для Севера //Реальность этноса. Роль образования в сохранении и развитии языков и культур коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Сб. статей по мат. XVIII Международной научно-практической конференции. 22-23 ноября 2017г.

1932 г. в Пединститут им. А.И. Герцена «подселили» Восточный институт, который находился в ведении Учёного комитета ЦИК СССР. Он включал 3 факультета – педагогический, советского строительства и колхозно-кооперативный и готовил кадры для народностей, не имевших автономий: айсоров, курдов, лазов, тувинцев, уйгур, дунган, шугнанцев и др. В институте были созданы кафедра национальных языков с секцией русского языка, общественно-экономическая и естественно-математическая кафедры¹⁷. Справочник «Весь Ленинград» за 1933 год сообщал, что 4-х годичное педагогическое отделение стало основным, в то время как на советском и колхозно-кооперативном отделениях срок обучения составлял 10 месяцев. В справочнике на 1935 год уточнялись функции института – подготовка национальных педагогических кадров для неполной средней школы национальных республик советского Востока. В институте обучалось 210 человек, имелись физико-математическое и историко-географическое отделения.

В Саратовском университете были открыты калмыцкое и украинское отделения, в Иркутском – якутское, в Дальневосточном интернациональном – корейское и китайское. К 1929/1930 учебному году по некоторым данным в РСФСР среди педагогических учебных заведений РСФСР было уже 24 национальных отделения и 8 национальных вузов, в которых обучалось 4 тысячи студентов¹⁸. В дальнейшем национальные отделения и национальные педагогические вузы будут возникать путем «почкования». Калмыцкое отделение Саратовского университета даст начало Калмыцкому факультету Астраханского пединститута, а немецкое – Немецкому пединституту в Покровске (с 1931/32 уч. года – Немецкий агропединститут). Восточный педагогический институт в Казани, существовавший с 1922 г., в 1934г. был преобразован в Татарский педагогический институт. На базе Чувашского отделения языка и культуры в Чебоксарах в 1930 г. был открыт Чувашский педагогический институт. На Северном Кавказе Осетинский подотдел Горского института вольётся в Северо-Осетинский педагогический институт, открытый в 1932 г. в Орджоникидзе. В 1932г. будет объявлено об открытии Чечено-Ингушского пединститута в Грозном и Кабардино-Балкарского в Пятигорске (в 1937г. он переедет в

/под научн. ред. И.Л. Набока. СПб.: Изд.РГПУ им. А.И.Герцена. 2017. С.24–33; Лярская Е.В. «Ткань Пенелопы»: «проект Богораза» во второй половине 1920–1930- х гг. // Антропологический форум. 2016. №29. С.142–186.

¹⁷ ЦГА СПб Ф.Р-4363.

¹⁸ См.: Панин Е.В. Создание и функционирование советских высших учебных заведений для национальных меньшинств: 1920–1930-е гг. Дис... к.и.н. М. 2011. С.153.

г. Нальчик). От Иркутского университета «отпочкуется» в 1931г. Якутский пединститут, а Бурят-монгольское отделение из Иркутского университета переберётся в 1932г. в Верхне-Удинск (Улан-Удэ), образовав Бурятский пединститут им. Доржи Банзарова. Вотское (удмуртское отделение) Казанского Восточного педагогического института и Секция коми Пермского Государственного университета были переданы в состав Отделения национальных меньшинств Герценовского пединститута в Ленинграде, затем часть Финно-угорской секции была переведена в Петрозаводск в Карельский пединститут. Удмуртский педагогический институт будет организован в Ижевске, Коми государственный пединститут – в Сыктывкаре. К середине 1930-х годов во всех автономных республиках РСФСР существовали свои педагогические институты.

В 1932 г. в Москве был создан Центральный Научно-исследовательский педагогический институт национальностей СССР (ЦНИПИН СССР), первым директором которого стал активный деятель революционного движения в Дагестане и бывший нарком просвещения Дагестанской АССР А.А. Тахо-Годи. С 1 января 1934г. по постановлению СНК РСФСР от 14 декабря 1933г. начала формироваться сеть 2-х годичных педагогических институтов для ускоренного обеспечения кадрами школ-семилеток¹⁹.

Создание школ с обучением на родных языках и подготовка учителей для этих школ в 1920 – начале 1930-х гг. были частью политики защиты прав этих народов, и, пожалуй, самым успешным пунктом реализации всей концепции этнонациональной политики государства в её гуманистическом аспекте. Трудностей в ходе организации педагогического образования для нацменьшинств было много. Это – и постоянное недофинансирование, и недостаточный уровень довузовской подготовки студентов, и нехватка преподавателей со знанием родных языков, и проблемы комплектования и др. Были и организационные ошибки. Тем не менее, результатом усилий Советского государства по созданию сети высшего педагогического образования среди нацменьшинств явилось формирование нового преподавательского корпуса, лояльно настроенного по отношению к советской власти и воспринявшего новую систему ценностей. За полтора десятилетия были созданы важнейшие предпосылки для «выравнивания исторической кривой» в сфере образования, о котором шла речь на XII съезде РКП(б). Изменение вектора языковой и этнообразовательной политики государства с середины 1930-х годов, вызванное усложнением международной обстановки, не отменит этих принципиальных достижений.

---

¹⁹ Еженедельник НКП РСФСР. 1933. №2. Т.13.С.4.

РОЛЬ Р.Г. ЛЕМБЕРГ В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В 1920 -1930 г.г.

Аннотация. Имя Раисы Григорьевны Лемберг неразрывно связано с историей советской педагогики. Она была одним из организаторов советской школы, стояла у ее истоков. Много сделала Р.Г. Лемберг для подготовки кадров советских учителей, с 1919 по 1975 год она занималась педагогическим образованием. Оставила о себе память как о незаурядном и высокообразованном учёном.

Раиса Григорьевна родилась 21 февраля 1883 года в Петербурге в многодетной семье русско-еврейского писателя Г.Г. Лифшица (псевдоним Гершон бен - Гершон). В 1900 году она окончила с золотой медалью гимназию в Одессе и поехала учиться в Берлинский университет. В университете она слушала курс наук на медицинском факультете до 1906 года. В этот период она вышла замуж за Михаила Евгеньевича Лемберга и родила дочь Евгению (1902), вступила в социал-демократическую партию (1904), год отсидела в Одесской тюрьме за антивоенную пропаганду (1905-1906). В Берлине Раиса Григорьевна в революционном кружке изучала марксизм. Весной 1906 года за месяц до получения диплома в университете власти выслали Р.Г. Лемберг из Германии на родину за участие в революционных организациях. Семья Лемберг поселилась в Петербурге, до 1937 года жизнь Раисы Григорьевны будет связана с этим городом. В 10-ые годы XX века она вела нелегальную партийную работу, преподавала в Смоленской и Василеостровской школах для рабочих, в школе еврейских подростков. В этот период она много работала как писатель, редактор, переводчик и публицист. В 1913 году под псевдонимом Р. Григорьев Раиса Григорьевна пишет первый роман «На ущербе», чуть позже второй «Недавнее». Это были художественные произведения на злобу дня и у революционной молодёжи они пользовались популярностью. Революцию 1917 года она встретила восторженно. Об этом свидетельствует текст двух брошюр «Всеобщее обучение» и «Демократическая республика» написанных Раисой Григорьевной в 1917 году. Она призывает в них собрать Законодательное «народное собрание» всей земли русской через всеобщие прямые выборы, которое выделит из своих членов министров и судей. Обучение в России должно стать с ее точки зрения всеобщим, обязательным, бесплатным, светским, внесловным, единым и трудовым. Она в 1917 году дружит с Н.К. Крупской, часто видит В.И. Ленина. Она принимает активное участие в создании советского образования: с февраля 1917 года Раиса

Григорьевна состоит в президиуме межклубной комиссии при Совете рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, а с октября 1918 года заведует секцией школ подростков при внешкольном отделе и является членом методического совета трудовой школы в комиссариате народного просвещения. Р.Г. Лемберг создатель советской школы рабочей молодёжи, она автор учебных планов и программ Фабзавуча¹.

В 1919 году Раиса Григорьевна начинает вести занятия в высших учебных заведениях, читает лекционные курсы «Педагогика», «История общественных учений», «Вопросы народного образования», «Трудовая школа». Раиса Григорьевна была одним из организаторов и профессоров Внешкольного института, как совместитель преподавала в 1921-23 годы в Толмачевском институте и Зиновьевском университете. В эти годы Раиса Григорьевна понесла тяжёлую утрату, умер ее муж М.Е. Лемберг, врач и детский писатель.

В 1924 -1937 годы Р.Г. Лемберг работает в Ленинградском педагогическом институте имени А.И. Герцена. В 1924 году она преподаватель, с 1925 года профессор Герценовского института, с 1928 года заведует кафедрой «Методики начальной школы», затем становится заведующей кафедрой «Школьной педагогики». В 1929 году Раиса Григорьевна стала членом ГУСа по научно-педагогической секции, что говорит о её признании в мире педагогики. Вторым мужем Р.Г. Лемберг был Д.Н. Ангерт, с которым они вместе трудились в Наркомпросе. В революционные годы Давид Николаевич руководил Подгучем (готовил новых советских учителей), в конце 20-ых годов заведовал редакционным отделом ЛенГИЗа. Двадцатые годы очень плодотворный период в жизни Раисы Григорьевны как ученого и писателя.

В сфере её научных интересов в 20-ые годы развитие школ рабочей молодёжи, летних школ и клубов для школьников, подготовка учителей. Этим проблемам посвящен ряд исследований учёного: «Школа рабочего подростка», «Школа и клуб», «Летняя школа». В статье «Школа рабочего подростка (Основные характерные черты этого типа школы)» Раиса Григорьевна отмечает, что школы заводского ученичества возникли как ответ на вызовы времени в 1918 году в силу экономического кризиса, но к 1923 году молодёжь в них поверила и они стали началом нового направления в

---

¹ Роботова А.С., Романенчук К.В. Педагогика как судьба. Очерки жизни и деятельности Раисы Григорьевны Лемберг: Документы, воспоминания. Публицистика и педагогические произведения // Под общ. ред. Г.А. Боровского, В.А. Козырева. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2010-91с.

педагогике². Против этих школ выступил ряд маститых педагогов, считавших необходимым ввести запрет на работу до 18 лет в промышленности. Они также требовали законодательно закрепить обязательное обучения всех несовершеннолетних в школе единого типа по всей стране. В итоге победила в советской педагогике позиция Р.Г. Лемберг и фабзавуч получил путёвку в жизнь. Раиса Григорьевна стала создателем педагогической концепции этих школ. Воспитанию нового советского человека посвящена работа «Школа рабочего подростка (Основные характерные черты этого типа школы)». В ней Р.Г. Лемберг размышляет о методах психофизического оформления личности, призывает учителей целенаправленно оформлять личность ребёнка, быть скульпторами будущего советского человека. Она педагог - марксист и для неё героем времени является человек рабочий, именно идеального рабочего должны воспитывать школы фабзавуча. Р.Г. Лемберг выступает в статье как против идей свободного воспитания Ж.Ж. Руссо и Л.Н. Толстого, так и против современного ей течения сторонников «всестороннего развития личности». Она ратует за чётко поставленную цель в воспитании, отмечает, что это обеспечит своеобразный путь развития ребенка, индивидуализирует педагогический процесс. Раиса Григорьевна акцентировала в этот период внимание на важности психотехнических обследований детей. Она пишет, что психодиагностика плюс профессиональная школа есть путь индивидуализации воспитания. Р.Г. Лемберг считала, что большевики создали новый тип трудовой школы - «школу действия». Новая советская школа с точки зрения Р.Г. Лемберг, это школа в которой упор делается не на память, а на активность и самостоятельность учащихся, на добывание знаний учащимися. В исследовании «Школа и клуб» Р.Г. Лемберг проектирует учебный план трудовой школы фабзавуча индустриального уклона и пишет о важности внеурочной (клубной) работы в ней³. Во второй половине двадцатых годов Раиса Григорьевна глубоко занимается проблемами методики преподавания в начальной школе и педологией. Результаты её научной деятельности в двадцатые годы отражены в двух работах: «Очерки школьной жизни. Дневник учительницы» (1928 г.) и «Ребёнок в школе. Педагогические этюды»(1930 г.)⁴.

---

² Лемберг Р.Г. Школа рабочего подростка (Основные характерные черты этого типа школы) // Жизнь рабочей школы. 1923 №1. С.7-15

³ Лемберг Р.Г. Школа и клуб // Жизнь рабочей школы. 1924-№6-7. С.42-50

⁴ Григорьев Р. Очерки школьной жизни. Дневник учительницы // Л.: Прибой. 1928.

С 1932 года по 1939 год исследования Р.Г. Лемберг не печатают. Члены ее семьи (муж, брат, дочь) в тридцатые годы были репрессированы. Первым - муж Д. Н. Ангерт, арестован 18 января 1931 года и осуждён по статье 58-7. Затем в 1933 году был арестован и попал в лагерь в Карелию брат Раисы Григорьевны (артист А.Г. Алексеев), а в 1936 году была выслана из Ленинграда дочь Евгения Михайловна (партийный работник). Следом за дочерью оказалась в Казахстане Р.Г. Лемберг. Ряд мемуаристов считают, что Раиса Григорьевна добровольно поехала в Талды-Курганскую степь вместе с дочерью, но на архивном деле Р.Г. Лемберг в РГПИУ им. А.И. Герцена написано «выселена из Ленинграда». После нескольких месяцев жизни в казахских аулах, в 1937 году Раиса Григорьевна стала работать в Институте школ в Алма-Ате, а затем в Казахском педагогическом институте имени Абая. В 1941- 42 годах изданы её первые статьи в Казахстане. В этих работах нашли отражение результаты ленинградских исследований автора 30-ых годов. В брошюре «Работа над общим развитием школьников» Раиса Григорьевна указывает, что надо стремиться к образованию которое базируется на высоком общем, всестороннем развитии, отмечает, что общее и умственное развитие не одно и тоже, подробно останавливается на истории развивающего обучения в мире⁵. В Казахстане Р.Г. Лемберг создала собственную научно-педагогическую школу, там из под её пера вышло более сорока научных работ.

В сороковые-пятидесятые годы разрешились проблемы в семье Р. Г. Лемберг: дочь её Евгения Михайловна была реабилитирована (работала учителем русского языка и литературы и директором школы №39 города Алма-Аты), муж Д. Н. Ангерт после освобождения из заключения поселился в Алма-Ате, преподавал литературу в Казахском университете, в Москве продолжил артистическую деятельность брат. Умерла Р.Г. Лемберг 12 июня 1975 года и была похоронена в Алма-Ате. В своей педагогической деятельности она прошла большой путь от метода проектов до дидактики творческого урока, ориентированного на развитие ребёнка.

---

⁵ Лемберг Р.Г. Работа над общим развитием школьников // Алма-Ата.1941.

ФАКТОРЫ ПРЕИМУЩЕСТВА МОДЕРНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО ТИПА И ИХ ОСМЫСЛЕНИЕ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. Многие государства в ходе модернизации стремились осуществить экономический прорыв с помощью т. н. пространственного размещения промышленности, однако, в отличие от СССР, для осуществления этого им не хватило осознанности действий руководителей государств, осознанности, придающей смелости к чрезвычайно решительным мерам, способным повлечь радикальные изменения. Эту свободу действий буржуазная политическая наука назвала тоталитаризмом. Свойственное буржуазной политической науке стремление рассматривать надстроечные явления как независимые от явлений базиса приводят к игнорированию того, что характеристики политического строя, рассмотренные в отрыве от ответа на вопрос, в чьих интересах политический режим существует, не имеет смысла. Политический строй с сильным аппаратом государственного стимулирования способен работать на более гуманные цели, чем либеральный политический режим, если первый приносит облегчение жизненных условий более широкому кругу людей.

Ключевые слова: советская модернизация, пространственное размещение промышленности, осознанность действий руководителя государства, тоталитаризм, диктатура, буржуазная политическая наука.

Одним из важнейших факторов советской модернизации явилось пространственное размещение промышленности.

К началу первого пятилетнего плана развития хозяйства СССР на 1928-1932 гг. в общественном сознании доминировали следующие научные системы оптимального размещения производства:

– Парадигма, основанная на микроэкономическом подходе, обосновывающая рациональное размещение производства с точки зрения фирмы.

Эта парадигма была ущербной, согласно марксистской методологии (которая, как известно, придерживается холистической, а не атомистической перспективы, т. е. исходит из общества, а не из индивидов), как и любая концепция, не принимающая во внимание, что общество больше, чем сумма его частей, и не сводимо к интересам составляющих его индивидов. Проблема эффективности данной парадигмы и обоснованности ее применения состояла даже не в том, что местоположение предприятия определялось исходя из интересов самого предприятия, а не народного хозяйства в целом, а в том, что это местоположение определялось «точечными» позициями, когда за деревьями не видно леса.

Выбор предприятием его оптимального местоположения определялся минимизацией затрат, которая, в свою очередь, связывалась со следующими факторами: 1) наличие транспортных ресурсов, 2) наличие рабочей силы, 3) наличие агломерационного эффекта. В основе данного конструкта лежали работы классиков немецкой географической школы И. фон Тюнена¹, В. Лаунхардта², А. Вебера³, А. Лёша.⁴

А. Вебер определил влияние агломерационных факторов как эффект экономии от укрупнения производства. Слияние мелкого производства с крупным происходит, если величина экономии от слияния предприятий оказывается больше перерасхода транспортных средств из-за переноса мелкого предприятия.

А. Маршалл обогатил концепцию агломерации категорией кластера. В своей классической работе «Принципы экономической науки» он ввел понятие выгоды, которая извлекается людьми из принадлежности к одной квалифицированной профессии, из близкого соседства друг с другом, т. е. выгоды, извлекаемой из факторов нематериального характера, которые легли в основу концепции кластера⁵.

Перевод фокуса внимания на нематериальные факторы с факторов материально-производственных является признаком маржинализма, когда центральной категорией экономической теории становятся психологические феномены – предпочтения экономических субъектов. С помощью таких категорий легче всего маскировать отношения эксплуатации видимостью эквивалентного обмена, а отношения господства и подчинения – видимостью рационального выбора.

– Противоположная парадигма, основанная на макроэкономическом подходе, исходящая из интересов национального хозяйства, была представлена С.В. Берштейн-Коганом. В начале 1920-х гг. он разработал теорию, согласно которой оптимальным является такое размещение промышленности, когда субъектом специализации выступают страны и отдельные

---

¹ Тюнен И.-Г. Изолированное государство. М.: Экономическая жизнь. 1926.

² Launhardt W. Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre. В. G. Teubner, Leipzig. 1885.

³ Вебер А. Теория размещения промышленности. Л.: М.: Книга. 1926.

⁴ Лёш А. Пространственная организация хозяйства. М.: Наука. 2007.

⁵ Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс. 1993, с. 289; Портер М. Конкуренция. М.: Издательский дом «Вильямс». 2005; Porter M. Clusters and the new economics of competition // Harvard Business Review. November-December 1998. P. 78-90.

регионы. Идею планового централизованного размещения промышленности на основе экономической специфики регионов высказал в 1919 г. В.И. Гриневецкий⁶.

Надо сказать, что в первом пятилетнем плане использовались идеи обеих парадигм. Ещё при разработке ГОЭЛРО была создана теория территориально-производственных комплексов на основе идей Н.Н. Колосовского⁷, которые были ассимилированы в период первого пятилетнего плана с теорией С.В. Бернштейн-Когана Н.Н. Баранским⁸.

Также при разработке плана ГОЭЛРО и первого пятилетнего плана учитывались идеи В.И. Гриневецкого, развитые им в работе «Послевоенные перспективы русской промышленности»⁹. В.И. Гриневецкий был сторонником организации промышленности на капиталистической основе и привлечения иностранного капитала, однако глубокий статистический анализ экономики и связей между экономическими субъектами позволил ему сделать ряд выводов, чрезвычайно актуальных и для восстановления промышленности на социалистической основе, которыми воспользовалось Советское государство. Среди них – вывод о необходимости максимальной концентрации промышленности¹⁰, переброски промышленности на восток¹¹, ограничения ввоза иностранных товаров и привлечения иностранного капитала при избегании кабальных условий¹², преодоления дезурбанизации¹³; первоочередное внимание к развитию металлической и горной отраслей, как наиболее уязвимым местам национальной промышленности¹⁴, стремление обеспечить рост угледобычи за счёт развития Уральского района и Кузнецкого бассейна в Сибири¹⁵. Одной из важнейших была идея В.И. Гриневец-

---

⁶ Проф. В.И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков: Издание Всероссийского Центрального Союза Потребительских обществ. 1919. Далее: Проф. В. И. Гриневецкий.

⁷ Колосовский Н. Н. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена. 2006.

⁸ Баранский Н.Н. План экономико-географической характеристики госплановской области / Экономическая география. М.: Гос. Изд-во. 1928.

⁹ Проф. В.И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков: Издание Всероссийского Центрального Союза Потребительских обществ. 1919.

¹⁰ Там же. С. 153.

¹¹ Там же. С. 48, 148, 186.

¹² Там же. С. 74.

¹³ Там же. С. 148, 170.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Там же. С. 93.

кого о необходимости планирования размещения промышленности политическим центром с необходимостью оттеснения частных интересов на второй план.¹⁶ Гриневецкий приветствовал потребность «дать жизненные формы» стремлению «масс к просвещению и организованности»¹⁷ и признавал необходимость для достижения всех этих задач «сильной государственной власти»¹⁸ и «политической централизации»¹⁹.

При создании теории производственного комплекса была использована идея Вебера, но применительно не к отдельному производству, а к совокупности технологически смежных производств, сконцентрированных вокруг ядра – крупного промышленного предприятия. Другими словами, во главу угла была поставлена идея экономии от масштаба, при этом экономию от масштаба предполагалось максимизировать.

Была использована и идея Маршалла – не в части категории кластера, а в той части его теории, где речь идёт о таком выборе территориального размещения производственного объекта, которое оптимизировало бы связи последнего с другими предприятиями того же региона, местными источниками сырья, топлива и рабочей силы, а также с потребителями продукции.

Такой производственный объект, где данные связи были реализованы, получил название промышленного комбината.

В циркулярном материале о проекте развития экономики на 10-15 лет, изданном Президиумом Госплана СССР в мае 1926 г., развивалась идея создания в СССР промышленных комбинатов как наиболее рациональной структуры использования природных ресурсов с наименьшей себестоимостью выпускаемой продукции.

Естественно, была использована и идея Берштейн-Когана, когда промышленный комбинат начал рассматриваться как субъект специализации, при этом совпадающий в границах с территориальной административной единицей. В первом Пятилетнем плане народно-хозяйственного строительства на 1928-1932 гг. указывалось на необходимость совпадения границ административно-территориальных объединений и экономических районов²⁰. В частности, в Пятилетнем плане отмечалось, что, территория,

¹⁶ Там же. С. 46, 130.

¹⁷ Там же. С. 67.

¹⁸ Там же. С. 119.

¹⁹ Там же. С. 88, 106, 198, 206.

²⁰ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. М.: Плановое хозяйство, 1930. С. 11.

например, Уральской области близка к границам крупного экономического района. При этом впервые вводилась идея рассмотрения ряда областей (в частности, Урала, Донецко-Криворожского района) как «крупнейших территориально-промышленных комбинатов, обеспечивающих плановость и высокую эффективность затрат общественного труда»²¹.

Еще одной важной идеей в концепции пространственного размещения промышленности в СССР стало целенаправленная приоритетная переброска производственных мощностей в восточные регионы СССР. Согласно первому пятилетнему плану, долю основных производственных фондов государственной промышленности, сосредоточенных в старых промышленных районах – Центрально-промышленном районе, УССР и Ленинграде, - предполагалось снизить с 65,3 % до 54,7 %, долю же Уральской области поднять с 4,27 % до 10,36 %, а вместе с Башкирией – с 4,58 % до 10,73 %²². Для достижения поставленной задачи Уральскому экономическому району выделялось 12,6 % всех всесоюзных капиталовложений²³.

Концепция пространственного размещения промышленности в СССР базировалась на фундаментальном научном подходе в области исследования природных ресурсов страны. СССР сумел поставить на службу строительства нового общества дореволюционные достижения изучения стратегического сырья для военно-промышленного комплекса страны и природных ресурсов. Речь идёт о Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), созданной в 1915 г. при Петербургской Академии наук по инициативе В.И. Вернадского, которая стала наиболее крупным научным учреждением Академии наук 1-й трети 20 в. С 1918 г. Советское правительство учитывало разработки КЕПС в своих планах по преобразованию экономики, а с 1930 г. на базе КЕПС в составе АН СССР был создан Совет по изучению производительных сил, до сих пор функционирующий при Министерстве экономического развития России.

КЕПС, деятельность которой существенно расширилась после того, как она встроилась в структуру институтов Советского правительства, была проведена огромная научно-исследовательская работа в области изу-

---

²¹ Там же. С. 16.

²² Там же. С. 68.

²³ Тимошенко А.И. Урало-Кузбасская проблема в дискуссиях и решениях Советского правительства // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Сб. ст. и док. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН. 2010. С. 149-180, 168.

чения почвы, промысловых животных, минеральных вод, белого угля, платины и других благородных металлов, солей, глин, стройматериалов, мелких ископаемых, редких металлов, Севера. В рамках КЕПС были созданы отделы по вопросам статистического обследования России, картографической съёмке России, изучения сельскохозяйственных районов России и положения животноводства. КЕПС разработала концепцию создания сети научно-исследовательских институтов как государственных учреждений, что предопределило плановый, централизованный, научный характер управления производительными силами страны и, соответственно, их модернизацией.

Если мы поставим вопрос, что имел СССР, занявшийся пространственным размещением промышленности, чего не имели другие страны, также пытавшиеся с помощью этого фактора провести модернизацию экономики, мы должны выделить два момента.

1. Возможность максимально реализовать идею экономии от масштаба, максимально интернализировать издержки за счёт создания территориально-промышленных комбинатов.

2. Возможность провести в жизнь принцип экономической специализации регионов. В совокупности с развитием промышленности на востоке это дало возможность выравнивать региональное экономическое развитие и ликвидировать эксплуатацию одними регионами других за счёт перераспределения ренты.

Интернализация издержек явилась одним из преимуществ советской экономической системы. В частности, за счёт этого достигались более низкие цены на продукцию государственного сектора по сравнению с ценами рыночного сектора. Советская система решала проблемы бедности и неравенства методами планирования и прямого распределения, решала успешно, однако преодолевать неэффективность распределительной экономики, проистекающую из её неконкурентности, предполагалось введением в неё рыночных элементов. Поддерживать же эффективность распределительной экономики на уровне, сопоставимом с эффективностью существующих параллельно с ней рыночных элементов, было возможным за счёт интернализации издержек.

Таким образом, экономия от масштаба, достигаемая с помощью создания территориально-производственных комплексов, является очень важным фактором успеха модернизации советского типа.

Выравнивание регионального экономического развития не просто имело ценность само по себе, не только обеспечивало более эффективное функционирование экономики и дееспособность тыла в случае войны с западными странами, оно позволяло перераспределять ренту, а значит, уничтожать эксплуатацию в определенном ее аспекте. Система государственного планирования производства и распределения продукции логически требовала равновыгодности производства в разных условиях. Планирующему центру приходилось обеспечивать равную выгодность производства, например, с помощью дифференциации закупочных цен на продукцию, чтобы цена приближалась к индивидуальным издержкам предприятия. Тем самым рента, получающаяся из лучших условий, связанных с размещением предприятия, ликвидировалась у предприятий, обладающих оптимальными условиями, и перераспределялась в пользу предприятий, не имеющих агломерационных преимуществ. Выравнивание экономического роста регионов служило поддержкой для деятельности Советского правительства в направлении уничтожения эксплуатации.

Наёмный труд и экономическое неравенство существовали на протяжении всего советского периода истории России. Государство, будучи собственником средств производства, перераспределяло прибавочный продукт так же, как это делал бы буржуазный собственник, однако закреплённые конституционно и институционально социально-экономические отношения гарантировали его функционирование в интересах трудящихся, что обеспечивало перераспределение прибавочного продукта в их пользу.

Однако часто в условиях борьбы за восстановление разрушенной войной экономики создаваемой стоимости просто не хватало для перераспределения, её хватало только на то, чтобы погасить и возобновить основной капитал производства. Тяжесть такого положения вещей легла, прежде всего, на крестьянство как промежуточный класс, сочетающий в себе свойства представителей наёмного труда и мелких собственников.

Вот как об этом пишет В.И. Гриневецкий, проделавший огромную работу по статистическому анализу экономики России за первые 18 лет 20-го в.: «...в среднем, для всей промышленности не могло быть и речи о тех колоссальных размерах прибыли, которые рисовались демократии и рабочему классу в борьбе за повышение заработной платы на счет доли капитала. Из всей валовой прибыли более одной трети должно быть удалено на погашение и возобновление основного капитала производства, и лишь оставшая часть является чистой прибылью капиталиста и фондом для повышения заработной платы. Есть все основания предполагать, что этот фонд к началу 1917 года был значительно, не меньше чем втрое, ниже

суммы рабочих плат в промышленности. Поэтому как весеннее, так и осеннее повышение рабочей платы в 1917 году произошло не столько за счёт прибыли капиталистов, сколько за счёт общенародного дохода и в решительный ущерб крестьянству, теряющему более всех классов на обесценении бумажных денег»²⁴. «...экономические уступки промышленников... перекладывались... на плечи крестьянства»²⁵.

И если проблема недостатка прибавочной стоимости была решена с восстановлением экономики, проблема устранения эксплуатации все равно оставалась открытой. Претворение потенциально капитализируемого объекта в общественное достояние всегда представляет собой проблему, поскольку никто ещё не изобрёл механизм такого претворения в условиях существования прибавочного продукта. Однако в более частном вопросе – претворении в общественное достояние дифференциальной земельной ренты, наиболее яркой, очевидной формы незаработанного дохода, Советское государство преуспело, и именно за счёт механизма выравнивания экономического положения регионов.

Реализация идеи предельной интернализации издержек и переброски промышленности на восток требовала огромной осознанности действий руководителей государства. Аналогичные идеи пытались реализовать правительство Столыпина, Комитет Сибирской железной дороги под председательством Николая П (с поправкой на условия того времени и отсутствие масштаба мышления, ставящего цели преобразования мира), однако необходимой для этого осознанности действий, осознанности, придающей смелости к чрезвычайно решительным мерам, способным повлечь радикальные изменения, не хватило даже им в условиях все ещё почти не ограниченного абсолютизма. О необходимости решительных и целесообразных мер, которых не доставало старому режиму, но должно достать революции для подъёма транспорта, от которого зависит пространственное размещение промышленности, писал В.И. Гриневецкий: «Россия, имея все материальные возможности, не имела лишь психологических, духовных предпосылок справиться... с затруднениями»²⁶. Перекраивание административных границ страны, чтобы руководство промышленного комплекса совпадало с региональной администрацией, корректировка сетки административно-территориального деления страны для более полного

---

²⁴ Проф. В.И. Гриневецкий. С. 13.

²⁵ Там же. С. 51.

²⁶ Там же. С. 49.

учёта экономической специфики регионов – все это требовало очень сильного подчинения центру. Редкая страна могла похвастаться столь сильной и эффективной централизацией. СССР – мог, анализ факторов, обеспечивавших эту возможность, должен быть осуществлён в самостоятельной работе, что выходит за пределы проблематики данной статьи.

В качестве примера можно привести создание Урало-Кузнецкого комбината (УКК), который был обозначен в первом Пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР в качестве основы для развития на Урале и в Сибири базовых индустриальных отраслей, связанных с развитием угледобычи, металлургии, машиностроения, химической промышленности. Руководство Уральской области отстаивало свою автономию и рассматривало в качестве необходимого элемента региональной экономики создание производства завершённого цикла. Однако руководство страны сочло, что основным принципом выделения экономического района должен быть признак его специализации во всесоюзном масштабе. Уральский район был лишён возможности создавать местные экономические связи. Вместо создания производства завершённого цикла была создана управленческая вертикаль, диктующая формирование связей Урала и Кузбасса по отраслевому признаку, т. е. управляемый сверху обмен углём и рудой между Уральским и Кузбасским районами.

Данная централизация обеспечила успех советской модернизации, хотя буржуазными политологами она рассматривалась как признак тоталитаризма.

В самом деле, централизация состояла в том, что в ходе выполнения первого пятилетнего плана, давшего старт советской модернизации, государство централизованно распределяло принадлежащие ему средства производства, возможное благодаря национализации частной собственности. Ни одна страна не располагала такими возможностями, поскольку ни одна страна на тот момент не имела опыта перехода национальной промышленности в руки единого собственника – государства. Кроме того, централизация проявилась во внедрении т. н. командно-административных методов управления, логически проистекающих из политической системы, основанной на руководстве ВКП(б), и складывавшейся новой геополитической ситуации, основу которой составляли две складывавшиеся социально-экономические системы.

Однопартийность политической системы также выдаётся буржуазной политической наукой за признак тоталитаризма, в то время как наличие белее одной партии в политическом спектре – за расширение политического участия граждан. Однако двух- или многопартийность, основанные

на системе политических качелей, этого не гарантируют без социально-экономического обеспечения такого участия, в то время как советская однопартийная система такие гарантии давала.

Об успехе модернизации в СССР свидетельствует и реализованная урбанизация (в начале 1960-х гг. численность городского и сельского населения сравнялась), и превращение СССР из аграрной страны в индустриальную, и увеличение темпов роста ВВП и объёмов выпуска продукции, и ликвидация безработицы, и строительство ряда выдающихся транспортных и промышленных сооружений, и индустриализация сельского хозяйства, и возможность в 1932 г. отказаться от ввоза транспортных средств из-за границы, и создание экспортного образца трактора, и увеличение производственных основных фондов тяжёлой промышленности. Если понимать под модернизацией также совершенствование общественно-политических институтов, можно отметить введение с 1930 г. повсеместного обязательного четырёхлетнего (в городах – семилетнего) образования²⁷, при этом, за исключением форс-мажорных предвоенных, военных лет и периода восстановления пострадавшего от войны народного хозяйства 1940-1956 гг., образование было бесплатным; создание отечественной системы высшего инженерно-технического образования.

Этот успех был достигнут именно в период централизованного управления экономикой, следовательно, данная централизация была, минимум, одним из факторов успеха.

Надо заметить, что, когда возникает необходимость перемещения крупных человеческих масс или производственных мощностей, другими словами, сильного изменения экономической специфики и плотности населения региона, многие правительства прибегают к внеэкономическому принуждению.

Например, в КНР такое внеэкономическое принуждение, направленное на решение острой проблемы несбалансированного регионального развития, представлено системой социального кредита, или социального рейтинга, которая представляет собой выборочное снабжение общественными благами для управления миграционными потоками. В официальной идеологии система социального кредита – это предоставление каждому

---

²⁷ Постановление ЦИК СССР № 43, СНК СССР № 308 от 14.08.1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении»//URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15948>. Дата обращения: 27.08.2022.

гражданину, о котором, по логике вещей, в эпоху цифровизации правительству известно все, неких бонусов социального лифта на основании лояльности этого гражданина и его ценности для развития общества. На деле же, с помощью системы социального кредита правительство КНР управляет миграционными потоками. Мигрантам в средние и малые города правительство открывает доступ к определенным социальным благам, мигрантам в крупные города – закрывает.

Осознанность действий, направленных на радикальное преобразование действительности, которой располагало советское руководство, всегда сурово осуждалось буржуазной политической наукой, как и аналогичные явления в других странах. Авторитарные тенденции, если говорить в терминах данной науки, воспринимались как нечто, угрожающее обществу в целом, т. е. предполагалось, что авторитаризм по определению опирается на узкую социальную базу.

Выделим парадигму, согласно которой между шириной социальной базы политического режима и степенью его либеральности существует прямая связь. Это все концепции активистского типа политической культуры и их модификации.

Активистский тип политической культуры в теории Г. Алмонда и С. Вербы, концепция превращения подданных государства в его граждан отечественных мыслителей Б.А. Кистяковского и В.М. Гессена предполагают, с одной стороны, что потребность людей в политическом участии в рамках такой политической культуры реализована, их интересы отражены в публичной политике, т. е. социальная база политического режима широка. С другой стороны, такой тип политической культуры основан на правовой государственности, закреплении либеральных принципов в конституционных нормах. Предполагается тесная прямая связь между широкой социальной базой политического режима и отсутствием признаков авторитаризма в его конституционных нормах.

Противоположная парадигма строится даже не вокруг идеи обратной связи между шириной социальной базы политического режима и степенью его либерализации. Скорее, в основе данной парадигмы лежит предположение, что характеристики политического режима, рассмотренные в отрыве от ответа на вопрос, в чьих интересах политический режим существует, не имеют смысла. Политический режим с сильным аппаратом централизованного государственного стимулирования может работать на более гуманные цели, чем либеральный политический режим, если первые приносит облегчение жизненных условий более широкому кругу людей. К данной парадигме принадлежат теоретические традиции, идущие от работ Т.

Моммзена. Моммзен отождествлял республиканскую конституцию с олигархическим строем и считал, что в интересах широких народных масс требовалось установить монархию. Сюда же можно отнести концепции социальной демократии, противопоставляемой демократии юридической.

Основным преимуществом модернизации советского типа является осознанность действий, которой располагал руководитель государства в СССР, не останавливавшийся перед самыми решительными мерами, направленными на радикальное преобразование действительности на научной основе. Буржуазная политическая наука назвала эту осознанность действий тоталитаризмом. Характеризуя признаки тоталитаризма, буржуазная политическая наука не рассматривала явления экономического базиса, классовой структуры общества, игнорируя разницу между сильной централизованной политической властью с развитым аппаратом государственного стимулирования, осуществляемой в интересах широких народных масс и с целью построения безклассового общества, и теми же самыми надстроечными явлениями, существующими в интересах крупного капитала. Это делается с целью маскировки эксплуататорской сущности буржуазного общества, инструментом такой маскировки выступает рассмотрение надстроечных явлений отдельно от базисных. Вследствие разделения данных явлений борьба за развитие демократических политических институтов может выступать единственным критерием общественного прогресса, а усиление авторитарных тенденций управления государством – критерием регресса, в то время как рассмотрение вопроса, в чьих интересах осуществляется усиление «авторитарных» и «тоталитарных» тенденций остаётся за кадром.

Между тем, понятиям «диктатура» и «демократия» необходимо дать научное определение, прежде чем характеризующиеся ими системы могут быть подвергнуты сравнению. Так, диктатура представляет собой систему государственной власти, сущность которой состоит в обеспечении политического господства экономически управляющему классу. Именно эта сущность всегда остаётся вне поля зрения буржуазной политической науки, рассуждающей о преимуществах демократии, хотя она и признает отличия социальной демократии от демократии юридической.

Авторитарные тенденции управления государством нельзя оправдать их эффективностью, но необходимость их использования в определённых, всегда конкретных исторических ситуациях, во имя достижения гуманистических целей – обязательна. Успех модернизации в СССР как первой попытки в истории человечества построения бесклассового общества может служить одним из доказательств несостоятельности буржуазной политической науки.

ИДЕАЛЫ ПОКОЛЕНИЯ «ДЕДОВ»

Насколько они близки современным студентам?

Аннотация. В статье предложена методика латентного анализа преемственности современным студенчеством идеалов предыдущих поколений через «машину времени». Выбор различных периодов XX – XXI вв. как желательных для собственной самореализации может свидетельствовать о доминировании определенных идеологических установок. Распределение ответов по этой шкале объясняет, почему значительная часть студентов даже на вербальном уровне не идентифицирует себя как патриотов.

Ключевые слова: идеология, связь поколений, патриотизм, студенты.

В основу статьи положены результаты исследования «Культурное наследие и связь поколений», проведенное Российским обществом социологов (РОС) весной 2022 года в странах Содружества Независимых Государств (СНГ) в связи с объявлением 2022 года – Годом народного творчества и культурного наследия. Одна из задач исследования – изучение форм межпоколенных связей в меняющихся социальных контекстах и их влияния на цивилизационную идентичность молодёжи. На вопросы анкеты ответило 12340 человек, из них 9751 студент российских вузов – граждане РФ (целевая группа, включая 301 человека с двойным гражданством), из них в Приволжском федеральном округе (ПФО) 3433 чел. (35,2%). В Южном федеральном округе (ЮФО) – 2329 чел. (23,9%), Центральном федеральном округе (ЦФО) – 1416 чел. (14,5%), Уральском федеральном округе (УрФО) – 1054 чел. (10,8%), Сибирском федеральном округе (СФО) – 453 чел. (4,6%), Дальневосточном федеральном округе (ДФО) – 431 чел. (4,4%), Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) – 379 чел. (3,9%), Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) – 256 чел. (2,6%). Из-за особенностей стихийной выборки пропорции относительно численности студентов в федеральных округах не выдержаны, но в каждом федеральном округе опрошено достаточно студентов для проведения сравнения между округами. Метод сбора первичной информации в данном исследовании – он-лайн анкетирования (с использованием *google-form*). Вся предварительная обработка данных (формирование общего массива эмпирических данных, его редактирование, обработка и пр.), полученных в ходе исследования, выполнены к. соц. н., доцентом УрФУ Д. В. Шкуриным (работчиком программного комплекса Vortex).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. раскол мировоззренческого единства стал причиной парада суверенитетов в самом широком смысле слова, приведя к разрушению Советского Союза. «Разбежавшиеся по национальным квартирам» республики-государства, стали выстраивать свои идеологические схемы для сплочения коренных народов. Не имея притягательного для большинства образа будущего, руководство России, несмотря на многообразие ее этнического состава, решило объединить религиозную и

гражданскую идею, объявив Российскую империю Святой Русью, идеалом соборности, патриотизма, культуры, основанной на православии. Это было политической ошибкой: формула «русский – значит православный», как и следовало ожидать, актуализировала поиски религиозного единства среди народов РФ на основе их коренных религий, усилив раскол еще по одному глубинному основанию. Рассыпающиеся территории с трудом удалось собрать через Федеративные округа. А активизация традиционалистского ислама стала одним из внутренних и внешних рисков для РФ.

Резкий отказ от социалистической идеологии не только государственных структур, но и значительной части населения, имел причиной одновременно запущенную систему структурных факторов, сломавших ту, что обеспечивала базовые потребности человека: в продуктах питания, повседневных товарах, безопасности, здоровье, уверенности в завтрашнем дне... Отмена государственной монополии на внешнюю торговлю, одновременное закрытие на реконструкцию заводов, производивших одну и ту же продукцию, «вымыла» с полок магазинов товары, закрытие предприятий и многомесечные задержки зарплаты, широкая пропаганда потребительских западных ценностей, «гостевой этикет», встречавший увеличившееся число туристов из СССР, который принимался за повседневность уютной и комфортной жизни для всех, живущих там и т.д. Эти процессы многократно анализировались, но есть, на наш взгляд, не менее важная причина - культурологический шок от разрушения образа политических деятелей и героев СССР. Советская идеология строилась на постулате, что правительство состоит из лучших, людей, многократно проверенных на преданность стране и ее народам. В виде исключений были выбрано несколько фигур советской истории, которые «назначались ответственными» за недостатки социализма. Поэтому информация противоположного характера, разрушая сакральность «лучших», лишала стержня всю пропагандистскую систему, на котором воспитывались с детства поколения: «делать жизнь с кого?» Эта проблема соотношения «белого» и «черного», сконструированного и реального, идеального и земного в информации, как о прошлом, так и настоящем, особенно остра и в современной России в условиях необходимости/неизбежности выбора образа будущего: если такого нет для страны в целом, то каждый формирует его для себя. Стала очевидной в восьмидесятых и ситуативность девиза «Никто не забыт и ничто не забыто»: во времена Горбачёва живы были многочисленные участники Великой Отечественной войны, но СМИ транслировало сленг: «Лучше бы нас немцы завоевали, мы бы пиво баночное пили». Сакральное государство опустило на уровень профанного.

Встал вопрос о выстраивании образа будущего. Одним из вариантов во времена Б. Ельцина было предложено «Возрождение России», под которым мифологизировалась Россия в целом и императорская семья в частности. Популярность песни о поручике Голицыне и корнете Оболенском

исполнялась самыми известными певцами того времени¹. Посыл в прошлое – монархизм, православие – не сработал так, как ожидалось его авторами в конце 1980-х -1990-х гг., когда одна за другой создавались монархические партии, привозились в Россию «наследники престола». Но до сих пор воспроизводится на самых разных уровнях, что отражается в ответах студентов (табл. 1).

Таблица 1

Историческое время, в которое хотели бы жить студенты, РОС 2022, % от ответивших Федерального округа учебного заведения*

Период	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
В дореволюционной Российской империи.	13,0	16,1	13,8	22,1	8,7	12,5	15,0	9,5
Во время Октябрьской революции 1917 г.: создавалась новая страна.	2,8	3,4	3,5	3,1	2,8	5,2	3,0	2,3
Во время первых пятилеток – трудное время энтузиазма, строительства нового общества.	2,3	2,1	2,4	2,2	0,8	1,7	2,2	1,9
В годы Великой Отечественной войны, чтобы защищать страну как наши предки.	4,9	6,2	3,2	4,4	7,0	7,3	6,1	4,2
Во времена «хрущевской оттепели».	1,3	1,5	1,5	3,1	1,1	1,7	0,8	1,1
Во времена Брежнева: страна восстановлена, есть уверенность в завтрашнем дне.	7,1	6,6	6,9	7,1	4,2	5,4	7,5	3,8
Во времена Горбачева: появление кооперативов, есть возможность стать самостоятельным человеком.	2,5	2,6	3,0	1,8	2,5	1,7	4,2	1,5
Во времена Ельцина, когда моя страна вышла из СССР и получила возможность суверенного развития.	2,4	2,3	4,1	4,9	3,1	3,7	2,8	1,1
Сейчас и только сейчас.	37,8	37,2	35,9	30,5	40,3	35,7	35,2	51,0
Лет через 20–30, когда вырастет новое поколение.	23,1	19,9	22,3	19,0	25,8	22,2	20,5	20,5
Другое	2,9	2,0	3,5	1,8	3,6	2,9	2,8	3,0
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Пропуски: 17,6%

** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,052, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

*** Жирным шрифтом выделены наибольшие показатели среди Федеральных округов, курсивом – наименьшие, здесь и далее.

¹ Поручик Голицын — Википедия/ [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Поручик_Голицын/](https://ru.wikipedia.org/wiki/Поручик_Голицын/)

Вопрос, предложенный студентам, был достаточно жёстким по формулировке, но ясно, что, выбирая эпоху, студенты сознательно иерархизировали свои представления об эпохах, выбирая их, а не время реальной жизни. Современная молодёжь – это поколение визуалистов, воспитанных на клиповом мышлении, что и сказалось на предпочтении: выбор основывался на картинках/клипах об эпохе, а не знаниях о ней.

Доля желающих вернуться в дореволюционную Россию на третьем месте – после выбравших позицию «сейчас и только сейчас» и «лет через двадцать – тридцать, когда вырастет новое поколение», по всем федеральным округам. Разумеется, никто не хочет быть неграмотным, какими были более 70% русских, никто не видит себя ломающим шапку, стоящим в грязи на коленях, уступая дорогу пролётке барина или урядника, подавляющее большинство не знает о традициях снохачества... Но все это было русской деревни начала XX века, в которой проживало около 80% населения. «Картинка», созданная политиками, СМИ, кинематографом и музеями, которые вынуждены выполнять роль не научных, а коммерческих учреждений, гораздо привлекательнее: рантье летом «на водах», зимой – сезон в Париже. «Подправить» её с помощью семейной коммуникативной памяти уже нельзя: около 2/3 студентов не знают, кем были их предки до революции 1917 г. (табл. 2).

Таблица 2

Информированность студентов о социальном статусе своих предков до 1917 года, РОС 2022, % от ответивших Федерального округа учебного заведения*

Знаете ли вы, кем были ваши предки перед революцией 1917 г.?	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Нет, не знаю.	65,2	62,9	61,0	58,6	66,1	66,7	62,3	67,5
Да, знаю.	34,8	37,1	39,0	41,4	33,9	33,3	37,7	32,5
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Пропуски: 1 из 9751 (0,0%)

** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,044, Вероятность ошибки (значимость): 0,008

На проверочный вопрос: «Представителями какой социальной группы были ваши предки до революции 1917 г.?» не смогли ответить 68,7%. В среднем по Федеральным округам дали по 219,6 ответов; но учитывая, что к 2020-м годам сменилось как минимум 5 поколений, в браках которых сословные границы размыты, ответов должно быть значительно больше.

Время для создания ложного образа императорской России было выбрано идеальное: ушли из жизни поколение, которые росли в то время, письменных семейных архивов крестьяне не вели, а литература «золотого

века» исключена из школьных программ. Так что не пепел личных предков «стучит в сердца» молодёжи.

Естественно, что время переломных эпох (революция, первые пятилетки) может привлекать только наиболее активную, идеологически «заострённую» на самореализацию через собственное понимание справедливости, цели жизни и даже жертвенности часть молодёжи. Круг революционеров в любой популяции не значителен («узок»), доля выбравших эпоху революции, строительства нового общества косвенно свидетельствует о том, что идеалы тех времён не просто чужды для большинства, но и о социальной пассивности современной молодёжи. Аналогичный вывод мы получили, используя другую методику измерения социальной активности студентов: через соотнесение своего поколения и себя лично с «сеятелями свободы» в одноимённом стихотворении А.С. Пушкина. «Круг тех, кто назвал какого-нибудь социального актора «сеятелем свободы» менее 10 %, их круг узок и анонимен — преподаватели, борцы за трезвую/некурящую Россию, верные друзья, умеющие ценить ближних... Нет фигур, которые были бы «маяком», формирующим жизненные цели и стратегии их достижения для больших социальных групп, авторитетных лидеров, провозглашающих одобряемые цели и ориентирующих на деятельность по изменению социальной реальности в сторону справедливости. Государственная идеология (которой согласно Конституции, якобы, нет) через ТВ, социальные сети, фильмы, передачи типа «Дом два» задаёт другие образцы подражания, формируя новую этику поведения, ориентированную на индивидуализм и эгоизм. Со школы из известной каждому студенту пирамиды А. Маслоу они усвоили, что жизнь возможна тогда, когда удовлетворены базовые потребности, причём, хорошо удовлетворены»².

Времена Горбачёва–Ельцина часто «сливаются» в исторической памяти, характеризуясь общим понятием «перестройка»³ В последнее время обществоведами не раз фиксировалась ностальгия по советскому времени в самых разных возрастных группах, что проявилось в коммерциализации,

---

² Широкалова Г. С. Сеятели свободы в современной России. К проблеме самоидентификации студентов // SocioTime / Социальное время. 2020. № 4 (24). С. 112 – 119. С. 116.

³ Широкалова Г.С. «Лихие девяностые»: семейные воспоминания // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства. Материалы XIV международного симпозиума. Под ред. А.В. Дахина. 2018. С. 205 - 206.

музеефикации и др. формах⁴. Но это тоже «виртуальная ностальгия»: чаще положительно характеризуется эпоха Л.И. Брежнева, но желающих жить в то время среди студентов около 7%, а в Уральском, Дальневосточном, Северокавказском федеральных округах и того меньше. Исторически важнейшая эпоха оболгана в анекдотах, смакованиях личной жизни семьи. Достоверную информацию об эпохе можно получить из академического труда «**Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи: В 3 т.**⁵, но даже среди обществоведов он практически не известен, а следовательно, не популяризован.

Соотношение доли выбравших время сражений за суверенитет СССР в 1941 -1945 г.г. и то, что каждый пятый–четвёртый предпочёл бы родиться через четверть века, показывает «виртуальность» провозглашаемого в последние годы в День Победы слогана «если надо – повторим...».

Историческая память важна как фактор формирования патриотизма, но является ли она главным? В годы Великой Отечественной войны молодёжь сражалась за тот социальный старт, который всего за 14 лет был дан новым поколениям советской властью. В 2022 г. после начала Россией Спецоперации на Украине США увеличили квоты приёма учёных и IT-специалистов. А в России? Выступая в Комитете по науке и образованию Государственной Думы, Президент Российской академии наук А.М. Сергеев получил замечание от 26-летнего зампреда комитета К. Горячевой (никогда не работала в научных учреждениях, после окончания вуза была младшим менеджером в Благотворительном фонде А. Нечаева «Капитаны», фракция «Новые люди») за «длинный доклад» и совет заняться Академией

---

⁴ Абрамов Р. Н. Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования // **Общественные науки и современность** («ОНС»). 2019. № 5. С. 108 - 120.

⁵ Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи: В 3 т. Т. 1: Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1982 гг. Т. 2: Записи секретарей приемной Л.И. Брежнева. 1965–1982 гг.; Т. 3: Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1944–1964 гг. / Федеральное архивное агентство, Архив Президента Российской Федерации, Российский государственный архив новейшей истории, Российское историческое общество, Германский исторический институт в Москве; отв. ред. С.В. Кудряшов; сост.: А.С. Степанов, А.В. Коротков, при участии С.А. Мельчина, М.Ю. Прозуменщикова, З.К. Водопьяновой, Т.В. Домрачевой, Ю.Н. Муравьева. М.: Историческая литература. 2016. Т. 1. 1264 с.; Т. 2. 1232 с.; Т. 3. 1072 с.

наук реальным делом, как герои американского сериала «Новый Амстердам»...⁶. Это не реклама квалификации депутатов, а показатель ущербности избирательной системы, которая готовит стране новые риски через получивших образование на основе ЕГЭ и Болонской системы новых людей...

Примерно каждый шестой затруднился выбрать эпоху. Это один из показателей отказа от идентификации себя с судьбой страны. «Культура отмены» родственных, в широком смысле слова, связей с государством достаточно распространена в современной России. Вспомним популярные слова из стихотворения Е. Евтушенко, ставшие песней: «Я так люблю свою страну, но ненавижу государство». Отказ от «совместного будущего» проявляется в том, что доля желающих уехать из России достаточно велика (табл. 3).

Таблица 3

**Миграционные планы студентов после окончания обучения, РОС 2022,
% от ответивших Федерального округа учебного заведения***

После получения образования вы планируете жить и работать в стране, гражданином которой вы являетесь, или постараетесь уехать за рубеж?	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Останусь в своей стране.	40,3	48,7	42,4	38,3	35,0	54,0	43,0	41,4
Все зависит от того, где смогу получить хорошую работу.	34,8	32,4	33,8	30,5	37,6	27,4	33,6	27,4
Пока не знаю.	17,6	13,5	16,1	20,7	19,0	13,2	18,5	24,8
За рубежом.	7,3	5,4	7,7	10,5	8,4	5,4	4,9	6,3
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Пропуски: 2 из 9751 (0,0%)

** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,070, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Студенты и материально, и мировоззренчески ещё зависимы от родителей, хотя не для всех из них это очевидно. Поэтому логичен вопрос об отношении к их миграционным планам родителей (табл. 4).

Таблица 4

⁶ Веденева Н. «Посмотрите, что Байден делает!»: президент РАН раскрыл депутатам страшную правду // <https://www.mk.ru/science/2022/05/23/posmotrite-cto-bayden-delaet-prezident-ran-raskryl-deputatam-strashnuyu-pravdu.html>

**Советы родных по поводу миграции, РОС 2022,
% от ответивших Федерального округа учебного заведения***

А что советуют вам родители (родственники)?	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Хотят, чтобы я уехал в другую страну, и сами переедут ко мне на постоянное место жительства	1,6	1,8	1,7	1,7	1,8	1,4	1,3	1,0
Хотят, чтобы я уехал на постоянное место жительства, так как не видят перспектив в нашей стране	3,1	2,3	5,1	6,1	3,6	2,8	2,9	3,9
Поддерживают мое желание уехать в другую страну для заработка	3,6	2,9	4,1	4,8	3,6	3,4	2,9	2,9
Считают, что это должен быть мой выбор	49,4	47,8	45,9	52,2	59,3	43,6	57,4	28,8
Предпочли бы, чтобы я жил и работал в родной стране	42,4	45,4	43,2	35,2	31,7	48,7	35,5	63,4
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Пропуски: 1290 из 9751 (13,2%)

** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,064, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Наиболее сдержанны миграционные настроения в СКФО, где значимы семейные связи, (63,4% отметили, что родители предпочитают, чтобы их дети остались в РФ), в УрФО, где возрождается промышленность, связанная с ВПК (48,7%), в ЮФО, где сравнительно высок уровень жизни из-за климатических условий (45,4%) И наоборот, сторонников стратегии «где родился, там и пригодился» меньше в округах, соседствующих с быстро развивающимися или стабильными странами. Напомним слоган уже сошедших с исторической арены избирательного блока СПС (объединившего около 30 организаций, в том числе возглавлявшихся А. Чубайсом, Б. Немцовым, С. Кириенко, И. Хакамадой и др.), затем общественного объединения СПС, позже политической партии «Союз правых сил» (1999 – 2007 гг.): «*Хотите жить как в Европе - голосуйте за СПС*». Партии нет, но ее единомышленники формируют повестку дня и в современной России. Значит дело не только в персоналиях, но и в объективных факторах. Согласимся с выводом председателя Совета директоров медиахолдинга "Эксперт" Т. Гуровой, что «революция 90-х, если и

имела идеологию, то только от противного и по западному подобию»⁷. Эта установка в общественном мнении распространена до сих пор.

Миграционные настроения непосредственно/опосредованно определяют самоидентификацию респондентов по шкале «патриотизм» (табл. 5).

Таблица 5

**Самоидентификация студентов по показателю патриотизма, РОС 2022,
% от ответивших Федерального округа учебного заведения***

Вы можете назвать себя патриотом?	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Нет	4,8	4,4	5,4	5,9	3,7	4,7	6,4	2,6
Скорее нет, чем да	10,0	6,7	11,4	11,7	10,0	7,9	7,7	5,0
Затрудняюсь ответить	10,2	8,8	8,8	14,1	10,2	7,7	12,1	12,7
Скорее да, чем нет	41,4	39,8	41,9	35,2	46,2	36,0	37,1	37,5
Да	33,6	40,3	32,6	33,2	29,9	43,7	36,6	42,2
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Среднее	0,4448	0,5243	0,4241	0,3906	0,4432	0,5304	0,4492	0,5580
Стандартное отклонение	0,5613	0,5368	0,5770	0,5972	0,5302	0,5598	0,5843	0,4939

* Пропуски: 0 из 9751 (0,0%)

** Коэффициент Эта (зависимая кол. в строках)[0..1]: 0,083, Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

У нас есть возможность сравнить ответы на вопросы о патриотизме студентов в 2020 г. и в 2022 году. Исследование 2020 года проводилось РОС к 75-летию Победы; в нем участвовало 10065 студентов вузов только на территории всех Федеральных округов Российской Федерации, поэтому есть статистические обоснования для сравнения⁸. – см. таблицу 6

⁷ Гурова Т. Нужна ли современной России идеология? // <https://rg.ru/2020/02/27/nuzhna-li-sovremennoj-rossii-ideologija.html>. 27.02. 2020.

⁸ Спасибо прадеду за Победу... Аверьянова Д.В., Алдошенко Е.В., Антонов Ю.Е., Асадуллина Г.Р., Ахметова С.А., Белова Т.П., Бердник Л.П., Валиахметов Р.М., Вишневский Ю.Р., Винокурова А.В., Воробьев Е.П., Грошев И.Л., Грошева И.А., Грошева Л.И., Дулина Н.В., Зырянов С.Г., Икин-грин Е.Н., Ишкинеева Ф.Ф., Костина Е.Ю., Куконков П.И. и др. Материалы IV этапа мониторинга "Российское студенчество о Великой Отечественной войне" (2005-2010-2015-2020 гг.). Екатеринбург, 2020.

Самоидентификация студентов по показателю патриотизма, РОС 2020,

Вы можете назвать себя патриотом?	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СКФО
Нет	8,2	8,2	8,9	15,7	10,2	9,5	4,6
Скорее нет, чем да	16,6	17,8	17,3	18,4	16,0	16,6	12,3
Затрудняюсь ответить	10,7	9,3	9,8	18,4	8,1	8,7	13,8
Скорее да, чем нет	46,9	46,6	49,1	36,0	50,9	45,9	40,0
Да	17,5	18,2	14,9	11,5	14,7	19,3	29,2
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Среднее	0,2441	0,2436	0,2185	0,0460	0,2196	0,2440	0,3846
Стандартное отклонение	0,5972	0,6046	0,5968	0,6384	0,6077	0,6207	0,5712

* Коэффициент Эта (зависимая кол. в строках) [0..1]: 0,057, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Напомним, что исследование проводилось в марте – мае 2022 года, когда были знаковые успехи в Военной спецоперации РФ в Украине: в конце февраля войсками РФ взят Мелитополь, в начале марта выведена из строя Киевская телебашня, взят Херсон, ракетными обстрелами уничтожались военные объекты на Юго-Западе Украины. Ожидалось скорое завершение операции на условиях России. Эти события могли увеличить долю назвавших себя патриотами: в этих условиях естественна самоидентификация с победителями, но как видим, изменения не столь значительны, как объявлялось в СМИ. Вербальный патриотизм не означает отказа от поиска лучших мест жительства/способов для самореализации.

Подводя итог анализу одного из аспектов изучения преемственности идеологических убеждений современных студентов, мы можем сделать вывод, что качественное изменение условий бытия, сформировало потребность в новом укладе жизни, в котором самореализация в работе обеспечивает удовлетворение не только базовых, но и высших потребностей.

Если этот массовый запрос со стороны специалистов с высшим образованием не будет удовлетворён, Россия останется страной, сидящей на «сырьевом допинге», которого по расчётам, хватит на несколько десятков лет. Понимание неизбежности такого финала без смены приоритетов политики на высокотехнологическое производство усилит ориентацию новых поколений на жизнь «сейчас и только сейчас», увеличит миграцию в технологически развитые страны, разрушит межпоколенные связи. Сегодня материнский капитал повышает рождаемость, но рождаются будущие россияне или мигранты?

СПИСОК АВТОРОВ

Абрамчук Вероника Михайловна – Институт социально-политических исследований (Кишинёв); E-mail: deputat2009-2015@mail.ru

Алонци Роберта – д-р философии (PhD) по истории международных отношений, проф. Российский Университет Дружбы Народов (РУДН) (Сиена – Москва); E-mail: alonziroberta@gmail.com

Апанасенко Татьяна Евгеньевна – канд. полит. наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург); E-mail: apanassenko2008@mail.ru

Арсланов Виктор Григорьевич – канд. филос. наук, д-р искусствоведения, проф., вед. науч. сотр. НИИ РАХ; E-mail: varslanov@yandex.ru

Буров Владилен Георгиевич – д-р филос. наук, проф., гл. науч. сотр. Института философии РАН (Москва); E-mail: burvorg2@yandex.ru

Войтиков Сергей Сергеевич – канд. ист. наук, член Общества изучения истории отечественных спецслужб (Москва); E-mail: svoyt@mail.ru

Гафуров Саид Закирович – канд. экон. наук, доц. Каф. Зарубежного регионоведения Московского государственного лингвистического университета (Москва); E-mail: gafourov@gmail.com

Quintern C.D. – Dr., Assist. Prof. Turkish German University (Istanbul); E-mail: detlev.quintern@tau.edu.tr

Ефремов Олег Анатольевич – канд. филос. наук, доц., Почетн. работник высшего профессионального образования РФ, доц. Каф. социальной философии и философии истории Филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); E-mail: olaefr@yandex.ru

Калашников Владимир Валерьянович – д-р ист. наук, проф. Каф. истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург); E-mail: vvk2@mail.ru

Конашев Михаил Борисович – д-р филос. наук, гл. науч. сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург); E-mail: mbkonashev@mail.ru

Кнорринг Вера Вадимовна – канд. ист. наук, Зав. библиотекой СПбКНПцСВМП(о) (Санкт-Петербург); E-mail: supknorr@yandex.ru

Костюк Руслан Васильевич – д-р ист. наук, проф. Каф. международных гуманитарных связей Фак-та междунар. отношений Санкт-Петербургского гос. ун-та (Санкт-Петербург); E-mail: rouslan_k@mail.ru

Крылов Валентин Михайлович – Институт социально-политических исследований (Кишинёв); E-mail: verval@mail.ru

Лагурев Алексей Сергеевич – канд. филос. наук, доц. Санкт-Петербургского гуманитарного ун-та профсоюзов (Санкт-Петербург); E-mail: allag26@mail.ru

Лапина Ирина Александровна – канд. ист. наук, доц.; E-mail: lapina_ir@inbox.ru

Ли Янь – проф. Школы международных отношений Университета Китайской академии социальных наук, гл. науч. сотр. Института мировой экономики и политики Китайской академии социальных наук (Пекин); E-mail: liyan9339@163.com

Любин Валерий Петрович – д-р ист. наук, вед. науч. сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН (Москва); E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

Магадеев Искандэр Эдуардович – канд. ист. наук, доц. ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Москва); E-mail: iskander2017@yandex.ru

Назаров Зинур Исламович – канд. филос. наук, доц. Каф. экономики и управления Экономического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (Стерлитамак); E-mail: zinur93@mail.ru

Осин Роман Сергеевич – канд. филос. наук, доц. Кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин Университета «Синергия»; E-mail: roman.2014.os@gmail.com

Пилипенко Игорь Валерьевич – канд. географ. наук, директор Института конкурентоспособности и интеграции (НИИКИ) (Москва); E-mail: i-pilipenko@yandex.ru

Попович Василий Андреевич – канд. ист. наук, проф. член Президиума ЦС РУСО, писатель, журналист (Москва); E-mail: rog6243@yandex.ru

Родин Денис Валерьевич – канд. ист. наук, Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, научн. сотр. (Москва); E-mail: enigma9307@mail.ru

Розанова Людмила Ивановна – канд. экон. наук, доц., с.н.с. Института экономики Карельского научного центра РАН. Россия (Петрозаводск); E-mail: lirozanova@mail.ru

Романенчук Кира Викторовна – канд. пед. наук, доц. Кафедры истории педагогики и образования РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); E-mail: kira1962@yandex.ru

Скороход Наталья Николаевна – канд. экон. наук, доц. Зав. Кафедрой экономики Луганского государственного педагогического университета ГОУ ВО «ЛГПУ» (Луганск); E-mail: nskorohod67@mail.ru

Станков Николай Николаевич – д-р ист. наук, проф., вед. науч. сотр. Института славяноведения РАН, (Москва); E-mail: stankov11@yandex.ru

Филимонова Татьяна Ивановна – канд. ист. наук, Зав. Домом Плеханова РНБ (Санкт-Петербург); E-mail: domplekh@nlr.ru

Фокин Владимир Иванович – д-р ист. наук, проф., зав. Каф. международных гуманитарных связей Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); E-mail: fokin.vladimir@mail.ru

Цветкова Галина Александровна – д-р соц. наук, проф. Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) (Москва); E-mail: Qaltsvet@yandex.ru

Чернобаев Анатолий Александрович – д-р ист. наук, проф., вед. науч. сотр. ИРИ РАН, главн. научн. сотр. Архива РАН (Москва); E-mail: aa-istorik@yandex.ru

Шевченко Владимир Николаевич – д-р филос. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, главн. науч. сотр. Института философии РАН; E-mail: vladshevchenko@mail.ru

Широкалова Галина Сергеевна – д-р соц. наук, проф. каф. «Истории, философии и социологии» Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии; ст. науч. сотр. Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; вед. науч. сотр. Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород); E-mail: shirokalova@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т.И. Филимонова</i> XV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ	4
<i>В.Н. Шевченко (Москва)</i> СССР как "осаждённая крепость". Особенности развития страны в 20-30-е гг. XX века	13
<i>В.И. Фокин (Санкт-Петербург)</i> Культурная дипломатия СССР в 20-30-е годы XX века	23
<i>Ли Янь (Пекин), В.Г. Буров (Москва)</i> Анализ изменений во внутренней и внешней политике Советского Союза в первой половине 1930-х гг.	36
<i>А.А. Чернобаев (Москва)</i> Учёные в эпоху глобальных перемен: <i>Д.М. Петрушевский и М.Н. Покровский</i> в 1917–1930-е гг.	51
<i>А.С. Лагунов (Санкт-Петербург)</i> Отрицание отрицания: <i>Мих. Лифшиц</i> и культурный поворот тридцатых годов	66
<i>В.М. Абрамчук, В.М. Крылов (Кишинев)</i> Образование Молдавской ССР как важный шаг строительства Советского государства в контексте геополитических условий 1927–1941 годов	73
<i>Д.В. Родин (Москва)</i> Политика «нейтрализации» периметра советских границ как антитеза «Политике Локарно» во второй половине 1920-х гг.	81
<i>Л.И. Розанова (Петрозаводск)</i> Тенденции трансформации геополитики в предшествующий II мировой войне период: от сотрудничества к военному противостоянию	89
<i>В.А. Попович (Москва)</i> Состояние и укрепление Вооружённых сил СССР. Военно-техническое и кадровое обеспечение РККА и РККФ в 1929–1941 гг.	96
<i>Т.И. Филимонова (Санкт-Петербург)</i> Почему большевики настаивали на необходимости изучать, именно изучать всё написанное Г.В. Плехановым по философии?	103
<i>В.В. Калашиников (Санкт-Петербург)</i> Первая пятилетка: задачи, проблемы, итоги (тезисы)	107
<i>О.А. Ефремов (Москва)</i> Советский Союз 20–30-х гг. в контексте отечественной модернизации	114

<i>Н.Н. Скороход (Луганск)</i> Особенности многоукладности смешанной экономики и развитие социалистического уклада в 30-е годы XX века в Советском Союзе	123
<i>И.В. Пилипенко (Москва)</i> Дискуссия о товарном рубле и специфика денежно-кредитной системы СССР в 1920-1930-х гг. как основы индустриализации страны	130
<i>З.И. Назаров (Стерлитамак)</i> Некоторые вопросы индустриализации и коллективизации в речах и статьях и.в. сталина	138
<i>Г.А. Цветкова (Москва)</i> О формах и методах вовлечения народных масс в управление в условиях социалистической трансформации Советского государства	148
<i>С.С. Войтиков (Москва)</i> «Дело М.М. Лашевича» – пролог внутривнутриполитических событий тридцатых годов	155
<i>Н.Н. Станков (Москва)</i> Советско-югославские переговоры в Праге об установлении дипломатических отношений (1926-1928 гг.)	165
<i>Р. Алонци (Москва)</i> Италия и СССР в 1939-1941 г.: провал попытки заключения договора	175
<i>В.П. Любин (Москва)</i> Роль Италии в мюнхенском сговоре 1938 г. в отражении советской дипломатии	183
<i>И.Э. Магадеев (Москва)</i> Военный и экономический потенциал СССР в 1929–1931 г.г. Взгляд французских дипломатов и военных	192
<i>Р.В. Костюк (Санкт-Петербург)</i> СССР и малые страны Европы во второй половине 1930-х годов: примеры противоречивых отношений	199
<i>Р.С. Осин (Москва)</i> Определение фашизма Г. Димитровым и тактика народных фронтов: история и современность	206
<i>С.З. Гафуров (Москва)</i> Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом как крупный успех советской дипломатии	218
<i>В.Г. Арсланов (Москва)</i> М. Лифшиц, И. Сац И А. Платонов о советской культуре и теории искусства 1920-1930-х г.г.	229

<i>Detlev Quintern (Istanbul)</i> Eurasian socialism in the works of Heinrich Vogeler	237
<i>В.В. Кнорринг (Санкт-Петербург)</i> Агитационно-пропагандистское творчество еврейско-американских художников предвоенного периода как фактор солидарности с Советским Союзом.....	244
<i>М.Б. Конашев (Санкт-Петербург)</i> Советская евгеника в политическом контексте эпохи	250
<i>И.А. Лапина (Санкт-Петербург)</i> Организация высшего педагогического образования для нацменьшинств РСФСР. 1920–1930-е гг.	262
<i>К.В. Романенчук (Санкт-Петербург)</i> Роль Р.Г. Лемберг в развитии советской системы образования в 1920 -1930 г.г.....	271
<i>Т.Е. Апанасенко (Санкт-Петербург)</i> Факторы преимущества модернизации советского типа и их осмысление как доказательство несостоятельности буржуазной политической науки	275
<i>Г.С. Широкалова (Нижний Новгород)</i> Идеалы поколения «дедов». Насколько они близки современным студентам?	287
СПИСОК АВТОРОВ	297

Издательство «НИЦ АРТ»
198097, Санкт-Петербург, ул. М. Говорова, д. 29А
Тел. (812) 715-05-21
E-mail: izdat@nic-art.ru
<http://www.artnw.ru>

Подписано в печать 12.09.2022г. Формат 60x84/16
Ус.печ.л. 18,56. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Отпечатано в типографии ООО «Турусел».
197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова д.38.
toroussel@gmail.com, тел. +7 921-352-45-50.
Зак. №14644. Тир. 80 экз.

NEUVOSTOVALTA
VARAUTTAA

KAIKKI KANSAT
IMPERIALISMIN
KANLEISTA

КАИККИЕН МАИЕН ТУОИSET
JA SORREIUT KANSAT VHT IKAISEN

НАМ НУЖНО УВЕЛИЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕЖДЕ
ВСЕГО И ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО

ГЛУШИЦ